

МИНУВШЕЕ

МИНУВШЕЕ

Copyright by Atheneum, 1986

All rights reserved.

Publisher : Atheneum, 10 bis rue Duhesme, 75018 Paris.
Printed in France

ISBN 2-9061141-00-3

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

1

Москва · „ПРОГРЕСС” · „ФЕНИКС” · 1990

ББК 63.3(2)
М 62

М 62 **Минувшее: Исторический альманах.1.** — М. : Прогресс :
Феникс, 1990.— 384 с.

Настоящее издание является репринтным воспроизведением исторического альманаха "*Минувшее*", выпускаемого парижским издательством "Atheneum". Цель его — введение в научный и общественный оборот неизвестных ранее материалов по русской истории, особенно истории XX века. Читателю предлагаются многочисленные свидетельства очевидцев, дневники, мемуары, записки, эпистолярное наследие деятелей отечественной культуры и общественной жизни из советских и зарубежных архивов, частных собраний, семейных коллекций. Подавляющее большинство материалов подробно прокомментировано, что позволяет дать читателю большой объем дополнительной информации, зачастую рассеянной по труднодоступным источникам, ввести документы в контекст времени. Статьи и исследования на основании богатого архивного материала трактуют неизвестные или малоизученные эпизоды русской истории нашего столетия.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся отечественным прошлым.

М $\frac{4702010206 - 413}{006(01) - 90}$ — 90 без объявл.

ББК 63.3(2)

ISBN 5-01-0035 30-8 (Прогресс)
ISBN 5-01-0035 29-4

ISBN 5-85042-002-9 (Феникс)
ISBN 5-85042-001-0

Любое серийное издание начинается с обращения к читателю, с объяснений «почему?» и «зачем?».

Альманах *Минувшее* определяет себя как исторический. Он появляется в то время, когда интерес к отечественному прошлому стал повсеместным, а поиски исторической правды ощущаются не только делом профессионалов, но задачей всего общества.

Едва ли не самый плодотворный путь в этих поисках — обращение к источникам: свидетельствам очевидцев, документам эпохи, дневникам, мемуарам, письмам — всему тому, что несет непосредственный отпечаток времени, оживляет его атмосферу, возвращает из небытия исчезнувшие имена, события, факты. Конечно, доступу к таким материалам мешает закрытость большинства советских архивов. Однако трудность эта преодолима: упрятать всю отечественную историю в спецхран, к счастью, нельзя. Есть доступные хранилища и в Советском Союзе, есть богатейшие западные архивы, есть наконец — по обе стороны границы — бесчисленные личные собрания, по которым рассеяны крупницы нашего прошлого. Собираание этих материалов, обработку и регулярную публикацию их, введение в научный и общественный оборот, — мы полагаем начальным условием для воссоздания истории, для ее осмысления и расчистки от любых мифологических наслоений.

Современная русскоязычная литература зарубежья в этом отношении небогата. Политических, литературных, публицистических журналов в ней множество, и нет, пожалуй, ни одного, который не отводил бы своих страниц прошлому. Но собственно исторической периодики по существу нет. Отчасти пробел этот восполняли сборники «Память», выходявшие в Самиздате и публиковавшиеся на Западе в 1976-82 гг. Они начали систематизацию и обработку этого необъятного материала. Пожалуй, единственной уязвимой стороной «Памяти» была нерегулярность ее выхода и вынужденная географическая и временная локализованность, —

что вполне объяснимо условиями, в которых создавались сборники. Уникальность этого издания стала особенно заметна в последние годы, когда его прекращение оставило пустоту, заполнить которую не могут ни разрозненные журнальные публикации, ни исторические монографии, выходящие на Западе.

Минувшее есть попытка продолжить этот поиск — на тех же принципах, но на более широкой основе и в иных, западных, условиях. Альманах не ограничивает себя лишь пореволюционным периодом русской истории и событиями внутри страны. В равной степени интересуют нас связи России с другими странами, участие и вклад соотечественников в западную науку, жизнь русских поселений, история отдельных семей и эмигрантских организаций, судьба русской культуры за рубежом... Но ведущей темой остается, безусловно, новейшая история страны. наших авторов мы не хотим связывать определенными тенденциями в выборе предмета исследования или в освещении событий. Для альманаха важен лишь принцип документированности и точности в обращении с фактами. В этом мы видим залог воссоздания подлинной картины жизни в России, в СССР, в эмиграции.

Объем материала делает такую задачу непосильной для любого журнала. Но если публикации *Минувшего* подтолкнут новые поиски, помогут возникновению параллельных исследований и других исторических изданий, — судьбу альманаха можно считать удачной. Успех этой попытки зависит прежде всего от читателей. Мы надеемся на активное участие в альманахе наших соотечественников всех поколений и волн эмиграции, на помощь и сотрудничество западных ученых-славистов и, конечно, на отклик с «других берегов», без которого подобная работа немыслима.

Приносим искреннюю благодарность Гарвардскому университету (США) за помощь в подготовке и выпуске настоящего альманаха.

ВОСПОМИНАНИЯ

В. Б. Лопухин

ПОСЛЕ 25 ОКТЯБРЯ

Публикация Л. Бурцева *

Историк, желающий понять судьбу какого-либо учреждения, в первую очередь обращается к документам этого учреждения и к законодательным памятникам. Лишь внимательно изучив эти материалы и просмотрев повременные издания соответствующего периода, он нередко испытывает необходимость дополнить свое знание, обратившись к мемуарам, дневникам и письмам либо непосредственных участников событий, либо их собеседников. Такая последовательность работы вполне закономерна, когда речь идет о стационарном отрезке исторического процесса. Иначе обстоит дело, когда область интересов ученого приходится на эпоху социального катаклизма.

В такие времена, как правило, делопроизводство расстраивается, актовые памятники создаются хотя и обильно, но без системы и подчас без реальных последствий, а периодическая печать освещает лишь те стороны деятельности учреждений, которые имеют непосредственное отношение к «злобе дня». Поэтому если исследователь действительно хочет разобраться в конкретных проблемах, то среди нужных ему источников первое место займут документы личного происхождения. В них, сквозь призму отдельной судьбы, события, повернувшие миллионы жизненных путей, видятся ярче и точнее, обретают наглядный смысл.

Нельзя сказать, чтобы в мемуаристике редко встречались произведения российских чиновников. Однако следует иметь в виду, что широко известные книги С. Ю. Витте, В. Н. Коковцова, А. А. Поливанова, а также менее известные — П. Г. Курлова, А. П. Извольского, С. Д. Сазонова, А. В. Неклюдова, Ю. Я. Соловьева, В. А. Сухомлинова и др. — представляют лишь вершину того айсберга, которым является еще ждущий читателя и исследователя комплекс материалов личных архивов, находящийся в частных и государственных

*) Публикатор выражает глубокую благодарность г-же Катрин Пельтье, предоставившей ему полный текст воспоминаний В.Б. Лопухина.

ных хранилищах. Например, только в ОР ГБЛ хранится свыше 20 неопубликованных дневников и мемуаров чиновников центральных государственных учреждений XIX - начала XX века.

Автор публикуемых нами записок — Владимир Борисович Лопухин (1871 - после 1940) родился в дворянской семье. Его отец Борис Алексеевич (1844 - после 1887), окончив юридический факультет Московского университета, служил по судебному ведомству: был прокурором Варшавского, а затем председателем Ярославского окружного суда, директором Ярославского исправительного приюта.

В. Б. после окончания Рыбинской гимназии поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1894. Поступив в том же году на службу в Государственный Контроль младшим ревизором Департамента гражданской отчетности, он в начале 1898 перешел в Министерство иностранных дел (МИД) делопроизводителем Второго департамента. Затем с 1902 В. Б. служил в Государственной канцелярии, а в 1906 занял пост начальника 2-го отделения в Департаменте окладных сборов Министерства финансов. В 1910 В. Б. вернулся в МИД делопроизводителем (уже более высокого класса, чем раньше) Департамента личного состава и хозяйственных дел, где и оставался, постепенно поднимаясь по служебной лестнице, вплоть до окт. 1917 (в июне 1914 Департамент личного состава преобразован в Первый департамент, а при Временном правительстве — в Департамент общих дел).

Перед октябрьским переворотом В. Б. — камергер и действительный статский советник, кавалер многих орденов, директор Департамента общих дел МИДа.

Автор — незначительный человек, его судьбу нельзя назвать бурной или прихотливой. Как и сотни его современников-бюрократов, он был выброшен с насиженного места на крутом историческом повороте. Он не покинул родину, подобно одним, не пошел защищать «белую идею», подобно другим, и не стал служить «новым принципам» на старом месте, как это сделали третьи (причем, как правило, те, от которых В. Б. ожидал этого меньше всего).

Какое-то время он откровенно не понимал происходящего, но и не очень страдал от такого непонимания. Дитя государственной машины, он не привык задавать себе вопросов, мучиться над неразрешимым. В начавшейся новой жизни он поставил перед собой одну задачу — уцелеть и, в общем, с нею справился без больших внутренних терзаний и нравственных потерь.

Предприняв в течение 1918 года ряд попыток заняться коммерческой деятельностью, едва не окончившихся для него трагически, В. Б. поступил на конторскую службу в советизированном кооперативе железнодорожников. Неизвестно, где он служил в дальнейшем, но в первую половину 1920-х годов в Петрограде его не было. Затем он вернулся и жил в Ленинграде, по крайней мере, до 1933. Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

**

Воспоминания Лопухина частично публиковались в советской печати (В. Б. Лопухин. *ЛЮДИ И ПОЛИТИКА*. Публикация А. П. Погребинского. — «Вопросы истории», 1966, № 9-11). Однако эту публикацию нельзя назвать сколько-нибудь полной: сравнение объемов использованной машинописи (408 стр.) и журнального тек-

ста (40 стр.) показывает при пересчете, что рукопись была сокращена более чем в 5 раз. Сокращение превратило живое мемуарное повествование в хронологический перечень «главных» политических событий, изредка прерываемый портретной зарисовкой какого-либо исторического лица. Причем отобранные персонажи настолько известные (вроде императрицы или Распутина), что автору, при всем его мастерстве, трудно сказать о них что-нибудь новое. Названная публикация охватывает период с конца XIX в. до окт. 1917.

Печатаемый нами отрывок доводит рассказ до конца 1918 г.

В нем затронуты две темы: 1) превращение после октябрьского переворота МИДа в НКВД (Народный комиссариат по иностранным делам) и 2) попытка т. н. «бывших» приспособиться к эпохе, в которую вступила страна.

Для изложения первой темы в советской историографии сложился определенный канон. Его характерные черты заключаются в стремлении заменить названную тему рассказом о «первой советской публикации тайных дипломатических документов», и, по возможности, сократить число упоминаний имени Л. Д. Троцкого, возглавившего новый наркомат. Как правило, при этом авторы базируются на единственных опубликованных мемуарах (И. А. Залкинд. **ИЗ ПЕРВЫХ МЕСЯЦЕВ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ.** — «Международная жизнь», 1922, № 15, с. 55-61, др. публикация — там же, 1927, № 10), на которые «сейчас можно ссылаться». Причем многие впадают в соблазн представить мидовских чиновников в еще более уродливом и жалком виде, чем это делает достаточно пристрастный большевик Залкинд.

Центральным эпизодом его воспоминаний является колоритная сцена изъятия ключей от комнат и шкафов министерства у А. М. Петряева и Б. А. Татищева, под угрозой вmeshательства «сосредоточенной поблизости вооруженной силы» (контекст позволяет совместить этот эпизод с собранием служащих 4 ноября 1917).

Ничего похожего нет у В. Б., а последовательность событий существенно отличается от той, что дана Залкиндом. С другой стороны, описание Лопухиным первого визита Троцкого в МИД совпадает в общих чертах как со свидетельством самого наркома (см. прим. 3), так и с тем, что приводится, видимо, со слов очевидцев в воспоминаниях Ю. Я. Соловьева (**ВОСПОМИНАНИЯ ДИПЛОМАТА. 1893-1922.** М., 1959, с. 361). Таким образом, только совместное использование всех названных источников может помочь восстановить подлинную картину «преобразования» внешнеполитического ведомства в 1917.

Что касается второй темы публикуемого нами отрывка — попыток бывших чиновников перейти в сферу частного предпринимательства, — то литература, имеющаяся по ней, почти исчерпывается несколькими страницами в воспоминаниях реэмигранта Л. Д. Любимова.

Стиль, которым написаны воспоминания В. Б., выдает профессию автора: громоздкий синтаксис, тяжеловесные обороты, целые фразы, в которых главная мысль утопает в обилии побочных деталей, — всё это атрибуты официального делопроизводства начала XX в. Читать такой текст трудно, но тот, кто проредится сквозь канцеляризмы и неуклюжие конструкции, будет вознагражден. Лопухин создал не только живой и емкий очерк той сокрушительной

эпохи, которую ему довелось наблюдать, но и яркие портреты современников, встреченных им хотя бы мельком.

Воспоминания написаны свыше двадцати лет спустя после отмеченных в них событий. Естественно что два десятилетия жизни в стране Советов не могли не наложить на автора известного отпечатка. Практически это чувствуется на каждой странице. Неосознанное стремление мемуариста совместить «себя теперешнего» и «себя тогдашнего» приводит иногда к очевидным фактографическим умолчаниям. Как справедливо заметил А. П. Погребинский, «возможно, что во взглядах на отдельные события или в характеристике отдельных государственных деятелей сказалось влияние новой среды, которая окружала автора после Октября». Все это заставляет нас предупредить, что мемуары Лопухина требуют не только внимательного и трудолюбивого чтения, но и критического к себе отношения как к источнику.

Вместе с тем, перечисленные оговорки не отменяют ценности печатаемого ниже текста. Будучи почти уникальным источником сведений о судьбах и психологии российской бюрократии разных ведомств и рангов в первые послеоктябрьские месяцы, воспоминания В. Б. Лопухина заслуживают внимания. Пристальное взглядывание в выпукло обрисованные автором портреты тех, кто непосредственно управлял Россией накануне 1917, и тех, кто пришел им на смену, поможет читателю глубже и точнее понять судьбу страны.

Переданный нам для публикации текст представляет из себя машинопись (38 стр. сплошной забивки) с незначительной рукописной правкой. С середины 1960-х он хранился у вдовы одного московского историка. Мы пользуемся случаем выразить ей нашу глубокую благодарность.

При публикации мы воздержались от какой бы ни было редакции текста. К сожалению, составляя примечания, мы могли воспользоваться только печатными сведениями. Отчасти поэтому, а отчасти из-за специфики биографий упоминаемых Лопухиным лиц, наши справки о них в лучшем случае носят характер послужных списков. Смысл этой работы видится нам не только в пояснении основного текста, но и в том, что, будучи со временем продолжена, она могла бы дать обильный исходный материал для социологического изучения судеб русского чиновничества и дворянства в революционные годы.

26 октября с утра стрельба в городе возобновилась и продолжалась весь день. Большевики доламывали пытавшихся еще сопротивляться юнкеров. Часть юнкеров засела в доме нашего министерства на Морской (№ 20), куда юнкера были двинуты отстаивать расположенную в доме рядом (№ 22) центральную телефонную станцию. Теснил оттуда

юнкеров отряд матросов. Бой был ожесточенный. В середине дня сопротивление юнкеров было сломлено.

Я не ходил в министерство, заболев гриппом еще накануне 25 октября. Точно нарочно расхворался к этому дню. Ведь уже с начала месяца было известно, что именно 25 октября состоится выступление большевиков для захвата власти¹⁾. Вечером ко мне зашли сослуживцы. Рассказывали, что министры временного правительства, захваченные в Зимнем Дворце, были арестованы и отвезены в Петропавловскую крепость. Керенский бежал. Большевики сформировали правительство, собравшееся в Смольном.

Я продолжал прихварывать и не выходил.

27-го прибыл в министерство назначенный народным комиссаром по иностранным делам большевик Урицкий²⁾. Описывали мне его коренастым, небольшого роста, прихрамывающим, с бритым лицом, в пенсне, угрюмым, молчаливым. Урицкий обошел помещения министерства. Особо служащих не собирал и с речью к ним не обращался.

Юнкера повсюду, где еще держались, были сломлены. Стрельба затихала. Улицы понемногу заполнялись народом. Солдаты и матросы останавливали офицеров и срывали с них погоны.

Урицкий недолго оставался во главе нашего министерства, ограничившись единственным его посещением. Дня через два на смену ему в министерство прибыл Троцкий³⁾. Он собрал служащих, держал им речь. Но она успеха не имела. По-видимому, служащие плохо слушали обращенное к ним слово. События были ярче и резче речей. По крайней мере, те из сослуживцев, которые меня посетили в этот день, никак не могли передать мне содержание речи Троцкого, хотя последовавшая затем встреча и показала, что Троцкий хорошо владел словом и говорил ясно и ярко. За ним вообще установилась репутация оратора. Зато обстоятельно рассказывали мои посетители, как служащий министерства Чемерзин⁴⁾ (в свое время офицер лейб-гвардии егерского полка, бывший короткое время, после перехода в дипломатическое ведомство, поверенным в делах нашего очень маленького и очень скромного по рангу представительства в Абиссинии), рассчитывая произвести сенсацию, пытался изобличить Троцкого в самозванстве: «Вы Бронштейн, а не Троцкий. Присваивая себе не принадлежащее вам имя, вы являетесь самозванцем». Троцкий отвечал, что столько-то лет непрерывавшейся борьбы и подполья, че-

редовавшихся с заключениями в царских тюрьмах, когда по необходимости приходилось измышлять себе «боевую кличку» политического борца, в достаточной степени оправдывают присвоенное конспиративное имя, под которым он, Троцкий, и наиболее известен в политических кругах. Выходка Чемерзина прозвучала фальшью конфузной фанфаронады.

Троцкий потребовал явки на следующий день начальников отдельных частей министерства для передачи дел ведомства народному правительству. Мне посоветовали прийти. Имелось основание ожидать, что кто не придет — того приведут ⁵).

Поэтому, хотя мне все еще немного нездоровилось, я наутро отправился в министерство. Собрались в колонном зале пустовавшей со времен Н. Н. Покровского ⁶) квартиры министра начальствовавшие лица, за исключением А. А. Нератова ⁷), выехавшего зачем-то в Москву. Пришли и вице-директоры, и помощники начальников отделов, и другие, преимущественно старшие, служащие. Из разговоров выяснилось, что без всякого предварительного сговора, совершенно стихийно назрело решение большинства служащих не оставаться на службе при большевистском правительстве. И не по одному нашему ведомству, но и по другим.

Как и почему пришла к такому решению служилая интеллигенция? Большевики неправильно приписывали это решение сговору служащих под влиянием противных большевикам политических партий ⁸). Громадное большинство служащих составляли беспартийные люди, на которых никакие вообще политические партии влияния не имели. Даже наиболее популярная среди служилой интеллигенции того времени партия кадетов не охватывала сколько-нибудь значительной массы служащих. Дело представлялось проще. Чуждое вообще политических партий, мало знакомое с их учениями и программами, огромное большинство служащих было плохо осведомлено о большевиках. Можно положительно утверждать, что до прихода большевиков к власти служилая интеллигенция в ее большинстве не ведала идеологии большевизма, не разбиралась в марксизме, не читала Маркса, слышала, что им написан «Капитал», но «Капитала» не читала. И это речь идет об интеллигенции в ее массе, имевшей штамп высшего образования. В служилую же интеллигенцию входили грамотные люди и значительно более низкого образовательного уровня. В то же время фабрики,

заводы, казармы были охвачены большевистскою пропагандою. Вот и получился такой результат, что низовой общественный слой той эпохи познал, хоть и в общих чертах, большевизм и проникся симпатиями к нему, а интеллигенция оказалась в стороне, в недоумении перед чем-то неведомым, а по темпераментности выступлений и пропаганды — и перед чем-то грозным. И большевики подбавили еще страху тем, что, возглашая в речах, в печати, в лозунгах «смерть капиталистам и помещикам», они, большевики, этим своим призывом смерти на головы классовых врагов грозили и «царским чиновникам».

Ну, могли ли эти «царские чиновники», не ведая идеологии большевиков, а слыша и видя, что она призывает на царских чиновников смерть, не почувствовать ни страха, ни обиды? А именно они: эти, едва ли кому нужные, внушенный чиновникам *страх* и нанесенная *обида* — являлись главнейшими стимулами воздержания служащих от сотрудничества с новой властью.

Менее общеою причиною была наивная уверенность многих в том, что большевики пришли ненадолго. А потом? Вернутся те, что ушли, и всыпят за службу большевикам так, что если и жизнь оставят, то не обрадуешься! В этом отношении большой вред принесла посланная с дороги бежавшим Керенским телеграмма, предписывающая служащим учреждений «не подчиняться и не сдавать дел лицам, именующим себя народными комиссарами». И в такой же степени вредным было постановление собравшейся при одном из белых правительств на юге группы сенаторов о предании суду с возвращением «законного правительства всех служащих, оставшихся в должностях после прихода большевистской власти».

В ожидании Троцкого среди собравшихся шла речь не об оставлении службы — этот вопрос считался окончательно решенным, — а о том, что делать после, какие могли бы быть изысканы другие заработки, оставаться ли в Петербурге или ехать куда — на юг, за границу?..

Я беседовал с Петряевым⁹⁾ и моим помощником вице-директором Афонасьевым¹⁰⁾. Вошли, в сопровождении курьера министерства, какие-то посторонние люди. Трое. Впереди полный седой старик с эспаньолкой, разросшеюся в большую бороду. «Это они?» — спросил я собеседников. «Нет, — ответил Петряев, — но кто бы это мог быть? Что за люди? Что им здесь нужно? В такой момент!» Петряев подошел к

прибывшим. Обменялся с ними несколькими словами. Отошел. Они, как стали, войдя в зал, так и продолжали стоять на месте. Оказалось, иностранцы — не то шведы, не то голландцы. Прибыли для каких-то переговоров с министром и ближайшими его помощниками. Петряев объяснил им ситуацию. Посоветовал дождаться Троцкого. «Вот выбрали время для своих делишек!» — дивился Петряев. «Жизнь не ждет», — подумал я. Страна взвилась на дыбы. Все полетело вверх-тормашки! А иностранцы знать себе ничего не знают. Пожаловали проводить свои дела.

И вслед за иностранцами, почти тотчас, вошли двое. «Помощники Троцкого», — пояснил Афонасьев. Они приближались. Я смотрел на шедшего впереди и глазам своим не верил: двоюродный брат моей жены¹¹⁾ Евгений Дмитриевич Поливанов¹²⁾ — двоюродный племянник бывшего военного министра, генерала Алексея Андреевича Поливанова¹³⁾, недавно перед тем окончивший университет молодой человек, о котором в бытность его студентом говорили, что он член черносотенного «Союза русского народа»!

Студент Евгений Поливанов посещал мою семью, бывая хотя не часто, но не прерывая связи в течение нескольких лет подряд. Я ценил в нем выдающиеся его способности. Поступив в университет по тем временам в очень молодом возрасте, 17 лет, он одновременно проходил два факультета: историко-филологический и восточных языков. И оба факультета, ни на одном курсе не задержавшись, окончил по первому разряду в положенный четырехлетний срок. Он был умен, талантлив, но что-то в нем предубеждало против него, исключало возможность сближения, не давало установиться симпатии. Не то, что, к немалому нашему удивлению, он оказался, несмотря на молодость, запойным пьяницей, морфиноманом, кокаинистом! Эти тщательно скрывавшиеся его пороки вскрыл происшедший с ним несчастный случай. В пьяном виде он соскользнул с площадки вагона перед остановкой поезда у перрона Ораниенбаумского вокзала и лишился руки. Но не несчастные его слабости отталкивали от него. Мало ли мы встречаем среди отпетых алкоголиков и наркоманов людей отменно симпатичных. Отвращала искренний порыв какая-то всего его пронизывающая неискренность слов, взгляда, выражения лица, всякого движения.

«Товарищ Троцкий, — гудел, здороваясь, Поливанов не ожидавшимся при взгляде на его сублительную фигуру низ-

ким басом, — поручил мне и товарищу Залкинду¹⁴), — здороваемся со спутником Поливанова, молодым человеком несколько постарше, небольшого роста, с маленькими черненькими усиками, густыми зачесанными назад темными волосами и раннею проседью на висках, — товарищ Троцкий поручил извиниться перед вами. Сегодня он не может быть у вас. Занят неотложными делами в Смольном. Будет завтра с утра. Просит вновь собраться к десяти часам».

Наши стали расходиться. Ушли иностранцы.

Расспросив Поливанова, с какого времени он примкнул к большевикам — оказалось, с начала лета, — и поговорив с прибывшим из-за границы Залкиндом на затронутую тему о наших консулах — он с теплым чувством отозвался о приятеле моем, бывшем сослуживце по второму департаменту, консуле в Алжире, Александре Константиновиче Васильеве¹⁵), — ушел и я.

На следующее утро я поднимался по лестнице министерства в непривычной обстановке пустоты и безмолвия. На первой площадке направо, перед входом в канцелярию, стоял на часах, с ружьем в руках, видимо, рабочий — в черной косоворотке под пиджаком и в становившейся уже в ту пору универсальным пролетарским головным убором блинообразной кепке, скошенной набок. Выше — еще рабочий-часовой и небольшая группа министерских сторожей и курьеров, не успевших еще снять с себя своих темно-вишневых полукафтанов с красным воротником и серебряными пуговицами с орлами.

Вхожу в приемную перед кабинетом министра. Она пустая. Я одинок. Где другие начальники отдельных частей министерства? Может быть, они меня опередили? Пришли раньше? И, уже освободившись, ушли? Задумчиво шагаю по приемной из угла в угол. Давно ли, в ожидании доклада у министра, мы здесь пили пятичасовой чай с традиционным куличом и кондитерским печеньем?

Отворяется дверь. Входит человек небольшого роста, сухощавый, чернявый, некрасивый в бросающейся в глаза, чрезвычайной степени. Желтоватая кожа лица. Клювообразный нос над жидкими усиками с опущенными книзу концами. Небольшие, пронзительные черные глаза. Давно не стриженные, неопрятные, всклокоченные черные волосы. Широкие скулы, чрезмерно растягивающие тяжелый, низкий подбородок. Длинный, узкий обрез большого рта с тонкими губами. И — непостижимая странность! Чрезвычайно

развитые лобные кости над висками, дающие иллюзию зачатка рогов. Эти рогоподобные выпуклости, большие уши и небольшая козлиная бородка придавали приближавшемуся ко мне человеку поразительное сходство с чертом, обличия, созданного народною фантазиєю.

Одет он был в потертый сюртучишко. Крахмальнѣй воротничок, рубашка были сильно заношены. Плечи и рукава сюртука засыпаны перхотью с головы. Штанишки мятые, сильно раздавленные у колен, рассыпавшиеся в концах мелкой бахромой.

Такова была внешность остановившегося передо мной человека. И не отвечавшій этой внешности раздался приятный мелодичный голос. Поразила неожиданностью и форма обращения:

— С кем имею честь?.. Троцкий. Вы не товарищ министра Нератов?

— Нет. Я директор департамента Лопухин.

— Отлично! Нам надо поговорить обстоятельно. Мне только нужно обменяться двумя-тремя словами с Нератовым. Не откажите обождать. Я тотчас вернусь. Как пройти к Нератову?

Я показал. Свидание Троцкого с Нератовым, вернувшись из Москвы, продолжалось недолго. Троцкий почти тотчас вернулся. Тем временем подошли помощники Троцкого Залкинд и Поливанов. Пришли и служащие министерства, заведовавшие кассой и казенным имуществом. Сдачи дел и архивов по описям не предполагалось. Сданы были ключи от присутственных комнат и от шкафов с архивами и делами. И этим дело ограничилось. Речь теперь шла о деньгах и других ценностях (следует заметить, что, кроме казенных сумм, через министерство иностранных дел проходили деньги и ценности, составлявшие наследства русских подданных, открывавшиеся за границею). Сдачею и приемом всяких ценностей и денежных сумм и занялись сотрудники и той, и другой сторон. Пока совершалась эта операция, Троцкий беседовал со мной. Предметом беседы явилась попытка Троцкого склонить меня остаться на моем посту. Настояния Троцкого в этом направлении приписываю даче благоприятных отзывов обо мне либо Поливановым, либо курьерами и сторожами, с которыми у меня всегда были наилучшие отношения, либо социалистами, с которыми я встретился, выполняя поручение временного правительства по содействию политическим эмигрантам к воз-

вращению на родину. У меня создалось впечатление, что социалисты эти остались довольны мною. Могла также сыграть роль незадолго до того появившаяся в одной из вновь народившихся газет (названия не помню) лестная для меня статья, говорившая о моем соответствии занимаемой должности.

Как бы там ни было, но Троцкий склонял меня остаться. А я, под влиянием приведенных выше причин воздержания служащих от сотрудничества с большевиками, продолжать службу отказывался, насколько возможно, вежливо, приводя мотивы, ни для кого ни в малейшей степени не обидные.

— Но что же, наконец, вы имеете против нас? — в упор спросил меня Троцкий. — Ответьте конкретно! Что мы кончаем войну, передаем землю крестьянам, национализируем фабрики и заводы?..

— Всего менее, — отвечал я, — я возражал бы против окончания войны. Окончание ее я могу только приветствовать, так как для меня совершенно очевидно, что армии как боеспособной силы уже с начала февральской революции, а пожалуй, и с еще более раннего момента у нас нет. А без армии воевать нельзя. И народ устал от войны. Ясно, продолжать ее не хочет. Едва ли не главной причиной еще февральской революции явилось продолжение затянувшейся войны во что бы то ни стало. Именно на продолжении войны, главным образом, сломало себе шею временное правительство. Причиной вашего успеха, главной, является провозглашение впервые именно вами лозунга окончания войны. Да, ее надо кончать! Спорить против этого могут лишь предубежденная недобросовестность, упрямая тупость или психическое неблагополучие. По поводу передачи земли крестьянам скажу, что считаю в принципе целесообразною передачу крестьянам излишков земли против определенного лимита. Мера эта в особенности оправдывается встречающимися у нас непозволительными по размерам латифундиями. Что же касается национализации фабрик и заводов, то о ней я высказаться затрудняюсь. В этом вопросе я некомпетентен. В него я не вникал. И не пришлось практически с ним встретиться. Но не в этом дело! Все-таки, сознательно или бессознательно, по традиции ли, по инерции длинного ряда поколений, я служил иным принципам. Если сегодня я им изменю и с завтрашнего дня буду служить другим идеям, вы ни уважения, ни доверия ко мне

иметь не сможете. А какое же мыслимо сотрудничество без взаимного доверия и уважения? И еще! Простите меня, но после пережитого с начала февральской революции ряда реконструкций власти трудно признать установленный вами режим окончательным. В конце концов, не верится в прочность вашей власти.

— Вот в этом, — воскликнул Троцкий, — вы ошибаетесь. Мы — единственная политическая партия с темпераментом! Единственно способная умиротворить разбушевавшуюся стихию и удовлетворить массы. Нет, власть наша прочная. Поверьте, мы не уйдем. Я вижу в вас отнюдь не убежденного нашего противника, а лишь колеблющегося интеллигента. Давайте решим так. Отложим нашу беседу. Подождем. Когда вы увидите, что мы не ушли, убедитесь, что, напротив, мы упрочились, крепнем и будем крепнуть с каждым днем, тогда возвращайтесь, и мы продолжим наш разговор.

— А пока, — вновь заговорил я, — отпустите меня с миром. Вы не поверите, как я устал, работая в крайнем напряжении чуть ли не с начала войны. Последние же месяцы работы с бестолковым временным правительством окончательно сломили силы. Надо отдохнуть. Вот еще причина невозможности, не прерывая работы, сейчас продолжать ее с вами. Вы должны меня понять. Я убежден, что в вашей политической борьбе, достигшей особого напряжения в последние месяцы, и вы основательно утомились.

— Я лично, — отвечал Троцкий, — успел отдохнуть... в тюрьме, откуда только что вышел, посаженный временным правительством. Вы — другое дело. Не успели отдохнуть. Отдыхайте теперь. Вы свободны. Можете использовать вашу свободу, как хотите. Хотите здесь остаться — оставайтесь. Хотите куда уехать — уезжайте. Даже за границу можете выехать. Мы вам препятствовать в этом не будем.

Дальше Троцкий повел разговор уже не на деловые темы. Говорил, что не по доброй воле взялся за портфель иностранных дел, а подчиняясь партийной дисциплине, что по призванию и профессии он журналист и если бы это от него зависело, стал бы работать, и в качестве члена правительства, в газетном деле. Потом, почему-то, упомянув, что в холодных и сырых окопах на фронте бойцы сидят босые, сообщил, что для того, чтобы их обути, правительство предлагает объявить обязательный сбор обуви с нетрудового

населения, «хотя бы ее пришлось стаскивать с ног буржуев». Последние босыми, во всяком случае, не останутся. Что-нибудь да изобретут. А бойцы будут обуты.

Я вернул беседу в деловое русло. Заметив, что в состав казенного имущества, сверх собственно канцелярского инвентаря, входили вся мебель, обстановка квартиры министра, с богатою бронзою, картинами мастеров, писанными масляными красками, преимущественно из Эрмитажа, дорогими портъерами плотного тяжелого шелка, занавесями, коврами, скатертями, богатая столовая сервировка для официальных приемов, серебро, столовое белье и проч., я убеждал Троцкого удержаться на службе для хранения этого имущества хорошо знавшего, где, что и в каком количестве находится, смотрителя зданий министерства, которого я заранее предупредил, что буду просить об его оставлении на службе, против чего, особенно ценя имевшуюся у него по службе казенную квартиру, он не возражал¹⁶). Видам Троцкого мое предложение соответствовало, и он тотчас на него согласился. Я вызвал смотрителя и сообщил ему, что он остается.

Кстати, вспомнив, что возложенною при прежних порядках на учреждения выдачею паспортов заведовал в нашем министерстве смотритель зданий, я ему отдал мой паспорт с нежелательным в тревожное революционное время обозначением моей должности, чина и звания на царской службе и просил срочно выдать мне взамен новый вид на жительство уже без упоминания этих упраздненных революциею титулов.

Через четверть часа новый паспорт, лишенный компромитантных упоминаний, был у меня в руках. Последующие события показали, какую неоценимую услугу оказала мне проявленная мною в этом случае предусмотрительность. Переехав с умалчивавшим о моем прежнем положении паспортом из казенной квартиры на Мойке в маленькую частную квартирку в неведомом мне до того времени Заячьем переулке на Песках, где никто меня не знал, а по паспорту люди видели во мне рядового обывателя, я счастливо избег производившихся, преимущественно по домовым книгам, арестов и преследований, которым подвергались лица моей категории в эпоху гражданской войны и после, во время подавления советской властью чинившегося сопротивления начавшемуся строительству социализма.

Троцкий и его помощники уходили. Простившись с ними, я поднялся в последний раз наверх, в, увы, покидае-

мый мною (я не без волнения почувствовал — навсегда) служебный кабинет. Со стены на меня смотрели двенадцать портретов моих предшественников. Вот не верьте после этого приметам, мысленно пробрюзжал я, — ведь я, лихо сказать, тринадцатый!

Курьер, приотворив дверь, сообщил, что пришел и желает меня видеть вице-директор Правового департамента — Доливо-Добровольский¹⁷⁾.

В прошлом лейтенант флота, он поступил в бывший Второй департамент министерства в то время, когда в этом департаменте служил в младших должностях и я. Мы, стало быть, были давние товарищи по службе. Впоследствии Доливо-Добровольский перешел в консульский корпус и был консулом в Черновцах, откуда с началом войны эвакуировался в Петербург в министерство. Здесь он был использован на усиление Второго департамента, некоторое время спустя вновь вошел в штат и, получив повышение, был назначен после разделения Второго департамента на департаменты Правовой и Экономической вице-директором Правового департамента. Человек он был талантливый, ловкий, умный, не без хитрецы, весьма себе на уме, болезненно самолюбивый.

— Я пришел, — заговорил Доливо-Добровольский, — попытаться убедить вас остаться в должности.

— Александр Иосифович, да ведь это невозможно! Ну а вы? Вы-то сами остаетесь?

— Я... остаюсь. Но ведь я — особь статья. Я, вероятно, вас удивлю. Однако пришло время признаться: ведь я у них свой человек, и давно. В молодости отсидел в Петропавловской крепости. Мне-то уже никак не выходит уйти. И мы столковались. А вы? Что же? Отказались?

— Да, я отказался. И мы с миром разошлись.

— Вы в этом уверены, что с миром? Я от души желаю, чтобы это было так, но не следует отдаваться чрезмерному оптимизму. Если окажется, что массовый отказ служащих от работы парализует страну и ставит под сомнение окончательную победу партии, власть, того гляди, разгневется, и, возможно, будут с ее стороны репрессии. В каких формах они могут выразиться, сказать трудно, но подумать страшно. Переобсудите ваше решение. Еще не поздно.

— Думал я, думал, и предложено мне еще думать, приглядеться и, когда я уверю в прочность нового режима, то вернуться возобновить разговор. Так мы порешили. И пусть

оно так и будет. Хуже всего колебания и метания из стороны в сторону. А тем, что вы мне открыли о себе, я, признаться, удивлен. Никогда вы не давали повода подумать, чтобы это могло быть так.

— Да, это так! А все-таки подумайте о том, что я сказал вам. Только бы не пришлось вам пострадать. Впрочем, и излишнему пессимизму отдаваться не следует.

Он ушел. И я стал уходить.

При выходе меня окружила группа курьеров. Они прослышали, что я оставляю министерство. И, по старой ли памяти, считая ли, что я могу им еще понадобится (они привыкли, что именно мною проводились и оформлялись мероприятия по улучшению их материального положения), — курьеры пытались уговорить меня остаться. Не вдаваясь в подробности, я объяснил, что ухожу отнюдь не в виду каких-либо лучших перспектив, а на неизвестное и потому страшное, что уходить мне тяжело, но что так нужно. Остаться не могу.

Вечером ко мне приезжал курьер Петров, из молодых, взятый на войну из запаса в Павловский полк, демобилизованный по болезни и недавно вернувшийся на службу в министерство. Петров приехал продолжать меня уговаривать. Он проводил мысль, что хочу я, не хочу, а должен остаться. Страна доведена до развала. Если окончательное военное поражение и будет предотвращено с заключением большевистского мира, то нельзя на этом останавливаться. Надо все перестраивать и вести большую восстановительную работу. «И что же будет, если в такой момент будут отказывать в помощи новой власти люди с образованием, выдвинувшиеся своею службою и своими качествами и которым доверяют подначальные им товарищи?» Для вящего убеждения Петров пробовал меня и припугнуть теми самыми доводами, которыми наводил на меня страх Доливо-Добровольский. Каюсь, повторение простым бесхитростным солдатом устрашений, высказанных интеллигентом отменно тонкого мышления, представилось мне, в качестве общего мнения, доказательством основательности сделанного предостережения, и содержащаяся в нем жуть больно ударила меня по издерганным переживавшимися волнениями нервам. Все-таки я стоял на своем, ссылаясь на мои доводы, высказанные Троцкому, и на его предложение мне повременить, присмотреться и потом вернуться к вопросу о службе.

И все-таки я продолжал нервничать, ища в разговорах более оптимистических воззрений на возможные последствия нашего саботажа и, как было названо выше, «воздержания от сотрудничества».

Поэтому, встретив утром на Дворцовой площади вице-директора департамента государственного казначейства министерства финансов Павла Михайловича Гришкевича-Трохимовского¹⁸⁾ и поведав ему о моем «воздержании» и т.д., я хотел было завести с ним разговор на тему о том, что из этого выйдет и чем кончится. Но Гришкевич перебил меня: «О вашем отказе от службы не только слышал, но и читал. Нечего вам беспокоиться. Ваше дело рассмотрено, решено. Есть постановление. Вот читайте», — протягивает газету¹⁹⁾. Читаю в ней отчеркнутое Гришкевичем постановление примерно такого содержания: за непризнание власти Совета Народных Комиссаров исключаются со службы служащие бывшего министерства иностранных дел: Татищев²⁰⁾, Лопухин, еще 6-7 человек преимущественно младших служащих, проживающих в одном доме со мною (казенном) на Мойке у Певческого моста. Только Татищев (директор канцелярии) жил в главном здании министерства под квартирой министра. Список поражал малочисленностью лиц, в нем поименованных. Фактически отказались служить, прекратив посещать службу, все или почти все служащие. За исключением только 8-9 человек. Создавалось впечатление, что список был составлен не по данным личного состава министерства, а по домовому книге дома №26 по Мойке. На это указывал как будто и пропуск, среди ответственных старших служащих, товарища министра Петряева, только перед тем въехавшего в дом № 26 и которого не успели еще вписать в домовую книгу. Трудно было объяснить, с другой стороны, непомещение таких, бесспорно ставших известными Троцкому и его помощникам старших служащих, как товарищ министра Нератов и начальники политических отделов министерства. Почему из старших пропечатаны были только мы двое: Татищев и я, так и осталось мне неизвестным. Как будто нужно было опубликовать для остротки хоть какой-нибудь список, а полный или неполный — это, вероятно, было сочтено несущественным.

Троцкий после моего разговора с ним, как видно, передумал. Обусловливавшие мою свободу его оговорки отпали. Я был свободен безоговорочно. Двум смертям не бывать — говорит пословица. По аналогии, претерпев кару исключе-

ния со службы, другим репрессиям я мнил себя как будто не угрожаемым.

Гуляя как-то в эти дни с моими детьми в Александровском саду ²¹⁾, у Адмиралтейства, я встретил заведовавшего счетною частью нашего департамента Николая Николаевича Маслова ²²⁾. Он мне весьма конфиденциально сообщил, что приехавшие в Петербург делегаты Афонского монастыря, получавшего ежегодную дотацию из секретных сумм нашего министерства ²³⁾, прослышав, что служащие ведомства, оставив службу, остались без средств к существованию, передали ему, Маслову, только что ими полученное в главном казначействе по нашей ассигновке очередное денежное пособие, прося обратить его на выдачи нуждающимся служащим. «Когда-нибудь рассчитаемся, — сказали монахи, — а не придется рассчитаться — не беда. Афонский монастырь долгие годы пользовался царской дотацией и в благодарность за оказывавшуюся помощь может теперь кое-чем и поступиться в пользу служащих министерства, всегда относившихся с предупредительностью и любезностью к афонским монахам во всех случаях их обращения в министерство».

Наши бывшие чиновники зашевелились. Висконти ²⁴⁾ и барон Таубе ²⁵⁾ забежали под каким-то предлогом в департамент, чтобы раздобыть данные для разверстки полученного пособия, копались в старых требовательных ведомостях на выдачу содержания и кое-какие ведомости и списки стащили из департамента к себе домой. Чье-то око подсмотрело, как они стащили старые ведомости. Чье-то ухо подслушало их болтовню о раздаче денег. Что-то было, кому надлежало, донесено. У Висконти и Таубе на квартирах поздно вечером, к ночи, появился, сначала у одного, потом у другого, прикомандировавшийся к Наркоминделу, по-видимому, для доверенных поручений и «исполнительных действий» вообще, молодой и, по рассказам, из ряда вон энергичный матрос-балтиец Маркин ²⁶⁾, произвел у обоих обыск, нашел стащенные, в сущности, никому не нужные бумажонки, захватил эти бумажонки, а кстати и помертвевших от страха похитителей их. Висконти Маркин отвез в министерство, а Таубе — подалее, в Смольный. Лукавый итальянец Висконти, осмелев, как только удалился Маркин, сдал его в министерстве с рук на руки рабочей охране, сумел как-то выпутаться из неприятного положения, в которое его ввергла его неосторожность, и под утро был отпу-

щен домой, а Таубе провел ночь в разговорах в оказавшейся многочисленной компании арестованных в Смольном, где засел более или менее основательно.

Утром, в слезах, ко мне явилась его мамаша — баронесса Таубе, прося исходатайствовать освобождение сына из узилища. Я отправился хлопотать в министерство. Застал Поливанова. Рассказал ему, в чем было дело, что отсутствуют в нем элементы присвоения казенных денег для поддержания «саботажа», а имеет место лишь раздача нуждающимся бывшим чиновникам подаренной, относительно небольшой суммы, что взяты на дом были старые требовательные ведомости для составления раздаточного списка, который, в сущности, можно было составить и не обращаясь к ведомостям, по печатному «Ежегоднику» министерства, содержавшему списки служащих по департаментам и отделам, требовательные ведомости имелось, конечно, в виду возратить, что ни на какие преступные деяния Таубе не способен и если в чем виноват, то только в неуместном проявлении лишней раз свойственного ему в неподобающей степени легкомыслия. В заключение я просил Поливанова о содействии к скорейшему, по возможности, освобождению провинившегося барона из-под ареста.

Времена были идиллические. Как-никак, если встать на точку зрения властей, говоривших о «саботаже», Таубе совершил немаловажный проступок. Способствуя раздаче служащим хотя и подаренных денег, он, конечно, способствовал тому, что разумелось под понятием саботажа. Лишенные средств к существованию, служащие скорее бы пошли на капитуляцию. Итак, по легкомыслию или нет, Таубе все-таки провинился перед властями основательно и серьезно. И, тем не менее, Поливанов обещал мне просить об его освобождении из-под ареста. И вечером того же дня веселый и радостный Таубе пал в объятия своей мамаше.

Пообещав мне похлопотать об освобождении Таубе, Поливанов заговорил о приказе, исключавшем меня с некоторыми другими лицами со службы. «Это не направлено против вас. Напротив, Лев Давидович (Троцкий) хотел, пока остается открытым вопрос о вашей службе, подтвердить вашу солидарность с вашими товарищами».

Памятуя, что слово серебро, а молчание золото, я промолчал. А хотелось спросить: «Ну, а скажите, пожалуйста, не исключив Нератова, Петряева и других, кроме меня и Татищева, начальников отдельных частей, вы, что же, не

хотели их показать солидарными с прочими их товарищами? В этом смысл того обстоятельства, что они пропущены в приказе?»

Расставшись со службою, я стал хлопотать о приискании частной квартиры для выезда с казенной. Не следовало с этим делом медлить. Няне моих детей сообщил дворник, что какие-то темные личности, появившиеся перед домом, в котором мы жили, пустили слух о том, будто «в квартире директора поставлены пулеметы, чтобы расстреливать народ». Подъем революционной волны был настолько еще высок, страсти в такой еще степени бушевали, что этот вздорный слух, несмотря на всю его вздорность, мог привести к весьма трагическим последствиям для меня и для моей семьи. Надо было подобру-поздорову убраться. Курьер особой комиссии верховного совета, которой я был так еще недавно управляющим делами²⁷⁾, подыскал мне небольшую квартиру в Заячьем переулке, в доме, где он был в свое время швейцаром. Туда мы и перебрались, проведя время ремонта в квартире моего брата²⁸⁾ и потом в квартире моей матери²⁹⁾. Хотя Поливанов и телефонировал моей жене, что нам не надо торопиться с выездом с казенной квартиры, тем не менее матрос Маркин вежливо навещался, когда мы полагаем освободить помещение.

О Маркине, сделавшем впоследствии видную карьеру, я только и слышал в эти дни. Он, между прочим, специально занялся эвакуацией бывших чиновников министерства иностранных дел из казенных квартир, показав рекордную «производительность труда» в этой работе. Знал я о Маркине, однако, только по рассказам. Самому с ним встретиться мне не пришлось.

А ресурсы таяли. У меня, да и у моей жены никакой недвижимой собственности, ни капитала никогда не было. Ни я, ни жена не успели ни от кого получить никакого наследства. Было припасено несколько сотен рублей, и то доставшихся путем учета в обществе взаимного кредита дружеских векселей. Когда будет истрачена последняя сто-рублевка (радужная ассигнация с портретом Екатерины II), останутся только 2-3 выигранных билета внутренних займов да кое-какие ювелирные ценности жены, мои ордена, золотой портсигар, подаренный сослуживцами при уходе с должности управляющего делами особой комиссии по призрению больных и раненых воинов, да карманные золотые часы. Наиболее громоздкое из имеющихся ценностей — сто-

ловое серебро, ввиду ожидавшейся эвакуации Петербурга под нажимом германской армии, наступавшей на Псков, было сдано нами на хранение в Ссудную казну *) и теперь оказывалось вне пределов досягаемости.

Как хотите, нужно было думать о прискании какого-нибудь заработка, не доводя до израсходования последней сторублевки.

Так думал я, так думали многие мне подобные, еще не подумавшись и не научившись обращать в рубли каждый стул, каждую штору и портьеру домашней обстановки. Этим впоследствии, в зависимости от количества и качества стульев и портьер, давалась владельцу более или менее длительная отсрочка голодовки.

— Ну, а тебе нужно думать разве о том, как бы покрасивее устроить себе беззаботную и светлую жизнь на службе капитала! Я уже окончательно переговорил о тебе с Ярошинским ³⁰⁾, и он ждет тебя к себе завтра в десять утра. Действуй! — так не без некоторой театральности вещал мне большой любитель эффектов, неоднократно упоминавшийся в настоящих записках мой школьный товарищ, журналист Владимир Александрович Бонди ³¹⁾ у себя в кабинете великолепной его квартиры на Офицерской улице.

— Постой, постой, — заговорил я, — не гони меня так стремительно. Теперь-то у тебя времени все-таки побольше, чем раньше. Издательство ваше на ладан дышит. Во-первых, прими мою благодарность за заботу. А во-вторых, расскажи кратко, но обстоятельно об Ярошинском и о том, что он имеет предложить мне. До сих пор до меня доходили о нем только какие-то волшебные сказки.

— Не сказки! Они были бы бессильны изобразить могущество и великодушие Карла Карловича. Все казавшееся тебе фантастическим в рассказах о нем бледнеет перед ослепительной действительностью. Ярошинский фактический собственник двенадцати крупных банков, сахарный король, единоличный владелец множества торгово-промышленных предприятий в России и за границей. По одному росчерку его пера открываются кредиты на миллионы любым заграничным банком. Имеется совет по управлению делами Карла Карловича. В этот совет входят, в качестве членов, бывшие царские министры. Входит, между прочим, Коковцов ³²⁾. Тебя, как имеющего опыт организации и администри-

*) Вероятно, описка и следует читать: «Ссудную кассу». — Публ.

рования заграничной службы, Карл Карлович хочет поставить во главе персонала своих заграничных предприятий, хочет, как он выразился, сделать тебя своим министром иностранных дел. Можешь себе представить, какие тебя ждут гонорары, когда состоящий при Ярошинском для мелких поручений наш общий с тобою гимназический товарищ Алевский³³⁾ получает в качестве члена правления какого-то банка тридцать тысяч рублей!

— Все это слишком хорошо на сегодняшний день. Если бы был 16-й год, а не конец 17-го, то можно было бы еще ждать — по крайней мере, на некоторое время — осуществления планов Ярошинского. Но неужели он не понимает, что Ярошинский как олицетворение капитала и большевики как марксисты исключают друг друга и что будет исключен Ярошинский большевиками, а не наоборот, ибо они уже государство и по учению своему хотят — не хотят, а обязаны уничтожить Ярошинского. Он лишится всего в России, и едва ли тогда не затрещат и заграничные его предприятия. Нечем будет мне заведовать. Вот что мне подсказывает здравый смысл. Но я все-таки побеседую с Ярошинским. Мало ли чего не бывает. Все предугадать нельзя. И иногда сбывается невозможное.

Я отправился к Ярошинскому, в его дом на Морской. Приемная его кишела народом. Тем не менее, я был принят тотчас.

Великолепный кабинет не подавлял своей строгою роскошью и громадными размерами статной и мощной фигуры хозяина. Последний выглядел еще молодым, лет сорока с небольшим, цветущего здоровья. Был полон сил, недурен собою, с правильными чертами лица, коротко подстриженными волосами головы и усов, бритым подбородком. Движения все говорили о спокойной уверенности в себе. И уверенность звучала в громком, но мягком голосе.

— Россия осрамлена и унижена, — заговорил Ярошинский, посадив меня после краткого приветствия в кресло против себя, — и я не знаю, как и когда она сможет оправиться и заставить забыть свое унижение. Все-таки никто, я полагаю, не должен опускать рук. Надо работать изо всех сил, несмотря ни на что, как будто ничего не случилось! Я рассчитываю на вашу помощь!

И он пустился в пространное объяснение своих видов на меня, в общем правильно мне переданных В. А. Бонди. Объяснения перешли в диалог на деловые темы.

Изложив мои соображения, я в заключение просил Ярошинского, в виде личного одолжения, по возможности не вводить меня в сношения по работе с занимавшим, по моим сведениям, видную должность в одном из его банков моим двоюродным братом Алексеем Александровичем Лопухиным, бывшим директором департамента полиции³⁴).

— Нам не должно встречаться, — пояснил я, — я его не люблю, не уважаю, и у меня старые счеты с ним. Несколько лет тому назад я был вынужден предупредить его письменно о том, чтобы он избегал встречи со мной.

— На этот счет вам беспокоиться нечего. Вы можете совершенно его игнорировать. Я и сам не очень очарован вашим кузенком. Да и не вечен он среди нас. Вот, видите шкафчик? В нем хранятся заранее написанные и подписанные просьбы об увольнении каждого из директоров и членов правлений наших банков. Таков у нас порядок, что перед занятием должности директора или члена правления подписывается такая бумажка. В нужный момент она извлекается из шкафчика — и содержащаяся в ней просьба удовлетворяется.

Обменялись еще двумя-тремя словами уже à bâtons rompus^{*)}). Я почувствовал, что на сегодняшний день разговор исчерпан. И приподнялся.

— Дня через два, — сказал, прощаясь, Ярошинский, — я приглашу вас вновь зайти, чтобы уговориться о подробностях и оформить наши взаимоотношения.

Но я интуитивно почувствовал, что больше его не увижу.

Действительно, «дня через два» В. А. Бонди сообщил мне, что Ярошинский был вынужден весьма поспешно скрыться за границу. Оправдались мои слова.

— Только ты не думай, — пояснил В. А., — что он совсем уехал. В самом непродолжительном времени вернется. И ты оформишь свое положение!

Не стоило возражать. Мы все одинаково не понимали в те дни, вся так называемая интеллигенция, за исключением социалистов, что такое произошло 25 октября. Но различно трактовали создавшееся положение. Ставили различные прогнозы его перспектив.

Сходясь далее в долгое время державшейся уверенности, что большевистская власть непрочна, ограничивали ее

*) Бессвязно (франц.).

существование разными сроками. Одни — настолько короткими, что отпадал вопрос о том, успеют ли большевики осуществить свою программу. Другие допускали, что новая власть продержится долгое время и придется пережить все стадии коренного переустройства общества, причем предсказывали конечный провал предстоявших социальных реформ, почитавшихся утопистскими.

Нужны были победа большевиков в несколько лет продолжавшейся гражданской войне и интервенции, крах противившихся течений и первые успехи социализации и восстановления обороноспособности страны, чтобы интеллигенция всё, наконец, поняла и зашагала в ногу с большевиками по путям социализма. В описываемые дни было, однако, еще далеко до этого прозрения. Интеллигенция жила, старалась жить, как будто ничего не случилось. Опиравшиеся на капитал допускали убытки, потери, но твердо верили, что сокрушить капитал не под силу никакому режиму, кто перед ним устоит? «Все возьму, сказало злато» — отступал и всегда отступит «булат». В. А. Бонди казалось, что Ярошинский скрылся потому, что рассудил скрыться, и вернется, когда рассудит вернуться. Я же полагал, что крайне надолго, если не навсегда, большевики неукоснительно будут проводить свою программу, в частности, хлопнут по капиталу. Отступит не булат, а злато. Ярошинскому не придется в России и по предприятиям, и по капиталам, находящимся в России, проявлять свою волю. И остается ему оставаться там, куда привел его Рок. Моя попытка устроиться на работу у Ярошинского сорвалась. Потянулись непонятные дни.

Обреченная на ликвидацию частная торговля пока кое-как еще держалась. Но становился катастрофическим недостаток товаров на рынке. В действительности, запасов и накоплений прежних лет таилось в стране еще достаточно. Но они припрятывались хозяевами из-за стремительного падения денежного курса, в чаянии стабилизации его и, в значительной степени, в соображениях спекулятивного поднятия цен. Главной же причиной обесточивания рынка являлось неправильное распределение товаров где-то, в каких-то тайниках и кладовых на необъятном пространстве страны, при полной разрухе транспорта. Последний совершенно не справлялся с переброской товаров из производительных в потребительские центры и из мест скопления ценностей в места, лишенные запасов. В Петербурге, Мос-

кве и большинству соседних городов севера и центра Европейской России дефицитным стало все наиболее нужное. И предлагалось на рынке ненужное. За предметы первой необходимости требовались бешеные деньги. Хлеб, сахар, масло, картофель можно было получить по безобразно высоким ценам, и то только случайно. Мы пекли лепешки из жесткой маисовой муки, а когда ее не стало — из кофейной гущи, вернее, из гущи суррогатов кофе. Чтобы испечь лепешки, «обжаривали» раскаленную сковороду, проведя по ней кончиком восковой свечи. В дело шли хранившиеся десятками лет в киотах остатки свадебных свечей, увитые искусственным флер-д-оранжем. Варили кисель из случайно заполученного овса. Радовались, как деликатесу, с великим трудом добытой брюквине. Не прививалась, из-за неприятного вкуса, замена в кофе и чае сахара сахарином. Искали патоку. У кого были гомеопатические аптечки с медикаментами в сахарных крупинках, опустошали такие аптечки.

В городе громились винные погреба. Вино всевозможных видов и сортов тут же на месте распивалось. «На вынос» шла меньшая часть захваченных напитков. Шумно громился погреб Зимнего Дворца. Рассказывали, в потоках разлившегося из разбитых бочек вина потонуло немалое число перепившихся до потери сознания громил. Отыскивались и расхищались и отдельные погреба частных лиц из бывших богатеев. Вокруг винного погрома хороводом неслась кровопролитная драка. Гремели выстрелы. Зажигались пожары.

С наступлением сумерек избегали выходить из дому. На улицах было жутко. Город плохо освещался. В закоулках раздевали и убивали.

Однако и среди дня на многолюдных улицах наблюдались невиданные до того жуткие сцены, не вызывавшие вмешательства толпы лишь из-за крайнего ее перепуга. Вот зигзагами мчится по тротуару некто с искаженным от ужаса лицом. За ним несется грузный солдат в папахе, откинутой на затылок, с револьвером со взведенным курком в руке. Вот сейчас выстрелит...

Стараясь не засиживаться до темноты, я посещал в ту пору мою мать, жившую на Звенигородской улице, брата — на Знаменской, школьного моего товарища журналиста В. А. Бонди — на Офицерской, Н. Н. Покровского, переехавшего из министерской квартиры в частную на углу Воскре-

сенского и Захарьевской. Из бывших своих сослуживцев заходил к А. П. Вейнеру, бывшему вице-директору второго департамента министерства иностранных дел, проживавшему в бывшем собственном своем доме на Сергиевской ул.³⁵); к Г. А. Козакову, бывшему начальнику Дальневосточного политического отдела министерства, жившему где-то по соседству Английского проспекта³⁶).

Трагической была судьба Козакова. Одинокий, привыкший за годы, проведенные на службе в консульском корпусе, к заграничной жизни, он и теперь, не находя себе применения в России, вознамерился перебраться за границу. Об этом своем намерении он высказывался при встречах со мной у него или у меня на квартире, но лишь предположительно, а не в качестве определенного решения. Потом он запропал. Между тем для легального выезда за границу время было упущено. Граница была закрыта. Выезд запрещен. Некоторое время спустя бывшие сослуживцы передали мне пришедшее из-за границы известие о том, что Козаков все-таки привел свое намерение в исполнение. Он бежал за границу. Однако, пробираясь в Финляндию зимой через Сестру-реку, провалился под лед реки. Застудил ноги. Пробираясь дальше, отморозил их. Жестоко страдая, добрался до Лондона. Но там скончался от гангрены ног.

Вообще публика наша стихийно устремлялась за границу. Движение началось еще до 25 октября, лишь в предвидении ознаменованных этой датой событий. После же 25 октября выезд приобрел массовый характер. Из Петербурга люди либо непосредственно выезжали за границу, пока граница была открыта, через Торнео *via* Берген³⁷), либо посредственно через Кавказ, Крым, Николаев, Одессу, думая вначале отсидеться на юге России, а потом вынужденные оттуда бежать с наступлением ужасов гражданской войны.

Кому не удалось бежать из осевших на юге, те жестоко пострадали. Большая часть пала жертвами революционной бури. Но многие погибли естественной смертью, оказавшись не в силах противостоять всяческому лишению, порожденным разрухой, и пережить потрясшие их сознание непонятые ими события.

Отправились одними из первых на юг, из числа тех, чьи имена пользовались известностью по значительности занимавшегося положения: дважды премьер-министр И. Л. Горемыкин³⁸), дважды министр — сначала финансов, по-

том — торговли, впоследствии управляющий государственным банком И. П. Шипов³⁹⁾, бывший министр иностранных дел С. Д. Сазонов⁴⁰⁾ и др.

Горемыкин, как рассказывали, был убит вместе с женою на Черноморском побережье Кавказа, неподалеку от Сочи, напавшими на его дачу бандитами.

И. П. Шипов скончался на Кавказских минеральных водах, вскоре после своего приезда туда, по-видимому, от удара. Первый удар с ним приключился после проигранного им сражения с Менжинским, прибывшим в банк с требованием передачи банка с его фондами большевистскому правительству⁴¹⁾. Шипов повоевал, очевидно, вспомнив одержанную им в 1905 году победу над агитаторами всеобщей забастовки, пытавшимися проникнуть в департамент государственного казначейства, которого Шипов в ту пору был директором. Агитаторов этих ему тогда удалось в департамент не допустить. Теперь дело представлялось куда серьезнее. Шипов повоевал, сомлел и упал в обморок. Насилу привели его в чувство. Всего какой-нибудь месяц перед тем я был у него в банке по делу министерства, и мы долго беседовали, и на злобы дня, и на старые темы, вспоминая прошлое. Он выглядел хорошо. Ничто не говорило о том, что уже почти вплотную Шипов подошел к роковому делу.

Сергей Дмитриевич Сазонов, по слухам, отсидевшись в Ялте в каком-то подвале, не то заточенный большевиками, не то скрываясь от них, благополучно отплыл морем за границу, чему мы имели подтверждение в советских газетах. Он был признан западными умниками экспертом по русским делам, и французское и английское правительства советовались с ним по этим делам, не распознав в бывшем министре легкомысленную посредственность даже тогда! После крушения империи, которого Сазонов был одним из непосредственных виновников.

Пока Сергей Дмитриевич отсиживался еще в Ялте, я получил от него письмо, не повергшее меня в изумление только потому, что оно явилось новым доказательством давно мне известного легкомыслия Сазонова и абсолютного его неумения разбираться в обстановке. Над Россией пронеслось 25 октября. Не стало ни прежнего министерства иностранных дел с первым его департаментом, которого я был директором, ни прочих бывших царских установлений. А Сергей Дмитриевич вежливо, но едко пеняет в письме на

меня за то, что я мало о нем, Сергее Дмитриевиче, забочусь: не распорядился до сих пор высылкою ему жалованья — если не по министерству иностранных дел, то по Государственному Совету (при увольнении с должности министра иностранных дел Сазонов был назначен членом Государственного Совета; получив затем назначение на должность посла в Лондоне, оставался членом Государственного Совета; промешкав с отъездом в Англию из-за боязни германских субмарин и за это уволенный Временным правительством с должности посла, формально продолжал числиться членом Государственного Совета).

Постепенно перебрались за границу большинство моих бывших сослуживцев. Из старших должностных лиц министерства остался в России в конце концов один я.

Поселившись в доме в Заячьем пер., я оказался в близком соседстве с проживавшим на Песках бывшим служащим по второму департаменту министерства Константином Евстафьевичем Горбачевичем⁴²⁾. Он меня интересовал как живое предание дней молодости, когда я в первый раз поступил в дипломатическое ведомство. Но чем особенно он был мне интересен, так это тем, что был хорош с писателем Петром Петровичем Гнедичем⁴³⁾, с которым и я познакомился у Горбачевича. Петр Петрович настолько известный писатель, что не приходится говорить о существовании его таланта и предмета творчества. Всем знакомы его фундаментальные труды по истории искусств, его разносторонняя и плодотворная деятельность в области журналистики и театра. Хотелось бы лишь отметить, что многие его современники, и я в их числе, высоко ценили в Гнедиче также и выдающегося писателя-юмориста. В этом качестве он выступал в разных изданиях повременной печати и систематически помещал фельетоны в газете «Новое время» под псевдонимом «Старый Джон». Юмористические его произведения самого высокого качества, и от некоторых можно надорвать животики от здорового, поднимающего вас на крыльях радости смеха. После Октября я ходил к Гнедичу на квартиру его на Николаевской ул. советоваться о возможностях литературной работы. Петр Петрович рекомендовал мне написать мемуары, считая интересными события, которых я был свидетелем, и лиц, с которыми встречался, сотрудничал или которых наблюдал.

Горбачевич, посещая меня после Октября, выражал недовольство обстоятельствами. Я ему возражал, доказывая,

что ему не угодись. Не преуспевая по службе при царском правительстве, он принадлежал и в прошлое время к числу недовольных. Радостно приветствовал в 1905 г. великую репетицию наступившей революции и объявил себя «кадетом» (членом конституционно-демократической партии). «Вы записались в кадеты? — спрашивал он меня при всякой встрече, начиная с осени 1905 г. и вплоть до открытия Государственной Думы в мае 1906 г. — Нет, не записались? Ну так вот, помяните мое слово. Случится революция. И вас за то, что вы не записались, повесят!» Теперь я ему напоминал его настроения до революции. И доказывал, что с ними не вяжутся его нынешние настроения. Он сердился. Большой, грузный, лицом некрасивый, раскосый, хромой, Горбачевич в сердцах был отменно дурен и в то же время смешон. Я смеялся. Посердившись, он присоединялся ко мне, и мы смеялись вместе. «Не к добру смеемся, — давясь и кашляя, прокашливал Горбачевич, — не к добру!»

Навещали еще время от времени меня: упоминавшийся в записках бывший старший делопроизводитель нашего департамента, на правах вице-директора, Евгений Александрович Висконти и вышедший еще до революции в отставку бывший смотритель зданий министерства иностранных дел Владимир Сатириевич (просил выговаривать «Сергеевич») Цомакион⁴⁴).

Висконти был человек удачливый. И служилось ему неплохо. И средствами обладал недурными. Владел большим и красивым домом в Демидовом пер. и имением под Лугой. Окончил архитектурное отделение Академии художеств. Поэтому в министерстве заведовал всеми вопросами и делами по постройкам зданий за границей для наших дипломатических и консульских установлений в резиденциях, где не находилось подходящих наемных помещений или в которых требовалось иметь собственное здание по тем или иным «особым» соображениям — престижа, безопасности (в некоторых местностях на Востоке) и т. д. Другою специальностью Висконти, не имеющей ничего общего с первой, члвлялись дела по испрошению министерством должностным лицам ведомства чинов и орденов. Для этого будто бы требовались ловкость и лукавство прирожденного итальянца, каким был по происхождению Висконти, имевший родственные связи в Италии и в Испании. Из Италии после Октября ему писали, приглашали переселиться туда. Русский подданный, женатый на русской, получивший воспи-

тание и образование в России и всю жизнь прослуживший ей, Висконти не захотел расстаться с Россией и остался в любезном его сердцу Петербурге.

Цомакион, греческий человек, бывший офицер гусар-сумец (Сумского полка), был добродушнейшим малым слегка хлестаковского пошиба, немного себе на уме, но неизменно благожелательным и услужливым. Под внушительным, красиво изогнутым носом вырастил себе густые усы с громадными подусниками, родил двух недурненьких, с носу на него похожих дочерей и при наличии живой, не разведенной с ним жены открыто жил с француженкой. Обедать зазывал друзей и товарищей не к жене на казенную квартиру в министерстве, а к француженке в частном доме на ул. Жуковского. Министру Сазонову недоброжелатели Цомакиона нашептали, что туда же направлялись подносившиеся француженке, а не Цомакионовой жене букеты цветов с вложенными внутрь пачками радужных (сторублевых) бумажек от благодарных подрядчиков, поставлявших министерству дрова, строительные и другие материалы и выполнявших разного рода услуги (ремонт зданий, курьерский извоз и др.). Не проверив этих нашептываний, Сазонов, подтолкнутый своей супругой Анной Борисовной, всюду искавшей вакансий для устройства раненых офицеров, решил открыть у себя вакансию смотрителя зданий. Она была замещена симпатичным, но мало к ней подходящим демобилизованным офицером гвардейского гренадерского полка Паценкой. Цомакион пострадал и, как будет видно, не к благу и не на пользу министерства. Я еще не был тогда директором. Дело прошло мимо меня. Об увольнении Цомакиона я, конечно, не мог не знать. Но причиной не интересовался, считая, что не могло быть причины иной, как только легкомыслие Сазонова, способного довериться любому нашептыванию без проверки обстоятельств дела. О букетах слух до меня дошел *post factum*. Я допускаю, что никаких букетов и не было. Назначенный директором, когда заготовленные Цомакионом дрова не все еще были использованы и оставалась значительная часть, уложенная в штабели на обширном дворе бывшего дома министерства на Морской улице, я отправился осмотреть эти дрова. Они оказались превосходными во всей наличной партии, что свидетельствовало о ложности утверждения цомакионовых недоброжелателей, будто о качестве заготовки нельзя было бы судить по дровам, приносившимся на квартиры начальства; для

него, видите ли, отбирались лучшие дрова, а шедшие по другому назначению, в больших количествах, были похуже. От наших штабелей я пошел к соседям в министерство финансов с просьбою показать их дрова. Они были хуже наших и дороже. По обследовании, лучше и дешевле оказалось у нас все: и произведенные ремонтные работы, и курьерский извоз, и проч. Грешным делом я подумал, что если и были букеты, то плевать было на это обстоятельство, а не поднимать истории! Налицо было примерное, отличное соблюдение выгод казны, а не нарушение ее интересов. Букеты если и были, то было ясно, что в настоящем случае дело все-таки сводилось не к взятке, а к не изжившемуся еще в те времена обычаю поднесения «благодарности из уважения». Таким зрителем, как Цомакион, надо было дорожить. Вообще поменьше нужно в жизни лицемерия и лжепринципиальности!

Навестил меня однажды и Михаил Сергеевич Роццаковский⁴⁵). Небезынтересная личность. В прошлом лейтенант флота, командовавший во время войны с Японией миноносцем в Порт-Артуре. Прорвался из Порт-Артура и разоружился в одном из нейтральных китайских портов. Тем не менее: его миноносец пыталось захватить японское военное судно. Командир полез на русский миноносец. Разоруженный Роццаковский, не имея других средств воздействия, схватил японца за шиворот и сбросил в море. По окончании войны Роццаковский женился на вольнской помещице девице Мезенцевой. Замужем за ее братом была моя двоюродная сестра (урожденная Батурина). Таким образом, мы оказались в некоторого рода свойстве с Роццаковским. В качестве моряка Роццаковский мог претендовать на оказывавшееся всем русским морякам покровительство «королевы эллинов» Ольги Константиновны, дочери покойного генерал-адмирала русского флота, великого князя Константина Николаевича (брата императора Александра II)⁴⁶). Роццаковский испросил согласие королевы быть его посаженной матерью на свадьбе с Мезенцевой. Свадьбу сыграли в домово́й церкви принадлежавшего брату королевы, вел. кн. Константину Константиновичу, Мраморного дворца на Дворцовой набережной в Петербурге⁴⁷). Я присутствовал на этой свадьбе. Королева своим участием в свадьбе Роццаковского не ограничила свою заботу о нем. По его просьбе, она содействовала переводу его из флота в наше ведомство, добившись почти вслед за тем прикомандировать Роццаковского

к нашей миссии в Афинах. Роццаковский всегда себя переоценивал. Подмочив японца, считал себя на голову выше ничего не предъявлявших героического своих современников. Как он меня презирал, пока я не сделался директором департамента, того самого, в котором Роццаковский состоял на службе! Мое продвижение по министерству заменило мне в глазах сурового Михаила Сергеевича геройские подвиги, и он сделался милостив ко мне. Итак, Роццаковскому было свойственно себя переоценивать. Попав, благодаря королеве эллинов, в столицу эллинского королевства в качестве русского атташе, Михаил Сергеевич стал пересаливать в преувеличении своего значения. Недовольный сыновьями королевы за нестеснительно ими высказывавшееся более чем холодное отношение к России, Роццаковский ставил королеве на вид некорректность поведения греческих принцев, читал королеве нравоучения, требуя ее воздействия на сыновей. И, как мне передавали, надоел Ольге Константиновне. Его перевели в Дармштадт, секретарем тамошней нашей миссии. Министром-резидентом в Дармштадте был в ту пору сделавшийся потом моим предшественником по должности директора департамента Василий Яковлевич Фан-дер-Флит⁴⁸). Он прекомично жаловался мне на Роццаковского за его порывы к большой активности в тихой заводи нашего дармштадтского поста исключительно представительного значения при брате императрицы Александры Федоровны⁴⁹). «Смотря на Роццаковского, — заключал Фан-дер-Флит, — я всякий раз представляю себе океанский дредноут, спущенный в садовый пруд, в котором ему некуда повернуться! Понятно, что Роццаковский вечно недоволен». Когда началась война и наше представительство было из неприятельских стран отозвано, Роццаковский был прикомандирован к нашему департаменту на усиление штата. Поставленный этим в относительно скромное положение, он и тут не мог, как бы хотел, развернуться и показать себя. Продолжал быть недовольным. Теперь, сидя у меня в Заячьем пер., Роццаковский все прошлое и всех нас, «бывших», беспощадно критиковал. Ушел. Больше я его не видел. Дошел до меня слух — не помню, откуда, — что он пробрался с женой и дочерью в Норвегию.

После письма С. Д. Сазонова, присланного из Крыма, с упреками за отсутствие будто бы с моей стороны заботы о моем бывшем начальнике, я получил также жалобное письмо из Батавии от Михаила Сергеевича Неклюдова⁵⁰). Быв-

ший мой сослуживец по государственной канцелярии, рекомендованный мною министерству иностранных дел для работы по законодательным вопросам, он по болезни оставил должность по министерству в 1910 г., продолжая, однако, числиться в списках ведомства. Неклюдов насмерть перепугался июльского выступления революционных масс и тотчас обратился ко мне с просьбой устроить ему, как состоящему в ведомстве, заграничную командировку. Командировка, а не просто выезд за границу, нужна была потому, что только командированным обеспечивался перевод денег из России за границу, недоступный рядовому обывателю из-за валютных затруднений. Я мог предложить Неклюдову командировку только в Японию на усиление вице-консульства в Хакодате, и то без вознаграждения. Последнее условие его не смущало. Он был человек со средствами. Высылались бы только ему его собственные деньги. Неклюдов уехал. Я успел сделать ему, насколько помню, два перевода. После Октября возможность делать переводы, естественно, от нас отошла. И вот, перебравшись почему-то в Батавию, Неклюдов жаловался на прекращение переводов. Просил что-нибудь ему сделать, как-нибудь помочь. Увы! Просьба была невыполнима.

Неклюдов был балетоман. Ездил к Суворину просить его распорядиться отметить ему эту, как он настаивал, position sociale*), в Суворинском адрес-календаре «Весь Петербург», редакция которого отказывалась признать в любви к балету общественное положение. Суворин просьбу Михаила Сергеевича удовлетворил. Во «Всем Петербурге» за 1917 г. Михаил Сергеевич так и значится «балетоманом». И он действительно был балетоманом, знающим, ревностным и убежденным. Знал все тонкости балета, его историю, традиции и лично весь кордебалет. У него зачастую устраивались обеды с артистками балета. На нескольких таких обедах я присутствовал и познакомился со многими артистками.

С год примерно спустя после Неклюдовского письма я встретил одну из бывавших у Михаила Сергеевича артисток на Невском пр. Она мне сообщила полученное из-за границы известие, что Неклюдов в конце концов добрался до Европы. Впал там, из-за отсутствия средств, в бедственное положение и за невозможностью из него выбраться где-то на юге Франции покончил с собой.

*) Общественное положение (франц.).

С переездом большевистского правительства с его наркоматами в Москву, вследствие угрожавшего Петербургу наступления немцев в Псковском направлении, в Петербурге временно оставались небольшие ячейки отдельных ведомств.

От центральных учреждений министерства финансов осталась, между прочим, ячейка департамента государственного казначейства, возглавлявшаяся одним из старших чиновников департамента Михаилом Дмитриевичем Зориным⁵¹⁾). Почему, в силу каких соображений — неведомо, но именно этой «казначейской» ячейке поручалось выработать проект договора Советской республики с Финляндией. Зорин испросил разрешение собрать для этого комиссию из остававшихся в Петербурге бывших царских высших должностных лиц. В состав комиссии были приглашены и вошли бывшие министры: юстиции — Сергей Сергеевич Манухин⁵²⁾, иностранных дел — Николай Николаевич Покровский, торговли — Василий Иванович Тимирязев⁵³⁾, бывший товарищ министра финансов — Сергей Федорович Вебер⁵⁴⁾, бывшие директора департаментов министерства иностранных дел барон Борис Эмануилович Нольде⁵⁵⁾ и я. Кроме перечисленных лиц, в комиссию вошли еще несколько второстепенных чиновников, фамилии которых не припомню. За участие в комиссии было положено жалованье, пришедшееся всем без исключения весьма кстати, так как капиталистов среди нас уже не было. Ведущие роли в комиссии принадлежали Манухину и барону Нольде. Работали скоро и споро. Дело приближалось к концу, как неожиданно комиссия была распущена. Видимо, было обращено внимание на несоответствие ее вельможного состава пролетарскому органу.

Когда Советской властью был заключен мир с Германией, я задался мыслью использовать предстоящее возобновление торговых сношений наших с немцами для приискания себе работы в этой области. Чудился широкий частный почин: единоличные предприятия, торговые и промышленные товарищества, акционерные компании и т. п. Из прежних экспортных и импортных предприятий многие, разоренные войной, не возобновятся. Можно будет стать на их место новым комбинациям, куда войдут свои люди. Надо лишь заблаговременно сделаться своим человеком в среде возможных учредителей этих комбинаций. Можно будет использовать знакомство и связи наших бывших дипломатов с германскими финансовыми и торгово-промышлен-

ными кругами для занятия и закрепления позиций на германском рынке.

Сколько наивны были эти специфически буржуазные мечты! И сколько невежественны! Мы продолжали не понимать новый строй под большевистской властью. Не ведали, что одним из основных его устоев являлась монополия внешней торговли, а другим (до установления лишь в качестве временного режима НЭПа) — огосударствление и, частично, кооперирование всей вообще промышленной и торговой деятельности в стране. Я говорю «мы» не понимали, «мы» не ведали, потому что в беседах по этому предмету с другими бывшими бюрократами, [вплоть] *) до бывших царских министров, да и с бывшими дельцами, я встречал в них то же невежество, то же непонимание сложившейся новой обстановки, какие проявлял я.

Поддержанный единомыслием со мною соратников из той среды, с которой я сросся от дней моей юности до крушения царства, которому служил, я настаивал на своих мечтах и в ожидании благоприятной для них конъюнктуры искал возможности ознакомиться с условиями Брестского мира для изучения экономических его последствий. Н. Н. Покровский рекомендовал мне обратиться за нужными материалами в помещавшееся на Невском, между Владимирскою и Николаевскою ул., экономическое бюро, в котором орудовал С. Ф. Вебер и сотрудничали, в числе других лиц, несколько бывших чиновников министерства иностранных дел.

Проникнув в это бюро, я еще в приемной, у входа, натолкнулся на бывшего старшего делопроизводителя второго департамента министерства Андрея Владимировича Сабанина, ставшего впоследствии одним из видных сотрудников Наркоминдела ⁵⁶). Сабанин тотчас снабдил меня понадобившимися мне материалами и сообщил, что если я вообще интересуюсь экономическими вопросами и, в частности, желал бы быть в курсе предпринимательских возможностей момента, то мне следует посещать собрания экономистов, устраиваемые неким Жерве — одним из бывших вице-директоров бывшего министерства земледелия — у него на квартире, в доме на углу ул. Жуковского и Лиговки ⁵⁷). На собрания Жерве указал мне вслед же за тем А. П. Вейнер, с которым я в то время часто виделся. Располагая средст-

*) Вставлено нами — Публ.

вами, он задумал организовать какое-нибудь промышленное предприятие сообща с 3-4 родственниками и приятелями, имевшими также кое-какие ресурсы. Группа образовалась. Заинтересовались рыбными и зверовыми промыслами на Севере. Проектировали устройство промысловой базы в Архангельске. Меня Вейнер просил составить записку, содержащую мотивированное ходатайство перед Советской властью о разрешении организовать и эксплуатировать задуманное предприятие. К Жерве я пошел. И весьма заинтересовался устраивающимися им собраниями. На них с исчерпывающей полнотой описания, мотивировки и учета финансовых результатов действительно вскрывались всяческие предпринимательские возможности. Аккуратно посещая эти собрания, я стал накапливать основательную осведомленность в данной области и связался с источником постоянного ее пополнения.

И что же? Хотя, вопреки порожденным непониманием обстановки моим мечтам о возрождении широкого частного предпринимательского почина, никакой такой почин допущен не был в ту пору, тем не менее, приобретенная осведомленность принесла мне, помимо новых знаний, еще реальные плоды в виде поддержавшего меня и мою семью в течение нескольких месяцев весьма приличного жалованья. Выплачивалось мне оно одним законно учредившимся на основании объявленных Советскою властью правил московским промысловым товариществом. Впрочем, об этом речь впереди.

Вскоре после овладения властью Советское правительство декретировало, в числе других мер, свободу граждан организовывать промысловые товарищества и союзы товариществ. Был издан и образцовый устав промыслового товарищества. Достаточно было собрать группу учредителей, подписать учредителям протокол об учреждении товарищества, заполнить пунктирные строки образцового устава индивидуальными признаками данного товарищества с указанием его характера и условий деятельности, и оставалось лишь зарегистрировать устав в компетентном учреждении явочным порядком.

Такой облегченный порядок учреждения промысловых товариществ соблазнил многих «бывших» попытаться путем создания таких предпринимательских организаций разрешить трагический для всех вопрос о заработке. Разрешая товарищества и союзы, власть, казалось, имела в виду глав-

ным образом кооперацию, а с другой стороны — мелкую производственную, преимущественно кустарную, артель, артельные товарищества по оказанию разного рода услуг и артельные объединения. Крупная промышленность национализировалась. Менее всего, очевидно, предполагалось поощрять возникновение торговых товариществ. Тем не менее, препон к их открытию пока не ставилось. Поэтому-то, как это ни кажется теперь удивительным, «бывшим людям» дали учредить в Петербурге такую не соответствующую новому строю организацию весьма большого масштаба, как некий «Союз международных торговых товариществ»⁵⁸). Так и пёрли «бывшие» во внешнюю торговлю. Правда, дальше учреждения союза и подготовительной к открытию его деятельности организационной работы дело не пошло. Но организация все-таки просуществовала более года. Овладела для помещения своих контор бывшим дворцом вел. кн. Владимира Александровича на Дворцовой набережной, ныне занятым «Домом ученых»⁵⁹). На организационные расходы средства союзу, как мне передавали, отпустил К. К. Ярошинский. В совет союза входил Н. Н. Покровский. Войдя в союз одним из директоров датского его товарищества под самый конец существования этой организации, я не успел ознакомиться с нею настолько, чтобы сохранить в памяти состав прочих, кроме Покровского, виднейших ее участников. Из отдельных лиц помню (потому что давно его знал и часто встречал) Сергея Андреевича Шателена⁶⁰), назначенного незадолго до революции товарищем министра финансов (Барка⁶¹). И еще в качестве участника союза помню сослуживца по министерству иностранных дел барона М. Ф. Шиллинга⁶²), бывшего при Сазонове директором канцелярии министерства, а потом, при Штюмере⁶³), назначенного сенатором.

Так вот как оно было. Не понимали большевиков, не знали их программу не только заурядные из нас, но и образованнейшие и умнейшие. И верили в возможность частному почину пристроиться к внешней торговле!

Между тем, временное поддержание моих финансов жалованием за участие в работах Зоринской комиссии окончилось, и нового заработка не предвиделось. Наступил такой день, когда из тайничка, устроенного мною в книжном шкафу, я извлек, увы, последние две радужные бумажки (сто-рублевки). Одну дал жене на столовые расходы, а другую, с тяжелым чувством беспокойства за будущее, отложил об-

ратно в тайничок. Впал в раздумье. И в тот же день получил телеграмму из Москвы от двоюродного брата Николая Сергеевича Лопухина⁶⁴), вызывавшего меня для переговоров по делу, требовавшему моего участия. Назавтра отправился. В те дни места в поездах брались с бою. Толпа штурмовала вагоны. Люди калечились. Доходило дело и до стрельбы. Мне посчастливилось. Я ворвался в вагон невредимым. Но какой это был вагон! Взятый, очевидно, с одного из громожадных пути вагонных кладбищ. Ветхий, из состава пригородного движения, т. е. не приспособленный для дальнего следования, да еще с разбитыми стеклами окон. А мороз стоял крепкий. Вмиг вагон набился до отказа. Люди заняли даже багажные полки под потолком. Сгрудились так, что невозможно было шевельнуться. Забили все проходы. Встать, выйти в буфет на станции, пробраться в уборную нечего было и думать. И так мы ехали относительно небольшой, 600-верстный перегон до Москвы ни мало ни много 26 часов! Ноги отекли и так окоченели, что, казалось, невозможно будет на них встать и двинуться. Чудом — когда, подъехав к Москве, поезд остановился — я поднялся и пошел. Отправился по указанному в телеграмме адресу к некоему Глебову⁶⁵), с которым никогда до того не встречался, хотя мы с ним и состояли в свойстве, правда, весьма далеком.

Он был одним из внуков князя Николая Петровича Трубецкого — от первого брака князя⁶⁶). Вторым браком князь был женат на моей тетке Софии Алексеевне, урожденной Лопухиной⁶⁷). От второго брака произошли профессор Сергей и Евгений Трубецкие, дипломат Григорий Трубецкой и шесть девиц⁶⁸), от первого брака — две дочери, в замужестве Глебова и Кристи⁶⁹) и сын Петр Николаевич, известный в свое время московский предводитель дворянства⁷⁰). В этой семье от первого брака князя Николая Петровича случился тяжелый роман. Внук князя, молодой Кристи⁷¹), женился на дочери ярославского губернского предводителя дворянства Михалкова⁷²) и жены его, урожденной Унковской — дочери адмирала И. С. Унковского⁷³). Михалкова-Кристи была, по общему мнению, особа интересная до чрезвычайности. Так ее расценил и дядя ее мужа князь Петр Николаевич Трубецкой и стал до чрезвычайности же неумеренно за нею ухаживать. До такой степени неумеренно, что в один злосчастный день ее муж, доведенный до соответственного накала, застрелил своего не в меру пред-

примчивого дядюшку. Произошло это, насколько помнится, до империалистической войны, незадолго перед ее началом. Дело было потушено. Но молодые Кристи развелись. На интересной виновнице трагедии женился двоюродный брат ее разведенного мужа Глебов.

Да, она была интересная, эта встретившая меня — когда я с вокзала объявился на квартиру Глебова — молодая дама, извинившаяся за отсутствие куда-то и зачем-то отлучившегося ее мужа. Высокая, ширококостная и в то же время хорошо сложенная, стройная блондинка с крупными чертами красивого лица и голубыми глубокими глазами.

Она меня отвела в приготовленную для меня комнату, где, разложив чемодан, я после дороги занялся своим туалетом. Покончив с ним, я вышел в столовую, где застал хозяйку, хлопотавшую у самовара. Она меня угостила чаем с сахаром (!) и с вкусными домашними лепешками, выпеченными из настоящей пшеничной муки (!!). Мы разговорились. Темой была ее семья. Я знал ее бабушку Анну Николаевну Унковскую и дядю Семена Ивановича Унковского ⁷⁴) — беспутного Сеню, который, когда мы были гимназистами средних классов, пил со мною и с Петром Урусовым ⁷⁵) бенедиктин, повзрослее участвовал в поездке бывшего царя, в бытность последнего наследником, на Восток, потом — без заранее обдуманного намерения — женился на Зуше Ауэр, дочери известного скрипача, и еще потом — на ее сестре «Мухе». Посетив как-то Сеню в его калужском имении, я созерцал, нагнувшись над колыбелью, ни в малейшей степени не напоминавшего типичного русака, каким был Сеня, черноглазого и черноволосого смуглого младенца с жестким взглядом и хитрым лицом стяжательного еврейского банкира. С годами Зуша худела, превращаясь в обтянутый засохшею кожей скелет. «Муху» я не встречал ⁷⁶).

Хорошо знал я также тетюшку моей собеседницы — Катю Унковскую, вышедшую замуж за моего родственника и сверстника Сергея Дмитриевича Евреинова, назначенного губернатором занятого нами в империалистическую войну гор. Черновцы ⁷⁷). Город этот был тогда так стремительно отобран от нас обратно, что Евреинову пришлось уподобиться, по краткости администрирования, прогубернаторствовавшему на предоставленном ему острове всего лишь несколько часов оруженосцу бессмертного Дон-Кихота Санчо Панса.

Говорили мы и о Михалковых. Я знал еще девицею вторую жену предводителя Михалкова Агриппину Владими-

ровну, урожденную Волкову ⁷⁶⁾, на которой он женился, овдовев после матушки Глебовой Анны Ивановны, урожденной Унковской.

Вошли Глебов и Николай Лопухин. Глебов, высокий, стройный, красивый молодой человек с небольшими черными усами, любезно осведомился, поздоровавшись со мной, о моем самочувствии после трудного по тем временам пути. Николай Лопухин тотчас заговорил о деле. Группа москвичей из «бывших» провела устав промыслового товарищества типа учреждавшихся петербургскими «бывшими». Провозгласив своим лозунгом ни мало ни много как экономическое возрождение России, товарищество присвоило себе название «Экрос» по входившим в ту пору в обиход сокращенным обозначениям. На самом деле товарищество собиралось проводить всяческие дела — в первую голову комисионные, а если представится возможность, то и промышленные, и торговые, заняться всяческими способными приносить выгоды промыслами. Я приглашался быть представителем товарищества в Петербурге. По своим целям товарищество, естественно, интересовалось пресловутыми «предпринимательскими возможностями момента», чтобы решить, с чего начать, что предлагать в порядке осуществления посреднической деятельности, наконец, какой себе начертать план работы на ближайшее время. Поэтому Лопухин и Глебов, узнав от меня, что я такие «предпринимательские возможности» выясняю и о многих уже осведомлен, весьма этому обрадовались и утверждали, что помощь моя действительно нужна «Экросу». Это подтвердило на следующий день общее собрание членов товарищества, просившее меня сообщить из Петербурга имеющийся у меня материал и держать товарищество в курсе всяких новых предпринимательских предположений. В первую очередь меня просили раздобыть и выслать товариществу записку б. министерства путей сообщения по проекту инженера Борисова о проведении большой «северной» железной дороги ⁷⁷⁾. Неужели товарищество дельцов-дилетантов задумало железнодорожное строительство, считая его себе по плечу? «Бывшие» ни перед чем не останавливались. Не ведали, не ждали, что не пройдет и года, и их мечтаниям будет положен конец и их промысловые организации будут закрыты.

С пожеланиями успехов меня снабдили доверенностью товарищества, положили мне тысячу рублей жалованья в месяц и первую тысячу выдали авансом на руки.

Вернулся домой с деньгами и работой. Выслал «Экросу» Борисовский проект и записку, содержащую выясненные мною «предпринимательские возможности». В дальнейшем отписывал все, о чем, бывало, услышу на экономических собраниях Жерве.

Так исподволь я сделал открытие, что экономическая осведомленность есть товар, на который имеются покупатели. Об этом открытии я поведал друзьям, преимущественно бывшим чиновникам министерства иностранных дел, оставшимся без работы.

Они просили меня попытаться учредить информационное посредническое товарищество, в которое могли бы поступить в качестве конторщиков, агентов для поручений, бухгалтеров и т.п.

Я переговорил с Покровским и Арцимовичем⁸⁰⁾, указав, что в посреднической информации имеется нужда, что за нее платят деньги, в частности, я получаю жалованье, на которое прокармливаю семью. Покровский и Арцимович высказались за попытку учредить посредническое товарищество, с тем чтобы я взял на себя организационную работу по его устройству и вошел в состав его правления. Я просил Покровского войти в товарищество председателем совета, а Арцимовича — председателем правления. Они согласились. Арцимович предложил поручить провести и зарегистрировать устав товарищества знакомому ему бывшему присяжному поверенному Заксу. Впредь до учреждения товарищества и приписания ему помещения Закс предоставил в распоряжение учредителей товарищества для их встреч, переговоров и собраний свою квартиру в известном доме б. Гинзбурга, выходящем на б. Конногвардейский бульвар, Замятин пер. и б. Галерную улицу⁸¹⁾. Заксу и его зятю обеспечивались места в товариществе: первому в правлении, а второму — в конторе. Из бывших моих сослуживцев по министерству я обещал устроить в товарищество упоминавшихся в настоящих записках Е. А. Висконти и К. Е. Горбачевича, а также бывшего заведующего счетною частью нашего департамента Николая Николаевича Маслова; из сослуживцев по б. Особой комиссии Верховного совета по признанию раненых и увечных воинов и семей лиц, убитых на войне, — графа Корали. Название будущего товарищества было придумано мною — «Гермес». И был заблаговременно приобретен для него бюст Гермеса. Чтобы создать товариществу связи в коммерческих и про-

мышленных кругах, было признано желательным привлечь в совет товарищества Эмануила Александровича Ватаци⁸²⁾, бывшего ковенского губернатора, потом товарища министра внутренних дел и затем помощника наместника на Кавказе. В бытность на Кавказе Ватаци связался с крупным капиталистом-нефтяником Лианозовым⁸³⁾ и по оставлении службы в наместничестве стал заниматься его делами. Приобретя значительный вес в банковских и торгово-промышленных сферах, являл собою фигуру видную и внушительную. Завербовать Ватаци в товарищество отправились втроем Н. Н. Покровский, В. А. Арцимович и я к нему на квартиру в первом этаже великолепного дома на Таврической улице близ Тверской. Угостил чаем с сахаром (!) и с печеньем (!!). Немножко поломался, но все-таки согласился, поставив, однако, условием, чтобы в товарищество был приглашен в качестве члена правления бывший директор канцелярии министерства внутренних дел (при Плеве⁸⁴⁾, потом виленский губернатор Любимов⁸⁵⁾.

Для финансирования «Гермеса» в организационном периоде деятельности был привлечен в товарищество разбогатевший на крупных подрядах инженер Чаев⁸⁶⁾. Он упирался, не видя для себя никакого интереса в «Гермесе» и не веря в успех предприятия. Однако уступил настояниям входивших в товарищество крупных бюрократов, рассудив, что «кто знает, может, еще пригодятся». Отвалил паевых пять тысяч рублей.

Закс провел устав «Гермеса». Мы наняли для товарищества помещение (большую квартиру) на Почтамтской улице, близ Исаакиевской площади, обмелировали конторским инвентарем, приобрели «Ундервуд» и открыли двери, поджидая клиентов.

Заявился изобретатель, интересный, но с которым мы решительно не знали что делать — до такой степени не отвечали его изобретения потребностям момента.

Потом ввалился к нам однажды видный, рослый, сметливый казачина с Урала, предлагая хлеб и скот.

Из смутных далей вырисовывались объекты посредничества. Можно было начать шагать.

Арцимович, имевший связи с Берлином, где был генеральным консулом, написал Блейхредеру⁸⁷⁾, предлагая комиссию для дел в России и прося финансовой поддержки. Блейхредер вежливо отвечал изъявлением готовности вступить с нами в деловые отношения. Обещал всяческие фи-

нансовые льготы. Просил при первой возможности сообщить конкретные предложения.

Нам снились сыпавшиеся золотым дождем из туго набитых мешков дивиденды!

Я писал «Экросу» об учреждении «Гермеса». В результате оба товарищества вступили участниками одно в другое.

Еще до вызова в Москву Николаем Лопухиным я виделся в Петербурге с другим двоюродным братом графом Алексеем Павловичем Капнистом, бывшим военно-морским атташе при нашем посольстве в Риме, вышедшим в отставку перед войной, а с войною мобилизованным в главный морской штаб и занявшим в нем видное положение⁸⁸). Он был человеком со средствами, получив крупное наследство. Владел имением в Полтавской губернии, домами в Москве, дачею в Ялте. Всего этого он с революцией, конечно, лишился. Но от больших достатков и остатки выходят немалые. Кое-какие деньжата под подушку завалились. И в отчаяние он не впал. Сокрушался о моих затруднениях. Услышав от меня, что я имею недурную деловую информацию, которую хотел использовать, чтобы пристроиться к какому-нибудь делу, Капнист мне указал как на лицо, которое могло бы быть полезно мне в этом отношении, на заведовавшего домами Капниста в Москве некоего Заболоцкого, молодого человека, разбогатевшего на спекуляции домами. О моем возможном обращении к Заболоцкому Капнист обещал мне с ним переговорить.

Заболоцкий оказался членом товарищества «Экрос», присутствовал на его собрании при моем участии и слушал мой доклад об имевшейся у меня и собранной мной информации. Наговорил мне по поводу доклада много лестного. Очевидно, Капнист успел перемолвиться с ним обо мне. Заболоцкий задумал сообщая с неким бароном Менгденом, с которым поспешил меня познакомить, создать независимую от «Экроса» однородную деловую комбинацию. Встретившись со мною, стал вовлекать меня в эту комбинацию, заинтересовавшись, как я это сразу уразумел, несмотря на его хитрые подходы, не столько моими деловыми качествами и собранною информацией, сколько моими связями с верхами «бывших» — бывшими министрами царского режима и другими сановниками, очевидно, желая через меня придания ей вящего веса. Хотя товарищество «Заболоцкий — Менгден» не сулило мне, впредь до реализации сомнительных дивидендов, ни одного ломаного гроша, я согласился

вступить и в это товарищество, считая целесообразным кумулировать участие в предприятиях: провалятся девять — вывезет десятое! Товарищество «Заболоцкий — Менгден» под официальным названием «Менгден и К°» вошло, по примеру «Экроса», участником товарищества «Гермес». Оба учредителя товарищества «Менгден и К°» прибыли, вслед за моим посещением в Москве, в Петербург, где я их познакомил с Н. Н. Покровским, В. А. Арцимовичем и С. А. Шателеном. Все трое вошли в товарищество «Менгден и К°». Мне была выдана нотариальная доверенность на ведение в Петербурге дел товарищества.

Тут подоспело и приглашение на безвозмездную пока работу в Союз международных торговых товариществ в должности директора правления датского товарищества. Отвели мне маленький кабинетик в верхах бывшего дворца вел. кн. Владимира Александровича со стороны Миллионной. Я заходил время от времени в этот кабинетик на случай, если вдруг понадобится администрации Союза или какому-нибудь посетителю. Но ни разу такой случай не представился. Я проводил час-другой в помещении Союза и занимался там делами «Экроса».

Не помню, при каких обстоятельствах и по какому поводу я встретился с дельцами конторы «Лемке и К°», помещавшейся на Итальянской, рядом с Пассажем. Их было трое — Лемке и два его компаньона, фамилии которых позабыл. Один из них — почтенный, отменно симпатичный, умный и деловитый инженер путей сообщения, пожилой, слегка прихрамывавший. Мне особенно досадно, что я позабыл его фамилию. Его самого я отчетливо помню по миновании почти четверти века. И память о нем сохранилась свежая и приятная. Лемке — молодой, предприимчивый, неглупый, с маленькой светленькой бородкой на худощавом лице, высокий, тонкий. Что касается третьего компаньона, то я позабыл не только его фамилию, но и наружность, качества, и его самого. Так и вычистило его из моей памяти без остатка. Лемке, узнав о моих связях, экспансии участия в деловых комбинациях и богатой информации о «предпринимательских возможностях», энергично за меня ухватился и, посулив золотые горы от связи с конторой его имени, добился моего согласия связаться с нею и открыть ему и его компаньонам двери всех комбинаций, в которых я участвовал, познакомив компаньонов со всеми лицами значительного положения в прошлом, с которыми я был связан

дружескими или деловыми отношениями. Лемке и выскользнувший из памяти моей его компаньон даже сопровождали меня в Москву, когда я был туда вызван «Экросом» для участия в созданном общем собрании членов товарищества. Я представил компаньонов правлению, и они были допущены присутствовать в общем собрании товарищества. Лемке просил собрание о принятии конторы его имени в число участников товарищества, на что последовало согласие общего собрания.

Суета сует и всяческая суета. Лемковская, Менгденовская комбинации, Союз международных торговых товариществ, даже собственное мое детище товарищество «Гермес» — все были и до конца остались суетными предприятиями. Все для меня явились бесплодными смоковницами. Давал мне кусок хлеба один «Экрос».

Покровские, как и наша семья, проводили лето 1918 г. в Павловске. Виделись часто. Часто Николай Николаевич и я вместе выезжали в Петербург, куда я лично отправлялся почти ежедневно, кроме, разумеется, воскресений, в заботах о своих «комбинациях». Много мы с Николаем Николаевичем беседовали в эти дни при наших встречах на злободневные темы. Покровский продолжал ошибаться в прогнозе политических перспектив. Утверждал, что большевистский режим нежизнеспособен, а потому недолговечен, что в конце концов большевики уйдут. «Не скоро, — оговаривал он свои предвидения. И приводил историческую справку: — Нечто подобное тому, что произошло у нас, случилось в средние века в Чехии и там продолжалось четырнадцать лет. Инерция нашей страны больше. Процесс будет длительнее. Сроки будут больше».

«Большевики уйдут, — повторял за Покровским также проводивший лето 1918 г. в Павловске, по соседству с дачей, занятой моей семьей, Анатолий Федорович Кони, — большевики уйдут, большевизм останется».

Произнесено имя Анатолия Федоровича Кони. Не может пробудившаяся память о нем не остановиться подробнее на этой интересной личности. Хочется посвятить ей несколько строк. Анатолий Федорович поддерживал приятельские отношения с моими дядюшками и тетками как с отцовской, так и с материнской стороны. С дядюшкой Александром Алексеевичем Лопухиным он был связан и общностью службы в судебном ведомстве и судьбы. Занимая командные посты в соответствующих судебных уста-

новлениях Петербурга, оба пострадали из-за процесса Веры Засулич. Как известно, Засулич, стрелявшая в градоначальника Трепова (отца Трепова, бывшего короткое время временщиком в царствование Николая II), была оправдана судом. Такой и неожиданный, и менее всего желательный для правительства результат этого дела не без основания приписывался в значительной степени воздействиям Кони и Лопухина. Они попали в опалу, смещенные на менее видные должности⁸⁹). Приятельскими отношениям Кони с моей родней я обязан знакомством и встречами с ним преимущественно в салоне тетушки Эмилии Алексеевны Капнист⁹⁰). К тому времени опала с Кони была снята, и он был сенатором. По внешности дурен собой, маленький, щупленький, с тусклым, отображающим собачью старость бледным лицом унылого финна. Но глаза, полные жизни, блеска, ума. И удивительно выразительные. Он был известен как выдающийся оратор, обративший на себя внимание вначале судебными речами, а затем вскоре выдвинувшийся выступлениями самого общего свойства от публичной лекции до застольного спича, прощального слова на могиле, рассказа в салоне. И действительно, он был упоительно красноречив. И в то же время прост, понятен и в своем слове, чуждом всякой вычурности и пафоса. Слушать его было истинное удовольствие! Высококвалифицированный оратор! Но не был ли он одновременно и превосходным актером? В самом деле, ведь что-либо рассказывая, он производил впечатление артиста, играющего заранее разученную роль. Так, как он, не рассказывают. Так именно играют на сцене. Всякое слово взвешено. Всякий жест обдуман. Разучена сложная игра выразительности лица. Что Кони, рассказывая, играл заранее разученную роль — об этом говорит его привычный подход к повествованию. Вы сидите, скажем, в салоне графини Эмилии Алексеевны. Присутствует Кони. Всеобщее внимание сосредоточено, разумеется, на Анатолии Федоровиче. И незаметно ведущую нить разговора захватывает и далее разворачивает ее клубок он. Незаметно же со случайной темы разговора Кони сворачивает на другую, очевидно, заранее выбранную тему подготовленного рассказа. Иначе и быть не могло. Рассказы Кони по богатству содержания и сложности действия не могли быть экспромтами. Собираясь посетить — пусть это будет сегодня вечером — такой-то дом, Анатолий Федорович с утра готовился к очередному художественному выступлению, как в свое время готовился

к судебной речи, к публичной лекции. Из большого своего запаса тем рассказов и «экспромтов» выбирал такие, которыми ранее в данном доме не пользовался. Повторяться не следует. И с блеском литературного изложения, ясного и простого, звучало вдохновенное слово. Голос теплого, мягкого тембра, мелодичный и приятный. Если вы всматриваетесь, вслушиваетесь, то убеждаетесь, что перед вами действительно не столько оратор, сколько превосходный актер, лишь играющий роль так восхитительно тонко, что поначалу вы никогда не скажете, что это роль. Чудесный актер играл на незримой сцене. Однако стоило секрету Кони хоть раз перед вами вскрыться, как эта сцена открывалась вам уже всякий раз, при каждом соответствующем выступлении Анатолия Федоровича. И в то же время Кони был непревзойденным оратором. Какая жалость, что, так свободно владея художественным словом, он при его талантах не сделался писателем. Как будто попытки были, но не увенчались. Каждому свое! Он был избран академиком разряда изящной словесности. Помню его первое по избранию ораторское выступление на торжественном публичном заседании Академии Наук под председательством вел. кн. Константина Константиновича. Темою явились воспоминания о Владимире Соловьеве⁹¹⁾. В публике среди присутствовавших был Сергей Юлиевич Витте⁹²⁾. Кони говорил о душевной чистоте покойного философа. Уподобил ее небесной лазури. Но почему-то ему понадобилось отыскать на ней какое-то «крошечное, едва заметное пятнышко». О пятнышке Анатолий Федорович говорил долго, однако так задушевно ласково, что от обнаружения этого пятнышка вновь испеченным академиком покойник мог испытать одно только удовольствие.

Как все это казалось давним, далеким в описываемый потрясающий 1918 год!

Прогрели выстрелы. Пали видные большевики Володарский и Урицкий. И было произведено в Москве покушение на В. И. Ленина⁹³⁾.

Урицкий был убит в том самом вестибюле бывшего министерства иностранных дел, через который в течение ряда десятков лет чиновники дипломатического ведомства ежедневно проходили, являясь на службу и уходя со службы, — вчерашние студенты, правоведы, лицеисты, завтрашние посланники, послы, министры.

На следующий день в трамвае я слышал, как некий гражданин, по облику рабочий, сосредоточенно серьезно,

с ненавистью и угрозой в голосе говорил: «За эту кровь нам ответит тысяча жизней!»

Это были страшные дни.

И в эти именно дни, зайдя однажды утром по делу «Гермеса» в контору Лемке, я услышал от отворившего мне дверь и впустившего меня в контору человека в кепке и с винтовкой приветственное слово: «Входите, гражданин, вы арестованы»²⁴).

Я повертелся в передней взад-вперед. Видел через дверь, открытую в зал, всех трех хозяев конторы, следивших за тем, как двое посторонних лиц в кепках рылись в их бумагах и делах, вскрывали и обыскивали ящики столов и шкафов. Ошарашенный арестом, я быстро пришел в себя. Нашелся. «А скажите, товарищ, где у них здесь уборная?» — спросил я сторожившего меня человека с винтовкой.

«Тут вот», — указал он мне на дверь в начале коридора, выходящего в переднюю.

Не торопясь, спокойно я вошел в уборную, закрыл дверь на задвижку и тут мигом спустил в горшок все находившиеся при мне документы, предъявление которых при аресте считал для себя нежелательным. «Они» были еще неопытны.

«Гражданин, мы должны вас обыскать», — сказал мне, по-видимому, старший из группы, производившей обыск.

«Пожалуйста».

Он нащупал у меня бумажник, портсигар, карманные часы. В бумажнике обнаружил выданный мне в последнюю минуту перед уходом из министерства иностранных дел смотрителем зданий министерства «беститульный», как я его назвал, паспорт, не содержащий никаких упоминаний о моей бывшей должности, чине и звании. Спасительный паспорт! Вот когда он сослужил мне первую и едва ли не самую важную службу. Лицам моего прежнего положения приходилось в эти дни нехорошо.

В вышедших откуда-то в переднюю и там стоявших в выжидательных позах трех посторонних конторе лицах, не принадлежавших к числу производивших обыск, я разгадал товарищей по несчастью, арестованных, как я, посетителей конторы.

«Собирайтесь, — объявил старший по обыску, — едем на Гороховую» (разумелся занятый органами по борьбе с контрреволюцией дом бывшего градоначальства на углу Адмиралтейского пр. и Гороховой).

Я ждал, что с нами прихватят и хозяев конторы, что и их повезут арестованными на Гороховую. Ничуть не бывало. Красные, взволнованные, они вышли в переднюю проводить нас. А сами остались в конторе.

Что это было такое? Нелепость? Сапоги всмятку? Что заменяло головы у лиц, арестовавших нас?

А достаточно было в эти дни быть арестованным, чтобы оказаться вслед за тем выведенным в расход.

Под винтовками в небольшом открытом грузовике мы пронеслись с Итальянской через Невский на Гороховую. Публика оглядывалась на нас и, казалось, сочувственно прощалась.

Мне всегда думалось, когда выпадал досуг заняться самоанализом, что я трус. А вот по настоящему случаю ареста в очень страшные дни для «бывших», когда, как мне было доподлинно известно, произошли ужасы с людьми и значительно меньшего положения, сравнительно с занимавшимся мною, когда я был, что называется, на волосок от самой ужасной смерти, какую является смерть от руки палача, я не чувствовал того животного страха, того сумасшедшего ужаса, которые думал испытать в подобном случае. Испытывал лишь какую-то особую, правда, неприятную, но переносимую напряженность мозга. Она выливалась в максимальную сосредоточенность мысли, способную, казалось, породить в нужную минуту находчивость и гарантировать, в предотвращение опасности, правильность внезапного решения. Не было во мне ни малейшей растерянности. Выходило, что я не трус.

Когда нас привезли на Гороховую, было часов 11 утра. Ввели в большой зал в верхнем этаже дома бывшего градоначальства, где уже набралась многочисленная компания арестованных. Я хранил спокойствие. Ничего не оставалось другого, как отдаться течению событий и спокойно выжидать, когда наступит момент действовать. Мысль все-таки перебирала различные варианты того, что ожидало нас. Не исключалось и самое плохое. Затем мнилась возможность лишения свободы. Надолго? Быть может! А может быть, и не надолго. Не удивительно будет, если и сразу отпустят после допроса. Товарищи по несчастью говорят, что арестованные делятся на две группы привлекаемых — по политической контр-революции и по контрреволюционной спекуляции. Мы, по-видимому, отнесены ко второй группе. Арестованы в конторе, собирающейся приступать к торго-

промышленной деятельности. Это во всяком случае лучше привлечения по политической контр-революции. Время идет. Не спешит. Но и не тянется. Сходит час за часом. Я встал спозаранку. Только успел чаю напиться. Пора бы проголодаться. Но мне не хочется есть. Все из-за напряженности, которую я испытываю. Между тем в кармане пальто у меня пакет, содержащий холодный завтрак. Отчетливо помню, что были в пакете крутые яйца.

Среди арестованных вижу две знакомые оригинальные фигуры. Братья Воейковы. Уношусь мыслью к ведомым мне отрывкам бытия этих чудаков⁸⁵). Старшего, Алексея Алексеевича, я хорошо знаю. Он был одним из первых секретарей канцелярии нашего министерства. Оставил службу по случаю избрания в члены Государственной Думы. Я его встречал, помимо министерства, у тетушки Эмилии Алексеевны. И было время, что он изредка заходил ко мне. Исключительно порядочный, честный и чистый был он человек и очень благовоспитанный. Но не умен, не деловит, чудаковатый — рассеянный, вечно как будто сконфуженный, робкий и кроткий. Ростом был небольшой, лысенький, с черною бородкою, повадками напоминавший перепуганного цыпленка. Припомнился рассказ, рисующий чуждость его батюшки, от которого немудрено было унаследовать ненормальность — небольшую у Алексея Алексеевича и избыточную у младшего его брата. Последнего не было еще на свете, но появление [его] *) со дня на день ожидалось, когда отличился папаша. Семья проводила лето в швейцарском кантоне. Врач, следивший за беременностью его мамыши, предупредил, что пора озаботиться приисканием кормилицы, поскольку мамыша была признана непригодною для кормления ожидавшегося младенца. Приискание кормилицы решил взять на себя папаша. И вот в одно прекрасное летнее утро, напившись кофе со сливками и скушав вкусную булочку, папаша собрался в поход. Поцеловав в лобик мамышу и Алексея Алексеевича, которому было в ту пору 3-4 года, взял тросточку, бумажник с деньгами, соломенную шапочку и пустился в путь. Желая сочетать приятное с полезным — поиски кормилицы с прогулкою, — пустился пешком. Вышел. И только его и видели мамыша и сынок. Так он к ним и не вернулся. Шел, шел. Как, когда, где, почему — сел в поезд и очутился через положенное число дней

*) Вставлено нами — Публ.

в России — так, как был, в соломенной шапочке, с тросточкой, без пальто. Заметьте, что он был очень привязан к своей жене. Никакого романа на стороне у него не было. Никакого не было разлада с женою. Ничем нельзя было мотивировать его бегства, и никогда мотивировано оно не было. Если до этого происшествия мамаша родила чудака, то после необычайного поступка мужа, потрясенная этим поступком, разрешилась уже заведомым кретином, наружностью напоминавшим Алексея Алексеевича, только Алексея Алексеевича, сильно подурневшего и, если так можно выразиться, искаженного. Хотя и кретин, но, принадлежа к хорошей семье, Воейков-младший, формально закончив не полученное в действительности образование, был взят А. Н. Куломзинным⁹⁶⁾ в бытность последнего управляющим делами комитета министров в канцелярию комитета «чиновником для письма». Привыкнув к его странностям и потому перестав их замечать, сослуживцы, по неосторожности, как-то послали Воейкова-младшего в министерство земледелия за справкой. Прибыв на место, кретин сумел кое-как объяснить, каким учреждением он послан. Но далее запырнул такую чушь, что у «земледельцев», что называется, глаза на лоб вылезли. Они стали его пытать вопросами с целью выведать, да вправду ли он прислан канцеляриею комитета. На вопрос, кто его начальство, он долго мямлил, совершенно позабыв о существовании Куломзина. Вдруг вспомнил, что у комитета есть председатель и председатель этот какой-то Христианович (запомнилось только отчество, имя и фамилию Николая Христиановича Бунге⁹⁷⁾ Воейков-младший позабыл). «Христиани, Христиани», — радостно залепетал он. Земледельцы окончательно решили, что посланец сумасшедший, и отправили гонца в канцелярию комитета министров. Явился чиновник канцелярии и увел приобретенного с той поры кличку «Христиани» необычайного посланца восвояси.

«Что за чушь лезет мне в голову!? — точно от сна очнувшись, спросил себя я. — Быть может, в эту самую минуту решается моя судьба! И в какую страшную сторону она может быть решена!»

И все же страха животного, дрожащего, выстукивающего дрожь зубами и выжимающего холодный пот, я не испытывал. Только немножко было страшно. И я всею силою воли напрягал мысль на отчетливость и ясность находчивых ответов на предстоящем допросе.

Стало вечереть. А мне все не голодно!

За окнами было уже совсем темно. Зал, в котором мы сидели, утопал в сумерках скудного электрического освещения. И вот первым из арестованных в конторе Лемке был вызван к следователю я.

— Садитесь. Что это вы, батенька, по спекулянтам шляетесь? Совсем вам там не место. Поглядишь, сами вы нисколько на них не похожи. Бросьте! До добра они вас не доведут. Займитесь другим делом.

— Я совершенно случайно туда попал. Случайно познакомился с одним из хозяев конторы, в которую сегодня зашел, инженером Х. Он показался мне дельным и хорошим человеком. И я хотел с ним посоветоваться о возможностях приискания работы. А конторы и ее дел мне вовсе не было нужно. Они ничуть не интересуют меня. Но, конечно, в другой раз я в такое заведение не попаду. Достаточно с меня полученного урока.

— Ладно, я вас отпускаю. Только вот какое дело: я устал и проголодался, а надо написать протокол вашего допроса. Хотите, сделаем так: я пойду поужинаю, а вы садитесь на мое кресло и напишите сами протокол. Допросите сами себя — вот по этому образцу.

Следователь ушел. А я, усевшись за его стол, сам себя, как он пошутил, допросил и написал протокол допроса.

Потом сообразил, что вряд ли буду отпущен один, а вместе со своими, как я их называл, товарищами по несчастью, и что мне придется ждать, быть может, долгое время, пока следователь их допросит и составит протоколы на них, я, что называется, разнахальничался. Вышел из кабинета следователя в зал, вызвал своих товарищей по аресту, рассказал им про предложение следователя самому мне написать на себя протокол и предложил свои услуги для написания протоколов на них. Они охотно согласились. Я их добросовестно допросил и, написав протоколы, отпустил обратно в зал.

— Ну что? Справились с работой? — раздался надо мною голос вернувшегося следователя.

— Не только со своим протоколом справился, — отвечал я, — но и с протоколами товарищей, которых обстоятельнейшим образом допросил.

— Вот спасибо! Удружили. Дайте пробежать ваши труды. Так, хорошо, хорошо! Ну что же — напишу вам всем пропуска.

Минут через десять мы выходили из дома бывшего градоначальства. Какая ощущалась радость бытия! Вот когда я наконец проголодался! И тут же, не сходя с подъезда, через который был выпущен, я съел одно за другим бывшие при мне два крутых яйца, тщательно очистив их от скорлупы и не забыв посыпать солью из оказавшейся щепотки ее.

Как хорошо, что я спустил в горшок уборной в конторе Лемке мои удостоверения об участии в ряде таких же предприятий! Ведь если, не разоблаченный этими документами, я был признан непохожим на спекулянта и потому так легко отпущен, то при наличии документов о принадлежности к торгово-промышленным организациям несомненно сошел бы за спекулянта, и кто знает, какие могли бы произойти из этого последствия для меня!

И как хорошо, что у следователя не оказалось Суворинского адрес-календаря. Ведь он разоблачил бы все утаенные моим беститульным паспортом мои бывшие титулы и звания. Тогда, в те именно дни, мне пришлось бы совсем плохо. «Они» были еще неопытны.

Ну и я, тем не менее, решил больше ни по каким Лемке не шляться, прекратив участие и в делах «Гермеса» и Менгденовской компании, сначала как бы временно, под предлогом потрясения вследствие ареста. Положил продолжать, только и только, отписывать «предпринимательские возможности» «Экросу», да еще числиться, пока воздерживаясь, однако, от всякой активности, в Союзе международных торговых товариществ.

Тем временем произошли события, положившие конец суете «бывших» вокруг вопроса о торгово-промышленной экспансии. Промысловые их товарищества были прикрыты. И как просто, быстро, без ненужных предупреждений и волокит. К нашему «Гермесу» под вечер подкатил грузовик с гражданами с винтовками и мандатами. По предъявлении соответствующего документа с печатью курьеру товарищества, проживавшему в помещении «Гермеса» в видах его охраны, прибывшие граждане погрузили и вывезли весь конторский инвентарь «Гермеса», включая «Ундервуд», всю, до мелочей, обстановку товарищества. Остались курьер и голые стены.

Не знаю, в силу каких обстоятельств и как прикончили «Экрос», но я получил от товарищества вскоре после экзекуции «Гермеса» безмерно меня огорчившее сообщение о

том, что «Экрос» «временно» закрывается, о времени возобновления его деятельности буду поставлен в известность особо, пока же приглашаюсь получить последнее причитающееся мне жалованье.

И вслед за тем, зайдя в Союз международных торговых товариществ, я застал С. А. Шателена в беседе с гражданином отменно европейской внешности — от солидной прически коротко подстриженных серебристых волос и чисто выбритого лица до мастерски сшитого темных красок костюма и лакового блеска изящной обуви. Гражданин сухо, надменно и не без раздражения вещал о монополии внешней торговли, настаивал на передаче соответствующим советским органам всех поступающих в Союз из-за границы предложений импорта и требований экспорта. Однако бедный Союз за все время своего существования получил всего одно только предложение — не то на ввоз партии каучука, не то на вывоз старой резины. Все же в результате разговора прикрылся и Союз.

Не ведаю, что случилось с Лемковской и Менгденовской комбинациями, потеряв всякую связь с ними. Но они не могли избежать общей участи, и, очевидно, эти комбинации тогда же прекратили свое существование.

Прояснило наши мозги. Мы наконец поняли. Вникли в программу и политику нашей власти. Нечего говорить, следовало прозреть раньше, кое к чему присмотреться, кое о чем порасспросить, кое-что почитать! И мы не затратили бы столько времени и сил на химерические затеи. Мне лично, конечно, не приходится жаловаться на тщету проделанного. Я все-таки с зимы до осени кормился «Экросом». А другие мои друзья и товарищи? Вся масса еще не приобщившейся к государственной службе интеллигенции? Они, конечно, затратили попусту труд, а иные — и материальные средства. И все потерпели тяготу безработицы.

Надо было искать работу не там, где ее искали впадшие в ошибку «бывшие». Прежде, кроме правительства, работу давали богатые люди. Теперь их не стало. Предложение работы сосредоточилось в руках одного правительства. К нему только осталось обращаться всем ищущим труда, за исключением лишь работающих на определенную клиентуру специалистов, занимающихся либеральными профессиями.

Подстегнула в Петербурге «бывших» к предложению услуг правительству происшедшая в 1918 г. в городе вспышка холеры.

Неработавших интеллигентов привлекли к рытью могил для умерших от холеры⁹⁸).

Надо было во что бы то ни стало поступить в какое-нибудь советское учреждение или предприятие на работу, во-первых, ради нее самой в идеологических соображениях любого толка, во-вторых, чтобы кушать и не рыть могил. «Довольно покобенились и поголодали, — объявил мне при встрече упоминавшийся выше в записках бывший старший делопроизводитель второго департамента министерства иностранных дел Андрей Владимирович Сабанин. — Пора приниматься за дело. Но работать как следует можно только по специальности. Предложу услуги Наркоминделу».

Предложил. И был принят в ведомство одновременно с просившимся в Наркоминдел сослуживцем Сабанина по департаменту славным и очень дельным Лашкевичем⁹⁹) и молодым, но уже зарекомендовавшим себя своими способностями Колчановским¹⁰⁰). Принят был в Наркоминдел и служивший в посольстве в Константинополе Флоринский¹⁰¹). Припоминается, как не совсем обычно попал он к нам в министерство — не по своей инициативе, а по нашей. Произошло это так. Мы всегда имели плохую прессу. Газеты нас упрекали и за немецкое засилье в личном составе, и за засорение состава «привилегированными» — правоведами и лицеистами. Рекомендовалось привлекать в большем числе студентов университетов. Вот я и получил распоряжение, незадолго перед империалистической войной, сочинить обращение к ректорам университетов, в котором в привлекательных красках обрисовать преимущества службы в дипломатическом ведомстве и просить ректоров, заинтересовав этими преимуществами студентов, направлять окончивших курс к нам. На составленное в этом смысле обращение министерства отозвался один только ректор — университета св. Владимира в Киеве. И направил единственного окончившего курс студента — своего сына. Это был Флоринский — дипломат, порожденный моим циркулярным письмом. По приезде он был направлен ко мне. Я ему преподавал первые небольшие разъяснения для ориентации в ведомстве. Мы его отправили в Константинополь студентом посольства (младшая должность при дипломатических установлениях на Востоке).

Перечисленным бывшим чиновникам министерства иностранных дел из молодежи открылась широкая карьера в Наркоминделе, и они достаточно высоко в этой карьере

поднялись. Особенно поднялся Сабанин, по заслугам ценившийся в ведомстве как исключительный знаток ответственного дела заключения международных договоров.

Поднялся в верхи Наркоминдела и Флоринский, бывший несколько лет подряд начальником протокольной части ведомства. Доливо-Добровольский, отдавшийся в распоряжение советского правительства тотчас по овладении властью большевиками, держался в Наркоминделе относительно недолгий срок и по причинам, оставшимся мне неизвестными, вскоре покинул ведомство.

Я забыл в своем месте еще упомянуть, что после оставления мною должности предложил Троцкому заменить меня некто Петров — бывший чиновник консульского корпуса на Востоке, имевший какие-то неприятности в поезде с жандармом и в связи с этой, очень туманной историей, отчисленный от должности с оставлением, тем не менее, в ведомстве¹⁰²). Недолго думая, Троцкий взял его на службу. Но он не много времени продержался, успев, однако, переехать с Наркоминделом в Москву.

В советских газетах прочел, что Сабанина и его товарищей за то, что они поступили в Наркоминдел, белоэмигрантская печать за границей обозвала изменниками. Белоэмигранты показали себя в первые годы после Октябрьской революции чрезмерно строгими. Не подобрали ли они с тех пор?

В двадцатые годы они, со слов ездившего за границу лечиться народного артиста Собинова, близкого мне человека и школьного товарища¹⁰³), вещали ему: «Гробов на вас, оставшихся в России, не хватит, когда мы вернемся водворять порядок на родине».

Каково бы, однако, не было отношение белоэмигрантов к Сабанину, я лично считаю себя ему обязанным за заставившие меня опомниться и призадуматься вовремя сказанные умные слова: «Довольно покобенились! Пора приняться за дело!» За год, истекший со дня овладения властью большевиками, обстоятельства-таки изменились. Обстановка со дня на день становилась напряженнее и грознее. Шутки надо было отставить в сторону.

Отойдя поэтому от ставшей никому не нужной химеры «предпринимательских возможностей», ставших невозможностями, чтобы приобщиться к реальной работе большинства интеллигентов, чтобы кормиться с семьей и не рисковать представлявшимся неподходящим для меня делом,

как по настроению, так и по возрасту и здоровью, — принудительным рытьем могил, — я одновременно с многими стал искать работы в государственных учреждениях.

Помог в этом случае В. А. Бонди, чье имя так часто упоминается в настоящих записках. Его приятель, бывший начальник военно-судного управления генерал Владимир Александрович Апушкин¹⁰⁴) устроился управляющим делами в железнодорожной продовольственной организации «Всероссийское бюро снабжения железнодорожников» (в Петербурге, на Пушкинской улице, в бывшем Пале-Рояле, работало «Северное» отделение этого бюро)¹⁰⁵). Меня, по просьбе Бонди, Апушкин провел в эту организацию на должность своего помощника.

Свершилось! Миновала пора последних колебаний. Наряду со мною многие из медливших с поступлением на государственную службу сделали заправскими советскими работниками.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹) О предстоящем выступлении большевиков газеты начали сообщать с определенностью с 13 окт. после недвусмысленного выступления Троцкого на съезде Советов Северной области (12 окт.). С 14 и 15 окт. большинство органов печати вводят на своих страницах постоянную рубрику **К ВЫСТУПЛЕНИЮ БОЛЬШЕВИКОВ**. В «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» такая рубрика появилась только 18 окт. под названием **К СЛУХАМ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ ВЫСТУПЛЕНИИ**. Примечательна фраза автора в опубликованной ранее части его записок: «Я в этом (успехе большевиков. — Публ.) был так уверен, что когда заведующий сметной частью министерства предлагает мне подписать для отдачи в печать корректуру согласованного с министерством финансов и государственным контролем проекта сметы министерства на 1918 г., то я ему отказываю в подписи, утверждая, что до положенного срока внесения проекта на утверждение Совета министров, в ноябре, Временное правительство, а с ним и многие из нас, ни в каком случае не додержатся».

²) Урицкий Моисей Соломонович (1873-1918) — с авг. 1917 чл. ЦК РСДРП(б), в окт. 1917 чл. Военной комиссии ЦК РСДРП(б) и Петроградского ВРК. 25 окт. приказом ВРК (№ 38) назначен «комиссаром при Министерстве Иностранных Дел». Утром 26 окт. явился в здание МИД и имел там часовую беседу с А. А. Нератовым (ср. с текстом), по-видимому, безрезультатную. Больше делами МИД практически не занимался, хотя формально еще несколько дней оставался в упомянутой должности (напр., 2 ноября в Смольном еще решал вопрос о выдаче удостоверений шведам). В дальнейшем — комиссар Всероссийской комиссии по делам созыва Учр. Собрания, в февр. 1918

— чл. К-та револ. обороны Петрограда, с марта 1918 — пред. Петрогр. ЧК.

³⁾ На посту наркома по иностр. делам Л. Д. Троцкий формально находился с 26 окт. (с. ст.) 1917 по 13 марта (н. ст.) 1918. Однако после возвращения из Англии Г. В. Чичерина (января 1918) непосредственное руководство деятельностью НКИД перешло к нему. 8 января (с. ст.) Чичерин назначен товарищем наркома, 29-го (с. ст.) — переименован в заместителя и тогда же ему предоставили право решающего голоса в СНК «в случае отсутствия Троцкого», 13 марта (н. ст.) — утвердили в должности «временного заместителя наркома» и 30 мая — окончательно назначили наркомом.

С. С. Пестковский, просивший Т. взять его на работу в НКИД, приводит в своих воспоминаниях такой ответ наркома: «Жаль вас на эту работу. Там у меня уже работают Поливанов и Залкинд. Больше не стоит брать туда старых товарищей. Я ведь сам взял эту работу только потому, чтобы иметь больше времени для партийных дел. Дело мое маленькое: опубликовать тайные договоры и закрыть лавочку» (цит. по «Пролетарская революция», 1922, № 10, с. 99).

Сам Т. вспоминал об этом так: «... я этот НКИД долгое время не посещал, т. к. сидел в Смольном. Вопрос был военный, — наступление на нас Краснова. Были собрания представителей от заводов и масса других дел /.../. Его (НКИДа. — Публ.) организация выразилась вот в чем: ни входов, ни выходов мы не знали, не знали, где хранятся секретные документы; а Петербургский совет довольно нетерпеливо ждал секретных документов. У меня лишнего времени не было съездить, посмотреть. Когда я один раз приезжал, причем это было не в первый день, а дней через 5-7 после взятия нами власти, то мне сказали, что никого здесь нет. /.../. Я потребовал собрать тех, которые явились, и оказалось потом, что явилось колоссальное количество. /.../. В 2-3 слова я объяснил в чем дело, что дело более или менее невозвратное, и кто желает добросовестно служить, тот останется на службе. Но я ушел не солоно хлебавши. /.../. Никаких дипломатических переговоров в те времена здесь не велось и вся работа сводилась к изданию (секретных дипломатических — Публ.) документов и продаже содержимого /.../ вализ. Наша дипломатическая деятельность происходила в Смольном без всякого аппарата НКИД. Только когда приехал тов. Чичерин и был назначен в состав НКИДа, началась работа в самом здании, подбор новых сотрудников, но в очень небольших размерах». («Пролетарская революция», 1922, № 10, с. 59-61).

⁴⁾ Чемерзин Борис Александрович (1874 - после 1934) — сын инженер-генерала Александра Яковлевича Ч., участника русско-турецкой войны 1877-78. В 1893 Б. Ч. из камер-пажей Выс. Двора поступил в лейб-гвардии Егерский полк, откуда в 1896, будучи поручиком, — на Офицерские курсы вост. языков при Азиатском департаменте МИД. Окончив их в 1899, назначен в свой полк, а выйдя в 1901 в отставку, зачислен в чине коллежского ассесора в I-й (Азиатский) деп. МИД. В 1904-09 — вице-консул в Болгарии, в 1910-17 — секретарь миссии в Абиссинии, и. о. поверенного в делах; в 1917 — и. о. секретаря 6 кл. в IV (Дальневост.) политич. отд. МИД (статский советник). В начале 1920-х — помощник управляющего 1-м отделением III (юрид.) секции Главархива (с 1922 — Централхива). С 1927 Ч. преподавал экономич. географию и иностр. языки в Судо-

строит. механич. техникуме и в Школе ФЗУ Всесоюзного объединения оптико-механич. производств. Был членом Секции научных работников Ленинграда.

⁵⁾ 3 ноября 1917 Пг ВРК выдал ордер на арест А. А. Нератова, а утром 4-го — несколько пустых бланков на арест «саботажников» из МИДа.

⁶⁾ Покровский Николай Николаевич (1865-1930) — последний министр иностр. дел царского пр-ва (30 ноября 1916 — 2 марта 1917; некоторые источники дают другие даты окончания его министерства: 4 марта; 27 марта). Тайный советник. Окончил СПб ун-т (1888), службу начал в М-ве финансов, с 1893 — нач. отд-ния канцелярии К-та министров, с 1899 — вице-директор Деп. окладных сборов М-ва финансов, с 1903 — и. д. статс-секретаря деп. промышленности, наук и торговли Гос. Совета, с 1904 — директор Деп. окладных сборов М-ва финансов, в 1906-1914 — тов. министра финансов (в это время под его началом служил автор), с 1914 — чл. Гос. Совета (по назначению, беспартийный, во II деп.). В 1914-16 — тов. пред. Романовского комитета, чл. Верховного совета по призрению (см. прим. 27), тов. пред. Центр. Военно-Промышл. К-та и пр. С 21 янв. по 30 ноября 1916 — гос. контролер.

Назначение его министром иностр. дел после Б. В. Штюрмера было воспринято обществом как «поражение распутинцев» (в Гос. Думе его называли «кристаллически честным»). По свидетельству современника, П. «чувствовал себя на своем новом посту нехорошо», просился у царя в отставку, жалуясь на совершаемые без его ведома закулисные попытки камарильи заключить сепаратный мир.

После февр. 1917 стал пред. правления Сибирского банка, что, наряду с вхождением М. И. Терещенко во Врем. Пр-во, дало Ленину повод для резкого полемического выступления о сращивании гос. аппарата с финансовой верхушкой («Сегодня министр — завтра банкир; сегодня банкир — завтра министр» и пр. — ПСС, т. 31, с. 223). С апр. 1918 — зам. пред. Союза защиты интересов русских кредиторов и должников — общественной организации, возникшей по почину коммерч. кругов для учета взаимных германо-русских претензий в соответствии с Брестским мирным договором. Тогда же или несколько позже П. по заказу журналиста Л. М. Клячко-Львова и «с разрешения Наркомпроса» написал воспоминания, которые ныне хранятся в ЦГАЛИ. Умер, вероятно, в эмиграции.

⁷⁾ Нератов Анатолий Анатольевич (1863-1928) — тов. министра иностр. дел (1910 - окт. 1917), гофмейстер и тайный советник. Окончил Александровский лицей. В 1886 поступил в Азиатский деп. МИД и прошел последовательно ступени от делопроизводителя до чиновника особых поручений при министре и старшего вице-директора того же деп. (с 1904). За все годы службы не занимал ни одного заграничного поста. Став тов. министра, Н. во время долгой болезни тогдашнего министра С. Д. Сазонова управлял м-вом. Будучи, по свидетельству Ю. Я. Соловьева, «типичным бюрократом» и «не имея собственных взглядов на русскую внешнюю политику», Н. во всем соглашался с мнением А. П. Извольского (рус. посол в Париже, «германофоб». — Публ.). С 1916 — чл. Гос. Совета. 3 ноября 1917 Пг ВРК, получив сведения об отсутствии Н. на его квартире, заключил, что Н. «скрылся, не сдав дела», и постановил, что Н. «подлежит аресту и преданию революционному суду». На следующий день это постановление было опубликовано в газетах «для устрашения сабо-

тажников». Однако, во-первых, как следовало из напечатанного в те же дни заявления А. М. Петряева, «никто из чиновников министерства скрываться не думал и не отказывается от передачи дел», а во-вторых, по сообщениям газет, «никаких репрессивных мер до сих пор не было предпринято». Кроме того, известно, что 4 ноября Н. присутствовал на общем собрании служащих м-ва, созванном по требованию большевиков. В ноябре Н. участвовал в заседаниях т. н. «малого» Врем. Пр-ва на квартире А. А. Демьянова, где выступал в качестве министра иностр. дел вместо арестованного М. И. Терещенко. Там (а затем и в печати) ему пришлось давать объяснения в связи с публикацией большевиками ряда секретных дипломатич. документов. Вскоре после этого уехал на Юг, где при Деникине принимал участие в Особом совещании, предшествовавшем пр-ву ген. Лукомского. С янв. 1920 — в эмиграции.

⁸⁾ Мысль о предварительномговоре как причине саботажа гос. служащих после окт. 1917 появилась в советской исторической литературе с середины 1930-х. Первый исследователь темы З. Серебрянский («Пролетарская революция», 1926, № 10(57), сс. 5-17) объясняет саботаж воспитанностью чиновников в предрассудках всемогущества буржуазии, страхом интеллигенции за будущее и ее неверием в «творческие силы пролетариата», косностью и сословной ограниченностью Пб чиновничества, послушанием его начальству, призрачными и реальными материальными интересами и упованиями (обеспеченная старость, нечистые доходы) и т. п. Среди источников финансирования саботажа он называет банки, отдельные крупные фирмы, 1-й ВЦИК, «малый» Совет министров и пожертвования частных лиц. Как видим, «сговору» тут места нет. В другой своей работе (в кн. *ОТ КЕРЕНЩИНЫ К ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЕ*. М.-Л., 1928) тот же автор добавляет в качестве причин участие иностранцев в гос. аппарате столицы (что «связывало этот аппарат с иностранным капиталом») и протест интеллигенции против пролетарского «удара по привилегии образования». Здесь же, говоря об источниках финансирования, он обмолвливается: «Организацией саботажа руководили банки».

М. Карева (в кн. В. Ундревич и М. Карева. *ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ*. М., 1935) расширяет круг «организаторов», добавляя сюда К-т спасения родины и революции, Пг и Моск. гор. думы, местные думы, ЦИК крестьянских депутатов, ЦК «соглашательских партий» (РСДРП, ПСР и т. п.) и ряд профсоюзных органов. Она же рисует схему «заговора»: кружки чиновников отдельных м-в — объединенный комитет чиновников — связь последнего с малым Советом министров + агитация Совета защиты. Тема «сговора» продолжалась с разными вариациями и в более поздних работах советских историков. Новейший исследователь проблемы М. П. Ирошников в своей работе *СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА*. (М., 1967), в других вопросах обстоятельнейше документированной, без обиняков и каких-либо ссылок на источники заявляет: «Главным организатором чиновничьего саботажа выступил образовавшийся фактически после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде блок всех буржуазных и мелкобуржуазных партий во главе с партией кадетов» (с. 162).

⁹⁾ Петряев Александр Михайлович — тов. министра иностр. дел (март-окт. 1917), статский советник. Окончил арабский разряд вост.

ф-та СПб ун-та (1897) и Учебное отделение вост. языков при I (Азиатском) деп. МИД (1899), куда и был затем причислен. Был «студентом» посольства в Константинополе, секретарем консульства там же (1902-1906), консулом там же и в др. городах Турции (1906-1913), генеральным консулом и комиссаром в Европейской контрольной комиссии в Албании (Ураццо, 1913-16), перед февр. 1917 — советник (нач.) II (Ближневост.) политич. отд. МИД. Тов. министра П. стал при П. Н. Милюкове.

Незадолго до окт. 1917 выпустил брошюру ПРОЛИВЫ (Пг., 1917), которая, по существу, была официозным ответом МИДа на антивоенную агитацию «левых» партий. Подробно анализируя экономическое значение Босфора и Дарданелл для России, П. подчеркивает, что «обеспечение свободы плавания через проливы и безопасности наших южных владений ничего общего не имеет с вопросом об аннексиях и контрибуциях». Разбирая гамму вариантов послевоенной судьбы проливов (от нейтрализации до аннексии), П. «в терминах эпохи» заключает: «Разрешение вопроса о проливах составляет одну из целей войны, именно — становление прочного народовластного мира».

На собрании служащих МИДа 4 ноября 1917 от лица своих подчиненных выразил готовность продолжать вести текущие дела м-ва, не связанные с политикой (консульские, о военнопленных, о переводах денег за границу и т. п.). Это предложение П. было отвергнуто, так как, по оценке И. А. Залкина, заключало в себе «усовершенствованную систему саботажа».

С 1919 П. в эмиграции, возглавлял там Российскую дипломатическую миссию в Болгарии, подчинявшуюся парижскому Совету послов (организации русских дипломатов в изгнании). По словам знавшего его по совместной работе в Софии Л. Д. Любимова, П. «стоял головой выше большинства своих сослуживцев. Это был не дипломат обычного светского типа, а техник-работяга, владевший шестнадцатью языками, известный специалист по восточным делам. /.../ он не верил в долговечность своей дипломатической деятельности, но обязанности свои выполнял с большой щепетильностью».

¹⁰ Вероятно, имеется в виду Афонасьев Владимир Дмитриевич (1871-?) — с 1914 до нач. 1917 управляющий V распорядит. отд-нием Деп. Гос. казначейства и чиновник особых поручений М-ва финансов, действ. статский советник. Окончил Уч-ще Правоведения (1894). Служил в М-ве финансов с 1896, где, вероятно, и познакомился с автором. Представлял М-во при Верховном Начальнике санитарной и эвакуационной части и в Комиссии о мерах предупреждения и борьбы с чумой. По-видимому, в МИД переведен при Врем. Пр-ве.

¹¹ С 1908 автор был женат на Наталии Матвеевне (урожд. Поливановой).

¹² Поливанов Е. Д. (1891-1938) — известный полиглот и лингвист. Окончил ист.-филол. ф-т СПб. ун-та и Практическую вост. академию (1912). С 1915 — приват-доцент ун-та и Высших женских курсов (японский и др. языки, сравнит. языкознание). Ездил в диалектологические командировки в Японию. Кажется, ненадолго арестовывался в 1916 за антивоенную пьесу. В 1917 — сотр. Центр. Совета крестьянских депутатов, от которого в авг. прикомандирован к отделу печати МИДа (выполнял там поручения азиатских отделов М-ва).

27 окт. 1917 обратился в Смольный с письмом, в котором предлагал свои услуги новой власти. Предложение было принято, и П. принял участие сначала в приеме дел МИДа, а затем в работе по публикации секретных дипломатич. документов. В новом НКВД П. возглавлял Отд. сношений с Востоком (не более февр. 1918).

Вот как пишет об этом Троцкий: «При нем (Н. Г. Маркине — Публ.) терся молодой человек, лет 25, без руки, фамилия его, кажется, Поливанов, приват-доцент. Так как он был мне рекомендован Маркиным, то он и помогал ему. Не знаю, на каком он был факультете, но у него были сведения по этой части. Кажется, он даже знал азиатские языки. Филолог ли он был, что ли, — в точности не могу сказать. Работал он не на секретных ролях. Кто рекомендовал его Маркину, я не знаю. /.../ Но потом оказалось, что Поливанов был членом Союза русского народа. Руку он потерял, во всяком случае, не на баррикадах. Он обнаружил потом большое приращение к спиртным напиткам, и даже были сведения, что принимал разные приношения. Персидское посольство ему какую-то корзинку с какими-то приношениями прислало. Он был по этому поводу устранен. Первое время он работал довольно активно» (опубл. в 1922).

Сведения об алкоголизме П., а также об употреблении им наркотиков косвенно подтверждает и симпатизирующий ученому В. А. Каверин, выведший его под именем хромого Драгоманова в своем романе 1920-х *СКАНДАЛИСТ*, а в более поздних воспоминаниях объяснявший тягу П. к китайским курильням опиума в Петрограде его страстью «ко всему необычному».

Источник сведений о членстве П. в СРН неизвестен, однако, когда его «громили» на дискуссии с марристами в 1929, этот «аргумент» был также выдвинут в полемике с П. одним из его оппонентов (Охитовичем).

В 1918 П. — один из организаторов Союза китайских рабочих, редактор первой китайской комм. газеты, с 1919 — чл. КП и проф. Пг ун-та. В 1921 П. в Москве — зам. зав. Дальневост. секции Коминтерна, преподает в Комм. ун-те трудящихся Востока. В 1921-26 преподавал в Туркестанском Вост. ун-те и Средне-Азиатском ун-те (Ташкент), в 1926-29 — сотр. РАНИОН, Ин-та востоковедения, Ин-та языка и мышления. Подвергшись «разгрому» в 1929, работал в Самарканде, Ташкенте и Фрунзе, где в сер. 1930-х преподавал в пед. ин-те различные предметы вплоть до политэкономии.

Арестован в марте 1937. Расстрелян. Подробную, хотя и не свободную от пробелов, погрешностей и натяжек, биографию и обстоятельный разбор научного наследия см. в кн. Е. Д. Поливанов. *СТАТЬИ ПО ОБЩЕМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ* (М., 1968). П. оставил также неопубликованные поныне полностью воспоминания о своей работе в Центр. Совете крестьянских депутатов и в НКВД (ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, ед. хр. 593).

¹³⁾ Поливанов А. А. (1855-1920) — военный министр (июнь 1915-март 1916) и генерал-от-инфантерии (с 1915). С того же времени — чл. Гос. Совета. Назначение П. министром — результат давления Думы, а поводом для его отставки послужил отнятый по его приказу на военные нужды автомобиль Распутина. С февр. 1920 служил в Красной Армии, был чл. Особого Совещания при Главкоме. Умер от тифа в Риге во время сов.-польских переговоров, на которых был военным экспертом.

14) Залкинд Иван Абрамович (1885-1928) — уполномоченный по НКВД (с окт. 1917). В 1903-1908 неоднократно арестовывался и ссылался за револ. деятельность. Чл. РСДРП. В 1908 - марте 1917 в эмиграции. Окончил Сорбонну, доктор биологии. Работал в Алжире и Тунисе. По возвращении — сотрудник Пб и Василеостр. районных к-тов РСДРП(б). В окт. 1917 — комиссар Василеостр. револ. штаба. 26 окт. О. Равич попросила З. переговорить с Урицким, намеченным ВРК для приема дел бывшего МИДа. Будучи загружен делами Василеостр. райкома, З. сумел встретиться с Урицким лишь через несколько дней, когда выяснилось, что «иностранные дела берет на себя тов. Троцкий». События, связанные с «походом войск Керенского и Краснова» на Пг. не позволили З. немедленно приступить к своим новым обязанностям. Однако 3 ноября вместе с Поливановым З. объезжает чиновников МИДа по квартирам, требуя их явки на следующий день, а 4 ноября, «запасливые ордерами на арест», является на собрание сотрудников МИДа. Активно участвует в организации нового НКВД и работает по розыску и публикации секретных дипломатич. документов. В дек. 1917 — зав. Отд. стран Запада. На первом дипломатич. приеме (приход 1.01.1918 иностр. представителей к Ленину в связи с арестом румынского посланника Диаманди) играет роль дипломатич. советника главы пр-ва. С 18 янв 1918 — полномочный представитель СНК в Швейцарии. В 1918-1926 — генеральный консул СССР (до 1923 — РСФСР) в разл. городах Швейцарии, Турции и Италии. Тогда же определил на работу в НКВД своего младшего брата Горация. В 1927-28 — представитель НКВД в Ленинграде. Кроме того, преподавал в Лен. ун-те и был чл. Тихоокеанского к-та АН. Оставил содержательные воспоминания о возникновении и начале деятельности НКВД, оставшиеся до сих пор одним из главных источников по этой теме.

15) Васильев А. К. — ген. консул в Алжире и Тунисе (1912-1917), статский советник. В 1892-97 был причислен к М-ву нар. просвещения. Во II деп. МИДа служил в 1897-1910, консулом в Париже — в 1910-11. С 1912 к фамилии добавляется «Васильков».

16) Смотрителем зданий МИДа с 1916 по 25 окт. 1917 был Григорий Евгеньевич Пащенко — штабс-капитан лейб-гвардии Гренадерского полка, демобилизованный по ранению (в 1910 — поручик того же полка). В 1920-е преподавал в Ленинграде.

17) Доливо-Добровольский Александр Иосифович (1866 - март 1932) — чиновник МИД. С 1883 — на службе во флоте, с 1886 — мичман, с 1893 — лейтенант флота. Участвовал в кругосветном плавании на клипере «Джиги» (1889-92), путевые заметки о котором напечатал. С 1895 — младший флаг-офицер штаба командующего Отдельным отрядом судов Балтийского моря. В 1896-98 — в заграничном плавании на эскадренном броненосце «Наварин». В 1898 вышел в запас и поступил на службу во II деп. МИД в чине коллежского ассесора. Пробыл там до 1904, когда был назначен консулом в Черновцах (Австро-Венгрия), где оставался до нач. I мир. войны. Во время службы во II деп. выпустил несколько брошюр по морскому и консульскому праву. В годы войны, видимо, некоторое время был в положении «причисленного к МИД», т. е. за штатом. После реорганизации департаментов МИД в марте 1917 занял пост вице-директора Правового деп., в окт. — и о. директора (был в чине статского советника). Газ. «День» от 15 ноября 1917 ошибочно именует Д. — и. о. директора деп. личного состава и хоз. дел. В заметке

группы бывш. политэмигрантов **СТАРЫЙ РЕЖИМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ** («Известия Петросовета», 8 ноября 1917) шла речь о Д. как «ставленнике старого режима», «агенте Штурмера, Столыпина и Терещенки», выражалась надежда на «удаление в близком будущем со своих постов» таких лиц.

14 ноября 1917 Д. отказался продолжать забастовку, объявленную чиновниками, вышел на работу и заявил о своем признании власти СНК. Спустя два-три дня он публично обратился к коллегам с мотивацией своих действий и призывом последовать своему примеру: «Большевики захватили власть, свергнув коалиционное правительство. В первое же мгновение мы все отступили перед фактом захвата, перед призраком разорванных хартий свобод. Нам было предоставлено время, много дней, чтобы заметить, что перед нами не кондотьеры с еще горячими ружьями после уличной схватки, но фактическая власть большой народной партии. В такой конъюнктуре государственно-правовая доктрина даже социалистических толков не допускает принципиально ведомственных забастовок. Здесь возможен только индивидуальный уход тех, кто на высших руководящих постах оказался бы в конфликте со своими убеждениями» («Новая жизнь», 18 ноября 1917).

В дальнейшем Д. — один из руководителей Правового отдела НКВД, но, по-видимому, не долее весны 1918. Участвовал в работе русско-германской комиссии по делам военнопленных. В начале 1920-х служил в разных Пг учреждениях. Судьба Д. после 1925 нам неизвестна, но его брат Борис, морской офицер (1873-?), служил в Красном Флоте, и до 1928 издавалось его учебное пособие **БОЕВОЙ ФЛОТ**.

¹⁸⁾ Гришкевич-Трохимовский П. М. (1868-?) — вице-директор деп. Гос. казначейства М-ва финансов (1910 - ноябрь 1917), действ. статский советник, чл. Совета М-ва финансов. После окончания СПб ун-та в 1891 поступил на службу в М-во финансов, где и пробыл до 1917. Представлял М-во в Совете Добровольного Флота, Совете по делам торгового мореплавания и К-те по портовым и золотопромышлен. делам. В ходе захвата большевиками финансового аппарата Г. принял участие в совещании (ок. 4 ноября 1917) с В. Р. Менжинским (замнаркомом финансов), в результате которого согласился, что «по получении мандатов за подлинными подписями членов СНК департамент Государственного Казначейства будет выдавать ордера, обязательные для Госбанка». Таким образом, еще до фактического овладения Госбанком (17 ноября 1917) был открыт путь к разрешению того финансового кризиса, в котором оказалась новая власть. В 1920-е Г. служил в системе Наркомфина.

¹⁹⁾ 11 ноября 1917 в «Известиях Петросовета» был опубликован приказ наркома иностр. дел Л. Троцкого, предупреждающий, что чиновники МИД, не приступившие к занятиям до утра 13 ноября, будут уволены без права на пенсию. 14 ноября там же появился «Приказ по МИД», в рассказе о котором автор допускает ошибки. На самом деле приказ гласил: «За отказ от подчинения СНК увольняются от должности без права на пенсию: тов. министра иностр. дел А. А. Нератов, директор канцелярии Б. А. Татищев, тов. министр А. М. Петряев и чиновники министерства: Г. П. Ухтомский, В. Б. Лопухин, Н. П. Юдин, В. И. Шавельский, Г. Г. Епифанов, А. Н. Орлов, Я. Л. Барсков, И. К. Лысенко, А. Н. Раевский, А. Э. Нюман, Г. Е. Паценко, Ф. А. Семенченко, А. К. Беляев, В. И. Некрасов, А. А.

Губарь, Н. Н. Маслов, М. И. Муромцев, А. В. Блинов, К. К. Фетерлейн, Е. К. Памерский, К. В. Циглер, А. О. Струве, Ю. Г. Удинцов, Н. Н. Щелкунов, А. Н. Марисов, А. В. Григорьев, В. И. Беляев, Н. М. Старченко, Л. В. Урусов, В. В. Таубе» (курсив наш. — Публ.).

16 ноября к перечисленным были добавлены еще 69 фамилий сотрудников всех четырех политич. отделов МИД, Деп. общих дел, Отд. печати, Учебного вост. отд. и Гос. Пг архива. 22 ноября была разослана циркулярная телеграмма НКИД «всем дипломатическим представителям России за границей» с запросом об их согласии служить новой власти. 26 ноября «за неполучением ответа» были уволены со службы 28 российских дипломатов — глав миссий.

В НКИД стали появляться первые новые сотрудники дипломатич. ведомства: рабочие завода военных и морских приборов а/о «Сименс и Шуккерт» (ныне «Электроаппарат») Н. А. Антонов, Н. А. Андреев, И. Г. Беляев, М. И. Захаренко, В. И. Митюрев, И. П. Петров, К. М. Федоров, которые поначалу приходили «только на джурство», а потом «снялись с завода и ушли в комиссариат»; солдаты Павловского полка, моряки-балтийцы, шифровальщики из Глав. Морского Штаба и проч.

Кроме А. И. Доливо-Добровольского, а также упоминаемых далее в тексте и пришедших в НКИД много позже Ф. Д. Петрова, Г. Н. Лашкевича, Н. П. Колчановского, Д. Т. Флоринского и А. В. Сабанина, на сторону новой власти стали курьеры С. П. Денисов, Н. И. Иванов, Т. Ф. Киселев, П. Г. Махотин и Я. И. Устиненков, делопроизводители А. В. Здзеницкий и И. К. Лысенко (ср. список уволенных), дворник А. К. Николаев, рабочие-печатники А. И. Иванов и Н. П. Немчинов, чиновник IV политич. отд. А. Н. Воскресенский (в дальнейшем — зав. отд. Востока НКИД вместо Поливанова до сер. 1920-х), кроме того — пришедший после службы в 1918-19 у Колчака, а в 1920 в парижском Совете послов — Ю. В. Ключников, а также чиновники Деп. личного состава и хоз. дел М. И. Августовский, В. В. Телеснин, П. П. Кафталь и Ю. М. Чельцов.

²⁰⁾ Татищев Борис Алексеевич (1876 - ?) — директор канцелярии МИД и советник (нач.) I политич. отд. (1916 - ноябрь 1917), статский советник, камергер. В 1896 окончил Александровский лицей. До 1911 — 1-й секретарь миссии в Афинах, затем — в Париже. Возможно, арестовывался большевиками на короткое время ок. 4 ноября 1917 с целью изъятия у него ключей от комнат и шкафов МИД.

²¹⁾ У автора было двое детей: Борис (р. 1910) и Марина (р. 1911).

²²⁾ Маслов Н. Н. — чиновник МИД. Окончил СПб ун-т с дипломом 1-й степени (1897) и был причислен к Деп. личного состава и хоз. дел МИД, где к авг. 1916 — делопроизводитель 6 класса. В 1916-17 — старший секретарь Юрисконсультского отдела МИД, статский советник. Также состоял чиновником особых поручений Верх. совета по призрению. В 1920-е, кажется, был бухгалтером в Пг.

²³⁾ Группа монастырей в окрестностях горы Афон (Балканский п-в) существует с V в. н. э. Россия покровительствует им с XV в., т. е. с момента захвата Балкан турками.

²⁴⁾ Висконти Евгений Александрович — чиновник МИД. Сын офицера Переяславского драгунского полка. Определен в Деп. личного состава в 1890, через год получил первый классный чин «за выслугу лет». Служил там вплоть до 1917. С 1910 — действ. статский советник, с 1911 — чиновник особых поручений 5 кл. при МИДе, с 1916 — делопроизводитель 5 кл.

²⁵ фон Таубе Владимир Владимирович, барон (1876-?) — чиновник МИД. Сын генерал-майора Владимира Юльевича, служившего в Военно-Медицинской академии. Окончил СПб Коммерч. уч. (1892). В 1896-1907 служил в Отд. кредитных билетов Госбанка пом. контролера, в 1907-10 — контролером. Затем поступил делопроизводителем в Деп. личного состава МИД, в 1917 — надворный советник. Обстоятельства его ареста в ноябре 1917 Н. Г. Маркиным, в частности, отражены в письменном заявлении Т. в Следственную комиссию Пг Совета о том, что он «возвратил все служебные документы, находившиеся у него на квартире». Его мать Варвара Петровна (в 1917 жила в военной гостинице «Астория» на Морской, 39) в хлопотах за сына обращалась за помощью и в Пг Полит. Кр. Крест к И. И. Манухину.

²⁶ Маркин Николай Григорьевич (1892 или 1893 - 1918) — матрос-балтиец. Родился в семье ткачей в Пензенской губ. Вскоре семья переехала во Владикавказ, где М. рано пошел работать «мальчиком» в писчебумажный магазин. В 1910 «в порыве гнева» пытался спалить хозяина, был арестован, при обыске была обнаружена нелегальная литература, оставленная старшим братом, уехавшим на заработки. На допросе признал книги за свои и брата не выдал. Провел в заключении 8 мес., где сошелся с политическими. По выходе много читал, затем учился на слесаря. В авг. 1914 призван во флот, служил в Кронштадте, сначала матросом, затем в классе электриков учебно-минного отряда.

Распространял листовки среди матросов. 28 февр. 1917 вывел из казарм матросов своего отряда «с революционными песнями». Был избран депутатом Петросовета и Кронштадтского Совета. С 4 марта — чл. Кронштадтского к-та РСДРП(б) и сотрудник газ. «Голос правды». В апр. М. — в составе отряда по охране Ленина. Будучи делегатом I съезда военных моряков Балтики, ездил в составе делегации моряков к А. Ф. Керенскому за утверждением Устава Центробалта, который — в конце концов — был введен в действие явочным порядком. В июне — делегат I съезда Советов, избран во ВЦИК, тогда же в ЦК Центрофлота. В сер. июня — делегат от Балтики на Всероссийской конференции фронтовых и тыловых организаций РСДРП(б). После июльских событий, пользуясь мандатом чл. ЦИК, посещал арестованных большевиков в «Крестах», был исключен из Центрофлота. В авг. командовал «летучим отрядом» по разоружению и арестам «крниловских офицеров в петроградских гостиницах и частных домах».

Осенью 1917 «по заданию ЦК» М. редактировал газету «Рабочий и солдат», в сент. — выступал с докладом на II съезде моряков Балтфлота, затем вошел в состав Пг ВРК. С 3 ноября 1917, будучи назначен секр. наркома иност. дел, активно участвовал в овладении МИДом, организовывал перевод, расшифровку и публикацию тайных дипломатич. документов, арестовывал и шантажировал чиновников, выселял их из квартир и пр.

Ср. у Троцкого: «Насчет НКВД я бы хотел вспомнить тов. Маркина, который организовал, до некоторой степени, НКВД. /.../ Он познакомился с моими мальчиками. Его никто не замечал, но несомненно он пользовался доверием матросов. Через моих мальчиков я познакомился с ним. Это было так недели за 2-3 до революции. Он предложил свои услуги для всяких ответственных поручений, и первое время мы посадили его в редакцию «Рабочий и Солдат», где он

проявил величайшую энергию. А затем он вошел вместе со мною в НКВД. /.../ Маркин арестовал Татищеву, барона Таубе (К. Ф., а не В. В. — Публ.) и привез их в Смольный, посадил в комнату и сказал: «Я ключи достану через некоторое время». На вопрос о ключах Таубе отослал к Татищеву, а Татищев — куда следует, а когда Маркин вызвал меня дня через 2, то этот Татищев провел нас по всем комнатам, отчетливо показал, где какой ключ, как его вертеть и т. д. Тогда было опасение, не спрятаны ли какие-нибудь бумаги. Но это не подтвердилось. Когда мы спросили его, а где же секретные документы, он сказал, что наше представление о них страдает, так скажут, некоторым фетишизмом, что они обязательно должны быть написаны на пергаменте и т. д. Эти секретные документы потеряли свое значение, эти грабительские соглашения создавались просто путем шифрованной телеграфной передачи, и копии их лежали в довольно прозаичном виде, спрятанные в шкафах. Маркин приступил к их изданию. /.../ Сам Маркин ловил посылки, которые приходили из других стран. В них оказывался шелк, дамские туфли и т. п. /.../ Маркин до НКВД работал в Следственной комиссии Петросовета. /.../ Следственная комиссия начала применять некоторые методы, которые не нравились тогдашним меньшевикам и эсерам, и Маркин в этом отношении тоже отличался тем, что эти методы, по части улавливания контр-революционеров, применял весьма усердно. Маркин был, кажется, рабочим или крестьянином. Человек очень умный, с большой волей, но писал с ошибками. Всякие документы, написанные им, написаны довольно-таки неправильно».

С ноября 1917 по февр. 1918 под редакцией М. вышло 7 сборников тайных дипломатич. документов, составленных, главным образом, из бумаг, не пошедших в газеты того времени. В НКВД М. был руководителем секции «Сборника» при отд. печати, типографского отд. и организатором новых отделов, затем «контролером» и «немало потрудился над очищением аппарата НКВД от саботажников». По свидетельству И. А. Залкинда, М. «находил время проникать во все углы и закоулки министерства, отыскивал всякого рода бумаги, письма и фотографии самого компрометирующего старых чиновников свойства». Ему же принадлежала также идея торжественной продажи с аукциона разных безделушек, присланных диппочтой чиновникам М-ва.

С июня 1918 М. перешел в наркомат по морским делам, где занялся организацией речных и озерных флотилий. Утверждая далее (см. текст), что М. впоследствии «сделал видную карьеру», Лопухин ошибается. Военная деятельность М. описана в кн. Н. Ф. Варгина **КОМИССАР ВОЛЖСКОЙ ФЛОТИЛИИ**. М., 1961, и др. В окт. 1918, прикрывая отступление после речного боя, он погиб. Характеризуя его в некрологе «превосходным революционером» и «настоящим солдатом революции», Троцкий, между тем, не удержался отметить: «некоторая угрюмость была вообще в его характере». (Цит. по кн. **ПАМЯТНИК БОРЦАМ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ПОГИБИШИМ В 1917-1921 ГГ.**, М.-Л., 1925, с. 371).

²⁷⁾ Верховный Совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших в войне был образован царским указом от 11 авг. 1914 под председательством имп. Александры Федоровны. В его состав входили председатели Гос. Совета и Гос. Думы, Главного Алексеевского и Романовского К-тов, министры, а также «лица обоего пола по назначению» императрицы. К ведению

ВС вначале относились прием пожертвований, распределение средств между благотворит. организациями и т. п. Одновременно ВС были образованы его к-ты в Москве и Пг. В царских указах подчеркивалось, что ВС, «не оказывая непосредственной помощи отдельным лицам, обращает находящиеся в его распоряжении денежные средства на выдачу пособий учреждениям, имеющим попечение о семьях и лицах, указанных выше, и устанавливает правила об условиях и порядке выдачи этих пособий».

Деятельность ВС протекала в четырех комиссиях: подготовительной, финансовой, распорядительной и особой. Последняя (образована 8 янв. 1915) имела полное название: Особая комиссия по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших в продолжение войны, а также их семей. Ее обязанности определялись как «разработка и осуществление мероприятий по приисканию занятий и работ, а также по оказанию других видов призрения этим лицам». Кроме того, ОК должна была координировать оказание помощи войнам, выпущенным из госпиталей, и дополнительное снабжение одеждой тех из них, что возвращались в строй. Из упомянутых в тексте лиц в состав ВС входили: П. Л. Барк, И. Л. Горемыкин, А. Н. Куломзин, Н. Н. Покровский (возглавлял финансовую и ревизионную комиссии, а в ОК был тов. председателицы вел. княгини Ксении Александровны), С. Ф. Вебер (пред. постоянного при ВС Междуведомственного Совецания для рассмотрения вопросов по применению законодательства о призрении лиц, призванных на войну, и их семей). Среди членов ОК были: автор, жена и сын Горемыкина, жена Коковцова, А. А. Поливанов, жена Н. Н. Покровского — Екатерина Петровна, жена Родзянко, А. Б. Сазонова, ее сестра О. Б. (вдова Стольпина), их братья, М. Ф. Шиллинг. МИД в ОК представлял статский советник Иван Петрович Дмитров. Позднее (в 1916) к канцелярии ВС были причислены: В. А. Бонди, Е. А. Висконти и Н. Н. Маслов. ВС и ОК, по-видимому, прекратили свое существование в марте 1917.

²⁸⁾ Лопухин Евгений Борисович (1878 - после 1940) — физик. Окончил СПб ун-т (1900). В 1903-13 служил в М-ве финансов. Затем — в Отд. промыш. училищ М-ва нар. просвещения и преподавал физику в вузах Пг (в 1917 — приват-доцент). В нач. 1920-х — помощник ректора Агрономич. ин-та по адм.-хоз. части. В сер. 1920-х переехал в Баку, был там проф. Азерб. ун-та и Политехнич. ин-та. В конце 1930-х вернулся в Ленинград. В 1917 жил на Знаменской, 34.

²⁹⁾ Мать автора Вера Ивановна Лопухина в 1917 жила на Звенигородской, 22.

³⁰⁾ Ярошинский Карл Иосифович (вероятно, ниже в тексте автор ошибся в отчестве) — крупный сахарозаводчик и финансовый делец. Перед войной — владелец и директор-распорядитель Гниванского, Корделевского и Чарноминского свеклосахарных заводов (Украина). До 1916 жил в Киеве, затем — в Пг (Морская, 52). Сильно разбогател в годы войны благодаря скупке контрольных пакетов ряда банков и спекулятивным операциям с ценными бумагами. В 1914 приобрел от Азовско-Донского банка контрольный пакет Киевского частного коммерч. банка (стал там пред. совета), в янв. 1917 — 70 тыс. акций Русского Торгово-промышл. банка (по двойному курсу за 35 млн. руб., на средства подконтрольных ему к тому времени банков). Добился в последнем смены правления, причем сам стал чл. совета, «временно замещающим пред. правления». Такое поло-

жение давало Я. возможность, руководя банком, одновременно в нем кредитоваться, что не полагалось по уставу для избранных членом правления.

Используя эти возможности, в апр. 1917 распространил свой контроль на Русский для внешней торговли банк. В окт. 1917 боролся за овладение контрольным пакетом Пг междунар. банка (не удалось осуществить до конца в связи с последовавшей вскоре национализацией частных банков). К концу окт. возглавляемая Я. финансовая группа в дополнение к названным банкам полностью контролировала несколько десятков сахарных заводов во главе с Тульско-Черкасским Т-вом (бывш. бр. Терещенко, т. е. более половины сахарного производства страны), 8 металлург. и механ. заводов, несколько текстильных фабрик, пароходных и ж.-д. предприятий. По мнению советского исследователя, «не вкладывая в эти операции никаких собственных средств и передвигая паи и акции из одного подконтрольного предприятия в другое, Ярошинский присваивал многомиллионные доходы от роста курсов этих акций и паев, в то же время не выпуская их из своих рук («Исторические записки», т. 66, 1960, с. 39). 14 дек. 1917 Следств. комиссией Петросвета был отдан приказ об аресте Я., но к этому моменту его уже не было в России. Умер в эмиграции.

³¹⁾ Бонди Владимир Александрович (1870-1934) — литератор. Род. в Рыбинске, где потом учился в одной гимназии с автором. В 1903-18 совместно с С. М. Проппером, И. И. Ясинским и др. редактировал газ. «Биржевые ведомости» (после окт. 1917 — «Новые ведомости») и многие ее приложения, в т. ч. ж-лы «Огонек», «Новая иллюстрация» и др. Чл. Особой комиссии Верх. совета (см. прим. 27) и Скобелевского к-та Литераторов. Упоминания Б. автором находятся в предыдущей части записок.

³²⁾ Коковцов Владимир Николаевич (1853-1943) — министр финансов (1904-05; 1906-14), пред. Совета министров (1911-14). Из старинного дворянского рода, помещик Новгородской губ. Дед К. — ярославский советный судья, сотр. «Уединенного пошехонца». Одно из родовых имений К. было пожаловано царем Алексеем Михайловичем. Окончил 2-ю СПб гимназию, затем Александровский лицей (1873). С 1873 начал служить в М-ве юстиции. Командировался за границу для ознакомления с постановкой там тюремного дела. С 1879 — инспектор Гл. тюремного упр. МВД, с 1882 — пом. начальника ГТУ. Участвовал в подготовке нового издания **УСТАВОВ О СЫЛЬНЫХ И СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЙ**. В 1890 перешел в Гос. канцелярию, где был пом. статс-секретаря Гос. Совета, председателем Хоз. комитета, статс-секретарем Деп. экономики. В 1895 назначен тов. Гос. секретаря. В гос. 1896-1902 К. — тов. министра финансов (при С. Ю. Витте заведовал казначейской и податной частями). В 1902 К. назначен Гос. секретарем, в это время был чл. Особого Сопровождения о нуждах с.-х. промышленности. Будучи назначен в февр. 1904 министром финансов, начал свою деятельность с попыток приспособления текущего бюджета страны к нуждам русско-японской войны. Сохранял этот пост в правительствах Витте (с перерывом в окт. 1905 - апр. 1906), Горемыкина и Столыпина, а также с сент. 1911 по янв. 1914 в возглавляемом им самим пр-ве.

О нем в это время автор в опубликованной ранее части своих записок пишет так: «К. был в упоении власти. Наступила для него эра никем и ничем не стесняемой и не сдерживаемой болтовни, со-

ставлявшей преобладавшее его пристрастие, /.../ он окончательно свел свою финансовую политику к одной непроизводительной охране казенного сундука, всячески урезывая испрашивавшиеся ассигнования на самые неотложные нужды».

В янв. 1914 К. уволен в отставку в чине действ. тайного советника, с назначением чл. Гос. Совета и пожалованием ему титула графа. Среди причин, называвшихся официально: «казначейская узость», «гипертрофическое поощрение непопулярной винной монополии», принесение интересов общей политики в жертву фиску и проч., среди неофициальных — «заигрывания с Государственной Думой», отрицательное отношение к Распутину. В 1914-18 занимал ответств. посты в ряде крупных частных банков (в 1917 — чл. совета Русского для внешней торговли банка), был почетным членом ряда благотворит. организаций. С ноября 1918 — во Франции. По сведениям Д. Л. Голинкова, в 1921 вместе с П. Б. Струве организовывал финансовые круги для оказания финансовой и продовольств. помощи Петрограду после переворота, готовившегося «Пг боевой организацией». В Париже К. был председателем International Bank of Commerce (бывш. отд-ния Пг междунар. коммерч. банка), редактировал книги по экономике России, оставил воспоминания *ИЗ МОЕГО ПРОШЛОГО* (тт. 1-2, Париж, 1933).

³³) Алевский Владимир Николаевич (1870 - ?) — гимназич. товарищ автора, в 1917 — чл. правления Русского торгово-промышл. банка и его агент по контролю над 1-м О-вом пароходства по Днепру (в котором тоже чл. правления). Окончил после Рыбинской гимназии ун-т Св. Владимира (Киев, 1896). Служил в аппарате М-ва финансов (в 1916 — коллежский советник, старш. бухгалтер Киевской конторы Госбанка).

³⁴) Лопухин Алексей Александрович (1864-1927 или 1928) — директор Деп. полиции (1903 - февр. 1905), действ. статский советник. Из дворян Орловской губ. Окончил Моск. ун-т (юрид. ф-т) в 1886, друг детства П. А. Столыпина. По окончании ун-та служил по судебному ведомству. С 1890 — тов. прокурора окр. суда в провинции, в 1893-96 — в Москве, с 1896 — тверский прокурор окр. суда, с 1898 — московский, с 1900 — то же в СПб. Исполняя в 1902 должность прокурора Харьковской судебной палаты, сделал успешный доклад В. К. Плеве о следствии по делу об аграрных беспорядках, после чего 9 мая 1902 назначен и. д. директора Деп. полиции.

В этом качестве Л. имел личные свидания с секретным агентом департамента, одним из лидеров БО ПСР Е. Ф. Азефом и получал от него информацию. В марте 1905 смещен с должности за непредотвращение убийства Вел. кн. Сергея Александровича, назначен Эстляндским губернатором. В конце 1905 уволен в отставку в связи с волнениями в Ревеле. Поступил на службу в Соединенный банк. В 1906 выступил в прессе с разоблачениями о печатании в типографии Деп. полиции погромных прокламаций, а его зять С. Д. Урусов повторил эти разоблачения в Гос. Думе. В 1908 Л. разоблачил службу Азефа в охранной агентуре: в сент. — в личном разговоре с В. Л. Бурцевым, в ноябре — перед членами ЦК ПСР в СПб, а 10 дек. — в Лондоне перед лидерами ПСР В. М. Черновым, А. А. Аргуновым и Б. В. Савинковым. По возвращении в СПб (янв. 1909) Л. был арестован и предан суду Особого Присутствия Правительств. Сената по обвинению в оказании существенного содействия револ. организации путем разоблачения службы Азефа в охране. Л. пояснил

свой поступок желанием пресечь дальнейшие террористич. акты Азефа. В мае 1909 приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на 5 лет. Общее собрание Сената заменило каторгу ссылкой на поселение в Сибирь, которую Л. отбыл в Красноярске. Помилован и восстановлен в правах Высочайшим повелением в дек. 1912.

После этого служил в Москве вице-директором Сибирского Торгового банка. В 1917 участвовал в деятельности межбанковских организаций: в комиссиях «для предварительной разработки вопроса о хлебозалоговых операциях в условиях хлебной монополии» и «по вопросу об участии банков в финансировании лесопромышленности». После окт. 1917 жил в Москве. В 1923 выпустил *ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ*, написанные, по его словам, «по поводу воспоминааний мой и материалы к ним погибли вместе с моими домашними вещами в острый период революции». Намеревался восстановить полный корпус мемуаров, было ли это осуществлено — неизвестно.

³⁵) Вейнер Аркадий Петрович — чиновник МИД, в 1917 — действ. статский советник. Брат искусствоведа, ред.-изд. журнала «Старые годы» Петра Петровича В. В 1894 окончил Александровский лицей с чином 9 кл. и золотой медалью. С 1894 служил в Деп. внешних сношений МИД, в 1896-97 — секретарь консульства в Болгарии. В 1897-99 — вице-консул в Нью-Йорке, с 1899 — во II деп. МИД. В 1916 стал его вице-директором, но при Б. В. Штюрмере подвергся нападкам и вынужден был на некоторое время оставить службу. В мае 1917 обсуждался вопрос о назначении В. посланником в Христиании (Осло), но оно, кажется, так и не состоялось. «День» в связи с этим называл В. «одним из самых талантливых русских дипломатов». Занимался и предпринимательством: к 1917 — директор правления т-ва Вейнеровских пивоваренных заводов, баланс которых на 1 янв. 1918 был сведен с дефицитом ок. 1 млн. руб. Среди других занятий: чл. хозяйств. к-та Ремесленного уч-ща Цесаревича Николая и представитель МИД в Междуведомств. радиотелеграфном комитете. Жил на Сергиевской, 38.

³⁶) Козаков Григорий Александрович (1869 - ?) — чиновник МИД, с 1912 — действ. статский советник. Окончил вост. ф-т СПб ун-та в 1892 и причислен к МИД. В 1893 назначен студентом миссии в Токио, где с 1897 — и. о. драгомана. В 1899 был секр. консульства в Бомбее, в 1901-04 — вице-консул в Корее, в 1904-05 — 2-й секретарь посольства в Пекине, в 1905-13 — на том же посту в Токио. Член Совета русско-японского общества, в 1914-17 возглавлял IV (Дальневост.) отдел МИДа.

³⁷) В условиях охватившей Европу войны путь через пограничную станцию Торнео (на финляндско-шведской границе) и далее через нейтральные Швецию и Норвегию был наиболее безопасным. Однако уже 3 ноября 1917 Пг ВРК направил комиссару ст. Торнео Г. А. Светличному следующее предписание: «Граница временно закрыта, без особого распоряжения ВРК никто пропущен быть не может». 12 ноября, по просьбе Светличного, ему была направлена инструкция о порядке пересечения границы. Она допускала проезд иностр. дипломатов, выезд лиц «по специальным разрешениям ВРК» и въезд в Россию возвращавшихся политэмигрантов (для жителей Финляндии достаточно было разрешения финляндского сената). Та же инструкция содержала перечень предметов, запрещенных к вво-

зу и вывозу из России. Среди них на первом месте стояли «документы, могущие повредить политическим и экономическим интересам Российской республики». Регулярная пограничная охрана была учреждена декретом СНК от 28 мая 1918. Поначалу она находилась в ведении Наркомфина, а затем была передана под начало ВЧК. Описанный выше в тексте побег Козакова через границу, очевидно, относится ко времени после 18 дек. 1917, когда СНК признал независимость Финляндии.

³⁸⁾ Горемыкин Иван Логинович (1839-1917) — пред. Совета министров (апр.-июль 1906, 1914-16). Из дворян Новгородской губ. Окончил Уч-ще Правоведения. Службу начал в 1860 в канцелярии I деп. Сената, с 1864 в Учредит. к-те по делам Царства Польского: чиновник особых поручений, комиссар по крестьянским делам, тов. пред. комиссии по крестьянским делам. В 1866-69 — плоцкий вице-губернатор, в 1869-73 — келецкий, с 1873 — член временной комиссии по крестьянским делам при МВД, в 1880 участвовал в ревизии сенатора Шамшина, в 1882 участвовал в комиссиях по выработке законов о выкупе наделов у помещиков, назначен тов. обер-прокурора I деп. Сената, в 1884 — обер-прокурором II деп. Сената, в 1891 — тов. министра юстиции, в 1894 — сенатором и Главнoуправляющим Межевой частью. В 1895-99 Г. — министр внутр. дел, с 1899 — чл. Гос. Совета.

Его второе назначение на пост пред. Совета министров было сделано по воле «придворной камарильи» во главе с Г. Е. Распутиным. Занимая его, Г. проявлял последовательную враждебность к Думе и Прогрессивному блоку. После увольнения в нач. 1916 остался сенатором и чл. Гос. Совета, был действ. тайным советником I класса и статс-секретарем. Убит на Кавказе солдатами 11 дек. 1917.

³⁹⁾ Шипов Иван Павлович (1865-1920) — в 1914-17 управляющий Гос. Банком и пред. его Совета, тайный советник. Из дворян Костромской губ. Окончил Александровский лицей в 1884 с чином 9 кл., был затем вольнослушателем курсов политэкономии и финансов в ун-тах. По завершении образования начал служить в Деп. окладных сборов М-ва финансов. Затем был делопроизводителем комиссии по пересмотру земского обложения. В 1891 — податной инспектор Калезинского уезда Тверской губ., затем — пом. нач. отд-ния в канцелярии К-та мин-ров. После этого — там же нач. отд-ний: финансового, а потом — по делам Сибирской ж. д. С 1894 — вице-директор Особенной канцелярии по кредитной части М-ва финансов, участвовал в комиссиях: о золотопромышленности, об исправлении денежного обращения, по выработке нового устава о векселях. С 1897 — директор Общей канцелярии М-ва финансов, чл. комиссии при К-те Сибирской ж. д., с 1898 был чл. правления Русско-китайского банка. С 1902 управлял делами Особого совещания о нуждах с.-х. промышленности и был директором Деп. гос. казначейства М-ва финансов.

Летом 1905 сопровождал Витте на мирные переговоры в Портсмут, в 1905-06 — министр финансов в правительстве Витте. С 1906 — чл. Совета Госбанка и К-та финансов, участвовал в ревизиях местных контор Госбанка, командировался на Дальний Восток для решения экономических проблем России в Манчжурии, Японии и Китае. В 1908-1909 — министр торговли и промышленности в пр-ве Столыпина. С 1909 — чл. Гос. Совета. С того же времени — тов. пред. Русско-японского о-ва (внешнеторговой организации при М-ве торговли и промышленности). 4-5 ноября 1917 находился под арестом в

Смольном по приказу ВРК, отданному в ходе операции большевиков «по овладению банками». 11 ноября уволен приказом Ленина по М-ву финансов «без права на пенсию за отказ признать власть СНК». В 1919-20 Ш., кажется, участвовал в «Особом совещании» (правительстве) при Деникине.

⁴⁰) Сазонов Сергей Дмитриевич (1860-1927) — в 1910-16 министр иностр. дел. Из дворян Рязанской губ. На дипломатич. службе с 1883: секретарь рус. посольства в Ватикане (1889-98), чрезвычайный посланник там же (1906-09), тов. министра иностр. дел (1909-10), после ухода А. П. Извольского — управляющий МИДом, затем министр. В 1910-11 С. возглавлял внешнеполитич. ведомство лишь формально, во всем подчиняясь указаниям П. А. Столыпина, родственником которого он был (они были женаты на сестрах).

Впечатление автора о легкомыслии С. находит подтверждение в воспоминаниях Ю. Я. Соловьева: «он (С. — Публ.) произвел на меня впечатление человека, весьма легкомысленного, не очень способного, а, главное, легко поддающегося разнообразным посторонним влияниям. Вся его фигура производила несколько странное впечатление. Был он невысокого роста с непомерно большим носом, ходил слегка вприпрыжку и потому напоминал молодого вороненка, выпавшего из гнезда» (Лопухин в раннее напечатанной части своих записок вспоминает, что С. был «семитического типа»). Тот же Соловьев утверждает, что С. ему признавался в своем непонимании балканских проблем.

Формальной причиной увольнения С. в отставку летом 1916 была его настойчивость в вопросе о провозглашении Россией независимости Польши, против чего была камарилья. Среди других причин называли недовольство камарильи антантофильством С. и его тенденциями к соглашению с Прогрессивным блоком в Гос. Думе. После увольнения С. — гофмейстер и чл. Гос. Совета. В янв. 1917 назначен послом в Лондон, но при Терещенко это назначение было отменено, и С. не успел приступить к своим обязанностям. В 1918-1920 возглавлял внешнеполитич. ведомство в Особом Совещании при Деникине, затем представлял правительство Колчака в Париже, участвовал там в Политич. совещании, обсуждавшем итоги I мировой войны. Последние годы жизни провел в Польше, где ему вернули его имение под Белостоком в знак признательности за полонофильскую политику в годы войны. Некоторые авторы пытаются объяснить специфику политики С. перед войной и в ходе ее, опираясь на гипотезу о принадлежности С. к масонам. Умер С. в Ницце.

⁴¹) Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874-1934) — чл. КП с 1902, в 1917 — чл. Бюро военной организации при ЦК РСДРП(б), один из комиссаров ВРК в Госбанке. Подробности событий в последнем с 25 окт. по 17 ноября 1917 см. в кн. А. М. Гиндина КАК БОЛЬШЕВИКИ ОВЛАДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННЫМ БАНКОМ. М., 1961. В дальнейшем М. — пред. ОГПУ.

⁴²) Горбачевич К. Е. (1863 - ?) чиновник МИД, статский советник (1917). Окончил СПб коммерч. училище в 1883. В янв. 1887 принят на службу в Деп. внешних сношений МИД (с 1897 — II деп.), где и прослужил делопроизводителем и переводчиком до 1917 (с 1915 — и. д. библиотекаря II деп.).

⁴³) Гнедич П. П. (1855-1927) — писатель, драматург и театральный деятель. Двоюродный племянник известного переводчика Н. И. Гнедича. Окончил 1-ю СПб гимназию, затем, в 1879, — Академию ху-

дожеств. Тогда же его первая пьеса была поставлена на сцене Александринского театра. В течение нескольких след. лет подготовил и выпустил *ИСТОРИЮ ИСКУССТВ* в 3 томах. В 1886-88 преподавал историю искусств в драматич. школе Русского литературного о-ва, в 1888-89 — редактировал (вместе с В. С. Соловьевым) журнал «Север», в 1890 основал «Ежегодник императорских театров» и стал его редактором. С 1891 — член Театрально-литературного комитета при Дирекции имп. театров, с 1892 — чл. Совета Русского литературного о-ва, с 1893 — пред. Литературно-артистического кружка (потом — Литературно-Художественное О-во) и преподаватель истории искусств в гимназии Стеблин-Каменской. В 1895 возглавил худож. часть театра ЛХО (затем — Малый театр). В 1901-1909 заведовал труппой и репертуаром Александринского театра. В 1917 — директор музея О-ва поощрения художеств и почетный член ЛХО.

⁴⁴⁾ Цомакион В. С. — смотритель зданий МИД (1901-16), после отставки — статский советник. В МИД (в Деп. личного состава и хоз. дел) зачислен в февр. 1898, ранее был чиновником для письма Инспекторского отд. Собств. ЕИВ Канцелярии. Автор, вероятно, ошибается: в гусарском Сумском полку Ц. не служил. В 1917 жил в Шувалове.

⁴⁵⁾ Роцаковский М. С. (1876 - ?) — флотский офицер, затем дипломат. Окончил Морской кадетский корпус. Служил во флоте с 1893, мичман — с 1896. Во время русско-японской войны командовал миноносцем «Решительный» (1904), затем служил на бронированной береговой огневой батарее «Адмирал Сенявин» (1905). Выйдя в запас, получил звание камер-юнкера и был определен сначала 2-м секретарем посольства в Афинах, а затем — секретарем русской миссии в Дармштадте. Оттуда был отозван в связи с началом I мировой войны. Снова служил во флоте: в дек. 1914 «за отличие» произведен в старшие лейтенанты, в дек. 1915 — в капитаны 2-го ранга, в апр. 1916 — в капитаны 1-го ранга. В 1915 Р. командовал эскадренным миноносцем «Легкий», весной 1916 — причислен к 1-му Балтийскому флотскому экипажу, в июле 1916 — назначен адъютантом морского министра. В 1917 жил в здании Глав. Адмиралтейства.

⁴⁶⁾ Ольга Константиновна, Вел. княгиня и королева Греции (1851-1926) — внучка Николая I, с 1867 — жена греч. короля Георга I. Живя в Афинах, часто приглашала матросов с русских судов, стоявших в Пирее, к себе во дворец, чем вызывала острое недовольство как греков, так и русского морского командования. По ее инициативе в Афинах был построен госпиталь для моряков на средства от таможенной пошлины на коринку.

Константин Николаевич, Вел. кн. (1827-1892), с 1848 женат на Вел. кн. Александре Иосифовне (урожд. Александре Саксен-Альтенбургской). К. Н. — руководитель подготовит. работ по отмене крепостного права и другим реформам 1860-х.

⁴⁷⁾ Константин Константинович, Вел. кн. (1858-1915) — сын предыдущего, поэт (печатался под псевдонимом К. Р.), с 1889 — Президент Академии наук, с 1884 — женат на Вел. кн. Елизавете Маврикиевне (урожд. Елизавете Саксен-Альтенбургской).

⁴⁸⁾ Фан-дер-Флит Василий (Вильгельм) Яковлевич (1867 или 1869-1945) — дипломат, к 1917 — сенатор, камергер, действит. статский советник. Окончил вост. ф-т СПб ун-та (1890), причислен к МИД. Был секретарем посольства в Берлине, в 1911-14 — министром-ре-

зидентом в Саксен-Кобург-Готе и Гессен-Дармштадте, в 1914-17 — директором I деп. МИД. После февр. 1917 вышел в отставку, затем, по словам автора, «издрожался» и по его просьбе и при содействии автора был вновь прикомандирован к МИД и отправлен за свой счет в Копенгаген для работы в тамошней русской миссии по информированию местной прессы. В Петрограде ему принадлежал дом на Галерной, 4.

⁴⁹⁾ Дармштадт был столицей вел. княжества Гессенского, а имп. Александра Федоровна (1872-1918) — урожд. Алисой Гессенской. В напечатанной ранее части своих записок автор отмечает сочетавшиеся в А. Ф. «несомненную душевную болезнь» и «полную здравость при обсуждении деловых конкретных проблем».

⁵⁰⁾ Неклюдов М. С. — чиновник, сын чл. Гос. Совета. В 1896 окончил юрид. ф-т СПб ун-та, служил в законодательной части Отд-ния гос. экономии Гос. канцелярии, с 1901 — в Отд-нии промышленности, наук и торговли, в 1906 в качестве старшего делопроизводителя Гос. канцелярии принимал участие в делопроизводстве I Гос. Думы. В 1909 стал делопроизводителем Деп. личного состава и хоз. дел МИД, уволен от службы в чине надворного советника. В Петрограде ему принадлежал дом по Баскову пер., 10.

Следует принять во внимание, что 12 окт. 1917 министр финансов М. В. Бернацкий вошел во Врем. Пр-во с представлением о полном запрещении вывоза русских ценностей за границу.

⁵¹⁾ Зорин М. Д. (1868 - ?) — чиновник М-ва финансов и зоолог-любитель. Окончил Моск. ун-т. С 1893 служил в М-ве финансов, с 1911 — ревизор деп. Гос. казначейства, к 1917 — на этой должности в чине статского советника. Одновременно возглавлял Пг О-во натуралистов-любителей, выпустил несколько книг о содержании домашних животных. В 1920-х жил в Пг, служил бухгалтером, был чл. научного совета Зоосада.

Вопрос о законодательном урегулировании отношений между Россией и Финляндией возник еще при Врем. пр-ве. Газета «День» от 5 окт. 1917 поместила интервью с членом Юрид. совещания при Врем. пр-ве бар. В. Э. Нольде (см. прим. 55), назначенным докладчиком по данному вопросу и только что вернувшимся из Финляндии. Он сообщил, что в ходе состоявшихся там переговоров неразрешенными остались только проблемы «передачи спорных вопросов на разрешение гаагского трибунала» и «о праве России в мирное время содержать в Финляндии свои войска». Было предложено создать смешанную комиссию (под председательством лица, назначенного русским правительством) по выработке соглашения с Финляндией по этим нерешенным проблемам.

Следующий этап переговоров начался в дек. 1917 с визитов в Пг делегаций финляндского сейма, финских социал-демократов и, наконец, 15 (28) дек. — финляндского Сената во главе с Энкелем. В результате 18 (31) дек. Ленин подписал постановление СНК о предоставлении независимости Финляндии. Второй пункт этого постановления, утвержденного через 4 дня ВЦИКом, гласил: «Организовать по соглашению с Финляндским правительством и представителями финляндского рабочего класса особую комиссию для разработки тех практических мероприятий, которые вытекают из отделения Финляндии от России». Вероятно, именно в этой комиссии и состояла группа экспертов во главе с Зориним.

Неизвестно, успела ли она приступить к работе, т. к. 28 янв.

(н. ст.) 1918 в Финляндии началась революция и было создано новое пр-во — Совет Народных Уполномоченных (СНУ). В нач. февр. СНУ и СНК образовали на паритетных началах новую советско-финскую комиссию (со стороны СНК в нее вошли В. М. Смирнов, А. Л. Шейнман, К. Шишко, А. В. Шотман, Ш. Элиава, экспертом был проф. Рихтер). В 20-х числах февраля они представили проект договора, который после сильной переработки «под влиянием русских товарищей во главе с Лениным» 1 марта был подписан.

⁵²⁾ Манухин С. С. (1856-1921) — в 1905 министр юстиции. Окончил СПб ун-т (1879). Начал службу кандидатом на судебные должности при прокуроре СПб окр. суда, затем был секретарем при прокуроре Орловского окр. суда. По возвращении в СПб заведовал библиотекой Деп. М-ва юстиции и служил в Законодательном отд-нии этого Департамента. С 1884 М. — вице-директор Деп., а с 1886 — чиновник особых поручений при нем. Исполнял обязанности помощника управляющего законодательного Отд. и служил за обер-прокурорским столом в I деп. Сената. С 1888 М. — юрисконсульт М-ва юстиции. В 1890 назначен тов. обер-прокурора Уголовно-кассационного деп. Сената, а через несколько месяцев — снова в М-во вице-директором I деп. С 1893 М. — старший юрисконсульт консультации, учрежденной при М-ве юстиции. В этом качестве представлял М-во на международных конгрессах по криминальной антропологии (Брюссель) и по частному международному праву (Гаага). С 1894 — ближайший сотрудник министра юстиции Н. В. Муравьева, руководил делопроизводством особой комиссии по пересмотру законов по судебной части. Вскоре был назначен директором деп. Юстиции, а с 1902 — тов. министра и сенатором. Управлял М-вом фактически с 1904.

С приходом к власти Витте М. вышел в отставку и был назначен чл. Гос. Совета, в котором возглавлял Комиссию законодат. предположений. В 1912 по указу царя производил расследования о Ленском расстреле. Пришел к выводу о неправомерных действиях правления о-ва «Лензолото» и жандармского ротмистра Трещенкова, руководившего полицией. Требовал привлечения последнего к уголовной ответственности за превышение власти. К 1917 М. — действ. тайный советник.

После 1917 работал консультантом Наркомфина, был членом Сапропелевого к-та АН. 21 июля 1921 арестован Пг ЧК как «член профессорской группы Пг боевой организации» (дело Таганцева), 3 окт. приговорен к двухлетнему заключению, но через месяц освобожден из-под стражи «ввиду крайне болезненного состояния». Вскоре умер.

⁵³⁾ Тимирязев В. И. (1849-1919) — министр торговли и промышленности (1905-06, 1909). Из дворян Орловской губ. Окончил СПб ун-т в 1875. Начал службу в М-ве финансов. В конце 1870-х — русский комиссар на Парижской и Филадельфийской всемирных выставках. В 1882 — делопроизводитель комиссии по устройству Всероссийской промышл. выставки в Москве. В конце 1880-х назначен вице-директором деп. торговли и мануфактур. В конце 1880-х — начале 1890-х участвует в комиссии по пересмотру таможенных тарифов, а в 1891 — в комиссии по пересмотру русских торговых трактатов. В 1893 участвовал в торговых переговорах с Германией. В 1894 назначен чл. Совета министра финансов и агентом М-ва финансов в Берлине и Вене. В 1897 — генеральный комиссар Всероссийской художественно-промышл. выставки в Н. Новгороде, в 1902-05

— тов. министра финансов (в М-ве заведовал делами торговли и промышленности). С февр. 1906 (с перерывом на несколько месяцев в 1909) — в отставке, чл. Гос. Совета по выборам от промышленности.

С этого времени занимался, главным образом, частной деятельностью в области торговли и промышленности: директор правления о-ва Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механич. завода, пред. совета Русского для внешней торговли банка, пред. Хлопкового комитета при Глав. управлении землеустройства и земледелия, член Моск. отд-ния совета торговли и мануфактур, с 1906 — тов. пред., а с 1914 — пред. Совета съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства. С 1915 — чл. Особого совещания по обороне государства. К 1917 — пред. советов и чл. правлений около 10 крупнейших акц. обществ (среди них: страховое т-во «Саламандра» и Пг частный коммерч. банк), отставной действ. тайный советник, чл. многих благотворит. организаций, вице-пред. Русского Музыкального о-ва. По отзыву автора, «нудный и бездарный» (речь шла о назначении его на министерский пост). Ленин называл Т. «излюбленным лицом российского купечества».

⁵⁴ Вебер Сергей Федорович (1857 — после 1928) — тов. министра финансов при В. Н. Коковцове (1909-14), тайный советник, в 1915-17 — чл. Гос. Совета (II деп.). Окончил Харьковский ун-т в 1883, служил в М-ве финансов, в 1905-09 — директор Деп. гос. казначейства. Осенью 1919, по сведениям Д. Л. Голинкова, Пг отделом «Национального центра» намечался в министры финансов после свержения большевиков, «был арестован и понес заслуженное наказание». В 1920-е В. жил в Ленинграде, возглавлял бюджетную комиссию Ин-та экономич. исследований при Наркомфине.

⁵⁵ Нольде В. Э., барон (1876-1948) — историк права, чиновник МИДа. Окончил СПб ун-т в 1899 и причислен к I деп. МИДа. С 1906 — пом. нач. Юрид. отдела МИДа, затем — управляющий Юрисконсультской частью МИДа. В 1912-17 редактировал «Известия МИД». Н. был профессором международного права в Александровском лицее и Политехнич. ин-те. В 1916 ездил вместе с П. Н. Милюковым и П. Б. Струве в Англию с лекциями о России. Был чл. ЦК кадетской партии, в которой примыкал к группе В. Д. Набокова («пацифистов»). К 1917 Н. — статский советник, директор II деп. МИДа. В марте 1917 — консультант при составлении В. Д. Набоковым и В. В. Шульгиным Акта об отречении Вел. кн. Михаила Александровича. С приходом к власти Милюкова Н. назначен тов. министра иностр. дел вместо А. А. Половцева, пробыл им до м-ва М. И. Терещенко, когда вошел в Юрид. совещание при Врем. Пр-ве. С 1918 — в эмиграции, где был в 1920-х близок к евразийцам. Выпустил там несколько работ по международн. праву.

⁵⁶ Сабанин Андрей Владимирович (1887-1939) — чиновник МИДа, затем НКИДа. Окончил СПб ун-т, был делопроизводителем II деп. МИДа (с 1910). К 1917 — надворный советник, делопроизводитель 6 кл., представлял МИД в Междуведомственном радиотелеграфном комитете. С сент. 1917 перешел в Отдел внешней торговли Центр. Военно-Промышл. Комитета, возглавил там вскоре Экспортное отделение, разработал конструкцию всероссийских экспортных объединений и в янв.-февр. 1918 принимал участие в подготовке Всероссийского экспортного совещания (не состоялось). В 1918-19 сотрудничал в ж-ле «Пути сообщения Севера» (вероятно, по протекции своего

брата Бориса — инженера), участвовал там в полемике вокруг проекта сооружения Великого Северного пути (см. прим. 79).

С 1920 по 1935 возглавлял Экономико-правовой отдел НКИДа. В 1922 С. был экспертом сов. делегации в Генуе. В дальнейшем участвовал во многих дипломатич. переговорах, готовил проекты междунар. договоров. Выпустил кн. **ПОСОЛЬСКОЕ И КОНСУЛЬСКОЕ ПРАВО**, участвовал в издании сборников договоров и конвенций СССР с другими странами. Преподавал консульское право в Ин-те нар. хозяйства в Пг, международное право и историю договоров в 1-м МГУ, был сотр. Ин-та сов. права РАНИОН, чл. О-ва деятелей сов. права, входил в редколлегия ж-ла «Международное право». Арестован в 1937 и погиб в заключении.

⁵⁷⁾ Вероятно, имеется в виду Жерве Борис Петрович (1875 - ?) — инженер путей сообщения. Окончил Ин-т путей сообщения. Занимался внутр. водными путями, мелиорацией, строительством и эксплуатацией шоссеиных и грунтовых дорог. В 1909 — нач. Днестровского отд-ния Киевского округа путей сообщения. Разрабатывал проекты гидротехнич. образования (техникумов и школ — 1912), был автором проекта мелиорационной реформы (1915). К 1917 — коллежский советник, управляющий делами Совета мелиоративных съездов в России при М-ве торговли и промышленности. В годы войны был одним из организаторов о-ва «Труд» для оказания помощи воинам, утратившим трудоспособность. В 1918-19 — инспектор технич. отд. Северо-Западного округа путей сообщения. В 1920-е занимался вопросами борьбы с бездорожьем силами населения и обществ. организаций, работал в Ин-те экономич. исследований, Северных колониационных экспедициях, исследовательском бюро Центр. управления местного транспорта. Судьба после 1929 нам неизвестна.

⁵⁸⁾ Союз международных торговых товариществ был организован в Пг представителями промышленности, торговли и бюрократии к июлю 1918 в целях «содействия развитию товарообмена России с иностранными государствами и облегчения условий русской внешней торговли». С. ставил перед собой задачи: организации экспортно-импортных товариществ путем объединения экспортеров и импортеров «при непременном сохранении за каждым из участников Союза и товариществ полной самостоятельности в торговой деятельности»; привлечения в С. и объединения на этой основе страховых, транспортных, товароскладочных и кредитных учреждений; представления интересов участников С. «согласно существующим и могущим быть установленными законоположениям» и др.

Во главе С. стоял Совет, разделенный на 2 собрания (в Пг и М.) и — для решения текущих дел — Правление. Членами Совета были: Н. Н. Покровский (пред.), А. Н. Вентцель (вице-пред.), гр. Э. Ф. Берг, С. В. Габриэль, бар. А. Г. Гинцбург, М. М. Гирс, Н. И. Гучков, Н. И. Жаба, В. К. Кистер, А. В. Кривошеин, К. П. Лазарев, Н. Е. Молчанов, Г. Л. Нобель, С. К. Подгурский, В. В. Прилежаев, В. И. Тимирязев, И. И. Тхоржевский и Б. Е. Шацкий; в Правление вошли: Е. С. Каратыгин (пред.), А. К. Бабиевский (директор-распорядитель), Н. И. Арбузов, А. Н. Вентцель и С. А. Шателен.

Одновременно с объявлением об открытии С. при нем были образованы т-ва по торговле с отдельными странами или отдельными группами товаров. Т-ва брали на себя: исполнение поручений по комиссии, покупке, продаже и транспорту товаров; ссуды под залог товаров; защиту интересов своих членов в арбитражных судах;

устройство выставок, курсов, лекций, музеев образцов и т. п.; издание сборников, периодич. изданий и трудов; рекламные публикации. Каждое т-во избирало своего представителя в Совет С.

Сообщалось, что «уже организованы и приступили к операциям» 12 т-в по торговле с разными странами, а 7 других «находятся в стадии организации». Среди последних было Русско-Датское. В конце июля сообщалось об организации при С. продовольственного отд. с планами экспорта американского хлеба и норвежской рыбы. Вопрос об экспортных т-вах обсуждался в Центр. Народно-(бывш. Военно-) Промышл. Комитете, Экспортной Палате и Совете съездов представителей средней и мелкой промышленности.

Понятно, что претворение в жизнь декрета о монополии внешней торговли (22 апр. 1918) положило конец деятельности С. Но в дек. 1918 еще продолжался его организационный период. Тогда писали, что С. «задался широкими целями, но... благодаря политическим событиям, задачи эти едва ли могут быть приведены в исполнение».

⁵⁹⁾ Владимир Александрович, Вел. кн. (1847-1909) — сын Александра II, женат с 1874 на Вел. кн. Марии Павловне (урожд. Марии Мекленбург-Шверинской).

⁶⁰⁾ Шателен С. А. (1873 или 1874-1946) — в 1917 тов. министра финансов, действ. статский советник. Брат известного ученого-электротехника М. А. Шателена (1866-1957). Окончил Уч-ще Правоведения (1895). Служил в Деп. торговли и мануфактур М-ва финансов, а затем — в Отд. торгового мореплавания М-ва торговли и промышленности. Был чл. Т-ва Архангельско-Мурманского пароходства, сотрудником Тарифного к-та. С 1914 — директор Деп. таможенных сборов М-ва финансов.

Тов. министра финансов Ш. назначен в нач. 1917, уволен 11 ноября 1917 приказом Ленина по М-ву финансов «без права на пенсию за отказ признать власть СНК». Перед тем, 4 ноября, Ш. был привезен в Смольный, где на него оказывали давление, стремясь заставить изменить позицию. 1 дек. был арестован вместе с еще 21 чиновником в помещении Учетно-ссудного банка Персии, где они собрались для обсуждения создавшегося положения, отправлен в пересыльную тюрьму, откуда 5 дек. был переведен в Смольный и через некоторое время освобожден совсем. 10-11 апр. 1918 в числе 18 бывших чиновников старых министерств и 33 бывших сотрудников банков участвовал в совещании по банковскому делу, созванном глав. комиссаром Госбанка. На этом совещании был образован т. н. Совет Экспертов. Стал ли Ш. его членом, неизвестно. Видимо, с 1918 — в эмиграции.

⁶¹⁾ Барк Петр Львович (1869-1937) — министр финансов (1914-17) и главноначальствующий над отдельным корпусом Пограничной стражи, чл. Гос. Совета, тайный советник. Окончил СПб ун-т (1892). По сообщению автора, Б. студентом репетировал у кого-то «из власть имущих и приобрел протекцию». После ун-та был определен в Гос. банк и «усиленно в нем продвигался»: в 1897-1906 директор, затем управляющий СПб конторой Гос. банка. После этого Б. был (1907-11) директором-распорядителем и чл. правления Волжско-Камского коммерч. банка, а затем — тов. министра торговли и промышленности. После февр. 1917 был ненадолго арестован, затем — в эмиграции, во главе зарубежных русских торгово-промышл. кругов: вице-пред. Англо-чехосл. банка и чл. адм. совета Банка для

торговли и промышленности (бывш. Länderbank) в Праге.

⁶²⁾ Шиллинг Маврикий Фабианович, барон (1872 - ?) — чиновник МИДа, к 1917 — тайный советник, гофмейстер. В канцелярии МИДа с 1895, затем секр. русского посольства в Вене, с 1911 по июль 1916 — нач. канцелярии МИДа и советник I политич. отд. Затем — сенатор. Владел в Пг двумя домами: Надеждинская, 40, и Батарейный пер., 8.

⁶³⁾ Штюрмер Борис Владимирович (1848-1917) — пред. Совета министров (январь-ноябрь 1916), министр внутр. дел (март-июль 1916), министр иностр. дел (июль-ноябрь 1916), чл. Гос. Совета, гофмейстер. Из дворян Тверской губ. Окончил СПб ун-т со степенью кандидата прав (1872). Службу начал в I деп. Сената. Спустя некоторое время перешел в Церемониальную экспедицию М-ва Двора, которой заведовал в течение 14 лет. В 1890-е годы Ш. последовательно занимал ряд губернаторских постов, а в 1902 стал директором Деп. общих дел МВД.

В напечатанной ранее части своих записок автор рисует его так: «Старый уже человек, крупной фигуры, высокого роста, с некрасивым лицом, воспроизводившим своими чертами облик хищной птицы, волосом рыжий с сединою, Штюрмер /.../ был знаменит тем, что побил рекорд плохой репутации. /.../ Ради карьеры он не брезговал ничем».

Назначение Ш. главой правительства в 1916 совершилось при поддержке Г. Е. Распутина. «Грязь была стихиею Бориса Владимировича», — пишет Лопухин, сообщая, что, оставляя должность в МВД, Ш. вывез с собой казенную обстановку. Мемуарист добавляет: «Когда мы узнали, что министром к нам назначен Штюрмер, мы испытали такое чувство, как будто нас окатили помоями». Бурно проявленное обществ. недовольство заставило царя уволить Ш. в отставку. В нач. 1917 он был «освобожден от присутствия в Гос. Совете». Арестован вскоре после Февр. революции, умер в Петропавловской крепости.

⁶⁴⁾ Лопухин Н. С. (1879 - 1952) — юрист. Двоюродный брат автора, сын тов. прокурора в Туле, а затем сенатора уголовно-кассационного деп. Сергея Алексеевича Л. (1853-1911) и Александры Павловны (урожд. гр. Барановой). Н. Л. по окончании в 1901 Моск. ун-та служил в ведомстве М-ва юстиции, с 1908 был участковым мировым судьей Спасского участка Москвы, к 1917 — надворный советник.

⁶⁵⁾ Глебов Петр Владимирович (1879-1920[23?]) — старший сын помещика Тульской и Ставропольской губ. Владимира Петровича Г. (1848-1926). Окончил Моск. Лицей Цесаревича Николая и юрид. ф-т Моск. ун-та. В 1903-05 — сверхштатный чиновник особых поручений при моск. генерал-губернаторе Вел. кн. Сергее Александровиче. С 1905 — помощник Моск. уездного предводителя дворянства, с 1908 — Моск. уездный предводитель дворянства. Избирался депутатом Каширского уездного дворянского собрания, был членом моск. ЦК Союза 17 октября. Первым браком в 1901-07 был женат на Софье Дмитриевне Треповой, развелся с ней, вторым — с 1913 — на М. А. Кристи (прим. 73). К 1917 был в чине коллежского секретаря. Жил в Москве на М. Дмитровке, 17.

⁶⁶⁾ Трубецкой кн. Н. П. (1828-1900) — помещик Московской губ. В 1861-76 — один из директоров Моск. отделения Русского Музыкального о-ва, композитор-любитель. В 1876 назначен калужским вице-губернатором. К концу жизни — тайный советник и по-

четный опекун в Москве. Первым браком был женат на гр. Любови Васильевне Орловой-Денисовой (ум. в 1860).

⁶⁷⁾ Трубецкая кн. С. А. (1841-1901) — похоронена на кладбище Донского монастыря в Москве.

⁶⁸⁾ Трубецкой кн. С. Н. (1862-1905) — философ. Окончил Моск. ун-т (1885), где с 1900 стал профессором, а в 1905 избран ректором. Последователь В. С. Соловьева. В 1900-1905 — один из редакторов «Вопросов философии и психологии». Был женат на Прасковье Владимировне Оболенской.

Трубецкой кн. Е. Н. (1863-1920) — юрист, публицист и обществ. деятель. Окончил юрид. ф-т Моск. ун-та (1885), в 1897 стал доктором философии. Так же, как и предыдущий, — последователь В. С. Соловьева. В 1897-1906 — проф. Киевского, а в 1906-17 — Моск. ун-та. С 1906 — чл. Гос. Совета по выборам от земства и бессменный выборщик в Гос. Думу от дворян Калужской губ. В 1910-17 — инициатор книгоиздательства «Путь». В марте 1918 — один из организаторов «Правого центра» в Москве. В окт. 1918 в Киеве вошел в Совет гос. объединения России. В 1918-20 сотрудничал с командованием Добровольческой Армии. Умер от сыпного тифа в Новороссийске. В 1921 (София) и в 1925 (Вена) были напечатаны две книги его воспоминаний. Е. Т. был женат с 1889 на Вере Александровне Щербатовой.

Трубецкой кн. Г. Н. (1873-1930) — дипломат и обществ. деятель. Окончил Калужскую гимназию и ист.-филол. ф-т Моск. ун-та (1896). Службу начал в Азиатском деп. МИДа. В 1897 назначен секр. посольства в Константинополе. Поднимаясь по служебной лестнице, занимал различные посты в русских миссиях на Балканах и в Персидской Азии. В июле 1914 — февр. 1917 чрезвычайный посланник и полномочный министр в Сербии. Одновременно — нач. Ближневост. отд. МИДа (1914-15). К 1917 — действ. статский советник и камергер. Чл. к-д. партии. В марте 1917 назначен нач. Дипломатич. канцелярии при Ставке. С янв. 1918 — чл. Совета при командовании Добровольческой Армии, одним из организаторов которой он был. В марте 1918 — один из организаторов «Правого центра» в Москве. С 1900 Г. Т. был женат на Марии Константиновне Бутеневой. Их дети: Константин (р. 1902), Николай (р. 1903) и Михаил (р. 1905). Умер в эмиграции, где в 1920-е был близок к евразийцам. Оставил воспоминания **ОБЛИКИ ПРОШЛОГО**, изданные в 1983 в Канаде под названием **ГОДЫ СМУТ И НАДЕЖД (1917-1919)** с предисловием А. И. Солженицына.

Дочери Н. П. Трубецкого от второго брака: Антонина (1864-1901) — в замужестве Самарина; Елизавета (1865-1935) — в замужестве Осоргина; Ольга (1867-1947); Варвара (1870-1933) — фрейлина, с 1900 в замужестве Лермонтова; Александра (1872-1925) — в замужестве Черткова и Марина (1877-1924) — с 1895 в замужестве кн. Гагарина.

⁶⁹⁾ Глебова (урожд. княжна Трубецкая) Софья Николаевна (1853-1936) — к 1917 председательница Совета Моск. Дамского попечительства о бедных, попечительница приюта и школы для неимущих детей, совладелица ряда коммерч. предприятий своего мужа-помещика. Умерла, вероятно, в эмиграции. Напечатала там воспоминания о Л. Н. Толстом, с которым состояла в родстве.

Кристи (урожд. княжна Трубецкая) Мария Николаевна (1860-1926) — помещица Бессарабской и Моск. губ. О ее муже и сыне см. ниже. В 1904 образовала Комитет по снабжению солдат и матросов

бельем и теплой одеждой. Владела именем Нагорное в Дмитровском уезде Моск. губ. К 1917 в Москве не жила, а была лишь совладелицей винных складов своего покойного мужа на Серпуховской, 32.

⁷⁰⁾ Трубецкой кн. П. Н. (1858-1911) — московский помещик. Окончил московскую классич. гимназию и юрид. ф-т Моск. ун-та (1884). Начал службу по ведомству МВД. В 1887-92 — московский уездный, а в 1892-1906 — губернский предводитель дворянства. В 1906-11 — чл. Гос. Совета по выборам от дворянских обществ. Возглавлял там группу Центра. В 1904 обращался к царю и пр-ву с предложением покончить с револ. движением силами моск. земцев. В 1905-06 Т. был одним из основателей Союза русских людей — первой черносотенной организации в России. С 1903 — егермейстер.

⁷¹⁾ Кристи Владимир Григорьевич (1882-1946) — бессарабский помещик. Сын Григория Ивановича К. (1856-1911), бывшего в 1902-05 московским губернатором, а затем сенатором. В 1917 В.К. — комиссар Врем. Пр-ва в Бессарабский губ. В конце ноября 1917 передал власть местному парламенту «Сфатул цэрий» и был назначен «директором внутр. дел» в исполнительном органе этого парламента. Владел имением Замчежье в Кишиневском уезде.

⁷²⁾ Михалков Сергей Владимирович (1858 или 1863 - ?) — ярославский помещик, дед известного советского детского поэта. Окончил юрид. ф-т СПб ун-та (1881). Был почетным мировым судьей Рыбинского округа. С 1889 — гласный Рыбинского уездного земского собрания. В 1891-96 — рыбинский уездный, а в 1896-1906 — ярославский губернский предводитель дворянства.

⁷³⁾ Речь идет о Михалковой Марии Александровне (в первом браке — Кристи, во втором — Глебовой). Вероятно, автор ошибается: она была не дочерью, а племянницей предыдущего и его жены Анны Ивановны, (урожд. Унковской). Ее родителями, по-видимому, были брат предыдущего, ярославский помещик Александр Владимирович Михалков (1856-?) и Варвара Ивановна Михалкова (урожд. Унковская) (1867-1894) — сестра жены предводителя.

Упомянутый в тексте дед М. — Унковский Иван Семенович (1822-1886) — русский мореплаватель, исследователь материкового берега Японского моря. В 1852-54 командовал фрегатом «Паллада».

⁷⁴⁾ Унковский С. И. (1871-?) — калужский помещик. Окончил Морской кадетский корпус (ок. 1890). С 1892 — мичман, последнее плавание — в 1893, затем служил в 12-м флотском экипаже до конца 1895, когда вышел в запас. С 1897 — на выборных дворянских должностях в Калужской губ.: в 1899-1901 — Перемышльский депутат дворянского собрания; с 1900 — земский нач. 3-го участка Перемышльского уезда.

⁷⁵⁾ Вероятно, имеется в виду товарищ автора по Рыбинской гимназии Урусов Петр Дмитриевич (1869-?). В 1895 он окончил Моск. ун-т и служил в ведомстве М-ва финансов. В 1900-17 — управляющий Ярославским отд-нием Крестьянского поземельного банка. К 1917 — статский советник.

⁷⁶⁾ Известный музыкант Лев (Леопольд) Семенович Ауэр (1845-1930) породнился с Унковскими еще в 1874, женившись на Надежде Евгеньевне Пеликан (?-1933), их племяннице со стороны матери. Старшая дочь Ауэров Зоя в нач. 1900-х вышла замуж за С. И. Унковского, у них родился сын Михаил, через некоторое время после чего они расстались (в 1917 З. Л. жила в Пг одна с сыном). В 1918

она выехала с ним к своему отцу за границу, добралась до Константинополя и умерла там от сыпного тифа. Мальчика, препровожденного в русское посольство, увидела одна из учениц Ауэра и переправила к деду. Впоследствии он стал голливудским киноактером, выступал под именем Майкла Ауэра и был партнером Дины Дурбин (напр., в фильме «Сто мужчин и одна девушка»). Он и был, по-видимому, тем «младенцем с /.../ лицом стяжательного еврейского банкира», которого «созерцал» автор.

Младшая (из 4-х) дочь Л. С. Ауэра — Мария («Муха») стала второй женой С. И. Унковского. Она была певицей и преподавала пение в техникуме им. А. И. Глазунова, умерла в 1959 в Москве.

⁷⁷⁾ Евреинова (урожд. Унковская) Екатерина Ивановна — дочь адмирала, землевладелица Землянского уезда Воронежской губ.

Евреинов С. Д. (р. 1869) — калужский помещик. Окончил Калишскую гимназию и СПб Духовную Академию (1892). В последней был стипендиатом Св. Синода. Службу начал в 1893. Со след. года был пом. делопроизводителя IX кл. Юрисконсультской части I деп. М-ва юстиции. В 1908-14 — тарусский уездный предводитель дворянства Калужской губ. (владел там имением Светлое). В 1914-15 — губернатор Черновцов, в 1915-16 исполнял должность ярославского губернатора, в сер. 1916 — назначен самарским губернатором. К этому времени Е. — статский советник и камер-юнкер. В 1912 был членом Русского Национального клуба, а в 1916 Деп. полиции характеризовал его как «вполне правого».

⁷⁸⁾ Михалкова А. В. (1868-?) — помещица Ярославской губ. Это был и ее второй брак. В первом она была за Николаем Львовичем Страшкевичем, а в третьем — за Александром Павловичем Морозовым.

⁷⁹⁾ Инженер-путеец Иван Николаевич Борисов (1860-1928) после окончания СПб ин-та инженеров путей сообщения (1884) прошел путь от должности десятника до начальника Управления жел. дорог МПС (1914-16). В 1916-17, будучи уже тов. министра ПС и тайным советником, председательствовал в Междуведомств. комиссии по выработке плана сети новых жел. дорог в Российской империи, подлежащих сооружению по окончании Европейской войны, с разбивкой на очереди. После 1917 — член фин.-экономич. совета Глав. к-та гос. сооружений, нач. Глав. управления путей сообщения НКПС, член Высшего совета по перевозкам, а с 1922 — замнаркома путей сообщения по технич. части.

У автора речь идет, видимо, о художике А.А. Борисове (1866-1934) — члене упомянутой Междуведомств. комиссии, где он отстаивал проект Северной сибирской магистрали (Петроград - Котлас - Тобольск - Енисейск - северная оконечность Байкала, с продолжением до Николаевска-на-Амуре) и сумел, вместе с географом В.П. Семеновым-Тянь-Шанским, добиться включения этого проекта в план. До этого и позже А.А. Борисов выступал также и с др. (более ограниченными) вариантами ж.-д. строительства на Русском Севере. Уроженец северной деревни, Б. воспитывался в Соловецком монастыре. Затем окончил Академию художеств, сопровождал С.Ю. Витте в нач. 1890-х в поездке того на Север. В начале 1900-х вместе с норвежцем Эдвардом Ганневигом он ходатайствовал перед русским прав-вом о предоставлении им концессии на сооружение «Великого Северного пути» (ж.-д. Обь-Котлас-Мурман-Петроград) и на эксплуатацию природных богатств края, через который этот путь пролегает. Успеха это хода-

тайство не имело, т.к., по отзывам современников, правительство было напугано «катастрофическими последствиями знаменитых концессий, предоставленных Безобразову». Проект преследовал цели: сделать возможной эксплуатацию природных богатств Севера России и Сибири путем постепенной колонизации этих районов в ходе ж.-д. строительства и создать кратчайший транзитный путь для сибирского сырья к незамерзающим портам Севера и далее на мировой рынок.

В 1918 концессионеры вновь выдвинули свои ходатайства (теперь уже перед СНК). За это время была построена ж.-д. Петроград-Мурманск, проект которой долгое время лежал под спудом (даже энергичные хлопоты С.Ю. Витте не могли помочь его продвижению). Фактически она стала сооружаться лишь с началом войны под давлением стратегич. необходимости и была построена за 17 месяцев (первый поезд пошел в янв. 1917). Условия концессии, поставленные Борисовым и Ганневигом перед новой властью, были весьма жесткими: разрешение повсеместно открыть конторы и представительства фирмы; предварительный отказ пр-ва от выкупа дороги в казну на 25 лет вперед; немедленная ссуда в 50 млн.руб.; предоставление концессионерам преимуществ. права подачи заявок на разведку, разработку и эксплуатацию полезных ископаемых в районе строительства дороги; предоставление исключит. прав на эксплуатацию ухтинских нефтяных месторождений и лесных массивов Севера и Западной Сибири.

В печати того времени («Известиях ЦИК», «Экономической жизни», «Путиях сообщения Севера», «Вестнике Петроградского общества заводчиков и фабрикантов»), а также на Пленуме ВСНХ и в других сов. учреждениях началась бурная полемика по вопросу об этой концессии. Среди прочих в защиту проекта выступили П.И. Пальчинский, который напечатал отдельную брошюру, включив названную тему в контекст поставленного шире вопроса об экономическом развитии Севера, и А.В. Сабанин, который, защищая проект Борисова-Ганневига, одновременно развивал идею об эксплуатации каменноугольных месторождений на Шпицбергене, призывая при этом «отодвинуть в сторону» возникающие дипломатич. затруднения. Звучали и другие голоса: напр., проф. М. Боголепов выступил с предостережениями от упований на железную дорогу как панацею от всех бед неизбежности и недоступности Севера. Большевицкая же пресса с большим подозрением относилась к идее заключения пролетарским государством концессии «с капиталом». Предлагались и другие проекты: так, в дек. 1918 в Русском Географическом о-ве был заслушан доклад М.Е. Жданко о проекте сооружения «полярного ж.-д. пути — 55⁰-верстной ж.-д. Обь — порт в устье р. Печоры.

Наконец, после ряда обсуждений и переговоров с концессионерами, пошедшими на значительные уступки, особая комиссия финансово-экономич. совета К-та Гос. сооружений в конце янв. 1919 приняла резолюцию, в которой отмечалось, что «...проектируемая железная дорога явится могущественным рычагом оживления всего северного края Европейской России и возможно лучшей утилизацией его естественных богатств». А 4 февраля 1919 СНК принял написанное Лениным постановление, которое гласило: «...Признать предоставление концессии представителям иностранного капитала с принципиальной точки зрения допустимым во всех тех случаях, когда только таким путем может быть достигнуто развитие производительных сил. Данную концессию признать желательной

и осуществление ее практически необходимым...». Далее «соискателям» предлагалось представить «доказательства основательности их ссылок на связи с союзническими и нейтральными предприятиями и фирмами, способными финансировать дело, доставить необходимые материалы» и пр. Упомянутая выше комиссия при ВСНХ была пополнена представителями разных ведомств, и ей было предложено «в двухнедельный срок представить окончательный проект договора». 12 марта 1919 Ленин еще отстаивал это решение на заседании Петросовета. Однако проект Борисова-Ганневига так и не был осуществлен. «Победила» идея Главсевморпути.

⁸⁰) Архимович Владимир Антонович (1857-?) — чиновник МИДа. Сын сенатора. Окончил СПб ун-т и с 1881 служил в МИДе. Был ген. консулом в Берлине, с 1910 — директором Деп. личного состава и хоз. дел. В 1914-16 А. — тов. министра иностр. дел, в 1916 назначен сенатором с оставлением в ведомстве МИД. К 1917 он гофмейстер и действ. статский советник. Эмигрировал в 1919.

⁸¹) Родоначальником династии баронов Гинцбургов был барон Горацій Осипович Г. (1833-1909) — банкир и меценат, которому почти до самой его смерти принадлежал дом № 17/4 по Конногвардейскому бульвару. Этот дом, действительно, выходил на три названные улицы, и в нем жил упомянутый в тексте Матвей Абрамович Закс, но в 1917 он принадлежал не Гинцбургам, а М.К. Бибиковой и М.А. Рошко.

⁸²) Ватаци Э.А. (1856-1920) — высокопоставленный чиновник разных ведомств. Из дворян Могилевской губ., сын генерала-от-артиллерии. В 1877 окончил Уч-ще правоведения, затем слушал лекции в Берлинском ун-те. Начал службу кандидатом на судебные должности при прокуроре СПб судебной палаты. В 1878 назначен секр. палаты, в 1879 переведен в военное ведомство и откомандирован в распоряжение туркестанского генерал-губернатора для занятий в канцелярии. В 1880-83 В. — калишский уездный судья, в 1883 служил в центр. аппарате М-ва юстиции, а с 1884 — в МВД. В 1885 назначен комиссаром по крестьянским делам в г. Цеханове, а в 1886-91 исполнял ту же должность в Плоцком уезде. После этого на несколько месяцев становится членом келецкого присутствия по крестьянским делам, в конце 1891 — плоцким вице-губернатором. В 1898 назначен сувальским, а с 1901 — ковенским губернатором. В 1904 В. стал харьковским губернатором, спустя несколько месяцев — директором Деп. общих дел МВД, в 1905 — тов. министра внутр. дел, в конце 1906 — сенатором II деп. Сената. В 1909-13 (или до 1915?) В. был помощником по гражд. части Наместника на Кавказе. В 1913 (1915?), будучи тайным советником, гофмейстером и сенатором, В. вышел в отставку и поступил на частную службу к С.Г. Лианозову. К 1917 он — пред. правления в нефтепромышл. т-ве «Бр. Мирзоевых и К°» и в Русско-Персидском лесопромышл. акц. о-ве, а также чл. совета Русско-Голландского банка.

⁸³) Лианозов Степан Георгиевич (1872-1951) — нефтепромышленник. Получил юрид. образование. К 1917 — коллежский советник, директор-распорядитель и чл. правлений свыше 20 нефтепромышл. и др. компаний с основным капиталом свыше 170 млн. руб., один из организаторов Русской генеральной нефтяной корпорации («Ойл»), созданной Русско-азиатским, Международным и другими банками для борьбы с «Т-вом бр. Нобель» и русскими предприятиями англо-голландской монополии «Шелл». В авг. 1919 возглавил пр-во русской

Северо-Западной области, созданное в Прибалтике при поддержке главы британской военной миссии в Эстонии генерала Марша и просуществовавшее несколько месяцев. С 1920 Л. — в Париже, где совместно с П.О. и А.О. Гукасовыми Н.Х. Денисовым, Г.Л. Нобелем и П.П. Рябушинским принял участие в создании Торгово-финансового и промышл. комитета (Торгпрома), образованного для защиты интересов русских собственников-эмигрантов.

⁸⁴⁾ Плевел Вячеслав Константинович (1846-1904) — министр внутр. дел и шеф корпуса жандармов (1902-04). Убит эсером Е.С. Сазоновым.

⁸⁵⁾ Любимов Дмитрий Николаевич (1864-1942) — высокопоставленный чиновник разных ведомств. Сын ред. «Русского вестника» Н.А. Любимова. Учился в Лицее Цесаревича Николая в Москве, затем окончил СПб ун-т. С 1887 служил в М-ве гос. имуществ, с 1893 — в Гос. Канцелярии, в 1900-02 был там пом. статс-секретаря. В 1902-06 Л. — правитель канцелярии МВД, в 1906-12 — виленский губернатор, в 1912-13 — директор Деп. гос. земельных имуществ Глав. Управления землеустройства и земледелия. В 1913-14 — товарищ главноуправляющего Канцелярией по принятию прошений. В 1914 назначен сенатором и помощником Варшавского генерал-губернатора по гражд. части, с 19 июля 1914 стоял во главе Варшавского центр. обывательского комитета по участию в войне. В 1916 назначен тов. министра земледелия, но пробыл им недолго, оставшись членом К-та по землеустроит. делам при этом М-ве. К нач. 1917 — гофмейстер, сенатор, почетный мировой судья, был причислен к Гос. Канцелярии. В 1918 содержал комиссионный магазин антиквариата на Караванной ул. О жизни Л. после 1919 во Франции см. в кн. его сына, реэмигранта Л.Д. Любимова (1902-1976) *НА ЧУЖБИНЕ*. М., 1963.

⁸⁶⁾ Чаев Сергей Николаевич (1863-?) — инженер путей сообщения. Окончил Моск. ун-т, а затем Ин-т инженеров путей сообщения (1890). Служил в ведомстве МПС и на строительстве частных ж.-д. Совместно с Д.П. Кандауровым был автором проекта электрических ж.-д. на Южном берегу Крыма: Ялта — Бахчисарай и Севастополь — Алушта (1911). С 1913 состоял в ведомстве Имп. Марии (был почетным членом Пг Совета детских приютов). К 1917 — коллежский асессор, директор правления т-ва «Дом инженеров путей сообщения в Пг» и член К-та по организации экспедиции к Северному полюсу и по исследованию русских полярных стран.

⁸⁷⁾ Блейхрöder (Bleichröder) — банкирский дом в Берлине, основанный в 1803 Самуилом Б. (? - 1855). В 1820-е С.Б. вступил в близкие отношения с банкирами Ротшильдами. Сын С.Б. — Герсон Б. (1822-1893) расширил обороты фирмы за счет своей близости к Бисмарку и участия в финансировании ж.-д. строительства в Европе. После его смерти дело перешло к двум его сыновьям и двоюродному брату Швабаху. Б. принимали участие в финансировании строительства Варшавско-Венской (1901) и некоторых других русских ж.-д., а также наряду с другими германскими банкирами выступали посредниками по осуществлению многочисленных займовых операций русского правительства на англ. и франц. денежных рынках. С 1925 фирма принадлежала Г. Швабаху.

⁸⁸⁾ Капнист граф А.П. (р. 1871) — морской офицер. Сын гр. Павла Алексеевича Капниста (1842-1904), попечителя Моск. учебного округа (1880-95), и тетки автора гр. Э.А. Капнист (урожд. Лопухиной). Окончил Морской кадетский корпус. На службе во флоте с 1891. В 1892 стал мичманом. В 1901 зачислен в артиллерийские офицеры

1-го разряда. В 1903-06 был военно-морским агентом при русских миссиях в Австрии и Италии. Затем служил старшим офицером на линкорах «Иоанн Златоуст» (1906-07) и «Три святителя» (1907-08). В 1906 за отличие произведен в капитаны II-го ранга. Вскоре вышел в отставку и стал миргородским уездным предводителем дворянства Полтавской губ. Вернувшись на службу с началом войны, он к окт. 1917 стал контрадмиралом и начальником Морского Генерального Штаба. После прихода большевиков к власти К. уволен, а 14 ноября 1917 арестован «за отказ сдать дела представителя новой власти».

⁸⁹⁾ Кони Анатолий Федорович (1844-1927) — судебный деятель и литератор. К 1917 — сенатор, чл. Гос. Совета. 31 марта 1878 был председательствующим в судебном заседании по делу В. Засулич. В связи с вынесением оправдательного вердикта присяжными по этому делу К. подвергся обвинениям в неумелом и даже «пристрастном» его ведении. Однако в силу закона о несменяемости судей не мог быть смещен со своего поста пред. СПб окружного суда и, отказавшись уйти в отставку, оставался на нем до окт. 1881, когда был обманным путем завлечен на должность пред. Гражданского деп. СПб судебной палаты. В 1920-е жил в Пг, занимаясь литературной и лекторской деятельностью.

Лопухин Александр Алексеевич (1838 — после 1886) — юрист. Дядя автора и отец директора Деп. полиции. В 1858 выпущен юнкером I класса из Школы гвардейских подпрапорщиков. В 1866 назначен мировым судьей Гор. участка Москвы, в 1867 переведен на должность тов. прокурора при Московском окружном суде. Л. был предшественником Кони на посту пред. СПб окружного суда. Будучи во время дела Засулич прокурором СПб судебной палаты, Л., по свидетельству Кони, попустительствуя желанию начальства не придавать данному делу политич. окраски, не дал хода полученной во время расследования телеграмме прокурора Одесской палаты со сведениями о принадлежности обвиняемой к револ. партии. В результате состоявшегося оправдания Засулич Л. был смещен со своего поста и, будучи действительным статским советником и камергером, назначен (1879) «председателем особой комиссии при имп. посольстве в Константинополе». Потом (с 1882) был пред. деп. Варшавского окр. суда.

⁹⁰⁾ Капнист (урожд. Лопухина) гр. Э.А. (1848-?) — дочь камер-юнкера. С 1869 замужем за П.А. Капнистом, ставшим графом в 1876.

⁹¹⁾ Соловьев Владимир Сергеевич (1853-1900) — философ. Выступление о нем Кони состоялось 21 янв. 1901. Очерк о С. опубликован: А.Ф. Кони. Собр. соч. в 8 тт., т. 7, М., 1969, с. 335-374.

⁹²⁾ Витте граф С.Ю. (1849-1915) — гос. деятель. К 1901 — министр финансов, известный своими реформами денежного обращения, податной системы и банков, системой конверсии гос. займов и др. В 1907-12 написал воспоминания, остающиеся до сих пор фундаментальным источником по русской истории конца XIX — начала XX века.

⁹³⁾ Володарский В. (наст. имя Гольдштейн Моисей Маркович, 1891-1918) — в 1918 комиссар по делам печати, агитации и пропаганды Северной области. 20 июня 1918 был убит эсером-рабочим Сергеевым. М.С. Урицкий был убит Л.С. Канегиссером 30 авг. 1918, и в тот же день Ленин был ранен Ф. Каплан.

Постановление о необходимости красного террора было принято Пг комитетом РКП(б) 23 июля 1918, вслед за чем началась соответ-

ствующая газетная кампания. «Красная газета» писала: «Мы с нетерпением ждем момента, когда буржуазная печать снова начнет вопить о нашей жестокости. Мы слишком размякли. /.../ Незачем ждать, покуда они восстанут» (24 июля); «придушить так, чтобы они не пикнули, /.../ в порошок истереть врагов революции» (25 июля); «Мы их уничтожить физически в состоянии. Старое офицерство, главные кадры всех белогвардейских восстаний, не очень многочисленно. И если революция того потребует, если старое офицерство не бросит своих безумных попыток — вернуть свои привилегии и царя, оно, за исключением тех отдельных честных из их среды, которые порвали с ними, поголовно будет уничтожено» (26 июля). Резолюция последовавшего за этим 2-го съезда Советов Северной области гласила: «Надо физически истреблять врагов народа. Надо помнить, что пробил решающий час» («Красная летопись», 1929, № 2, с. 135). 28 авг., рассматривая вопрос «об охране вождей и рабочих», Петросовет постановил: «Довольно слов: наших вождей отдаем под охрану рабочих и красноармейцев. Если хоть волосок упадет с головы наших вождей, мы уничтожим тех белогвардейцев, которые находятся в наших руках, мы истребим поголовно вождей контр-революционеров». Таким образом, программа красного террора была сформулирована в Пг еще до принятия знаменитого постановления СНК от 5 сент. 1918.

⁹⁴⁾ В свете излагаемого автором дальше интересно напечатанное в «Известиях» от 30 авг. 1918 сообщение ВЧК об окончании следствия по делу «Российского союза торговли и промышленности для внешнего и внутреннего товарообмена». К делу было привлечено 29 человек (промышленников и биржевиков), обвиненных в спекуляции и хищениях. Союз существовал в Москве с 1914. Установленное следствием с апр. 1918 наблюдение за ним выяснило, что его «помещение — не столько контора торгово-промышленного предприятия, сколько место встречи различных «торговых людей», нечто, заменяющее биржу, где собираются торговые агенты, комиссионеры и другие лица, занимающиеся спекуляцией». Далее в конторе Союза был произведен обыск, изъяты заявления с предложениями различных товаров от фирм и лиц, выяснено отсутствие записей в торговых книгах после окт. 1917 и арестованы участники Союза и связанные с ним лица.

⁹⁵⁾ Рассказывая о Воейковых, автор допускает ряд неточностей. Воейков Алексей Алексеевич (1861-?) — помещик Кирсановского уезда Тамбовской губ. В 1887 окончил Дерптский ун-т и принят на службу в Деп. внешних сношений МИДа. Затем — секретарь канцелярии МИДа, с 1901 — советник МИД. С 1907 — депутат III Гос. Думы (октябрист), камергер. С 1912 — кирсановский уездный предводитель дворянства, в 1914 ему присвоен чин действ. статского советника. В 1915 назначен почетным мировым судьей по тому же уезду.

Его брат — Семен (1862-?), окончив в 1889 Дерптский ун-т, служил в Гос. канцелярии (1889-91), а в 1891-1902 — в канцелярии К-та министров. Затем не служил и в начале 1917 в Пг не жил.

⁹⁶⁾ Куломзин Анатолий Николаевич (1838-1924) — пред. Гос. Совета (1915-16), действ. тайный советник, статс-секретарь. Помещик Костромской губ. Окончил юрид. ф-т Моск. ун-та (1861) и стал мировым посредником 1-го призыва в Костромской губ. Затем женился на дочери министра юстиции при Александре II — Екатерине Дмитриевне Замятниной и с 1864 служил в Гос. Канцелярии. В 1869 К.

был переведен в канцелярию К-та министров. В 1880-83 занимал пост тов. министра гос. имуществ, в 1883-1902 — управляющего делами К-та министров. В 1893-1904 одновременно управлял делами к-та Сибирской ж.-д., ездил по переселенческим делам в Сибирь, выпустил несколько работ по экономике России и зарубежных стран. С 1902 — чл. Гос. Совета.

⁹⁷⁾ Бунге Н.Х. (1823-1895) — гос. деятель, ученый-экономист. Окончил юрид. ф-т ун-та Св. Владимира (1845) и в 1850-80 был там профессором политэкономии и финансов (с 1852 возглавлял соотв. кафедру, неоднократно избирался ректором). Одновременно в 1862-66 Б. возглавлял Киевскую контору Гос. банка и руководил местным О-вом взаимного кредита. Его научный авторитет был так высок, что его дважды приглашали для преподавания политэкономии наследникам престола. С 1880 Б. — тов. министра, в 1881-86 — министр финансов и в 1887-95 — пред. К-та министров. Будучи министром, он стремился проводить явно выраженную протекционистскую политику, принимая меры к усилению гос. ж.-д. строительства, положил начало выкупу частных жел. дорог в казну, развивал казенное финансирование машиностроит. и металлургич. предприятий, пытался упорядочить бюджет и денежное обращение. Современник называет Б. «первым министром финансов, исходившим из твердого и ясного сознания, что узкий «финансизм» — исключительная забота о государственных финансах в тесном смысле слова — должен быть заменен «экономизмом» — широкой экономической политикой, направленной на развитие народного труда и производительных сил страны». Тот же мемуарист писал о поражающих в министре простоте поведения, скромности, полном отсутствии бюрократич. камуфляжа, независимости, бескорыстии и постоянном стремлении руководствоваться в практич. деятельности научно обоснованными соображениями.

⁹⁸⁾ За первые две декады июля 1918 в больницы города поступило 6 282 больных холерой. Постановление о «мобилизации буржуазии» на рытье могил и захоронение трупов было опубликовано 14 июля.

⁹⁹⁾ Лашкевич Георгий Николаевич — сын генерал-майора, офицера лейб-гвардии Измайловского полка, участника русско-турецкой войны Н.А. Лашкевича. Окончил юрид. ф-т СПб ун-та (1908). С 1912 — на службе в МИДе. К 1917 — титулярный советник, делопроизводитель VIII кл. во II-м деп. МИДа. В 1921-28 — пом. зав. Экономич.-правового отдела НКИДа. Принимал участие в редактировании стеночета Гаагской конференции и других изданий НКИДа. В 1929 Л. — юрисконсульт сов. полпредства во Франции, в 1935 — юрисконсульт Службы по делам Лиги наций при Ген. секретариате НКИД. Дальнейшая судьба нам неизвестна.

¹⁰⁰⁾ Колчановский Николай Петрович (1892-1940) — сын действ. статского советника, с 1915 — на службе в МИДе. К 1917 — титулярный советник, и.д. делопроизводителя VIII кл. во II деп. МИДа. С 1921 в НКИДе, с 1923 — пом. зав. Экономич.-правового отдела, одновременно с 1925 — управляющий делами при уполномоченном НКИДа при правительстве РСФСР, в 1933-35 юрисконсульт Юрид. отдела НКИД. Участвовал в переговорах по пограничным вопросам с Румынией (1923-24), Японией (1926-28), Финляндией (1940), а также в ряде международных конференций и совещаний. К. долгое время преподавал в Высшей дипломатич. школе и выпустил учебное посо-

бие для сотрудников НКВД: **ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА**. Вероятно, умер своей смертью, т.к. упомянут как один из авторов 3-го тома **ИСТОРИИ ДИПЛОМАТИИ** (вышел в 1945).

¹⁰¹⁾ Флоринский Дмитрий Тимофеевич — сын ректора Киевского ун-та, известного слависта Тимофея Дмитриевича Ф. (1854-1919), расстрелянного в Киеве большевиками. По окончании ун-та (1913) Ф. принят в МИД и послан студентом русского посольства в Константинополе, затем стал секр. консульства в Рио-де-Жанейро. К 1917 — титулярный советник, секр. посольства в Рио-де-Жанейро. В 1918-19, кажется, служил при Северном пр-ве Е.К. Миллера. С нач. 1920-х — в НКВД, заведовал там Протокольной частью (позднее — отделом) и одновременно подотделом (с 1925 — отделом) Скандинавских стран. Арестован, по некоторым данным, в сер. 1930-х и неск. лет после этого провел в лагерях. В 1938 Ф. — в Лефортовской тюрьме, откуда выбыл в дек. и, вероятно, погиб в заключении.

¹⁰²⁾ Петров Федор Никитич (?-1921) — чиновник МИДа. В 1904 окончил Лазаревский ин-т вост. языков и зачислен в Учебное отделение вост. языков при I деп. МИДа. Окончив его (1905), принят в I деп. и направлен студентом русского посольства в Тегеране. Год спустя стал секретарем консульства в Кермане (Персия), а с 1910 — первым драгоманом посольства в Тегеране. В 1913 назначен драгоманом миссии в Бухаре, а затем секретарем там же. К 1917 — надворный советник, помощник секретаря IV (Дальневост.) политич. отд. МИДа. Одновременно П. был преподавателем персидского разряда в Практической вост. академии имп. о-ва востоковедения. 16 ноября 1917 уволен наряду с другими чиновниками МИДа, а 2 дек. «День» писал о нем как о «новом штрейкбрехере», припоминая «к случаю» скандальный эпизод из биографии П.: в окт. 1913 он, по словам газеты, «учинил пьяный дебош на станции Клин», был за это отчислен из МИДа, а спустя некоторое время «занял нештатную должность в Дальневосточном отделе с окладом 100 руб.». Придя в НКВД, П. стал директором I деп., переименованного вскоре в Отд. личного состава. Погиб в Туркестане.

¹⁰³⁾ Собинов Леонид Витальевич (1872-1934) — известный певец, к 1917 — солист Его Величества.

¹⁰⁴⁾ Апушкин Владимир Александрович (1868 — ок. 1937) — генерал, литератор. Окончил Моск. кадетский корпус, Константиновское артиллерийское уч-ще, а позже — Военно-юридическую академию. С 1888 служил подпоручиком в 18-й артиллерийской бригаде. Впоследствии перешел в Главное военно-судное управление (ГВСУ), был там пом. военного прокурора, с 1907 — пом. нач. отд-ния ГВСУ, затем делопроизводителем военно-тюремного отдела. За это время А. опубликовал ряд книг и статей о русско-японской войне, стал редактором «Военной энциклопедии». К 1917 — генерал-майор. 3 марта назначен начальником ГВСУ и Глав. военным прокурором. Назначение состоялось по рекомендации Военной комиссии Временного к-та Гос. Думы и было связано с теми услугами, которые А., служа ранее в ГВСУ, оказывал защитникам по политическим делам; видимо, сыграло роль и близкое знакомство А. с А.Ф. Керенским. Три дня спустя введен в состав Чрезвычайной Следственной комиссии Врем. Пр-ва. После окт. 1917 служил на конторских должностях в разных учреждениях, печатал биографич. заметки о писателях и художниках, был пред. Военно-научной редакции Пг отдела военной литературы, выпустил книгу о В.А. Сухомлинове, однако в это время его работы

публиковались с трудом. В сер. 1920-х А. — на кафедре военных наук Военно-политич. Академии РККА им. Толмачева, секретарь предметной комиссии стратегии, истории войн и военного искусства.

По сообщению А.В. Храбровицкого, в 1930 А. был выслан в Вологду, где позднее арестован и погиб в заключении в 1937 или 1938. В справке, полученной сыном, писателем Я.В. Апушкиным, говорилось о посмертной реабилитации А. ввиду отсутствия состава преступления, но дата и причина смерти не были указаны.

14 янв. 1917 Горький писал Короленко: «Генерал Апушкин — лучшее, что есть среди военных /.../»; в ответном письме от 19 янв. 1917 Короленко сообщал, что знакомство с А. оставило в нем «очень хорошую память» (А.М. ГОРЬКИЙ И В.Г. КОРОЛЕНКО. ПЕРЕПИСКА, СТАТЬИ, ВЫСКАЗЫВАНИЯ. М., 1957, сс. 85, 88). В 1899 Короленко с помощью А. добился отмены смертной казни и оправдания невинно осужденного чеченца Ильяса Юсупова (А. Храбровицкий. НА ПАМЯТЬ О ЮСУПОВЕ. — «Дружба народов», 1973, № 7, с. 284).

¹⁰⁵⁾ Имеется в виду Центр. продовольств. бюро Всероссийского ж.-д. Союза («Продпуть»), созданное 18 ноября 1917 на III Всероссийском ж.-д. продовольств. съезде. Весной 1919 преобразовано во Всероссийский Совет снабжения железнодорожников, после чего в ходе общего процесса огосударствления кооперативов (см. ист. сб. «Память», вып. 5, Париж, 1982, сс. 435-458) «Продпуть» был за два с небольшим месяца превращен в ж.-д. отдел Наркомпрода.

А.В. Книпер
ФРАГМЕНТЫ ВОСПОМИНАНИЙ *)

Публикация К. Громова и С. Боголепова

«Я была арестована в поезде адмирала Колчака и вместе с ним. Мне было тогда 26 лет, я любила его и была с ним близка и не могла оставить его в последние дни его жизни. Вот в сущности всё. Я никогда не была политической фигурой, и ко мне лично никаких обвинений не предъявлялось». Так писала Анна Васильевна Книпер во второй половине 1950-х в своих заявлениях о реабилитации, не достигавших цели. Через полвека после гибели А.В. Колчака она ощутила потребность доверить бумаге свои воспоминания. Спешила вспомнить и о других людях, милых ее сердцу, — о своей семье (она дочь пианиста и дирижера В.И. Сафонова), о Екатерине Павловне Пешковой.

После смерти А.В. осталась стопка рукописей: тетради и листки. Удалось расположить эти записи так, что образовался единый текст, причем редактирование свелось к минимуму — изменению отдельных слов «на стыках» и вычеркиванию повторений. Даты, которыми помечены несколько заметок, сохранены.

А.В. не была «типичной представительницей» какой-либо партии или социального слоя («одной из»). Герои ее записок — тоже люди, а не «представители». А ценность воспоминаний А.В. — не только в информации о тех, кто сыграл не последнюю роль в нашей истории и культуре. Такого рода вещи, отличающиеся глубоко личным, «антиполитическим» характером (в этом смысле им сродни публикуемые под одной обложкой с ними записки М.Н. Квашниной-Самариной, способны по-своему расшевелить дремлющее в нас чувство принадлежности каждого к истории.

«Сафоновские» страницы приоткрывают жизнь семьи интеллигентной (из тех, на которых стоит отечественная культура), проливают свет на истоки жизнестойкости автора. К сожалению, в наше

*) Частично воспоминания А.В. Книпер опубликованы недавно в нью-йоркском «Новом журнале» № 159, 1985, сс. 196-237.

время лишь редкие единицы, причем обычно из старых дворянских фамилий, озабочены собиранием материалов к истории своего рода. Редакция посчитала необходимым снабдить семейные страницы воспоминаний А.В. подробными примечаниями, чтобы образовать ядро «Материалов к истории семьи Сафоновых».

Сердцевина текста — страницы о Колчаке. Готовя их к печати, мы сами открыли для себя этого человека, с его развитым чувством чести и любви к родине, далекого от шкурничества и корысти. Тут важна каждая деталь, размывающая или разламывающая стандартный образ. Но история любви адмирала, может быть, сильнее всего превращает плакатную фигуру в живого человека. В написанных фрагментах ничего не сказано об омском периоде деятельности Колчака, когда он взялся за не подходившую ему роль (Трафальгар бы ему, а не Омск; **ТРАГЕДИЯ АДМИРАЛА КОЛЧАКА** назвал свою книгу С.П. Мельгунов). Естественно, что и комментарии, коснувшись этой сложной темы, не могли иметь целью ее широкий охват и раскрытие. С другой стороны, грешно было бы не воспользоваться возможностью и не напомнить о несправедливо замалчиваемой военной и научной деятельности Колчака, в частности — о его арктических исследованиях.

Приходится ждать упреков в пристрастности комментариев. Могут сказать: нельзя снимать ответственности с Колчака за то-то и то-то, нельзя идеализировать его отбором фактов. Но задача здесь была особая — дорисовать тот образ адмирала, который близок автору-героине воспоминаний. Психологические аспекты в таком случае оказываются подчас важнее, чем политические. Кроме того, совсем не бесплодно для историка сосредоточиться на исследовании и обрисовке тех личных качеств и разнообразных заслуг Колчака, которые выдвинули его и сделали в глазах определенного круга людей надеждой нации, благородным знаменем белой идеи. Авторы комментариев готовы упрекнуть себя скорее в том, что не продвинулись далеко по этому пути, чем в обратном.

И еще о примечаниях. Хотелось добиться относительной их цельности и законченности внутри выделившегося круга тем; сделана попытка придать примечаниям такую форму, чтобы их удобно было читать как параллельно с текстом, так и отдельно от него.

Некоторые сведения об авторе. А.В. Книпер (Сафонова, Тимирева, Книпер-Тимирева) родилась в 1893 в Кисловодске. В 1906 семья переехала в Петербург, где Анна Васильевна кончила гимназию кн. Оболенской (1911) и занималась рисунком и живописью в частной студии С.М. Зейденберга. Свободно владела французским и немецким. В 1918-19 в Омске — переводчица Отдела печати при Управлении делами Совета министров и Верховного правления; работала в мастерской по шитью белья и на раздаче его больным и раненым воинам. Самоарестовалась вместе с Колчаком в янв. 1920, освобождена в том же году по октябрьской амнистии и в мае 1921 вторично арестована. Находилась в тюрьмах Иркутска и Новониколаевска, освобождена летом 1922 в Москве из Бутырской тюрьмы. В 1925 арестована и административно выслана из Москвы на 3 года, жила в Тарусе. В четвертый раз взята в апр. 1935, в мае получила по ст. 58¹⁰ 5 лет лагерей, которые через 3 месяца при пересмотре дела заменены ограничением проживания («минус 15») на 3 года. Возвра-

цена из Забайкальского лагеря, где начала отбывать срок, жила в Вышнем Волочке, Верее, Малоярославце. 25 марта 1938, за несколько дней до окончания срока «минуса», арестована в Малоярославце и в апр. 1939 осуждена по прежней статье на 8 лет лагерей; в Карагандинских лагерях была сначала на общих работах, потом — художницей клуба Бурминского отделения. После освобождения жила за 100-м километром от Москвы (ст. Завидово Окт. ж.-д.). 21 дек. 1949 арестована в Щербакове как повторница без предъявления нового обвинения. 10 месяцев провела в тюрьме Ярославля и в окт. 1950 отправлена этапом в Енисейск до особого распоряжения; ссылка снята в 1954. Затем в «минусе» до 1960 (Рыбинск). В промежутках между арестами работала библиотекарем, архивариусом, дошкольным воспитателем, чертежником, ретушером, картографом (Москва), членом артели вышивальщиц (Таруса), инструктором по росписи игрушек (Завидово), маляром (в енисейской ссылке), бузафором и художником в театре (Рыбинск); подолгу оставалась безработной или перебывалась случайными заработками. Реабилитирована в марте 1960, с сент. того же года на пенсии. В 1911-18 замужем за С.Н. Тимиревым. Замужем за В.К. Книпером с 1922, до получения ответа прокурора о гибели и реабилитации сына, В.С. Тимирева (1956), носила двойную фамилию. Умерла 31 янв. 1975.

Благодарим всех, кто помог подготовить эти воспоминания к печати. С особой признательностью вспоминаем Е.В. Сафонову, без которой публикация была бы просто невозможна.

ДОМ, СЕМЬЯ, ДЕТСТВО

Над столом на стене висит длинная фотография — не цветная, а раскрашенная каким-то мастером в незапамятные времена, когда и духу не было цветной фотографии — и слава Богу. Она раскрашена с любовью, с соблюдением воздушной перспективы. История ее замечательна. Во дворе у помойки валялся выброшенный кем-то чемодан, а в нем тоже выброшенная за ненадобностью эта панорама Кисловодска. Если в доме есть мальчишка, естественно, он не упустит случая порыться в брошенном чемодане, — так она очутилась в нашем доме.

Это очень старая фотография — с тех пор, наверное, Кисловодск изменился до неузнаваемости. Но на фотографии он такой, каким я его помню с раннего детства — а этому... не будем говорить, сколько лет. Она снята с холмов, расположенных напротив «нашей» стороны, сверху вниз, так что снизу расположен парк, за ним — Крестовая гора, за нею — ряд безымянных холмов до входа в парк. На них ряд дач Барановской ¹⁾, презираемых моей бабушкой за легковес-

ность постройки и коммерческий уклон в использовании. Так наша улица — Эмировская улица — и делилась на владения моей бабушки Сафонихи и Барановичихи, двух кисловодских старожилов. Крестовой гора называлась из-за каменного креста на ее вершине. Даже и тогда я не знала, в память чего или кого поставлен этот крест. Была на нем надпись, но выветрилась и стала неразборчива.

На Крестовой горе против ворот нашего дома еще только намечена граница того участка, на котором потом построит свой дом тетя Настя Кабат²⁾ — сестра моего отца³⁾. Участок небольшой, на склоне. Потом он будет увеличен за счет отвесной каменной стены со стороны улицы и насыпанной земли. Потом там будет построен очень удобный и вместительный дом, разведен сад с прекрасным цветником, и с отвесной стены водопадом польются кусты вьющихся алых роз — но все это потом. А пока над парком в густой зелени виден только балкон на втором этаже старого бабушкиного дома, затянутый холщовыми занавесями-парусами — парусный балкон. На этот балкон выходила наша с сестрой Варей⁴⁾ комната. С балкона виден почти весь Кисловодск.

Прямо под садом нашего дома — вершины деревьев парка, и когда цветут липы — голова кружится от медового запаха. Левее от сада — крыша гостиницы «Парк», построенной дедом⁵⁾. Гостиница построена добротно, и ее отличает от других то, что между номерами капитальные стены звуко-непроницаемы. В ней всего сорок номеров. Нам, детям, ходить туда запрещено — чтобы не шумели. Дорожка от нее ведет прямо в парк к раковине для оркестра. Дальше — площадка перед нарзанной галереей. Нарзан бьет в резервуар сильной струей. Хорошенькие подавальщицы подают стаканы: кто хочет с сиропом, кто просто так. Дальше — Тополевая аллея. В гражданскую войну ее вырубili, чтобы не мешала стрелять, не служила укрытием. Не знаю, возобновили ли ее теперь.

Вверх и направо от галереи дорога ведет к Курзалу (там теперь приютился музей музыкальной и театральной культуры) и железнодорожному вокзалу. Позднее на моей памяти там был тоннель, увитый диким виноградом, в жаркие дни приятно тенистый. А за ним — Добрава балка. Она только начинала застраиваться, и, детьми, на каменистых ее возвышениях хорошо было ловить ящериц — серо-пестрых, с голубыми и оранжевыми животиками, и зеленых. Чтобы их не попортить, надо целиться несколько впереди их хода,

чтобы они сами по инерции попадали под руку, — иначе можно схватить за хвост, ящерица оставит его в руке, а сама убежит. Поддержишь ее, полюбишься ее стройной мордой и отпустишь.

А дальше уже более высокие Синие горы. Лунными ночами мы ходили на них, чтобы к рассвету быть на горе Джинал, пока не появились из ущелий облака и не закрыли Эльбрус и снежную цепь. Перед рассветом холодно — «холодеет ночь перед зарею», и в лунном свете не разберешь, есть ли облака или нет, — цепь гор сливается с лесом. И только когда начинает светать, обозначается теневая сторона склонов. И открывается вся цепь, розовая от зари, — какая редкость! И весь день ходишь с праздником в душе — а горы...

Наверно, ничего прекраснее этого в жизни я не видела.

По правую сторону от нашего дома понизу тянется парк, через который течет река Ольховка, над ним ряд невысоких холмов с дачами кончается горой, недавно засаженной сосенками, подъем на нее идет зигзагами, так что почти не заметен. Выход из парка ведет на Базарную площадь мимо стеклянной струи и источника. По этой дороге мы ходим, вернее, нас водят по воскресеньям в церковь на той же площади. Нас восемь человек детей — три мальчика и пять девочек. Мы должны идти попарно, а сзади — папа и мама⁶⁾). Им-то хорошо, а каково нам — идти такой процессией, тем более, что знакомых тьма.

Церковь большая, с голубыми куполами. Когда звонят к обедне или всенощной, у нас в саду хорошо слышен колокольный звон, хорошо и грустно немного. Около церкви похоронены дедушка и бабушка, потом брат, умерший от ран на германской войне, потом папа, потом мама — два белых мраморных креста. Теперь все сровнено с землей и можно определить место только по могиле Ярошенко, расположенной неподалеку⁷⁾).

На первом плане панорамы — нагромождение домов разных размеров, узкие улочки этой части города мы как-то не знаем — ходить туда незачем. Разве в аптеку, где продаются разные штуки для фейерверка — колеса, фонтаны, ракеты, римские свечи и бенгальские огни в папиросных гильзах. Папироса стоит 1 коп., но если берешь дюжину, то она стоит гривенник. Все эти штуки — предмет моего страстного увлечения. Когда теперь я смотрю на салют —

красиво. Но какое волшебство было в этих копеечных огнях, как очаровательно били огнем фонтаны и крутились колеса!

Пожалуй, отца я помню больше всего в Кисловодске. Он отдыхал, концертов не было, мы больше его видели. То есть что значит — отдыхал? Последние годы, вернувшись опять к роялю, он проводил за ним большую часть времени. Когда же он не играл, то постоянно делал гимнастику пальцев для поддержания их гибкости, по своей системе: закладывал большой палец между другими сначала медленно, потом с молниеносной быстротой в различных комбинациях.

У него была подагра, и он очень следил за своими руками. Часто я делала ему маникюр и массаж рук.

Иногда после обеда он собирал нас и заставлял петь под рояль хоралы Баха. Сестра Оля⁸⁾ говорила: «Нахоралились!» Как-то он мне сказал:

— Да ты хорошо ноты читаешь!

— Нет.

— А как же ты поешь?

— А ты ударишь клавишу, а я сразу ноту и беру.

Чаще всего мы пели хорал „Wer nur den Lieben Gott läßt walten und hoffet auf Ihn allezeit“⁹⁾).

Но иногда стиль музыки был не такой классический. Как-то братья — Илюша-виолончелист⁹⁾, Ваня-скрипач¹⁰⁾ — и пианистка Мария Ивановна Махарина¹¹⁾ устроили вечером румынский оркестр. Играли всякую всячину из опереток. Папа слушал, слушал — и не выдержал: взял бубен и стал им подыгрывать; замечательно подыгрывал и очень забавлялся.

Отец хорошо ездил верхом в казачьем седле. Я помню, как всей семьей мы выезжали верст за 25 в долину реки Хасаут, где били источники нарзана прямо из земли, — отец и братья верхами, мы с мамой на долгуще.

Всходило солнце, из ущелий начинал подниматься голубой туман, на глазах рождались облака.

А потом мы спускались в долину к горной реченьке — и горы уходили одна за другой: все голубее, все легче.

⁹⁾ Кто одного лишь Бога возлюбил и на Него все время уповает... (нем.). (И.С. Бах. КАНТАТА № 93).

Возвращались поздно, пели хорошо — все казачьи песни:

Пыль клубится по дороге,
Слышны выстрелы порой,
Из набега удалого
Скачут сунженцы домой...
Ну-тко вспомните, ребята,
Как стояли в Зеренах...

Много мы их знали, пели постоянно. Так что когда меня девочкой лет четырех привели в церковь и я услышала пение, то тут же тоже запела «Пыль клубится по дороге»: надо же помочь.

Хорошие песни, хорошие слова. Ну что за прелесть:

Долина моя, долинушка,
Долина широкая!
Из-за этой за долинушки
Заря, братцы, занималась.
Из-за этой ясной зореньки
Солнце, братцы, выкаталось

— и всё, — а какая радость, какое торжество от этого восходящего солнца!

Стол у нас в доме всегда был хороший, но не без вариаций. То вдруг папа заявит, что надо переходить на вегетарианство, — к столу подадут печеную картошку, кукурузу, кислое молоко, вегетарьянские супы.

Так продолжается недели две.

В конце концов папа жалобно говорит маме: «Варенька, ты бы биточки заказала!»

В результате этого выступления папа получил негласное прозвище «граф Сигаров-Биточкин» — за глаза, конечно: посмели бы мы его так в глаза назвать! Называли мы его, тоже втайне от взрослых, «Базили».

И снова начинается — кавказский борщ, перепела, шашлык, вырезка на вертеле. И огромные блюда вареников с вишнями. За стол садилось человек пятнадцать с детьми, домочадцами — и постоянно кто-нибудь из гостей. Блюда обносились с двух сторон стола, иначе бы конца обеда не было. Гомерическая трапеза! Кажется, сейчас за три дня не съесть того, что поглощалось с легкостью за обедом.

После обеда все переходили на террасу, в середине которой росли два больших каштана. Ее расширили, а

каштаны спилить пожалели, так и оставили... Там пили кофе, в жару подавали арбузы, дыни из погреба, холодные.

Обедали в два часа. Затем до пяти в самую жару все сидят в комнатах с закрытыми ставнями, всякий занимается, чем хочет. В пять часов — чай.

В это время по дорожке, поднимающейся из парка к нашему дому, начинается нашествие посетителей: какие-то дамы, которым папа с серьезным видом говорит комплименты, от которых с нашей точки зрения можно стореть со стыда, до того они гиперболичны, — а им хоть бы что, всё принимают за чистую монету; приезжие музыканты, папины ученики, кого только нет! Постоянно — Евсей Белоусов¹²), которого папа очень любит, и братья с ним дружат.

Чай эти — тяжелое для меня время: я старшая дочь, молодая девушка должна разливать чай. Это не так просто: за столом опять 15 человек. Жарко, хочется пить. 15 человек по 2 чашки — 30, по 3 — 45. У папы насчет чая свои принципы, в чашку наливать только через чайник, а не из самовара. Доливаешь чайник раз, другой, третий — а они все пьют, конца нет!

Конец все-таки!

Это лучшее время дня. Уже не жарко, самый красивый свет, ходить — одно удовольствие.

Иногда идет все семейство. Тогда папа с мамой идут по дороге в парк, идущей зигзагами. Мы ее называем Professoren - или Idiotenweg и лезем в гору прямо. Однако теперь мне кажется, что «идиотская дорога» имела свои достоинства...

У папы были всегда какие-нибудь увлечения. Одно время это был лимонный сок. Не знаю, было ли это по предписанию врача, но папа и сам его пил, и мы должны были пить. Подходили к нему за обедом по очереди и получали по рюмочке. Кислятина ужасная. Надо было пить и не поморщиться — мы пьем, а он смотрит, не делаем ли гримасы.

Или возьмет руку и крепко жмет; смотришь ему в глаза и улыбаешься.

Вообще у нас заплакать от боли, от ушиба считалось позорным — терпи, не подавай виду.

Я очень любила ездить верхом. Как-то поехали мы в жаркий день в степь к Подкумку. Жарко, разморило. Я ехала, распустив поводья, вдруг из-под ног лошади взлетел

перепел. Лошадь испугалась, понесла, поводьев подобрать я не успела и вылетела из седла, а нога осталась в стремях, и меня порядком протащило по камням. В конце концов встала, села в седло, доехала до дому. От бедра до колена нога была черная от кровоподтека, каждое движение — мука. И сказать нельзя, и хромать нельзя: спросят, почему, и, пожалуй, не пустят больше кататься верхом. Так и проходила целую неделю, не хромя и с веселым видом.

Помню, бабушка Сафонова рассказывала, что во время какого-то турецкого похода казаки станицы Шелковской привезли себе из Турции пленных турчанок и переженились на них. Но те были женщины гаремного воспитания и палец о палец не хотели ударить. Заходит прохожий: «подай воды напиться!» Хозяйка лежит на постели, отвечает: «Вот придет Иван, он тебе подаст».

Стоило нам залениться — и сразу же: «Ах ты, шелковская казачка!»

Бабушка считала, что человек должен сажать деревья и копать колодцы. И нам, детям, были отведены в саду участки, где мы сажали, что хотели (потаскивая из большого цветника).

Источников под Кисловодском мало — на дороге между полустанком Минуткой и Подкумком она велела выкопать колодец, чтобы проезжие могли напиться и скот напоить (для скота стояла каменная колода).

Бабушка не разрешала разрезать узлы на веревках, давала распутывать мотки шелка, чтобы приучить к терпению и выдержке. И при этом рассказывала о том, как цари выбирали невест: собранным на смотрины девушкам давали спутанные нитки шелка, а царь подсматривал в щелку, как они это делают. Если кто-нибудь из них дергал нитки и сердился, то ее кандидатура отпадала.

Да и то сказать — немало терпения нужно царской невесте! До сих пор не люблю узлы резать.

Каждому из своих внуков она прочила блестящую будущность: «Ты мой Пушкин», «Ты моя Патти»¹³). Ее зять Плеске¹⁴) как-то сказал: «Я спокоен за Россию — тринадцать великих людей ей обеспечено: это внуки Анны Илларионовны».

Она любила и часто повторяла слова 50-го псалма Давида: «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови в утробе моей». Высокого строя души была женщина.

Бабушка — «бусенька», «буленька» мы ее звали — очень любила цветы. Сама за ними ухаживала. В саду в Кисловодске много было роз, она считала, что надо их поливать колодезной водой, и во время дождя бегала от куста к кусту с лейкой. Своих новорожденных внуков подносила к розам, чтобы они понюхали, как хорошо пахнет. После ее смерти розы стали уже не те.

Много она знала казачьих песен и любила их, а про русские говорила: «Что это за песни! — Ах ты, береза, ты моя береза, все были пьяны, ты одна тверёза».

Редко у кого я видела такое поэтическое восприятие жизни, как у этой совсем малограмотной женщины.

И уж никто не умел так устроить праздник для детей, как она.

В день рождения сторожит у двери, ждет, когда проснешься, — чтобы сразу подарить, чтобы праздник начинался, как только откроешь глаза: войдет с подносом, а на нем непременно разные подарки: какие-нибудь бусы, шелковый платок, кусок кисеи, ваза с медом и сверх всего — ветка цветущей липы.

Лошадей, кроме старой Вороны, она не держала. Но иногда нанимала кисловодского извозчика Илью Климова на пароконной коляске и, насыпав ее ребятами, возила нас катать, и непременно «через воду»: переезжала мели, речки — и мы наслаждались тем, как плещется под колесами вода, как видны сквозь нее мокрые камешки.

Когда мы, дети, ссорились и дрались — всего бывало, — она заставляла нас мириться до того, как пойдем спать, чтобы зла не оставлять на следующий день.

Пошлет за чем-нибудь — принеси. «Бусенька, а где это?» — «Найди, а я укажу», — ни за что не скажет, где.

Иногда вдруг начинала сама стряпать — непременно станичные кушанья: пирог с калиной, который мама называла «пирог с дровами» из-за косточек, пресные пышки с чернушкой — душистое такое семя. Напечет перед самым обедом и накормит нас. Пышки жирные, вкуснее ничего, кажется, не ела. А нам не позволяли бегать с кусками. Мама скажет: «Зачем Вы, мамаша, детей не вовремя кормите?» — «Оставь, Варенька, дети должны есть, когда им хочется».

А когда нас на лето привозили из Москвы к ней — уже подъезжая к Минеральным Водам, мы видели, как

навстречу поезду бежит по платформе бусенька. И протягивает корзину с земляникой прямо в окно.

А характер был твердый. Когда отец был мальчиком, ему как-то понравился сваренный ею борщ, и он заявил: «Я сто тарелок съем!» Съел одну — она ему другую, съел другую — она третью; на пятой он заревел. — «Что же ты хвастался?»

Семья была патриархальная, религиозная и монархическая, а все-таки помню бабушкин рассказ о том, как приезжал на Кавказ Николай I. Встречали его торжественно, как полагается. Собрали и хор казачек, и, когда он взял за подбородок одну: «Какая хорошенькая», — та хлопнула его по руке: не лезь, куда не надо. И видно было, что бабушка вполне это одобряла.

Рассказывала нам бабушка Анна Илларионовна, как, приехав в Петербург, привыкала к новой жизни: как купила себе семнадцать пар ботинок, которые все почему-то рвались на мизинце, и как потом плакала над этой грудой; как сшила платье с кринолином и поехала в оперу, в ложу, — и никак с этим кринолином не могла справиться: то с одной стороны поднимется, то с другой, — никак не сесть.

Об ее одежде заботилась тетя Настя — присылала ей из Петербурга шляпы: вдовьи, черные, с завязками из лент; кружевные наколки, которые она носила дома. Как-то раз, приехав в Петербург, она и говорит тете Насте: «Что же это ты мать чучелой вырядила, прислала не шляпу, а какую-то башню?» — «Маменька, да ведь в шляпе-то две наколки были вложены», — а она их все так и проносила.

Бабушка была для меня необычайно всегда. Зазовет в свою комнату в Кисловодске, с закрытыми ставнями, всегда прохладную, где на веревочках висели кисти винограда, а в шкапу такие интересные вещи, которые она любила перебирать: слитки серебра из дедушкиных эполет, плитки кирпичного чая, в коробочках — завернутые в папиросную бумагу альмандины, аметисты и топазы, — тут же и подарит.

И особенно памятен мне кусок коричневого сатина с большими розовыми розами. Купила его бабушка в память того, что когда-то маленькой девочкой осталась она в станице дома одна, а к ним зашла нищенка, и ей так ее стало жалко, что она вытащила точно такой же кусок у матери из сундука и отдала ей, а когда та ушла, ужасно перепуга-

лась, что это она наделала, и заплакала — так матери с плачем и рассказала. «А мать у меня умная была, только и сказала — ты больше так без спросу не делай».

И еще помню ее рассказ, как проездом через станицу Червленую был у них в доме Пушкин, а мать только что испекла хлеба — и они лежали еще теплые на столе. Пушкин отламывал кусочки, ел и похваливал; а когда ушел, то мать сказала: «Пооди, выброси свиньям — ишь исковырял своими ногтищами». (Е.В. Сафоновой запомнилась еще одна реплика прабабки в этой сцене: «Смотри — еще обмирщишься». — Прим. публ.).

Вы просили написать о своей жизни, говорили, что легче писать, обращаясь к кому-нибудь, — что ж, это, может быть, и правда. Момент благоприятен — августовский день тепел, кругом суздальские поля, да на горизонте полоска лесов. Я лежу в тени терновых кустов, ветер шевелит ветки с синими ягодами — начнем.

Я в сущности ничего не знаю о своих предках, мое представление о них начинается с деда и бабушек. Впрочем, на стене в маминной спальне висел портрет ее деда-священника, потом вышневолоцкого архиерея — и это все. Его сын и мой дед со стороны матери, Иван Алексеевич Вышнеградский¹⁵⁾, окончил духовную семинарию, был сельским учителем, а каким образом он стал одним из основоположников российского машиностроения, в частности по артиллерийской части, директором Петербургского технологического института и министром финансов при Александре III — ничего этого я не знаю. И его я не знала, так как он умер, когда я была совсем крошкой. Женился он на моей бабушке¹⁶⁾, когда она была вдовой со сколькими-то детьми. Она была так счастлива с дедом, что основательно забыла о первом своем браке и как-то сказала при старшей своей дочери: «Вот, говорят, что первый ребенок бывает неудачным, — а чем моя Сонечка плоха?» На это старшая, тетя Вера, ей возразила: «Вы забываете, мамаша, что этот первенец у Вас — пятый по счету». Я помню эту бабушку хорошенькой маленькой старушкой, розовой, в седом паричке; бабушка была лысой, что меня очень поразило, когда я ночевала у нее.

Но «настоящая» наша бабушка была Анна Илларионовна Сафонова.

За деда она вышла замуж поздно по тем временам — двадцати двух лет: в 14 лет от роду сделалась невестой, но первый жених ее был убит во время Кавказской войны. Родом она была из станицы Червленной, дед — из Ищерской станицы. Дед был рябой, и она все думала: «Как же это я буду любить конопатого? Нет, все-таки никого лучше его на свете нет», — думаю, что до конца жизни она осталась такого мнения. Образования не получила никакого, так до конца жизни и не выучилась грамотно писать, писала самым лавочным почерком, и одному только папе. Но была женщина тонкого ума и большого вкуса, читала много и любила из Пушкина больше всего, кажется, «Анчар» — плакала, читая его.

Всех детей любила, но Васенька, по словам тети Насти, был для нее светлое Христово Воскресенье, Маша — двенадцатый праздник, а Настя — это уже рядовое воскресенье.

А дед Илья Иванович был веселый человек: когда посватался и получил согласие, купил в станичной лавочке пряников, шел по станице и разбрасывал их на радости всем встречным ребятишкам. Образования он был самого простого, только что грамотный, но очень способный. На вышке в его доме в имени Ильинка на Подкумке стоял подаренный ему пулемет Максима, который он в присутствии изобретателя моментально разобрал и собрал без всяких указаний. Казак был что надо — кусок сукна разрубал шашкой на лету. И долго после его смерти все кисловодские извозчики вспоминали, как гулял Илья Иванович — всех, кто попадался на дороге, угощал. А какие чудесные письма писал он отцу и маме, называя ее «друг мой Варенька».

Вряд ли он очень одобрял то, что отец после окончания лицея вскоре отказался от несомненной блестящей карьеры с тем, чтобы стать музыкантом. Но, однажды приняв это, он вошел в круг его интересов. Помню чудесное его письмо отцу, в котором он обсуждает все «за» и «против» его перехода из Петербургской консерватории в Московскую — очень умно и тонко — и кончает так: помни, что как бы ты ни поступил, наше благословение всегда с тобой.

Семья моего отца была большая — я была шестым по счету ребенком. По порядку старшинства первыми шли сестры Настя¹⁷⁾ и Саша¹⁸⁾, потом три брата — Илюша, Сережа¹⁹⁾ и Ваня, затем я и младшие сестры: Варя, Мария (Муля)²⁰⁾, Оля и Лена²¹⁾.

Родилась я в Кисловодске в 1893 г., 5 (17) июля. Когда моему брату Сереже сказали, что у него родилась сестра — было ему четыре года, — он нарвал в саду белых роз и бросил в мою кроватку. Родители мои хотели, чтобы в Москве крестила меня бабушка Сафонова, а она все из Кисловодска не уезжала до поздней осени, так что было мне уже пять месяцев, я сидела на руках и сама держала свечку. Крестным отцом был Павел Иванович Харитonenко²²), большой папин друг, у которого папа крестил сына Ваню, моего ровесника.

Что первое я вспоминаю?

Меня вынесли на руках на балкон (очень страшно: вдруг обвалится). Внизу огни, огни — иллюминация по случаю коронавания Николая II. Во время этой же коронации дед мой нес балдахин над царем, палка у него обломилась, и всю тяжесть со своей стороны он вынес на руках. В этом же году он умер от рака печени. В памяти моей от него осталась только седая борода на две стороны, когда он брал меня на руки. Когда он был уже тяжело болен, то любил, когда меня приводили к нему: «Без нее скучно было бы», а бабушка особенно любила меня за то, что у меня широкие брови, «как у дедушки».

Воспоминания затем отрывочны: круглая гостиная в доме Шмидта на Арбатской площади, Никитский бульвар с кустами белой сирени. Я мало помню старших сестер, только Сашу. Она была на семь лет старше меня, и я ее трепетно обожала. Высшим счастьем было, если она снисходила до того, чтобы с нами поиграть, хотя и за ухо дернет и толкнет, — только бы поиграла. Она прекрасно уже играла на рояле, писала стихи, целые романы. У нее была масса увлечений. Девочкой она страшно любила воздушные шары, я нашла в шкапу коробочку с надписью: шар Миша, скончался — и дата. И блестящие стеклянные шары, в которые она любила смотреться.

В тот год, когда отстроилась консерватория и наша семья переехала туда в новую квартиру, младшие дети — Сережа, Ваня и я — долго оставались у бусеньки в небольшом имении Ильинка под Георгиевском. И тут пришла телеграмма: «Настя больна, выезжайте». Помню все очень резко. И ясное чувство катастрофы (мне шесть лет), и идиотская улыбка, которая точно приклеилась к лицу — и ничего с ней не поделаешь. Потом вокзал в Москве,

темный день, проливной дождь, и молодая мама в трауре бежит нам навстречу и плачет.

В одну неделю умерли и Настя — от воспаления легких, и Саша — от воспаления брюшины.

Повезли нас не домой, а в гостиницу «Дрезден». На этом месте сейчас ресторан «Арагви». А тогда это было мрачное темно-серое здание, с темными коридорами, с темными обоями. Всем не до тебя, и страх, и тоска, и полная растерянность. Сестер еще не похоронили, брата Илюшу отправили к Ипполитову-Иванову, папиному другу; мама только навещала нас. Не знаю, кто был тот добрый человек, который подарил мне игрушку: Ноев ковчег со всеми животными по паре — все деревянное. Это был единственный светлый момент за все это беспросветное время.

А тут Илюша заболел воспалением уха, и глупая наша гувернантка сразу об этом брякнула маме — помню, как мама упала головой на стол и ее рыдания: «Как? И этот?»

Страшные были дни. Долгое время потом я не могла проходить мимо «Дрездена» без сердечного содрогания.

И вот тут еще одно детское и на всю жизнь впечатление. Когда заболела Настя, у папы был назначен концерт в Петербурге, и он не мог его отменить. Ему пришлось туда ехать и дирижировать, зная, что она при смерти, — она и умерла в его отсутствие; тетя Настя была на концерте, зная о ее смерти, и только в поезде сказала об этом отцу. В первый раз я тогда поняла, что такое артистический долг, что такое искусство и какие обязательства оно накладывает на человека. Что бы ни было — он должен. Никакими словами и наставлениями этого не внушить. И отсюда с детства глубокое уважение к отцу.

Если Настя была мамина дочка, то Саша — папина. И, умирая, она просила его стать так, чтобы она могла его видеть.

Долго эта тень лежала на нашей семье, и не знаю, что было бы с мамой, если бы она не ждала в то время рождения сестры Оли. И слезы у нее градом лились, когда она ее пеленала. И помню, как в темной гостиной мама одна поет «Отчего побледнела весной», а у меня сердце сжимается от жалости к ней, потому что я понимаю, о чем она поет и плачет.

Нас перевезли после похорон уже в новую квартиру в Консерватории, и с тех пор я помню все более или менее связно.

Квартира была большая, в два этажа. Внизу детские, классная комната, а за коридором кухня и комната для прислуги. Подъемная машина для посуды и кушаний и винтовая лестница в столовую. Другая лестница вела к спальням родителей и брата Илюши и Вани и в парадные комнаты.

Из столовой дверь вела в консерваторию. Из этой-то двери, как с некоего Олимпа, появлялся папа, всегда с кем-нибудь из музыкантов, и сюда мы являлись к завтраку и обеду. Стол был большой, овальный, садилось много народу и видимо-невидимо нас — детей, больших и маленьких: все черные, все похожие на папу — и все разные. Сидели подолгу, что было очень нам трудно. Время за столом было единственным, когда папа видел семью в сборе. Чаще всего бывал Михаил Михайлович Ипполитов-Иванов, которого мы очень любили. Он то и дело проливал на скатерть красное вино, его засыпали солью — очень интересно смотреть.

Иногда папа, окинув взглядом стол, говорил: «А ну-ка, Аня (или Варя, или Муля), прочитай нам „19-е октября“!» И вот встаешь и начинаешь:

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,

— а там такое количество строф, — кажется, конца им нет. На тарелке стынет котлета с макаронами, а ты читаешь. Но я и сейчас люблю эти стихи.

А старшим братьям и того не легче: они должны были наизусть знать и читать всего «Медного всадника» — и читали.

Перед едой дети по очереди читали «Отче наш», после еды — молитву. Когда стали постарше, старались разнообразить эту повинность. Брат Ваня умудрялся не торопясь, с расстановкой прочитывать «Отче наш» за одно дыхание, и даже не выдыхая, а вдыхая воздух — всё на полном серьезе, чтобы не заметил папа.

Так как я изо всего выросла, то в Кисловодске пошили мне какие-то немислимые рубашки с лиловыми горохами, одеяло было тоже пестрое, а сестра Варя лежала в белоснежных рубашечках с кружевами под голубым атласным одеялом. Я чувствовала себя дикаркой, а Варя («она маленькая, ты ей должна уступать») объявила, что она не

Варя, она Аня, отобрала все мои игрушки — и... Кто же я? Это было просто ужасно.

Еще очень ярко: нас с Варей моют в одной ванне на ножках. Очень много мыльной пены, и очень смешно. Обе мы стараемся попасть ногой друг другу в нос. Потом нас несут (кто?), завернув в одеяло, через длинный темноватый коридор. Как странно смотреть сверху — все другое совсем.

Наша детская — очень большая, в три окна комната. Здесь живем мы: Варя, я, Муля и наша гувернантка Людмила Николаевна (Никаша)²³). Большой черный стол, под которым очень удобно играть, большой диван, где спит Людмила Николаевна, умывальник за ширмой у печки, наши кровати. Над диваном полка, на ней икона и голубая лампадка, которая горит всю ночь, и бутылка с красным крестом с сиропом от кашля «Сиролин», это очень вкусно.

Папа и мама на втором этаже. Это уже другой мир. Туда мы приходим утром к завтраку, потом к чаю и к обеду, но живем мы внизу. Я уже читаю. Когда я выучилась читать — не знаю, кажется, на шестом году, но как? Вроде само собой. В Газетном переулке на углу Тверской игрушечная лавка Сафонова — это очень интересно; там продаются сказки в издании Сытина. Книжка 10 коп., но какая! Какие картинки, какие краски! До сих пор помню «Царевича-лягушку»: сидит у колодца красивая девушка, плачет, а из колодца лезет лягушка, во рту у нее золотой мячик... Надо иметь все сказки именно десятикопеечные. Те, что дороже, — это уже не то.

А по субботам, когда в Консерватории бывали симфонические концерты, из окна нашей классной (довольно унылой комнаты) можно было видеть, как светится на большой лестнице витраж: Святая Цецилия играет на органе. Это окно заделано теперь, и на месте его висит худшая из репинских картин — русские композиторы. И каждый раз, когда я их вижу, мне жаль, что убрали это поэтическое изображение слепой девушки, погруженной в звуки²⁴).

Мы воспитывались в церковном духе. Каждое воскресенье обязательно было ходить к обедне, в посту — говеть. Все это подчас было обременительно, но придавало жизни какую-то поэтическую окраску. Праздники были совсем особенными днями. К ним готовились все, особенно к Пасхе, во всем доме наводилась чистота и красота.

Какое наслаждение красить яйца! Какой восторг, когда во время пасхальной заутрени открываются запертые двери

церкви и выходит крестный ход! И подарки дарили на праздники нам, и мы дарили сами папе и маме непременно что-нибудь, что сделали сами. Подарки получали мы только на Рождество и Пасху все и лично каждый в дни рождения и именин.

Папа был единоверцем, и всех нас крестил единоверческий священник отец Иоанн Звездинский, живший в Лефортове, где была единоверческая церковь.

Но так как ездить туда было далеко, то по воскресеньям нас водили в ближайшую православную церковь, а в Лефортово возили только раз в год, на вынос плащаницы. С вечера укладывали пораньше, с тем чтобы разбудить в 11 часов — служба начиналась около 12 ночи (спать, конечно, — никакой возможности). Нанималось ландо, туда насыпались дети и садились родители. Холодная ночь ранней весны, спящая Москва необыкновенна. В церкви мужчины стоят отдельно — справа, женщины — слева. Нам повязывают на голову платки: так полагается. Каждому — круглый коврик для земных поклонов. Поклоны кладутся по уставу — все сразу; их очень много, болят спина и колени. Поют по крюкам, напевы древние; иконы старого письма. Плащаницу выносят на рассвете, крестный ход идет вокруг церкви со свечами. Холодно, знобко и, главное, — необычайно, незабываемо. Папа любил это пение и терпеть не мог концертного пения в церкви, вероятно, из-за чувства стиля.

А после службы мы у отца Звездинского пили чай в его маленьком домике близ церкви — какие пироги с гречневой кашей и луком! При доме маленький садик с кустами черной смородины и пруд, в котором дочка отца Иоанна купалась ото льда до льда, что нас очень впечатляло.

Мама была тоже религиозный человек. С приятным отсутствием ханжества...

В нашем детском мире — нам ним — существовали взрослые. Где-то на Олимпе (в Консерватории) существует папа; он всегда занят, видим мы его только за столом.

Завтрак. Открывается дверь из Консерватории в нашу столовую, входит папа и всегда приводит с собой кого-нибудь. За столом общий разговор — нам лучше помалкивать. Иногда нам капают в воду красное вино, оно не смешивается с водой, а лежит сверху — это «интересное винцо». После завтрака надо подойти к папе, и он дает

тебе «копарик» — кусочек сахара из черного кофе. Ах, как вкусно!

Мама — та ближе. Утром она встречает нас в столовой, на ней халат с широкими рукавами, можно туда залезть головой — сердце тает, такая она милая.

Есть еще тетя Настя Кабат, папина сестра. Она живет в Петербурге, и, когда приезжает, — это праздник, так как она рассказывает сказки из «1001 ночи» в собственной интерпретации. Мы слушаем, затаив дыхание. Она настоящая Шехерезада: всегда прерывает на самом интересном месте — и вдруг уедет. А мы ходим замороженные до другого раза.

Все кругом имело несколько волшебный вид. В почтовом отделении дверь заклеена бумагой под витраж — кто ее знает, куда она ведет? Рядом во дворе лежит груда стеклянных слитков — это плоды из подземного дворца Аладдина. Кто-то таинственный живет в чулане под лестницей — страшновато, но очень интересно. И лучшая игра — волшебная история, где мы попадаем в самые фантастические положения.

Мы — это Варя и я, и братья Сережа и Ваня. Сережа — неистощимый фантазер. Ваня — каверзник, от него всегда можно ждать подвоха. Мы объединяемся то с одним, то с другим братом. Между собой они отчаянно дерутся. Сережа очень добрый, возбудимый и нервный, Ваня толст и музыкален.

Непререкаемый авторитет — старший брат Илюша, его слушают все и очень любят. Он уже почти большой, играет на виолончели, и в сумерках хорошо слушать его игру в гостиной.

Иногда поет мама — когда думает, что одна. У нее прекрасный голос, она кончила Петербургскую консерваторию по классу Эверарди²⁵⁾ и первое время концертировала с папой и виолончелистом Давидовым²⁶⁾, когда они ездили в турне по России. Но десять человек детей и мамина скромность — так мало кто и знал, какая она прекрасная певица. Пела она итальянские вещи, романсы Чайковского и Грига. Нам — детские песни Чайковского, казачью колыбельную, «Как по морю, морю синему», — очень было жалко, когда ястреб убивал лебедушку, и приходилось прятаться за мамину спину, чтобы не было видно, что плачешь.

И все мы пели хором — больше казачьи песни...

Мне не хочется создать впечатление, что мы были идеальные дети: восемь человек детей разного возраста и разных характеров — это была довольно буйная компания. Всего бывало — и ссор, и драк, и бранились мы со зла. Но — и это относится к общему духу семьи — вранье было не в ходу, и бездельниками мы не были. Я не помню, чтобы кто-нибудь из нас слонял слонов. И если папа хотел нас смешать с грязью за какой-нибудь проступок, у него не было худшего слова: «Это неуважение к труду». И слушать это было очень стыдно.

Папиного идеала кротости и послушания достичь было невозможно. К этому идеалу приближалась мама. Но, помню, мы говорили ей: «Почему папа хочет, чтобы мы были такими кроткими — ведь мы же его дети!»

А он был человек крутой и страстный и возбуждал вокруг себя страсти. Были люди, которые его обожали, и другие — которые его ненавидели: удел всех, превышающих средний человеческий уровень. Он постоянно был в разъездах, в турне, вся семья лежала на маме, а нас было восемь человек.

— Я не могу о всех вас сразу беспокоиться, но о ком-нибудь из вас — всегда. Тот болен, у того с учебой плохо, тот проявляет дурные склонности, эти ссорятся.

И помимо этого ей приходилось иметь дело со всеми артистами, бывавшими у нас в доме, поддерживать огромное знакомство, вести наш большой дом. Мама была очень тактичный человек. Помню, как она ходила по комнате после оперы Ипполитова-Иванова «Измена»²⁷). Михаила Михайловича она любила, папа был с ним дружен долгие годы, а опера была скучнейшая.

— Ну, что я ему скажу? — а сказать было необходимо. Наконец решилась и взяла телефонную трубку.

Мы слушали с восхищением:

— Знаешь, мама, это просто фокус — как это тебе удалось сказать столько хорошего и при этом нисколько не наврать?

На папиных концертах в Петербурге ей приходилось сидеть в первом ряду с Юлией Федоровной Абаза²⁸), которая ни одного не пропускала. На моей памяти это была уже старая дама в каких-то серых вуалях — настоящая Пиковая Дама, так ее и звали. Она отличалась необыкновенной бесцеремонностью и очень громко высказывала маме свое мнение о выступавших артистах, далеко не всегда

лестное. Бедная мама не знала, куда деваться: ведь ей с ними приходилось постоянно иметь дело, а артисты — народ обидчивый. Мы панически боялись этой Абаза — приходилось подходить к ней здороваться, а она что-нибудь да скажет: «*Quelle coiffure vous avez m-lle!*» или «*Je ne savais pas, que votre fille est si jolie*», отчего хочется немедленно провалиться сквозь землю.

Мама была умница. Помню, как-то мы все сидели за столом и разговаривали. Она слушала, слушала, рассмеялась и сказала:

— Эх вы, даже сплетничать не умеете!

И правда, сплетни как-то не были в ходу у нас в доме.

Помню, как папа взял меня с собой в заграничную поездку, было мне неполных 16 лет. Ехали мы на пароходе до Стокгольма, потом в Копенгаген и затем к маме в Берлин, где она лечилась. Тут папа и стал вычитывать маме все мои промахи. Аня не умеет себя вести и т.д. Мама с некоторым страхом спросила: «Да что же она такое сделала?» Кажется, главное мое прегрешение было то, что когда мы с папой были у русского посла в Копенгагене²⁹), я на его вопрос, учатся ли мои братья в лицее (он был папиным товарищем по лицу), ответила, что мои братья не хотят учиться в привилегированном заведении, что было совершенной правдой. Тут мама вздохнула с облегчением: «Ну, это еще ничего».

Интересная это была поездка. На пристани меня пришел провожать мальчик, в которого я была влюблена, и принес мне большую коробку конфет. Наутро, выйдя на палубу из каюты, я увидела такую картину: на шезлонге лежит папа с самым небрежным видом, рядом на кончике стула сидит какая-то дама и смотрит на него с подобострастным восхищением, а папа скармливает двум детям, которые мне показались омерзительными, мои драгоценные конфеты.

По дороге из Гельсингфорса в Стокгольм папа познакомился с финским композитором Каянусом³⁰), очень красивым человеком с золотой бородкой, и сразу объединился с ним за бутылкой коньяку — так они и просидели в каюте до поздней ночи, пока я смотрела в свете белой ночи на

*) «О, какая у Вас прическа, мадемуазель!» или «Я не знала, что Ваша дочь такая миленькая» (франц.).

розовые шхеры, поросшие редкими соснами, слушая, как волны от парохода разбиваются о гранитные острова. Это было очаровательно.

Под Стокгольмом острова становятся все выше, все в зелени и в пригородных виллах, очень красивые. Поездили мы с папой по городу, были на какой-то выставке, купили маме какой-то подарок, и день закончился обедом в ресторане (первый раз в моей жизни) — с тем же Каянусом — и цирком, где мы смотрели на львов и казачью джигитовку, — стоило, конечно, для этого ехать в Стокгольм.

Папа вообще любил цирк и дома иногда говорил нам за обедом: «Ну, дети, мы сегодня поедem в цирк Чинизелли!» Мы в восторге. Затем он ложился на диван — на минутку — закрывался газетой. Увы! Дело часто этим кончалось. А у мамы при виде зверей с укротителем холодел от ужаса нос. Папин любимый анекдот: укротитель кладет голову в пасть льву и спрашивает: «Почтеннейшая публика, лев бьет хвостом?» — «Нет, не бьет», — тогда он вынимает голову и раскланивается. Но раз публика кричит радостно: «Бьет, бьет!» — «Прощай, почтеннейшая публика!»

В Копенгагене мы были с папой в Тиволи, парке с разными аттракционами (все их перепробовали, папа забавлялся больше меня), в Берлине — в Винтергартене, варьете. Вероятно, это была хорошая разрядка после большой работы и музыки высокого стиля.

Иногда папа любил дразнить маму: сидим мы все за обедом — вдруг он начинает: «Дети, хотите, я вам расскажу, как мама расставляла мне сети?» Мама в негодовании. — «Дело было в Карлсбаде; у Варвары Ивановны очень болела нога, и она все отставала...» Мама: «Василий Ильич!!!» — «Ну, я, как вежливый человек, конечно, ...»

Или другая вариация: «Дети! Хотите, я вам расскажу, как мама мне делала предложение?»

Тот же эффект, продолжения не следует.

Больше всего мама негодовала, видимо, потому, что для этого рассказа имелись веские основания: сестра уже после смерти и отца и мамы нашла в его письменном столе мамино письмо, полностью его подтверждающее.

Или на вокзале. Папа уезжает; мама и все мы стоим на перроне, 2-й звонок, папа стоит на площадке вагона и

ждет 3-го. Три удара колокола. Тогда папа спускается с площадки и начинает прощаться с мамой. Поезд трогается. «Васенька, ради Бога», — мама в панике. Папа медленно влезает в вагон, страшно довольный, что напугал.

Так как отец постоянно был в разъездах, то телеграммы были у нас делом самым обычным; из-за границы он любил посылать русский текст латинскими буквами. Помню телеграмму из Лондона в Кисловодск:

tuman, sygo, saviduju vam — туман, сыро, завидую вам.

Или лаконическое извещение после концерта:

Bonbenerfolg *).

В Петербурге у него был даже условный петербургский адрес для телеграфа: С. Петербург, Фонофас.

St. Petersbourg, Fonofas **).

Перед тем, как стать невестой отца, мама была влюблена в Блока (отца Александра Блока³¹), который очень за ней ухаживал. Но так как родители были против этого претендента, то и сочли за благо увезти ее подальше от греха и уехали с ней за границу, в Карлсбад. Там она и встретила с папой и в конце концов вышла за него замуж³²).

Вероятно, Блок был сильно в нее влюблен, так как потом женился на Бекетовой³³), очень похожей на маму. Только та была маленькая, а мама хорошего среднего роста.

Всем нам очень импонировало то, что Александр Блок в сущности мог бы быть нашим братом — в дни нашей молодости он был властителем дум нашего поколения, хотя лично с ним никто из нас знаком не был.

Зато с его двоюродным братом³⁴) мы были знакомы. Увы, он был глухонемой — и какое же было мученье танцевать с человеком, который не слышит музыки!

У папы была какая-то особая дружба с братом Сережей. Мальчик был очень своеобразный, ко всему подходил со своей меркой. Даже арифметические задачи решал совершенно необычным (очень запутанным) способом.

Отца просто обожал — не по музыкальной линии. Кажется, один из всех нас обладал полным отсутствием слуха. Папа бился долго, чтобы выучить его петь не фальшиво

*) Сногшибательный успех (нем.).

***) Fonofas — обратное чтение фамилии Safonoff.

арию мельника из «Русалки»: «Да, стар и шаловлив я стал. Какой я мельник — я ворон!» И это был единственный мотив в его жизни, который он мог повторить. Зато все стихи, которых он знал множество, выбирая с безупречным вкусом, он пел, перелагая на какую-то дикую мелодию, чем изводил окружающих.

Папа очень хотел, чтобы Сережа отбывал воинскую повинность в казачьих войсках. Отец никогда не переставал чувствовать себя коренным казаком — он и числился казачком станицы Кисловодской (по месту жительства, переводясь из станицы Ищерской). Но брат категорически отказался, потому что «в случае революции казачьи части могут послать на усмирение». Так и отбывал повинность в драгунском Нижегородском полку в Тифлисе, с ним же пошел на войну 14-го года. Он и погиб на этой войне.

Необыкновенной честности был человек. Летом 15-го года я виделась с ним в последний раз в Петрограде; он ехал на Западный фронт с Кавказа, уже офицером, переводясь в пехотный полк из кавалерии. Когда я спросила его, почему он это сделал, он ответил: «Видишь ли, в пехоте большая убыль офицеров; кроме того, я думаю, что у меня недостаточно быстрое соображение, чтобы командовать кавалерийской частью, — я могу подвести своих людей».

Через два месяца он умер от ран, не сознавая, что умирает, по дороге в Петроград, куда его эвакуировали. Все говорил, что придет к нему сестра сейчас же (я). Рассказывал мне об этом ехавший с ним товарищ, тоже раненый. Мы вдвоем с отцом встречали на вокзале его гроб — все остальные из семьи были в Кисловодске.

Мне кажется, что именно с этих дней у папы стали такие печальные глаза, что мы видим на последних портретах. Он не плакал — по крайней мере, на людях.

И я помню, как на панихиде в полку, где служил брат, он спросил: шел ли полк в наступление? (Брат был ранен стоя, в живот).

Совсем недавно мне рассказывали, как папа провожал брата на фронт еще в самом начале войны и, вернувшись, сказал: «Вот я дожил до счастливого дня, когда мой сын идет защищать родину». У него это была не фраза, так он думал и чувствовал.

И мама... Весной 15-го года она уехала в Кисловодск красивой пожилой женщиной, а вернулась в Петроград после смерти брата маленькой старушкой.

Есть фотография, снятая на Кисловодском вокзале: встреча гроба с телом брата — он похоронен в Кисловодске, там же, где дед и бабушка и где потом были похоронены отец и мама, недолго его пережившие.

Тело брата привез его вестовой, живший после этого некоторое время у нас в семье. После революции он писал маме: «Как Сережа был бы рад!»

В 23-м году я вернулась в Москву, жила с братом Илюшей в его комнате. Ни у него, ни у меня денег не было, а музыку очень хотелось слушать. Вот мы и ходили к коменданту Консерватории за контрамарками на концерты. Это был старый знакомый: был он раньше монтером в Консерватории и приходил к нам проводить на елку цветные лампочки, а с его детьми мы играли во дворе, устраивали бега на приз — апельсин.

Очень был милый человек. Когда я в первый раз пришла к нему, он стал рассказывать, как в начале революции снял и спрятал для сохранности все портреты — теперь они висели на старых местах. Он поглаживал их рукой и говорил: «Вот Василий Ильич был бы доволен, похвалил бы меня».

Папы уже не было в живых, но он помнил, как заботливо папа относился к внешнему виду Консерватории.

С АЛЕКСАНДРОМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ КОЛЧАКОМ

Остается так мало времени: мне 74 года. Если я не буду писать сейчас — вероятно, не напишу никогда. Это не имеет отношения к истории — это просто рассказ о том, как я встретила с человеком, которого я знала в течение пяти лет, с судьбой которого я связала свою судьбу навсегда.

Восемнадцати лет я вышла замуж за своего троюродного брата С.Н. Тимирева³⁵). Еще ребенком я видела его, когда проездом в Порт-Артур — шла война с Японией — он был у нас в Москве. Был он много старше меня, красив, герой Порт-Артура. Мне казалось, что люблю, — что мы знаем в восемнадцать лет! В начале войны с Германией у меня родился сын³⁶), а муж получил назначение в штаб Командующего флотом адмирала Эссена³⁷). Мы жили в Петрограде, ему пришлось ехать в Гельсингфорс. Когда я

провожала его на вокзале, мимо нас стремительно прошел невысокий, широкоплечий офицер.

Муж сказал мне: «Ты знаешь, кто это? Это Колчак-Полярный. Он недавно вернулся из северной экспедиции»³⁸).

У меня осталось только впечатление стремительной походки, энергичного шага.

Познакомились мы в Гельсингфорсе, куда я приехала на три дня к мужу осмотреться и подготовить свой переезд с ребенком.

Нас пригласил товарищ мужа Николай Константинович Подгурский³⁹), тоже порт-артурец. И Александр Васильевич Колчак был там. Война на море не похожа на сухопутную: моряки или гибнут вместе с кораблем, или возвращаются из похода в привычную обстановку приморского города. И тогда для них — это праздник. А я приехала из Петрограда 1914-15 годов, где не было ни одного знакомого дома не в трауре — в первые же месяцы уложили гвардию. Почти все мальчики, с которыми мы встречались в ранней юности, погибли. В каждой семье кто-нибудь был на фронте, от кого-нибудь не было вестей, кто-нибудь ранен. И все это камнем лежало на сердце.

А тут люди были другие — они умели радоваться, а я уже с начала войны об этом забыла. Мне был 21 год, с меня будто сняли мрак и тяжесть последних месяцев, мне стало легко и весело.

Не заметить Александра Васильевича было нельзя — где бы он ни был, он всегда был центром. Он прекрасно рассказывал, и, о чем бы ни говорил — даже о прочитанной книге, — оставалось впечатление, что все это им пережито. Как-то так вышло, что весь вечер мы провели рядом. Долгое время спустя я спросила его, что он обо мне подумал тогда, и он ответил: «Я подумал о Вас то же самое, что думаю сейчас».

Он входил — и все кругом делалось как праздник; как он любил это слово! А встречались мы не часто — он был флаг-офицером по оперативной части в штабе Эссена и лично принимал участие в операциях на море, потом, когда командовал минной дивизией, тем более⁴⁰). Он писал мне потом: «Когда я подходил к Гельсингфорсу и знал, что увижу Вас, — он казался мне лучшим городом в мире».

К весне я с маленьким сыном совсем переехала в Гельсингфорс и поселилась в той же квартире Подгурского, где

мы с ним встретились в первый раз. После Петрограда все мне там нравилось — красивый, очень удобный, легкий какой-то город. И близость моря, и белые ночи — просто дух захватывало. Иногда, идя по улице, я ловила себя на том, что начинаю бежать бегом.

Тогда же в Гельсингфорс перебралась и семья Александра Васильевича — жена⁴¹⁾ и пятилетний сын, Славущка⁴²⁾. Они остановились пока в гостинице, и так как Александр Васильевич бывал у нас в доме, то он вместе с женой сделал нам визит. Нас они не застали, оставили карточки, и мы с мужем должны были ответить тем же. Мы застали там еще нескольких людей, знакомых им и нам.

Софья Федоровна Колчак рассказывала о том, как они выбирались из Ливавы, обстрелянной немцами, очень хорошо рассказывала. Это была высокая и стройная женщина, лет 38, наверно. Она очень отличалась от других жен морских офицеров, более интеллектуальна, что ли. Мне она сразу понравилась, может быть, потому, что и сама я выросла в другой среде: мой отец был музыкантом — дирижером и пианистом, семья была большая, другие интересы, другая атмосфера. Вдруг отворилась дверь и вошел Колчак — только маленький, но до чего похож, что я прямо удивилась, когда раздался тоненький голосок: «Мама!» Чудесный был мальчик.

Летом мы жили на даче на острове Бренде под Гельсингфорсом, там же снимали дачу и Колчаки. На лето все моряки уходили в море, и виделись мы часто, и всегда это было интересно. Я очень любила Славущку, и он меня тоже. Помню, я как-то пришла к ним, и он меня попросил: «Анна Васильевна, нарисуйте мне, пожалуйста, котика, чтоб на нем был красный фрак, а из-под фрака чтоб был виден хвостик», — а Софья Федоровна вздохнула и сказала: «Вылитый отец!»

Осенью как-то устроились на квартирах и продолжали часто видаться с Софьей Федоровной и редко с Александром Васильевичем, который тогда уже командовал минной дивизией, базировался в Ревеле (Таллин теперь) и бывал в Гельсингфорсе только наездами. Я была молодая и веселая тогда, знакомых было много, были люди, которые за мной ухаживали, и поведение Александра Васильевича не давало мне повода думать, что отношение его ко мне более глубоко, чем у других.

Но запомнилась одна встреча. В Гельсингфорсе было затемнение — война. Город еле освещался синими лампочками. Шел дождь, и я шла по улице одна и думала о том, как тяжело все-таки на всех нас лежит война, что сын мой еще такой маленький и как страшно иметь еще ребенка, — и вдруг увидела Александра Васильевича, шедшего мне навстречу. Мы поговорили минуты две, не больше; договорились, что вечером встретимся в компании друзей, и разошлись. И вдруг я отчетливо подумала: а вот с этим я ничего бы не боялась — и тут же: какие глупости могут прийти в голову! И все.

Но где бы мы ни встречались, всегда выходило так, что мы были рядом, не могли наговориться, и всегда он говорил: «Не надо, знаете ли, расходиться — кто знает, будет ли еще когда-нибудь так хорошо, как сегодня». Все уже устали, а нам — и ему и мне — все было мало, нас несло, как на гребне волны. Так хорошо, что ничего другого и не надо было.

Только раз как-то на одном вечере он вдруг стал усиленно ухаживать за другой дамой, и немолодой, и некрасивой, и даже довольно неприятной, а мне стал рассказывать о ее совершенствах. И тогда я ему рассказала сказку Уэллса о человеке, побывавшем в царстве фей. Человек поссорился со своей невестой и с горя заснул на холме. Проснулся он в подземном царстве фей, и фея полюбила его, — а он ей рассказывал о своей невесте, о том, как они купят зеленую тележку и будут в ней разъезжать и торговать всякой мелочью, и никак не мог остановиться. Тогда фея поцеловала и отпустила его, и он проснулся на том же холме. Но он никак не мог забыть того, что видел, невеста показалась ему топорной, все было не так. И попасть обратно в подземное царство ему уже не удалось⁴³). Рассказала я в шутку, но он задумался.

И все шло по-прежнему: встречи, разговоры — и каждый раз радость встречи.

Был как-то вечер в Собрании, где все дамы были в русских костюмах, и он попросил меня сняться в этом костюме и дать ему карточку. Портрет вышел хороший, и я ему его подарила. Правда, не только ему, а еще несколькими близкими друзьям. Потом один знакомый сказал мне: «А я видел Ваш портрет у Колчака в каюте». — «Ну что ж такого, — ответила я, — этот портрет не только у него». — «Да, но в каюте у Колчака был только Ваш портрет и больше ничего».

Потом он попросил у меня карточку меньшего размера, «так как большую он не может брать с собой в походы».

Так прошли 1915 и 1916 годы до лета. Сыну моему было почти два года, я на даче жила вместе с моим большим другом Евгенией Ивановной Крашенинниковой и ее детьми⁴⁴), у сына была няня, и решила я съездить на день своего рождения к мужу в Ревель — 18 июля. На пароходе я узнала, что Колчак назначен командующим Черноморским флотом и вот-вот должен уехать⁴⁵).

В тот же день мы были приглашены на обед к Подгурскому и его молодой жене. Подгурский сказал, что Александр Васильевич тоже приглашен, но очень занят, так как сдает дела минной дивизии, и вряд ли сможет быть. Но он приехал. Приехал с цветами хозяйке дома и мне, и весь вечер мы провели вдвоем. Он просил разрешения писать мне, я разрешила. И целую неделю мы встречались — с вечера до утра. Все собрались на проводы: его любили.

Морское собрание — летнее — в Ревеле расположено в Катринентале. Это прекрасный парк, посаженный еще Петром Великим в честь его жены Екатерины. Мы то сидели за столом, то бродили по аллеям парка и никак не могли расстаться.

Я пишу урывками, потому что редко остаюсь одна, потому что надо писать со свежей головой, а не тогда, когда уже устанешь от всякой бестолковой домашней работы, от всего, что на старости лет наваливается на плечи. Живешь двойной жизнью — тем, что надо, необходимо делать, и тем, что думаешь. Но был ли день за все мои долгие годы, чтоб я не вспоминала то, что было мною прожито с этим человеком!

Мне было тогда 23 года; я была замужем пять лет, у меня был двухлетний сын. Я видела А.В. редко, всегда на людях, я была дружна с его женой. Мне никогда не приходило в голову, что наши отношения могут измениться. И он уезжал надолго; было очень вероятно, что никогда мы больше не встретимся. Но весь последний год он был мне радостью, праздником. Я думаю, если бы меня разбудить ночью и спросить, чего я хочу, — я сразу бы ответила: видеть его. Я сказала ему, что люблю его. И он ответил: «Я не говорил Вам, что люблю Вас». — «Нет, это я говорю: я всегда хочу Вас видеть, всегда о Вас думаю, для

меня такая радость видеть Вас, вот и выходит, что я люблю Вас». И он сказал: «Я Вас больше чем люблю». И мы продолжали ходить рука об руку, то возвращаясь в залу Морского собрания, где были люди, то опять по каштановым аллеям Катринентала.

Нам и горько было, что мы расстаемся, и мы были счастливы, что сейчас вместе, — и ничего больше было не нужно. Но время было другое, и отношения между людьми другие — все это теперь может показаться странным и даже невероятным, но так оно и было, из песни слова не выкинешь.

Потом он уехал. Провожало его на вокзале много народу. Мы попрощались, он подарил мне фотографию, где был снят в группе со своими товарищами по Балтийскому флоту. Вот и конец. Будет ли он писать мне, я не была уверена. Другая жизнь, другие люди. А я знала, что он увлекающийся человек.

Вернулась и я в Гельсингфорс, на дачу на острове Бренде, где я жила вместе с семьей Крашенинниковых. Там же жила его семья. Все, как было, только его не было.

Недели через две вечером все мы сидели на ступеньках террасы. На этот раз и мой муж и муж Е.И. Крашенинниковой были у нас наездом. Вдруг подошел огромного роста матрос Черноморского флота в сопровождении маленькой горничной С.Ф. Колчак. Александр Васильевич даже не знал моего адреса на даче. Матрос передал мне письмо и сказал, что адмирал просит ответа.

Эффект был необычайный.

Письмо было толстое, времени было мало. Я даже не успела прочитать его как следует. Написала несколько строк и отдала их матросу. Письмо я прочту позже — сейчас мой муж возвращался на корабль, я должна была его проводить. Но скрыть того, как я счастлива, было невозможно, я просто пела от радости и не могла остановиться. Вернувшись, я стала читать письмо. Оно начиналось со слов «Глубокоуважаемая Анна Васильевна» и кончалось «да хранит Вас Бог; Ваш А.В. Колчак». Он писал его несколько дней — в Ставке у царя, потом в море, куда он вышел сразу по приезде в Севастополь, преследуя и обстреливая немецкий крейсер «Бреслау»⁴⁶).

И это письмо пропало, как все его письма. Он писал о задачах, которые поставлены перед ним, как он мечтает когда-нибудь опять увидеть меня. Тон был очень сдержан-

ный, но я была поражена силой и глубиной чувства, которым было проникнуто письмо. Этого я не ожидала, я не была самоуверенной.

На другой день я встретила в знакомом доме с С.Ф. Колчак и сказала ей, что получила очень интересное письмо от Александра Васильевича. Впрочем, она это знала, так как письмо пришло не по почте, а одновременно с письмом, которое получила она, — с матросом. Мы продолжали видеться на даче, и сын Александра Васильевича — 6-ти лет — сказал мне: «Знаете, Анна Васильевна, мой папа обстрелял «Бреслау», но это не значит, что он его потопил». Впрочем, это был последний рейс «Бреслау» в Черном море — выход из Босфора был заминирован так, что это было уже невозможно⁴⁷⁾).

Письма приходили часто — дня через три, то по почте, то с оказией через Генеральный штаб, где работал большой друг мой В. Романов⁴⁸⁾, приезжавший в командировки в Гельсингфорс. Однажды он мне сказал: «Что же из всего этого выйдет?» Я ответила, что он же привозит письма не только мне, но и жене Александра Васильевича. «Да, — сказал он, — но только те письма такие тоненькие, а Ваши такие толстые».

А С.Ф. Колчак собиралась ехать в Севастополь. Жили они очень скромно, и ей надо было многое сделать и купить, чтобы к приезду иметь вид, соответствующий жене Командующего флотом. Мы много вместе ходили по магазинам, на примерки.

Она была очень хорошая и умная женщина и ко мне относилась хорошо. Она, конечно, знала, что между мной и Александром Васильевичем ничего нет, но знала и другое: то, что есть, — очень серьезно, знала больше, чем я. Много лет спустя, когда все уже кончилось так ужасно, я встретила в Москве с ее подругой, вдовой адмирала Развозова⁴⁹⁾, и та сказала мне, что еще тогда С.Ф. говорила ей: «Вот увидите, что Александр Васильевич разойдется со мной и женится на Анне Васильевне». А я тогда об этом и не думала: Севастополь был далеко, ехать я туда не собиралась, но жила я от письма до письма, как во сне, не думая больше ни о чем.

Осенью С.Ф. уехала с сыном в Севастополь, а мы переехали в Ревель. Жили мы в самом Вышгороде, снимая квартиру в доме барона Розена, откуда был широкий вид на весь Ревель, порт и Катриненталь. Каждый день я вы-

ходила навстречу почтальону, иногда он говорил мне извиняющимся тоном: «Сегодня письма нет». Вероятно, все было написано у меня на лице. В эту зиму у нас бывало много народу, но, когда все расходились, я выходила одна на узенькие улицы Вышгорода, садилась на скамейку у Домкирхе и долго сидела, глядя, как звезды переползают с ветки на ветку деревьев. Хотела забыть шум, болтовню, песни, и знала, что приду домой, перечитаю последнее письмо и буду писать ответ, и очень была счастлива.

Осенью 16-го года на рейде Севастополя произошел взрыв на броненосце «Императрица Мария»⁵⁰). Я была тогда в Петрограде, письмо получила через штаб.

Уже по почерку на конверте я привыкла видеть, какого рода будет письмо, — тут у меня сердце сразу упало. Александр Васильевич писал о том, как с момента первого взрыва он был на корабле. «Я распоряжался совершенно спокойно и только вернувшись, в своей каюте, понял, что такое отчаяние и горе, и пожалел, что своими распоряжениями предотвратил взрыв порохового погреба, когда все было бы кончено. Я любил этот корабль, как живое существо, я мечтал когда-нибудь встретить Вас на его палубе». Он был совершенно потрясен этим несчастьем.

Отчего это произошло, так это и осталось неизвестным — тогда; но корабль погиб.

Вскоре я встретила с адмиралом Альтфатером⁵¹), который говорил, что Колчак совершенно не в себе, может говорить только о гибели «Императрицы Марии» и вообще... Альтфатер рассчитывал по этому поводу на назначение командующим Черноморским флотом, чего нельзя было не понять. Но этого не произошло.

1916 год шел к концу. Все больше накалялась атмосфера. На фронте война шла плохо, в тылу — Распутин. Потом — убийство Распутина. Слухи, слухи...

В начале февраля 1917 г. мой муж, С.Н. Тимирев, получил отпуск, и мы собирались поехать в Петроград — т.е. мой муж, я и мой сын с няней. Но в поезд сесть нам не удалось — с фронта лавиной шли дезертиры, вагоны забиты, солдаты на крыше. Мы вернулись домой и пошли к вдове адмирала Трухачева⁵²), жившей в том же доме, этажом ниже. У нее сидел командующий Балтийским флотом адмирал Адриан Иванович Непенин⁵³). Мы были с ним довольно хорошо знакомы. Видя мое огорчение, он сказал: «В чем дело? Завтра в Гельсингфорс идет ледокол

«Ермак», через 4 часа будете там, а оттуда до Петрограда поездом просто». Так мы и сделали.

Уже плоховато было в Финляндии с продовольствием, мы накупили в Ревеле всяких колбас и сели на ледакол. Накануне отъезда я получила в день своих именин от Александра Васильевича корзину ландышей — он заказал их по телеграфу. Мне было жалко их оставлять, я срезала все и положила в чемодан. Мороз был лютей, лед весь в торосах, ледакол одолевал их с трудом, и вместо 4-х часов мы шли больше двенадцати. Ехало много женщин, жен офицеров с детьми. Многие ничего с собой не взяли — есть нечего. Так мы с собой ничего и не привезли.

А в Гельсингфорсе знали, что я еду, на пристани нас встречали — в Морском собрании был какой-то вечер. Когда я открыла чемодан, чтобы переодеться, оказалось, что все мои ландыши замерзли. Это был последний вечер перед революцией.

В Петроград мы приехали в двадцатых числах февраля в квартиру моих родителей. Уже не хватало хлеба, уже по улицам шли толпами женщины, требуя хлеба, разъезжали конные патрули, не зная, что с этими толпами делать, а те, встречая войска, кричали: «Ура!» Неразбериха была полная. Ясно было одно: что надвигаются грозные события. В эти дни я несколько раз бывала в Государственной Думе. Последний раз после разных речей вышел Керенский и сказал: «Вы тут разговариваете, а рабочие уже вышли на улицу», — и пошло.

Моя сестра Ольга училась в это время в театральной студии Мейерхольда. Ставился «Маскарад» Лермонтова в Александринском театре⁵⁴), все студийцы участвовали как миманс — сестра тоже. Несмотря на то, что на улицах было уже очень беспокойно, мы все поехали на генеральную репетицию. Состояние было невыносимо тревожное, но как началась музыка и в прорези занавеса начали двигаться маски, — такова волшебная сила искусства — все, все забывалось — до той минуты, когда кончалось действие. И тогда снова ужасное состояние. Таким я запомнила этот спектакль, может быть, лучший из всех, которые я видела в жизни.

А на улицах уже постреливали. Революция — Февральская — шла полным ходом. Мой муж срочно уехал в Ревель на корабль, которым тогда командовал. В Гельсингфорсе был убит адмирал Непенин — убит зверски,

убито несколько знакомых мне офицеров⁵⁶). В Кронштадте — тоже⁵⁶). Что в Ревеле — неизвестно⁵⁷). Что в Севастополе — неизвестно⁵⁸).

Царь отрекся за себя и сына, его брат Михаил Александрович тоже. На улицах стрельба. К нам приходили с обыском, искали оружие — взяли дедовский кремневый пистолет и лицейскую шпагу отца.

Мы ехали во Владивосток — мой муж, Тимирев, вышел в отставку из флота и был командирован Советской властью туда для ликвидации военного имущества флота. Брестский мир был заключен, война как бы окончена.

В Петрограде голод — 50 гр. хлеба по карточкам, остальное — что достанешь. А в вагоне-ресторане на столе тарелка с верхом хлеба. Мы его немедленно съели; поставили другую — и ее тоже. И по дороге на станциях продают невиданные вещи: молоко, яйца, лепешки. И все время — отчего нельзя послать ничего тем, кто остался в Петрограде и так голодает?

Была весна, с каждым днем все теплее; и полная неизвестность, на что мы, в сущности, едем, что из всего этого выйдет. А события тем временем шли своим ходом: началась гражданская война, на Дону убит Корнилов⁵⁹), восстание чешских войск, следующих эшелонами на восток⁶⁰). В вагоне с нами ехала семья Крашенинниковых, наши друзья; еще какая-то девушка, с которой я подружилась, ехала в Харбин к родителям; два мальчика-лицеиста. Останки долгие, города незнакомые мне, все было интересно, все хотелось посмотреть. Мы, где возможно, сходили с поезда, бежали смотреть все, что можно. В Иркутске встретились с нашими попутчиками, которые давно искали случая познакомиться, да не знали как.

А в Иркутске задержка — началось восстание в Черемховских копиях, никого дальше не пропускают. Тут-то эти мальчики и пригодились. Уж не знаю, как им удалось организовать совершенно липовую китайско-американскую миссию и получить под нее вагон. Состав этой миссии был по их выбору — все мы туда попали. Время было фантастическое.

И вот мы едем по Амурской колесухе, кое-как построенной каторжниками, по Шилке⁶¹). Красиво, дух захватывает. Вербная неделя, на станциях видим, как идут по гребням холмов со свечками люди со всеобщей. Мы опять,

я и девушка Женя, побежали смотреть город. Красивее расположенного города я не видела — на стыке Амура и Шилки⁶²). А город пестрый, то большие дома, то пустыри, по улицам ходят свиньи — черт знает, что такое. И тут я повстречалась с лейтенантом Рыбалтовским⁶³). Когда-то он плавал под командой моего мужа, мы были знакомы, даже приятели. «Что вы здесь делаете?» — «Да как-то так попал. Вот хочу перебраться в Харбин». — «Зачем?» — «А там сейчас Колчак»⁶⁴).

Не знаю: уж, вероятно, я очень переменялась в лице, потому что Женя посмотрела на меня и спросила: «Вы приедете ко мне в Харбин?» Я, ни минуты не задумываясь, сказала: «Приеду».

Страшная вещь — слово. Пока оно не сказано, все может быть так или иначе, но с той минуты я знала, что иначе быть не может.

Последнее письмо Александра Васильевича — через Генеральный штаб — я получила в Петрограде вскоре после Брестского мира. Он писал, что, пока не закончена мировая война, он не может стоять в стороне от нее, что за позорный Брестский мир Россия заплатит страшной ценой — в чем оказался совершенно прав. Был он в то время в Японии. Он пошел к английскому послу лорду Грею⁶⁵) и сказал, что хочет участвовать в войне в английской (союзной России) армии. Они договорились о том, что Александр Васильевич поедет в Месопотамию, на турецкий фронт, где продолжались военные действия.

Но события принимали другой оборот. В Харбине тогда царь и бог был генерал Хорват⁶⁶) — формировались воинские части против Советской власти — Александр Васильевич решил посмотреть на месте, что там происходит. Так он оказался в Харбине.

В последнем письме он писал, что, где бы я ни была, я всегда могу о нем узнать у английского консула и мои письма будут ему доставлены. И вот мы во Владивостоке. Первое, что я сделала, — написала ему письмо, что я во Владивостоке и могу приехать в Харбин. С этим письмом я пошла в английское консульство и попросила доставить его по адресу. Через несколько дней ко мне зашел незнакомый мне человек и передал мне закатанное в папиросу мелко-мелко исписанное письмо Александра Васильевича.

Он писал: «Передо мной лежит Ваше письмо, и я не знаю — действительность это или я сам до него додумался».

Тогда же пришло письмо от Жени — она звала меня к себе — у нее были личные осложнения, и она просила меня помочь ей: «Приезжайте немного и для меня». Я решила ехать. Мой муж спросил меня: «Ты вернешься?» — «Вернусь». Я так и думала, я только хотела видеть Александра Васильевича, больше ничего. Я ехала как во сне. Стояла весна, все сопки цвели черемухой и вишней — белые склоны, сияющие белые облака. О приезде я известила Александра Васильевича, но на вокзале меня встретила Женья, сказала, что Александр Васильевич в отъезде, и увезла меня к себе.

А Александр Васильевич встречал меня, и мы не узнали друг друга: я была в трауре, так как недавно умер мой отец⁸⁷⁾, а он был в защитного цвета форме. Такими мы никогда друг друга не видали. На другой день я отыскивала вагон, где он жил, не застала и оставила записку с адресом. Он приехал ко мне. Чтобы встретиться, мы с двух сторон объехали весь земной шар, и мы нашли друг друга.

Он навещал меня в той семье, где я жила, потом попросил меня переехать в гостиницу. Днем он был занят, мог приходить только вечером, и всегда это была радость.

А время шло, мне пора было уезжать — я обещала вернуться. Как-то я сказала ему, что пора ехать, а мне не хочется уезжать.

— А вы не уезжайте.

Я приняла это за шутку — но это шуткой не было.

— Оставайтесь со мной, я буду Вашим рабом, буду чистить Ваши ботинки, Вы увидите, какой это удобный институт.

Я только смеялась. Но он постоянно возвращался к этому. Наконец, я сказала:

— Конечно, человека можно уговорить, но что из этого выйдет?

— Нет, уговаривать я Вас не буду — Вы сами должны решить.

А у него уже начались трения с Хорватом, которого он терпеть не мог: «и по виду и по качеству старая швабра». А.В. приходил измученный, совсем перестал спать, нервничал, а я все не могла решиться порвать со своей прошлой жизнью. Мы сидели поодаль и разговаривали. Я протянула руку и коснулась его лица — и в то же мгновение он заснул. А я сидела, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить его. Рука у меня затекла, а я все смотрела

на дорожное и измученное лицо спящего. И тут я поняла, что никогда не уеду от него, что, кроме этого человека, нет у меня ничего и мое место — с ним. Мы решили, что я уеду в Японию, а он приедет ко мне, а пока я напишу мужу, что к нему не вернусь, остаюсь с Александром Васильевичем. Единственное условие было у меня: мой сын должен быть со мной — в то время он жил в Кисловодске у моей матери.

Александр Васильевич ответил: «В таких случаях ребенок остается с матерью». И тут я поняла, что он тоже порвал со своей прошлой жизнью и ему это не легко — он очень любил сына.

Но он меня любил три года, с первой встречи, и все это время мечтал, что когда-нибудь мы будем вместе. Вскоре я уехала в Японию — продала свое жемчужное ожерелье на дорогу. Потом приехал он. Тут пришло письмо от моего мужа. Классическое письмо: я не понимаю, что я делаю, он женат, он не может жить без меня, я потеряю себя — вернись, и т.д., и т.д.

Ну что ж, надо договориться — я поеду во Владивосток, все покончу там и вернусь. Я была молода и прямолинейна до ужаса. Александр Васильевич не возражал, он мне очень верил. Конечно, все это было глупо — какие объяснения могут быть, все ясно. Но иначе я не могла.

И вот я в вагоне. Мое место отгорожено от коридора занавеской, а за окном мутная-мутная ночь, силуэт Фудзиямы, и туман ползет по равнинам у ее подножья. Рвущая сердце боль расставания. И вдруг, повернувшись, я увидела на стене его лицо, бесконечно печальное, глаза опущены, и настолько реальное, что я протянула руку, чтобы его коснуться, и ясно ощутила его живую теплоту; потом оно стало таять, исчезло — на стене висело что-то. Всё. Осталось только чувство его присутствия, не оставлявшее меня.

Вот я пишу — что же я пишу в сущности? Это никакого отношения не имеет к истории тех грозных лет. Все, что происходило тогда, что затрагивало нашу жизнь, ломало ее в корне и в чем Александр Васильевич принимал участие в силу обстоятельств и своей убежденности, не втягивало меня в активное участие в происходящем. Независимо от того, какое бы положение ни занимал Александр Васильевич, — для меня он был человеком смелым,

самоотверженным, правдивым до конца, любящим и любимым. За все время, что я знала его — пять лет, — я не слыхала от него ни одного слова неправды, он просто не мог ни в чем мне солгать. Все, что пытаются писать о нем — на основании документов, — ни в какой мере не отражает его как человека больших страстей, глубоких чувств и совершенно своеобразного склада ума.

В Харбине, когда я жила в гостинице, у меня постоянно бывали наши попутчики по вагону, Баумгартен и Герарди, оба были немного влюблены в меня. Когда я собралась ехать в Японию, Александр Васильевич как-то заехал за мной, чтобы покататься на автомобиле. Едем мы, а он посмеивается. В чем дело? «Знаете, у меня сегодня был Баумгартен». — «Зачем?» — «Он спросил меня, буду ли я иметь что-нибудь против, если он поедет за Вами в Японию». — «Что же Вы сказали?» — «Я ответил, что это вполне зависит только от Анны Васильевны». — «А он?» — «Он сказал: потому что я не могу жить без Анны Васильевны». — «Я ответил: вполне Вас понимаю, я сам в таком же положении».

И все это на полном серьезе.

На другой день Баумгартен мне говорит: «Знаете, Анна Васильевна, Александр Васильевич очень отзывчивый человек».

В Японию за мной он не поехал, мы остались добрыми друзьями. Он все понял.

И вот я приехала во Владивосток, чтобы окончательно покончить со своей прошлой жизнью. За месяц, что я провела в таком тесном общении с Александром Васильевичем, я привыкла к полной откровенности и полному пониманию, а тут я точно на стену натолкнулась.

— Ты не понимаешь, что ты делаешь, ты теряешь себя, ты погибнешь, и т.д., и т.п.

Мне было и жалко и больно — непереносимо.

Я уехала разбитой и измученной, поручив своим друзьям Крашенинниковым не оставлять моего мужа, пока он в таком состоянии. Я знала, что все, что можно, они сделают.

Был июнь (июль?) месяц, ясные дни, тихое море. Александр Васильевич встретил меня на вокзале в Токио, увез меня в «Империал-отель». Он очень волновался, жил он в другом отеле. Ушел — до утра.

Александр Васильевич приехал ко мне на другой день. «У меня к Вам просьба». — «?» — «Поедемте со мной в русскую церковь».

Церковь почти пуста, служба на японском языке, но напевы русские, привычные с детства, и мы стоим рядом молча. Не знаю, что он думал, но я припомнила великопостную молитву «Всем сердцем». Наверное, это лучшие слова для людей, связывающих свои жизни.

Когда мы возвращались, я сказала ему: «Я знаю, что за все надо платить — и за то, что мы вместе, — но пусть это будет бедность, болезнь, что угодно, только не утрата той полной нашей душевной близости, я на все согласна».

Что ж, платить пришлось страшной ценой, но никогда я не жалела о том, за что пришла эта расплата.

Александр Васильевич увез меня в Никко, в горы⁷⁰).

Это старый город храмов, куда идут толпы паломников со всей Японии, все в белом, с циновками-постелями за плечами. Тут я поняла, что значит — возьми одр свой и ходи: одр — это просто циновка. Везде бамбуковые водопроводы на весу, всюду шелест струящейся воды. Александр Васильевич смеялся: «Мы удалились под сень струй».

Мы остановились в японской части гостиницы, в смежных комнатах. В отеле были и русские, но мы с ними не общались, этот месяц единственный. И кругом горы, покрытые лесом, гигантские криптомерии, уходящие в небо, горные речки, водопады, храмы красного лака, аллея ста Будд по берегу реки. И мы вдвоем. Да, этот человек умел быть счастливым.

В самые последние дни его, когда мы гуляли в тюремном дворе, он посмотрел на меня, и на миг у него стали веселые глаза, и он сказал: «А что? Неплохо мы с Вами жили в Японии». И после паузы: «Есть о чем вспомнить». Боже мой...

Сегодня я рано вышла из дома. Утро было жаркое, сквозь белые облака просвечивало солнце. Ночью был дождь, влажно, люди шли с базара с охапками белых лилий в руках. Вот точно такое было утро, когда я приехала в Нагасаки по дороге в Токио. Я ехала одна и до поезда пошла бродить по городу. И все так же было: светло сквозь облака просвечивало солнце, и навстречу шел продавец цветов с двумя корзинами на коромысле, полными

таких же белых лилий. Незнакомая страна, неведомая жизнь, а все, что было, осталось за порогом, нет к нему возврата. И впереди только встреча, и сердце полно до краев.

Не могу отделаться от этого впечатления.

• (Киев, июль 69 г.)

Как трудно писать то, о чем молчишь всю жизнь, — с кем я могу говорить об Александре Васильевиче? Все меньше людей, знавших его, для которых он был живым человеком, а не абстракцией, лишенной каких бы то ни было человеческих чувств. Но в моем ужасном одиночестве нет уже таких людей, какие любили его, верили ему, испытывали обаяние его личности, и все, что я пишу, — сухо, протокольно и ни в какой мере не отражает тот высокий душевный строй, свойственный ему. Он предъявлял к себе высокие требования и других не унижал снисходительностью к человеческим слабостям. Он не разменивался сам, и с ним нельзя было размениваться на мелочи — это ли не уважение к человеку?

И мне он был учителем жизни, и основные его положения: «ничто не дается даром, за все надо платить — и не уклоняться от уплаты» и «если что-нибудь страшно, надо идти ему навстречу — тогда не так страшно» — были мне поддержкой в трудные часы, дни, годы.

И вот, может быть, самое страшное мое воспоминание: мы в тюремном дворе вдвоем на прогулке — нам давали каждый день это свидание, — и он говорит:

— Я думаю — за что я плачу такой страшной ценой? Я знал борьбу, но не знал счастья победы. Я плачу за Вас — я ничего не сделал, чтобы заслужить это счастье. Ничто не дается даром.

Это не имеет отношения к тому, что я пишу, а вот вспоминается. Было это в самом начале знакомства с А.В. Он редко бывал в Гельсингфорсе. Но у его жены я бывала часто — очень она мне нравилась. Был чудесный зимний день, я зашла к ней, застала ее в постели: «Поедемте кататься, день такой прекрасный». Она быстро оделась, взяли извозчицьи санки и поехали. Тихо, мороз, все деревья в инее в Брумстпарке. И вдруг — музыка. Мы жили еще по старому стилю и забыли, что сегодня католический сочельник. Костел ярко освещен, белые деревья

как золотые, в зимних сумерках. Мы вошли, полно народу; орган уставлен маленькими красными тюльпанами и свечами, ясли с восковым младенцем. Музыка, и все вместе — такое очарование, как во сне. И мы вышли в ночь с незабываемым чувством живой поэзии.

А нет, не расскажешь.

И в другой раз мы с С.Ф. поехали кататься по заливу, день был как будто теплый, но все-таки я замерзла, и С.Ф. сняла с себя великолепную черную лису, надела мне на плечи и сказала: «Это портрет Александра Васильевича». Я говорю: «Я не знала, что он такой теплый и мягкий». Она посмотрела на меня с пренебрежением: «Многого Вы еще не знаете, прелестное молодое существо». И правда, ничего я не знала, никогда не думала, чем станет для меня этот человек. И до сих пор, когда ее давно уже нет в живых, мне все кажется, что, если бы довелось нам встретиться, мы не были бы врагами. Что бы то ни было, я рада тому, что на ее долю не выпало всего того, что пришлось пережить мне, так все-таки лучше.

Никогда я не говорила с А.В. о его отношении к семье, и он только раз сказал о том, что все написал С.Ф. Как-то раз я зашла к нему в кабинет и застала его читающим письмо — я знала ее почерк, мы переписывались, когда она уехала в Севастополь. Потом он мне сказал, что С.Ф. написала ему, что хочет только создать счастливое детство сыну. Она была благородная женщина.

После смерти А.В. она хотела получить его записи, попавшие в Пражский музей, их ей не выдали. И хорошо сделали — в основном, это были адресованные мне и неотправленные письма. Эти письма через 50 лет я получила (переписанные для меня из московского архива), ей не надо было их читать, это свидетельство его любви, несмотря на сдержанность тона и на то, что из них ясно отсутствие между нами близости.

Я вспоминаю ее с уважением и душевной болью, но ни в чем не упрекаю себя. Иначе поступить я не могла.

Из Омска ⁷¹⁾ я уехала на день раньше А.В. в вагоне, прицепленном к поезду с золотым запасом ⁷²⁾, с тем, чтобы потом переселиться в его вагон. Я уже была тяжело больна испанкой, которая косила людей в Сибири. Его поезд нагнал наш уже после столкновения поездов, когда было

разбито несколько вагонов, были раненые и убитые. Он вошел мрачнее ночи, сейчас же перевел меня к себе, и началось это ужасное отступление, безнадежное с самого начала: заторы, чехи отбирают на станциях паровозы⁷³), составы замерзают, мы еле передвигаемся. Куда? Что впереди — неизвестно. Да еще в пути конфликт с генералом Пепеляевым, который вот-вот перейдет в бой⁷⁴). Положение было такое, что А.В. решил перейти в бронированный паровоз и, если надо, бой принять. Мы с ним прощались, как в последний раз. И он сказал мне: «Я не знаю, что будет через час. Но Вы были для меня самым близким человеком и другом и самой желанной женщиной на свете».

Не помню, как все это разрешилось на этот раз. И опять мы ехали в неизвестность сквозь бесконечную, безвыходную Сибирь в лютые морозы.

Вот мы в поезде, идущем из Омска в неизвестность. Я вхожу в купе. Александр Васильевич сидит у стола и что-то пишет. За окном лютый мороз и солнце.

Он поднимает голову:

— Я пишу протест против бесчинств чехов — они отбирают паровозы у эшелонов с ранеными, с эвакуированными семьями, люди замерзают в них. Возможно, что в результате мы все погибнем, но я не могу иначе.

Я отвечаю:

— Поступайте так, как Вы считаете нужным.

День за днем ползет наш эшелон по бесконечному сибирскому пути — отступление.

Мы стоим в коридоре у замерзшего окна с зав. печатью в Омске Клафтоном⁷⁶). Вдруг Клафтон спрашивает меня: «Анна Васильевна, скажите мне, как по-Вашему, просто по Вашему женскому чутью — чем все это кончится?»

«Чем? Конечно, катастрофой».

О том же спрашивает Пепеляев⁷⁶): «Как Вы думаете?»

«Что же думать — конечно, союзное командование нас предаст. Дело проиграно, и им очень удобно — если не с кем будет считаться». — «Да, пожалуй, Вы правы»⁷⁷).

И так целый месяц в предвидении и предчувствии неизбежной гибели. В одном только я ошиблась — не думала пережить его.

Долгие годы не могла я видеть морозные узоры на стекле без душевного содрогания, они сразу переносили меня к этим ужасным дням.

И можно ли до конца изжить все, что было.

Июнь 1969 г.

Приблизительно с месяц тому назад мне позвонил по телефону М.И. Тихомиров ⁷⁸⁾ — писатель, который пробовал писать роман об А.В. Колчаке и, узнав, что я еще жива, приехал ко мне для разговора.

Роман он написал скверный, сборный — и, собственно, о генерале Лукаче. Эпизодически и об Александре Васильевиче, меня наградил княжескими титулами и огул крайне сомнительную роль, ничего общего со мной не имеющую, и имел дерзость мне его прислать. Перелистав, я читать его не стала. Но тут он сообщил мне, что в архиве сохранились не отправленные мне письма А.В., частично напечатанные в журнале «Вопросы истории» № 8 за 1968 г. ⁷⁹⁾, что писатель Алдан-Семенов ⁸⁰⁾ имел их в руках и может мне передать в перепечатке из журнала.

Я просила его передать Алдан-Семенову, чтобы он доставил мне их. Письма 1917-18 годов. Тот привез их мне.

И вот больше чем через 50 лет я держу их в руках. Они на машинке, обезличенные, читанные и перечитанные чужими, — единственная документация его отношения ко мне. Единственное, что сохранилось из всех его писем, которые он мне писал с тех пор, как уехал в Севастополь, — а А.В. в эти два года писал мне часто. Даже в этом виде я слышу в них знакомые мне интонации. Это очень трудно — столько лет, столько горя, все войны и бури прошли надо мной, и вдруг опять почувствовать себя молодой, так безоглядно любимой и любящей. На все готовой. Будто на всю мою теперешнюю жизнь я смотрю в бинокль с обратной стороны и вижу свою печальную старость. Какая была жизнь, какие чувства.

Что из того, что полвека прошло, никогда я не смогу примириться с тем, что произошло потом. *О Господи, и это пережить, и сердце на куски не разорвалось* *).

*) Неточная цитата из стихотв. Ф.И. Тютчева «Весь день она лежала в забытьи...» (1864). Правильно: «О Господи!.. и это пережить... // И сердце на клочки не разорвалось...»

И ему и мне трудно было — и черной тучей стояло это ужасное время, иначе он его не называл. Но это была настоящая жизнь, ничем не заменимая, ничем не замененная. Разве я не понимаю, что даже если бы мы вырвались из Сибири, он не пережил бы всего этого: не такой это был человек, чтобы писать мемуары где-то в эмиграции в то время, как люди, шедшие за ним, гибли за это и поэтому.

Последняя записка, полученная мною от него в тюрьме, когда армия Каппеля⁸¹⁾, тоже погибшего в походе, подступала к Иркутску⁸²⁾: «Конечно, меня убьют, но если бы этого не случилось — только бы нам не расставаться»⁸³⁾.

И я слышала, как его уводят, и видела в волчок его серую папаху среди черных людей, которые его уводили⁸⁴⁾.

И все. И луна в окне, и черная решетка на полу от луны в эту февральскую лютую ночь. И мертвый сон, сваливший меня в тот час, когда он прощался с жизнью, когда душа его скорбела смертельно. Вот так, наверное, спали в Гефсиманском саду ученики. А наутро — тюремщики, прятавшие глаза, когда переводили меня в общую камеру. Я отозвала коменданта⁸⁵⁾ и спросила его:

— Скажите, он расстрелян? — И он не посмел сказать мне «нет»:

— Его увезли, даю Вам честное слово.

Не знаю, зачем он это сделал, зачем не сразу было узнать мне правду. Я была ко всему готова, это только лишняя жестокость, комендант ничего не понимал.

Полвека не могу принять —
Ничем нельзя помочь —
И все уходишь ты опять
В ту роковую ночь.
Но если я еще жива
Наперекор судьбе,
То только как любовь твоя
И память о тебе.

30 января 1970 г.

ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА ПЕШКОВА

Вот как я впервые встретилась с Екатериной Павловной Пешковой⁸⁶⁾:

1921 год. Иркутск, тюрьма, женский одиночный корпус *).

Резко стукнуло окошко, и я увидела даму, в шляпе и вуалетке, среднего возраста, чуть подкрашенные губы,

решительное лицо. Она внимательно посмотрела на нас — мы сидели вдвоем — и спросила, не нуждаемся ли мы в хлебе.

Нет, в хлебе мы не нуждались **). И все, окно снова захлопнулось.

Разве я могла представить себе, кем будет в моей судьбе эта незнакомая дама. Что долгие годы, в самые тяжелые дни она придет на помощь — и столько раз выручит из беды. И что не будет для меня более дорогого человека.

А она потом говорила моей сестре, что запомнила меня в одиночке, в тюремном полосатом платье, за каким-то шитьем.

В это время она объезжала сибирские тюрьмы как Уполномоченный Польского Красного Креста по делу репатриации польских военнопленных ⁸⁷⁾ — только что кончилась война с Польшей.

— Но, — говорила потом Екатерина Павловна, улыбаясь, — я и всех политических заключенных обходила.

Время было суровое. Незадолго до ее посещения приезжала комиссия по пересмотру дел политических заключенных под председательством Павлуновского ⁸⁸⁾. Гражданская война кончилась. Многие заключенные получили сроки — максимальный был тогда 5 лет. И вдруг начались расстрелы — по 40, 80, 120 человек за раз.

По субботам и понедельникам мы не спали. Смотрели, прижавшись к решеткам, как пачками выводят людей — «в подвал». Как-то в один из таких дней меня предупредили, что я тоже в списках, — оказалось: ошибка.

Люди, примирившиеся с приговором, поняли, что терять им нечего: среди бела дня человек десять бросились на вышку с часовым, перемахнули через забор и бросились бежать. Всех, конечно, перестреляли. Ушел только один. Долго под нашими окнами лежал убитый.

**) Начало другого варианта воспоминаний (отрывки оттуда и далее даются в подстрочных примечаниях):*

Сорок четыре года — с 1921 г., когда впервые я встретилась с Екатериной Павловной, — вся жизнь моя была связана с нею. Волей-неволей придется говорить о себе.

Время было страшное. Второй раз я сидела в одиночном корпусе Иркутской тюрьмы.

***) Обе мы занимались каким-то рукоделием, надзирательницы нам давали перевязывать на платки старые фуфайки, платили едой, да и передачи мы получали от друзей.

И вот осенью меня вызвали в подвал с вещами. Все мы знали, что это значит. Так мне и сказала соседка по камере: «Вы не маленькая, не берите вещей, они пригодятся Вашим друзьям».

Так я и ушла с конвоиром через весь город с маленьким чемоданчиком, и тот нес конвоир: была я совсем больна, отказали легкие. В подвале навстречу мне бросилась женщина, знакомая по тюрьме: «Не беспокойтесь, Вас только отправляют в Москву». В тот же вечер повезли в Новониколаевск, затем в Москву *).

Вернувшись из Сибири, Екатерина Павловна при свидании с Дзержинским рассказала ему и обо мне. Он ей сказал: «Да, кажется, мы много лишнего делаем». В результате меня вызвали в Москву.

Через некоторое время меня выпустили. Я тогда еще не знала, что этим я обязана Екатерине Павловне, много позже она об этом рассказала мне сама **).

Мне приходится говорить о себе, так как иначе непонятно, как мы, люди такой разной судьбы, сошлись так близко. Раз придя мне на помощь, она уже и потом не оставляла без внимания все перипетии моей судьбы — а их было много.

В 1925 году меня выслали на три года из Москвы. По окончании срока она сама прислала мне телеграмму об этом ***), и, вернувшись, я пошла в Политический Красный Крест поблагодарить ее за внимание, и тут-то мы с ней и познакомились.

Семь лет после этого я прожила в Москве и изредка заходила на Кузнецкий, 24. Так как я была одним из самых старых клиентов этого учреждения, то ко мне призывали и пускали к Екатерине Павловне без очереди, с внутреннего хода. Народу там всегда было много. Екатерина Павловна много слов не тратила, слишком была

*) В тот же вечер посадили меня и еще одного арестованного с конвоирами в общий вагон, и поехали. А через несколько недель из Новониколаевской тюрьмы вместе с тремя членами эсеровского ЦК ⁸⁹⁾ повезли в Москву.

***) Выпустили меня уже в конце апреля. В тюрьме мне рассказали о Политическом Красном Кресте ⁹⁰⁾, куда я и пришла. Виделась я там с Винавером ⁹¹⁾, так как не знала, что руку к моему освобождению приложил не он, а Екатерина Павловна.

***) Когда кончился мой срок, я получила в Тарусе телеграмму от Екатерины Павловны, что я могу вернуться в Москву. Это было в 1928 г.

занята, и я не задерживалась. Каждый раз, как я от нее выходила в приемную, ожидающие спрашивали: «Что, сегодня не очень строгая?» Когда я потом рассказала Екатерине Павловне, как ее побаивались посетители, она очень огорчилась: «Правда? А я так всегда стеснялась! Мне казалось, что все на мне такое некрасивое».

Оказалось, что такая решительная на вид — она была очень застенчивым человеком и ей стоило больших усилий разговаривать с людьми, которых она жалела всем сердцем: ведь к ней приходили со всеми своими несчастьями.

Такое наше знакомство — полуофициальное, виделись мы только по месту ее работы: Кузнецкий, 24 — продолжалось до 1935 года, когда после убийства Кирова начались повальные аресты. Время было благоприятное для сведения личных счетов, доносы были в ходу, обоснованные или нет — значения не имело.

Я получила 5 лет лагеря и была отправлена в Забайкалье на постройку Байкало-Амурской магистрали. По дороге, из окна арестантского вагона*), я выбросила письмо, адресованное Екатерине Павловне в Политический Красный Крест. Я увидела, как его подобрала какая-то женщина и как к ней подошел солдат. — Ну, пропало!...

Но везде есть люди: письмо дошло по назначению.

По дороге кое-кого из нашего этапа, меня в том числе, сняли в санитарном пункте: ехали мы в товарном вагоне месяц, у многих начиналась цинга. Там меня и оставили для работы в лазарете. Я связалась со своими и получила от них телеграмму, что пять лет лагеря заменены мне тремя годами высылки: «минус два» города. Это Екатерина Павловна имела разговор с Ягодой⁹²), и он нашел, что, пожалуй, перехватили**).

Через три месяца я вернулась и, конечно, сразу же отправилась к Екатерине Павловне. Она меня встретила очень приветливо и под конец разговора сказала: «Я ко всем подопечным хорошо отношусь, но у меня есть персональные». Толстой говорил, что люди любят тех, кому де-

*) Повезли нас на БАМ в теплушке с уголовными женщинами.

***) Сняли нас после месячного этапа в санитарном городке Б., где я и работала три месяца санитаркой, сестрой и под конец заведовала двумя корпусами больницы. Тут я и получила телеграмму от мужа, что 5 лет лагеря заменены мне тремя годами «минус два». Правда, на проверку вышло, что не «минус два», а «минус пятнадцать» городов, но из лагеря я освободилась.

лают добро, и ненавидят тех, кому причиняют зло, — думаю, что в отношении ко мне Екатерины Павловны это имело место.

В Москве жить я не могла — начались мои скитания по маленьким городам, не слишком далеким от Москвы. Но всегда, во время побывок в Москве, где жила моя семья⁹³), я заходила на Кузнецкий.

Однажды Екатерина Павловна сказала мне: «Вас вызывают в НКВД, а оттуда приходите ко мне обедать и все расскажете». У меня было такое впечатление, что я получила приглашение на Олимп. А она встретила меня в передней и сразу сказала: «Мы очень любим редьку, но она ужасно пахнет». На меня напал смех — вот так Олимп! — и я сразу перестала ее бояться. Вот она какая простая и милая; как хорошо, что можно ее просто любить! Это не значит, что изменилось чувство глубокого уважения к ней и восхищения, — просто стало мне с ней легко.

Вот так и началось у меня близкое знакомство с Екатериной Павловной.

Всегда, встречаясь с ней, я не переставала изумляться: как, прожив такую долгую, сложную жизнь, сталкиваясь со столькими людьми, всякими, — как она сумела до глубокой старости сохранить абсолютную чистоту души и воображения, такую веру в человека и сердце, полное любви. И полное отсутствие сентиментальности и ханжества. Она была очень терпима к людям — к женщинам, — и, когда я ее по ходу разговора спросила: «Да неужели в молодости Вы никем не увлекались, за Вами никто не ухаживал?» — она ответила почти сердито: «Мне некогда было, я все уроки давала. Раз товарищ меня провожал и, прощаясь, поцеловал мне руку — уж я ее мыла, мыла». Я совершенно ей поверила, но очень смеялась.

Я не знала человека, который бы так ценил малейшее к себе внимание и совершенно забывал, сколько он делал для других. Как-то (много позже) она рассказывала, что была на каком-то заседании в музее Горького и к ней подходили люди и напоминали ей о том, как она им помогла, — и: «Знаете, оказалось, что все они очень хорошо ко мне относятся», — даже с некоторым удивлением.

Я ей говорю: «С чего бы это так, Екатерина Павловна?» И тут мы обе стали смеяться.

Кто не пережил страшного этого времени, тот не поймет, чем был для многих и многих ее труд. Что значило

для людей, от которых шарахались друзья и знакомые, если в семье у них был арестованный, прийти к ней, услышать ее голос, узнать хотя бы о том, где находятся их близкие, что их ожидает, — а это она узнавала.

Недаром мой муж⁹⁴⁾ говорил, что после меня и моего сына он больше всех на свете любит Екатерину Павловну.

В конце концов и этих возможностей у нее не стало. Условия работы в Политическом Красном Кресте сделались невыносимыми. И все-таки потом она говорила: «Может быть, все-таки надо было все это перетерпеть и не бросать работу» *).

А в 1938 году **), когда кончился срок моей высылки, в тот же день меня арестовали вновь, арестован был мой сын и так и не вернулся из заключения — реабилитирован посмертно. И муж мой умер во время моего заключения на 8 лет.

И, когда в 1946 году я вернулась, Екатерина Павловна была мне самым дорогим человеком. Она очень постарела, хотя по-прежнему была деятельна и очень занята. Я боялась ее тревожить и утомлять, когда приходила к ней. Если видела, что она устала, поднималась: «Ну, я пойду, Вам надо отдохнуть». А она делала вид, что не слышит, и продолжала разговаривать. И тут я поняла, что по существу она очень одинока, несмотря на внучек⁹⁵⁾ и правнуков, которых она любила нежно, но которые жили своей и совсем ей чужой жизнью.

Жила я в это время в Рыбинске, работая в театре⁹⁶⁾, и, накопив сверхурочные часы и дни, приезжала в Москву. В один из этих приездов в 1959 году она проводила меня до передней и сказала: «Анна Васильевна, подавайте на реабилитацию». А я уже подавала и получила отказ, я только на нее поглядела. А она: «Я понимаю, что все это Вам надоело, но сейчас подходящий момент, и если Вы его упустите, — так и останетесь до конца жизни»⁹⁷⁾.

*) И это вплоть до 1938 года, когда положение стало невыносимым и ничего уже сделать было нельзя. Много лет спустя она как-то сказала мне: «Может быть, надо было и все это вынести — и все-таки не закрывать Крест».

***) Фрагменты, начинающиеся словами «А в 1938 году...», «Последний раз у нее на квартире...» и «Вот я начала писать...», отсутствуют в том тексте воспоминаний, который принят нами за основной, и взяты из другого варианта.

Я поняла ее слова как приказ, а ее приказа я послушаться не могла, не раз я ей была обязана просто жизнью. В 1960 году я получила реабилитацию и с тех пор жила в Москве, и мы виделись чаще.

Для меня было радостью, что мне уже не с чем было ее просить, — и так я была перед ней в неоплатном долгу. А она об этом точно и не помнила. Она вообще не помнила, что она делала для людей, ей это было так естественно, как дышать.

Сколько людей я перевидала, но никогда не встречала такого полного забвения своих поступков, а вот малейшее внимание к себе она помнила.

Приезжая в Москву из Рыбинска, я звонила к ней, и она назначала день и час — она всегда была занята, и людей у нее бывало много. Она интересовалась моей жизнью, работой, всем. Но как-то я рассказывала ей не слишком веселые истории, и она сказала: «У меня голова от этого заболела». Она старела на глазах... Какой же одинокой она была в последние годы жизни! Сверстники ее умирали один за другим, родные не утешали. А она все, касающееся их, принимала к сердцу, волновалась, огорчалась, худела на глазах, точно таяла.

И, проходя к ней, я рассказывала ей уже только что-нибудь веселое и забавное. Она любила цветы и всегда радовалась, если ей принесешь — всегда немного, — иначе она сердилась: зачем деньги тратить? И ее старая домработница Лина ловила меня в передней и говорила: «Что Вас давно не было? Она будто при Вас повеселела». «Она» — так всегда называла она Екатерину Павловну.

Потом Екатерина Павловна нет-нет, да позвонит сама: «Вы сегодня не заняты? У Вас нет работы? Тогда кончайте свои дела, когда кончите — приходите». Не знаю человека, который так уважал бы дела другого — что бы это ни было.

Как-то раз она говорит: «Что это Вас давно не видно?» Я отвечаю: «Вы же знаете, Екатерина Павловна, что Вы у меня № 1, но ведь есть еще № 2 и № 3 — что уж я поделаю?» Она смеется и говорит: «Вот у меня столько так называемых друзей, а если что надо — обращаюсь к Вам».

Она часто просила что-нибудь купить для нее — какие-нибудь пустяки.

— Екатерина Павловна, я бы Вас на ручках носила, если бы могла, а я Вам 200 грамм сыра покупаю.

Последнее время ей уже было очень трудно ходить, а одной совсем нельзя. Тогда она вызывала меня по телефону, чтобы я ее провожала.

Как-то раз позвонила: «Вы свободны? Тогда заходите к Дарье, это от Вас близко». А как раз у меня был приступ ишиаса, и я еле ходила. Что делать — пошла.

Оказалось, что Екатерине Павловне хотелось поехать домой на троллейбусе*), а одной ехать ей трудно. Меня разбирал смех: она ходит с трудом, я еле хожу — а она была ужасно довольна, что видит из окна Москву. Это было вроде эскапады, все ее забавляло. Мы заходили в какие-то магазины, получали в сберкассе ее пенсию, покупали совершенно ненужные вещи — еле добрались до дому, а она была довольна: несмотря ни на что, в ней обнаруживалась подчас прелестная веселость, способность радоваться пустякам.

ИЗ РАССКАЗОВ ЕКАТЕРИНЫ ПАВЛОВНЫ

Когда началась революция, то у нас (Политический Красный Крест) был пропуск во все тюрьмы, и мы свободно там бывали.

Мы — это Муравьев**), Винавер и я.

И вдруг пропуск отобрали.

Надо было идти к Дзержинскому. Я сказала, что не пойду в Чрезвычайку. Но Муравьев заболел, один идти Винавер не соглашался — пришлось пойти.

Дзержинский нас встретил вопросом: «Почему вы помогаете нашим врагам?» Я говорю: «Мы хотим знать, кому мы помогаем, а у нас отобрали пропуск».

Дзержинский: «А мы вам пропуск не дадим».

Е.П.: «А мы уйдем в подполье».

Дзержинский: «А мы вас арестуем».

С тем и ушли.

(Тут глаза у Екатерины Павловны заблестели: на другой день дали пропуск**).

Когда кончилась война с Польшей, мне предложили взять на себя работу по репатриации военнопленных поляков — руководство Польским Красным Крестом.

*) «А то из машины ничего не видно».

Дзержинский вызвал меня к себе. Я ему говорю: «Я очень боюсь брать это дело на себя. Говорят, поляки такие коварные, нельзя им доверять».

Тут Дзержинский, который был чистокровный поляк, стал страшно смеяться: «Вот и хорошо: вы работайте, а очень-то им не доверяйте».

В 20-е годы мы с Винавером возили передачу в Бутырки. В столовой на Красной Пресне мы брали порции второго блюда и вдвоем везли их на ручной тележке.

Это довольно далеко и страшно утомительно. Везем, везем, остановимся — и отдыхаем, прислонившись спиной друг к другу.

А собственно, зачем мы это делали сами? Сколько людей сделали бы это за нас — и с удовольствием.

Последний раз у нее на квартире я была в день ее отъезда в санаторий Барвиха в начале декабря 1964 г. Вид у нее был просто страшный, очень нервна, возбуждена. Я спросила ее, не надо ли ей помочь уложить вещи, — нет, все готово, за ней приехали. Потом она сказала: «Я позвоню Вам из Барвихи», — и не позвонила. Через несколько дней у нее случился инфаркт, и ее с постели увезли в Кремлевскую больницу. Она хотела непременно вернуться из санатория к Новому году — как она любила праздники!

Я позвонила ей перед Новым годом — и тут узнала о ее болезни. Меня точно черным платком накрыло.

87 лет, инфаркт, чего можно ждать? И все-таки — какой могучий организм...

Вот я начала писать о Екатерине Павловне, и меня потянуло в Новодевичий на ее могилу. Я бывала там вместе с нею — на могиле ее сына и матери¹⁰⁰): ей было уже трудно ездить одной... а внукам некогда, все дела, дела...

Она купила цветов в горшках, попросила меня взять лейку — а самой ей стало нехорошо, я просто не знала, как ее довести до участка. Две лиственницы сплетаются верхушками над могилами. У памятника ее сына лежали три белые астры — ей было приятно, что кто-то все-таки вспомнил. Хотелось самой высадить цветы, а было трудно.

Теперь прибавилась и ее могила. Кругом чисто — видно, уборка оплачивается, — и видно, что никто там не бывает, очень все казенно. Только памятник ее сына приобрел новый смысл: со своей стеллы Максим смотрит на могилу матери. «Эта рана никогда не заживает, — как-то сказала мне Екатерина Павловна. — Дарья назвала своего сына Максимом, она думала сделать мне приятное, а мне это ножом по сердцу».

Мимо проходила экскурсия молодых девушек. Экскурсовод указал на могилу «сына Горького» — у него не нашлось ни одного слова, чтобы сказать о Екатерине Павловне, которая всю жизнь отдавала людям в несчастье. «К страданиям чужим ты горести полна, и скорбь ничья тебя не проходила мимо — к себе самой лишь ты неумолима...», — разве не о ней эти строки А.К. Толстого?

Очень мне было горько.

Вспомнила я ее похороны. Говорились речи о той работе, которую она вела по литературному наследию Горького — замалчивая, еле касаясь Политического Красного Креста, точно это запретная тема, неловко ее касаться. И только один голос произнес:

«Спасибо, Екатерина Павловна, от многих тысяч заключенных, которым Вы утирали слезы». Я обернулась — старая женщина посмотрела на меня: «Я не могла этого не сказать»¹⁰¹⁾.

На гражданской панихиде в музее Горького я стала у гроба. Екатерина Павловна лежала в цветах, и лицо ее было молодое, такой прекрасный лоб, тонкие брови — никогда ее больше не увижу. Заплакала я — кто-то сказал: «Вам нехорошо? Дать капель?» Как будто странно, что можно заплакать, прощаясь с дорогим человеком.

Каких мы людей теряем,
Какие уходят люди...
И горше всего — что знаем:
Таких уж больше не будет.

Была нам в жизни удача,
Что мы повстречались с ними —
И нет их... И только плачем,
Повторяя светлое имя.

1965 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹) Город Кисловодск, выросший из военного укрепления и терской казачьей станицы, развивался как курорт с нач. XIX в., но особенно быстро — после строительства Владикавказской ж.-д. (1875), соединившей Кавказские Мин. воды с Ростовом. В начале XX в. развернулась сдача в аренду казенной земли для дач. Особенно много многоквартирных дач («Русь», «Мавритания», «Забава», «Затишье», «Видгор») было построено О.А. Барановской на землях, полученных ею в пожизненное пользование. В это же время в городе был разбит новый парк. В 1910-11 К. стал первым в России зимним курортом. К. был самым быстро растущим из курортов Кавк. Мин. вод и гл. центром их культурной жизни. В курзале Владикавк. ж.-д. играл большой (до 80 чел.) симфонич. оркестр (с ним выступали А.К. Глазунов, М.М. Ипполитов-Иванов, В.И. Сафонов), ставились оперные спектакли с участием приезжих знаменитостей.

²) Кабат (урожд. Сафонова) Анастасия Ильинична (ум. 1932) — старшая сестра В.И. Сафонова. Замужем за его лицейским товарищем А.И. Кабатом (1848-1917) — финансистом и общественным деятелем. По воспоминаниям А.В., была «хранительницей и сказительницей семейных преданий». После переезда семьи в Петербург брала уроки музыки у проф. Т.О. Лешетицкого, бывшего одновременно одним из первых учителей В.И. Сафонова. Когда ее сестра М.И. Плеске овдовела, оставшись с пятью детьми, — взяла на себя заботу о семье Плеске и прекратила занятия музыкой. После революции, лишившись средств к существованию, зарабатывала частными уроками музыки и приобрела как педагог популярность среди жителей Кисловодска. В последние годы жизни получала персональную пенсию за заслуги брата. Умерла в Кисловодске.

³) Сафонов Василий Ильич (1852-1918) — пианист, дирижер, муз. педагог. Первые годы провел в станице Ищерской над Тереком, в 1862 семья переехала в Петербург. Окончил Александровский лицей (1872), Петерб. консерваторию (1880, поступил в 1879). С 1880 совмещал концертную деятельность с преподаванием в Петерб. консерватории. Приняв предложение П.И. Чайковского, стал профессором Московской консерватории (1885), а затем С.И. Танеев и Чайковский убедили его взять на себя и руководство ею (директор МК с 1889). Главный инициатор и организатор постройки нового здания МК, сумел добиться субсидии от царя и большой денежной помощи от московских купцов. В 1890-1905 — худ. рук. концертов Рус. муз. о-ва в Москве и их главный дирижер. Борьба С. за укрепление учебной дисциплины среди преподавателей и учащихся, его единоначалие и самовластность, горячность и временами несдержанность, расхождения с Худ. советом МК, а позднее — отрицательное отношение к рев. движению и к забастовочному комитету студентов (создан в МК весной 1905) вызвали оппозицию со стороны части студентов и профессоров. К этому прибавился личный конфликт с Танеевым. Участие студентов своего класса в сходках и в студенческом движении С. воспринял как измену искусству и ему лично. В 1905 он взял отпуск и уехал на гастроли в Америку, а затем отказался вернуться в МК, вышел в отставку и переселил семью в Петербург. В 1906-09 жил в США (дирижер филармонии и одновременно директор Нац. консерватории в Нью-Йорке), затем

вел концертную работу в России и в заграничных турне. Создал свою пианистическую школу. Среди его учеников — А.Н. Скрябин (в судьбе которого он принял особенно большое участие), Л.В. Николаев, А.Ф. Гедике, сестры Гнесины, Е.А. Бекман-Щербина, Н.К. Метнер, И.А. Левин, Р.Я. Бесси-Левина; учеником С. считал себя А.Б. Гольденвейзер. Основал (1912) муз. школу на Кавказских Мин. водах (ныне муз. школа № 1 в Пятигорске), где имелась стипендия на деньги В.И. Полностью на его средства построена концертная раковина в кисловодском парке. В сов. литературе имя С. практически отсутствовало вплоть до 1950-х; 100-летний юбилей его был отмечен в 1959. Победа В. Клиберна на Первом международном конкурсе им. П.И. Чайковского (Москва, 1958) вызвала волну интереса к творчеству С., т.к. В. Клиберн является учеником Р.Я. Бесси-Левинной, принадлежащей к пианистической школе С.

Юбилей С. послужил для А.В. одним из толчков к написанию публикуемых воспоминаний: «Сколько раз я собиралась записать то, что помню об отце, и все не могла собраться. Но вот после выслушанного мною протокольного доклада, где образ этого замечательного человека и артиста был полностью выхолощен и доведен до скупой абстракции, до меня дошло, что надо писать все, что помнишь, независимо от литературной ценности записей».

⁴ Сафонова Варвара Васильевна (1895-1942) жила в столице с 1906. Училась в частной гимназии кн. Оболенской. Пианистка, была дружна с А.Н. Скрябиным. Изучала живопись в частной студии Зейденберга, затем (с 1914) в Школе живописи Е.Н. Званцевой, у К.С. Петрова-Водкина. Стала профессиональной художницей. В 1917-23 — в Кисловодске и Тифлисе, затем вернулась в Петроград. Здесь занимала более просторную из двух комнат, оставшихся во владении Сафоновых (во второй — сестра Ольга с мужем и сыном); комната В.В. служила также худ. студией, здесь помещался и рояль. В 1920-е - 30-е В.В. и О.В. были стеснены в материальном отношении, и их младшая сестра Елена посылала им из Москвы краски, кисти, сынку, сахар и т.д. Умерла от голода в янв. 1942.

⁵ Сафонов Илья Иванович (1825-1896) — ген.-лейт. (1893) Терского казачьего войска. Вступил в службу рядовым (1845), прошел на Кавказе ряд военных кампаний (1848-61). В 1862 переведен на службу в столицу. Был командиром лейб-гвардии Терского каз. эскадрона; по случаю освящения штандарта эскадрона (1868) написал песню «Полным сердцем торжествуя, Терцы весело поют...» Командовал Терской каз. бригадой (1885-93), 2-й Кавк. каз. дивизией (1893-95), в последний год жизни состоял при войсках Кавк. воен. округа. При участии и материальной поддержке И.И. в Кисловодске были выстроены вокзал ж.-д. и курзал при нем, ставший центром музыкальной жизни Кавк. Мин. вод. Монархические взгляды И.И., его глубокая религиозность (правда, он не принадлежал к официальному православию, а был единоверцем), убежденность в том, что казаков должно рассматривать не только как боевую силу, но и как образцовых граждан, «чуждых заразе социализма» (см. письмо его на сс. 507-514 кн.: Попко И.Д. **ТЕРСКИЕ КАЗАКИ СО СТАРОДАВНИХ ВРЕМЕН. ИСТ. ОЧЕРК.** Вып. I. Спб., 1880), оказали влияние на членов его семьи. Умер в авг. 1896. На похоронах его присутствовали, в частности, А.П. Чехов и А.И. Чупров. Его жена Анна Илларионовна Сафонова (урожд. Фролова) умерла в ноябре 1907 г.

6) Сафонова (урожд. Вышнеградская) Варвара Ивановна (1863-1921) была женой В.И. Сафонова с 1882. Обладательница отличного меццо-сопрано, окончила Петерб. консерваторию по классу пения проф. К. Эверарди (1882, с малой золотой медалью), концертировала в 1880-е. Затем отдалась делам дома и воспитанию десятих своих детей. В 1917, уехав летом, как обычно, со всей семьей в Кисловодск, осталась там и после смерти мужа. По установлению в городе сов. власти всю семью, начиная с В.И., несколько раз выводили на расстрел, требуя сдачи ценностей, которых Сафоновы не имели, т.к. перед самой революцией В.И. сдала их на хранение в Гос. Банк; первый такой случай произошел, видимо, вскоре после того, как Терский народный совет наложил на буржуазию г. Кисловодска контрибуцию в 30 млн. руб. (апр. 1918). После смерти В.И. ее дети разъехались из Кисловодска, и оставшаяся там часть сафоновского семейного архива заметно пострадала.

7) Ярошенко Николай Александрович (1846-1898) — рус. живописец, член Тов-ва передвижных худ. выставок. Артиллерист, вышел в запас ген.-майором (1892); в отставке с 1893. С 1882 почти каждое лето, а с 1892 постоянно жил в Кисловодске, где имел свою небольшую усадьбу. Семьи Я. и Сафоновых в Кисловодске довольно тесно соприкасались. Кисти Я. принадлежит портрет И.И. Сафонова, сохранившийся в частном собрании в искаленном виде (опасаясь преследований за предка-генерала, его наследники обрезали эпюлеты и мундир, оставив лишь лицо). Умер и похоронен в Кисловодске. Могилы Сафоновых уничтожены, когда (ок. 1932) был взорван собор и затем на месте собора, окружавших его могил и Соборной площади сооружены Красная площадь и сквер.

8) Сафонова Ольга Васильевна (1899-1942) род. в Кисловодске; с 1906 в Петербурге. Училась в гимназии Л.С. Таганцевой. В 1916 — в театр. студии В.Э. Мейерхольда на Бородинской, 6. В.Э. в нее влюбился, родители О.В. воспротивились бурно развивавшимся отношениям, и она из студии ушла; переписка ее с В.Э. продолжалась неск. лет (см.: Мейерхольд В.Э. ПЕРЕПИСКА. 1896-1939. М. 1976, по ук. имен). Со знакомства В.Э. с О.В. начались его приятельские отношения с тремя сестрами — Ольгой, Варварой и Марией. В 1917-21 жила в Кисловодске; вернулась оттуда в Ленинград. В 1924-27 — во Вхутеине (б. Академии художеств) на живописном факультете; училась у Петрова-Водкина. После окончания вынуждена была работать чертежницей, выполнять различные ремесленные работы и т.д. С 1931 замужем за художником К.А. Смородским. После уплотнения осталась жить вместе с сестрой Варварой в прежней петерб. квартире Сафоновых (Фурштатская, ныне Петра Лаврова, 37). После начала войны работала на оборону города (плела сети для аэростатов). В янв. 1942 умерла от голода вместе с сестрой и мужем. Часть ленингр. архива Сафоновых попала в Музей муз. культуры (ныне — им. М.И. Глинки), часть погибла во время блокады.

9) Сафонов Илья Васильевич (1887-1931) — виолончелист. С гимназических лет был болен туберкулезом и в молодые годы прошел курс лечения в Давосе. Игре на виолончели обучался у Юлиуса Кленгеля, одновременно занимался в Лейпцигском ун-те. Выступал в концертах с братом Иваном. Жил в 1920-е в Москве. Умер в Одессе от туберкулеза.

¹⁰⁾ Сафонов Иван Васильевич (1891-1955) был как скрипач учеником Лессмана. Одновременно с окончанием юрид. ф-та Петерб. ун-та сдал экзамены в консерватории, получив звание свободного художника. С 1912 стал постоянным партнером отца и участвовал в его концертных поездках. Был дирижером Терского казачьего симф. оркестра (Владикавказ). После революции — в основном, педагог и методист. Приспособил для обучения скрипичному мастерству отцовскую методику обучения игры на фортепиано; системой И.В. Сафонова пользуются в амер. скрипичной школе И. Менухина. Стремясь повысить качество скрипок отечественного производства, изучал технологию изготовления скрипок, много работал с мастерами — их создателями. Преподавал в муз. школах, вел частные занятия.

¹¹⁾ Махарина Мария Ивановна, певица (сопрано), в 1896-1902 артистка оперной труппы Имп. Большого театра.

¹²⁾ Белоусов Евсей (Ефрем) Яковлевич (1881-1945) — виолончелист. Окончил МК в 1903. С успехом концертировал в городах России, выступал в ансамбле с пианистами В.И. Сафоновым и А.К. Боровским. С 1922 жил за границей, гастролировал в европ. странах. В 1926 поселился в США, с 1930 преподавал в Джульярдской муз. школе. Умер в Нью-Йорке.

У А.В. есть еще след. запись о нем:

«Неистошимый каламбурист: подают пирог с ежевикой — Евсей (Евшлык он у нас называется):

— Вот тут и поживи-ка!

У него большие рыжие усы и открытое русское лицо. Папа рассказывает какой-нибудь еврейский анекдот, потом смотрит на Евшлыка:

— Прости, Евсеюшка, я все забываю, что ты жид».

¹³⁾ Патти Аделина (1843-1919) — итальянская певица (колоратурное сопрано). Выступала в концертах с 7-летнего возраста. В 1859-98 — на оперной сцене, затем концертировала до 1914. Гастроли ее во многих странах носили сенсационный характер. Неоднократно пела в России.

¹⁴⁾ Плеске Эдуард Дмитриевич (1852-1904) — лицейский друг и одноклассник В.И. Сафонова, которому он посвятил свой первый композиторский опыт — *ЛИСТОК ИЗ АЛЬБОМА*, а затем — «в память дружбы» — *РОМАНС*. Пианист, чл. дирекции Моск. отделения Имп. Рус. Муз. о-ва и уполномоченный от МО ИРМО в Гл. дирекции ИРМО. Сделал успешную карьеру: тайный советник, директор Особенной канцелярии по кредитной части М-ва финансов (1892-94), управляющий Гос. Банком (1894-1903), министр финансов (авг. 1903 — февр. 1904), чл. Гос. Совета (1904). Женат на сестре В.И. Сафонова — Марии Ильиничне (ум. 1944).

¹⁵⁾ Вышнеградский Иван Алексеевич (1831-1895) — гос. деятель и ученый-машиновед, основоположник теории автоматич. регулирования; крупный предприниматель. Почетный член Петерб. АН (1888). Окончил Главный педагогич. ин-т, где сложились сохранившиеся до конца жизни его близкие товарищеские отношения с учившимся там же Д.И. Менделеевым. Проф. (с 1862) на кафедре механики и директор (1875-78) Петерб. технол. ин-та. Со второй пол. 1870-х — активный акционер. Входил в правления Петерб. о-ва водопроводов, Юго-Западных ж.-д., Рыбинско-Бологовской ж.-д. и др. Его состояние к 1880 составляло ок. 1 млн. руб., а к концу жизни

возросло, по мнению некоторых, до 25 млн. Занимался устройством Всерос. пром.-худ. выставки (Москва, 1882). В 1884 — чл. совета министра нар. просвещения, участвовал в выработке университетского устава 1884, резко ограничившего права университетов. Управляющий М-вом финансов (1887-88), министр финансов (1888-92). Человек исключительной трудоспособности, с простотой обращения в служебных отношениях, В. дисциплинировал и спаял М-во финансов. Сумел ликвидировать к 1891 дефицит платежного баланса. Рассчитывая развить нац. промышленность и освободить рус. рынок от ввоза иностр. (особенно герм.) пром. товаров, осуществил переход к последовательно покровительственной политике по отношению ко всем отраслям промышленности, добившись при этом и увеличения таможенных доходов. Приступая (с 1889) к радикальному пересмотру существовавшей таможенной практики, привлек к этому делу беспрецедентно большое число специалистов, а также организовал учет пожеланий предпринимателей. Подготовил проведенную впоследствии денежную реформу с девальвацией рубля и введением золотого обращения, начав тем самым новый курс финансовой политики. Приступил к конверсии рус. займов, пытаясь упорядочить гос. долги России; серия конверсионных операций во Франции, связавшая в результате деятельности В. и его преемников финансы России с Парижской биржей, легла в фундамент франко-рус. союза. Продолжая в ряде отношений политику своего предшественника на посту министра финансов Н.Х. Бунге, В. был противником осуществленного Бунге рабочего законодательства (характеризовал его как «сентиментальность, никуда не годную для промышленности»). Выдвинул С.Ю. Витте как гос. деятеля, рекомендовал его (1889) на пост директора учрежденного тогда Департамента ж.-д. дел. Сохранил влияние на Витте, после того как последний сменил В. в должности министра финансов (отговорил Витте от опрометчивого выпуска «бумажных сибирских рублей» для нужд ж.-д. строительства). Среди друзей В. — поэт А.Н. Майков. В доме В. бывали, в числе других деятелей рус. культуры, Я.П. Полонский, Д.В. Григорович, Н.Н. Страхов. В посл. год жизни В. состоял почетным членом Моск. отделения Имп. Рус. муз. о-ва и почетным чл. дирекции МО ИРМО.

¹⁶⁾ Вышнеградская Варвара Федоровна (1823 — после 1913) — урожд. Доброеева, по первому браку Холодова. Ниже в тексте упоминаются ее дочери Вера Николаевна Холодова, в замужестве Бертельс, и Софья Ивановна Вышнеградская, в замужестве Филиппева. Из детей И.А. и В.Ф. Вышнеградских отметим также Александра Ивановича Вышнеградского (1867-?) — промышленника и финансиста (директор Междунар. коммерч. банка в Петербурге, Коломенского машиностроит. завода, Московско-Виндавско-Рыбинский ж.-д. и т.д.), впоследствии игравшего видную роль в рус. эмиграции. А.И. Вышнеградский был также композитором и деятелем Имп. Рус. муз. об-ва; попав в дек. 1917 в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, писал там свою 4-ю симфонию.

¹⁷⁾ Сафонова Анастасия Васильевна (1883-1898), старшая из детей Сафоновых, была на редкость одарена и трудолюбива. Игре на фортепиано ее учил отец, а сама она занималась с братом Илюшей. Стала зрелым исполнителем. Сочинила ряд фортеп. пьес, ни одна из которых не сохранилась целиком; первые этюды были посвящены матери. Писала прозу (на рус. и франц.), стихи (на рус. и

нем.), пыталась переводить стихи (с нем. и англ.). В ее тетрадях (напр., БУРДА 1897 года) все это перемежается нотами и выразительными рисунками пером. С нее и ее сестры Александры ведут начало сохранившиеся в семейном архиве и подвергавшиеся взаимному суду рукописные книги собственных сочинений, альбомы рисунков (карандаш, акварель), домашние сборники и журналы (с «изданием» произведений одних братьев и сестер другими).

¹⁸⁾ Сафонова Александра Васильевна (1885-1898) тоже занималась и музыкой, и рисованием, и лит. сочинительством. В 10-летнем возрасте выпускала журнал «Глухая мысль», в 11 лет переписала свое «собрание сочинений в 6 томах», где находим мемуары с иллюстрациями к ним, повести, стихи, а также некоторые тексты на франц. языке. Как и др. дети Сафоновых, получила раннее домашнее воспитание, в результате чего в 5-летнем возрасте читала и писала по-русски и (в меньшей степени) по-французски.

¹⁹⁾ О Сафонове Сергее Васильевиче (1889-1915) нам не удалось найти биогр. сведений.

²⁰⁾ Сафонова (Крейн-Сафонова) Мария Васильевна (р. 1897) стала пианисткой еще в России. В петрогр. квартире Сафоновых играла для Мейерхоolda, очень сожалевшего потом об ее отъезде («Кто же теперь будет мне играть Скрябина?»). В 1921, после смерти матери, бежала от угрозы расстрела вместе со своей подругой — певицей Юлией Чекваидзе (за границей — Джулия Джили). По Военно-Груз. дороге и через Стамбул подруги перебрались в Италию, где и жили первые годы эмиграции, разъезжая с концертами по странам Европы. Затем перенесли концертную деятельность за океан, где, как и в Европе, имели большую прессу и получали лучшие залы (в Нью-Йорке, напр., не раз выступали в Карнеги-холле). Держали, по образцу В.И. Сафонова, твердую линию популяризации рус. музыки, при разнообразии программ. С 1929 — в США, где с работой, жилем и натурализацией (1933) помог Чарлз Ричард Крейн, знакомый В.И. Сафонова еще по Москве (1903). (Крейн интересовался рус. духовным пением). В знак благодарности М.В. взяла себе его фамилию в качестве второй (женой Ч.Р. Крейна не была). Окончив в 1960-е свою концертную деятельность, занялась живописью. Чл. Нац. ассоциации художников. Постоянно участвует в выставках; картины ее покупаются. Подготовила монографию об отце.

²¹⁾ Сафонова Елена Васильевна (1902-1980) жила в Петрограде до 1917, заканчивала гимназич. курс в Кисловодске (1919). Вернулась в Петроград (1921). Окончила по живописному ф-ту Вхутеин (1926), где занималась в студии К.С. Петрова-Водкина. Работая с 1923 в области книжной графики, иллюстрировала в осн. детскую и юношескую лит-ру (в общей сложности до 25 книг). В 1928-35 сотрудничала как художник в журналах «Чиж» и «Еж». Сблизилась с обериутами, особенно с А.И. Введенским, дружба с которым продолжалась до самой его гибели. Вместе с обериутами была ненадолго репрессирована в июне 1932 выездной сессией коллегии ОГПУ, но скоро возвращена из курской ссылки (реабилитирована в 1958). В 1936 или 1937 переехала в Москву, чтобы работать над иллюстрациями к **ЧТО Я ВИДЕЛ** Б.С. Житкова; позже сотрудничала с К.И. Чуковским. **ЧТО Я ВИДЕЛ** и **ДОКТОР АЙБОЛИТ** переиздавались с ее иллюстрациями многократно. Временами бралась за подвернувшийся заработок: оформление павильонов ВСХВ (1939-40),

детскую полигр. игрушку (1943-52). С 1927 до послевоенных лет работала как театр. художник (в содружестве с В.В. Дмитриевым, Б.Р. Эрдманом и самостоятельно), участвовала в создании свыше 30 постановок в ведущих театрах страны: МХАТе, Театре им. Станиславского (здесь одно время в штате), Театре сатиры и т.д. С Э.П. Гариным сотрудничала в Театре киноактера и в к/ф «Синегорье» (художник фильма). Особенное признание получила ее работа над костюмами.

²²⁾ Харитоненко Павел Иванович (18?-19?) — моск. купец-сахароторговец. В описываемое время (1893) — совладелец торг. дома своего отца И.Г. Харитоненко и, наряду с В.И. Сафоновым, один из шести директоров Моск. отделения Имп. Рус. муз. о-ва (кандидат в 1885-88, директор в 1888-97).

²³⁾ Людмила Николаевна Симонова появилась в доме Сафоновых в роли гувернантки ок. 1892 в возрасте 24 лет. Воспитывала всех дочерей В.И. Сафонова — от Анастасии до Елены. После революции эмигрировала (кажется, в Швецию).

²⁴⁾ Св. Цецилия — христианская мученица (погибла ок. 230). Пела псалмы, аккомпанируя себе на арфе. Считается покровительницей музыки. Католическая церковь посвящает ее памяти день 22 ноября. Изображавший ее витраж на гл. лестнице МК закрыт картиной И.Е. Репина **СЛАВЯНСКИЕ КОМПОЗИТОРЫ**. Это одна из ранних работ Репина, написанная им в 1870-72 по заказу А.А. Пороховщикова, не позволившего включить в группу, как он выражался, «всякий мусор» — М.П. Мусоргского и А.П. Бородина. На картине нет и П.И. Чайковского. Соединение живых с умершими на групповом портрете вызвало недовольство И.С. Тургенева.

²⁵⁾ Эверарди Камилло (1825-1899) — ит. певец, проф. Петерб. и (с 1896) Моск. консерваторий.

²⁶⁾ Давидов (Давыдов) Карл Юльевич (1838-1889) — виолончелист, композитор, дирижер. Проф. Петерб. консерватории и ее директор (1876-87) во время учебы там В.И. Сафонова и В.И. Вышнеградской. Несмотря на переезд Сафонова в Москву, их совместные выступления и концертные поездки по стране продолжались до самой кончины Д.; В.И. считал Д. своим учителем в муз. ансамбле.

²⁷⁾ Ипполитов-Иванов (наст. фам. — Иванов) Михаил Михайлович (1859-1935) — композитор, педагог, муз. деятель. Проф. МК, ее директор (1906-18) и ректор (1918-22). Стал директором после отказа В.И. Сафонова вернуться к этой должности. **ИЗМЕНА** написана в 1908-09, впервые поставлена в дек. 1910 в Опере С.И. Зимина.

²⁸⁾ Абаза (урожд. Штуббе) Юлия Федоровна (1830-1915) — певица, композитор. Будучи фрейлиной вел. кн. Елены Павловны, участвовала вместе с ней и А.Г. Рубинштейном в создании Имп. Рус. муз. о-ва (1859) и Петерб. консерватории (1862). Поч. чл. ИРМО (1887). Хозяйка муз. салона. Близкая знакомая семьи Ф.М. Достоевского, адресат стихотворения Ф.И. Тютчева Ю.Ф. АБАЗЕ. Была дружна с Ш. Гуно и Ф. Листом. В 1890-1900-е — попечительница приютов для арестантских детей. Жена гос. деятеля А.А. Абазы (1821-1895).

²⁹⁾ Рус. послом в Копенгагене в 1906-10 был кн. Иван Александрович Кудашев (1859-1933), который в Александровском лицее не учился. Возможно, имеется в виду второй секретарь посольства Михаил Михайлович Бибииков (окончил Лицей в 1898).

³⁰⁾ Каянус Роберт (1856-1933) — финский композитор и дирижер, один из создателей фин. нац. музыки. Основал в 1882 первый в Финляндии симф. оркестр и руководил им до 1932. Муз. директор (проф.) ун-та в Хельсинки (1897-1926). Широко использовал в своих произведениях нар. фин. мелодии, а в программных сочинениях — сюжеты нац. фольклора.

³¹⁾ Блок Александр Львович (1852-1909) — отец поэта А.А. Блока, юрист и философ.

³²⁾ Возможно, мы имеем здесь дело с семейным мифом. По воспоминаниям М.А. Бекетовой (тетки поэта А.А. Блока), отъезд В.И. Вышнеградской в бытность ее студенткой консерватории за границу связан с ухаживанием за ней Николая Георгиевича Мотовилова. Студент-юрист Н. Мотовилов был сыном Георгия Николаевича Мотовилова (1834-1880) — известного судебного деятеля 1860-х годов, первого председателя Петерб. окружного суда. «Вскоре стало известно, — вспоминает М.А. Бекетова, — что Мотовилов жених Вари Вышнеградской, но это довольно скоро расстроилось, так как отцу невесты, очень консервативному деятелю, к тому же сильно приверженному к земным благам, вовсе не нравился жених из либеральной семьи, да еще без состояния. Словом, их разлучили, увезя за границу Варю, которая впоследствии вышла замуж за известного дирижера В.И. Сафонова (ШАХМАТОВО. СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА. — «Лит. наследство», т. 92, кн. 3, с. 738; о судьбе Н. Мотовилова, после первого брака женившегося на девушке, которую он находил похожей на разошедшуюся с ним жену, см. там же, сс. 740-741). В пользу версии М.А. Бекетовой говорит и то, что две другие дочери И.А. Вышнеградского были им выданы за людей достаточно высокого общественного и материального положения: муж Софьи Ивановны, Николай Иванович Филиппьев (1852-?), стал действительным тайным советником, директором Международного коммерческого банка в Петербурге, а муж Натальи Ивановны, Василий Сергеевич Сергеев (?-1910) — рус. посланником в Стокгольме.

³³⁾ Бекетова (в первом браке — Блок, во втором — Кублицкая-Пиоттук) Александра Андреевна (1860-1923) — мать поэта А.А. Блока, переводчица и детская писательница. В.И. Вышнеградская ок. 1880 была ее подругой и часто пела в доме Бекетовых во время субботних вечеров.

³⁴⁾ Здесь в рукописи оставлено место для имени. Имеется в виду, видимо, Кублицкий-Пиоттук Андрей Адамович (1886-1960) — сын тетки поэта Софьи Андреевны К.-П. (урожд. Бекетовой) (1857-1919).

³⁵⁾ Тимирев Сергей Николаевич (1875 — не позднее 1946) — военно-мор. деятель. Окончил Мор. кадет. корпус (1895). Участник Рус.-япон. войны, награжден золотой саблей «за храбрость» (1907). Пом. ст. офицера эскадренного броненосца «Цесаревич» (1906-07), ст. офицер имп. яхты «Штандарт» (1907-10), командир учебного судна «Верный» (1912-15). Кап. I ранга (1915), затем контр-адмирал. Флаг-капитан по распорядит. части в Штабе командующего Балтфлотом (с июня 1915). К нач. Мировой войны имел ордена семи иностранных государств (кавалер ордена Почетного легиона с 1908). Его старший брат, Константин Николаевич Т. (1871-?) — земский деятель, юрист по образованию, октябрист, член II, III и IV Гос. Думы от Новг. губ., где в Тихвинском уезде братья совместно владели с 1888 имением Бочево.

В ноябре-дек. 1911 С.Н. путешествовал по Франции с А.В. Тимиревой (свадебное путешествие). После Октября — в эмиграции. Опубликовал кн. **ЗАПИСКИ РУССКОГО МОРСКОГО ОФИЦЕРА** (ок. 1931, затем 1961). Жил в Шанхае, где, будучи старшим из рус. морских офицеров, председательствовал в рус. Кают-компани. Там же умер.

По свидетельству В.В. Романова, Т. в эмиграции «жил нежной мыслью о сыне своем», радовался тому, что сын оказался «не в потерявшей русское лицо эмиграции», а остался в России, где он «будет полезен».

³⁶⁾ Тимирев Владимир Сергеевич — «Одя» (1914-1942) учился в Строит.-конструкторском техникуме при Высшем инж.-строит. уч-ще (1929-31), затем в Моск. Архит.-конструкторском ин-те (1931-33), откуда ушел. Стал художником, участвовал в ряде выставок (1934-36). Две работы его куплены Музеем изобразит. искусств им. Пушкина, ок. 15 находится в Пермской худ. галерее, св. 100 — в Нукусском музее. Оформил **КИШ**, **СЫН КИША** Д. Лондона (два изд.). Работал художником в Загорском научно-экспериментальном ин-те игрушки (1933-38), где делал эскизы анималистических игрушек. В 1935 и 1937 ездил на Каспий в составе науч. экспедиции на судах научно-промысловой разведки, изучал планктон Каспийского моря; работы, созданные в первой поездке, экспонировались на специальной выставке. По некоторым сведениям, в 1930-е пытался завязать переписку с границей (видимо, с отцом). Арестован в Москве в 1938, попал на Север — на лесоповал. Посмертно реабилитирован без указания даты смерти. В последние гг. имя его упоминают в ряду молодых талантов 1930-х (**ПАНОРАМА ИСКУССТВ**. 4. М., 1981, с. 323). Работы В.С. экспонировались на выставке «Художники первых пятилеток» (М., 1979).

³⁷⁾ Эссен Николай Оттович, фон (1860-1915) — адмирал (1913). Окончил Мор. училище (1880) и Николаевскую Мор. академию по механич. отделу (1886). Участник Рус.-япон. войны. Командовал различными воен. кораблями (1897-1906), дивизией эск. миноносцев Балт. моря (1906-08), а затем (1908-15) Балт. флотом. Немец по рождению, держался англо-французской ориентации. Много сделал для подготовки флота к выполнению программы боевых действий, созданной на случай войны с Германией.

³⁸⁾ А.В. Колчак (1873-1920) получил известность сначала как полярный исследователь. Сын мор. артиллериста, ген.-майора Василия Ивановича Колчака, он рано решил стать флотским офицером. Учился в Мор. кадет. корпусе (1888-94), куда перевелся из классич. гимназии. Кроме воен. дела, увлекался точными науками и заводским делом. Слесарное дело изучал в мастерских Обуховского з-да, где его отец сначала представлял Мор. ведомство, а потом был инженером. С 1895 участвовал в нескольких заграничных плаваниях, самым большим из которых было плавание на «Крейсере» (1896-99) — в основном, в водах Тихого океана. Познакомился тогда с сев. частью океана и начал заниматься науч. работой (океанография, гидрология). Готовил себя к южнополярной экспедиции, мечтал идти до Южн. полюса. Близко познакомился с адм. С.О. Макаровым, когда тот начинал плавание на «Ермаке», по служебным обстоятельствам не смог попасть на этот ледокол.

В 1899 Академия наук организовала Рус. полярную экспедицию (РПЭ) под начальством бар. Э.В. Толля на шхуне «Заря». РПЭ

должна была исследовать Новосибирские о-ва, разыскать Землю Санникова и — второй раз в истории мореплавания — пройти Сев. мор. путем в Тихий океан. Толль, обратив внимание на печатные работы К. и отзывы о нем, пригласил его участвовать в РПЭ. В дек. 1899 Мор. мин-во откомандировало К. в распоряжение АН. С янв. 1900 К., готовясь к экспедиции, изучал магнитологию в Гл. физ. обсерватории в Петербурге и Павловской магнитной обсерватории. Учился работать новыми методами у Ф. Нансена в Христиании (Осло). В Норвегии началось и плавание К. на «Заре» (там было куплено судно).

В июне 1900 — сент. 1902 К. проделал вместе с «Зарей» след. путь: Петербург — Александровск-на-Мурмане — о. Кузькин (ныне о. Диксона) — зимовка у берегов Таймыра (ледовый плен здесь продолжался 11 мес.) — м. Челюскин — море Норденшельда (ныне море Лаптевых) — о. Беннетта (высадка не удалась) — лагуна Нерпалах у о. Котельного (здесь опять зимовали 11 мес.) — новое плавание в район предполагаемой Земли Санникова и попытка пробиться к о. Беннетта (куда по льду ушел с тремя спутниками Толль) — бухта Тикси. Во время зимовок совершали поездки на собачьих нартах и на лыжах. В окт. 1900 К. участвовал в поездке Толля к фиорду Гафнера с целью устройства там продовольств. депо (во время этого путешествия была определена истинная форма Таймырской губы); 20 апр. — 30 мая 1901 они вдвоем с Толлем путешествовали по Таймыру (на протяжении 500-верстного пути К., в частности, вел маршрутную съемку, опирающуюся на 9 определенных им астропунктов); позже К. — где со спутниками, а где и в одиночку — впервые пересек о. Котельный (измерив высоты барометрич. нивелировкой), проехал поперек Земли Бунге от устья р. Балыктах к южн. части о. Фаддевского, делал разезды по льду к западу и северу от о. Бельковского (им открыт о. Стрижева) и т.д.

К. исполнял в РПЭ должности гидролога и второго магнитолога. Толль отметил, что К. «не только лучший офицер, но он также любовно предан своей гидрологии» (*DIE RUSSISCHE POLARFAHRT DER «SARJA». 1900-1902. Herausgegeben von Emmy von Toll. Berlin, 1909, S. 39; в рус. изд. соотв. место искажено: Толль Э.В. ПЛАВАНИЕ НА ЯХТЕ «ЗАРЯ». М., 1959, с. 16*); «эта научная работа выполнялась им с большой энергией, несмотря на трудность соединить обязанности морского офицера с деятельностью ученого» («Изв. Имп. АН», т. XV, 1901, № 4, сс. 346-347). Под руководством К. проводились во время плавания (по возможности — ежедневно) комплексные гидрологич. исследования; он промерял глубины, вел съемку и опись берегов (зап. берега Таймыра и соседних о-вов приобрели совершенно новые очертания на картах), выходил в разведку на паровом катере или шлюпке, вел систематич. наблюдения за состоянием льдов, контролировал ежечасный отсчет прилива на зимовке. Астроному и магнитологу Ф.Г. Зебергу помогал организовать и вести наблюдения — магнитные (на первой зимовке для этого выстроили специальный снежный домик на островке вблизи рейда «Зари») и астрономические (они вместе провели полные астр. наблюдения на м. Челюскин для проверки и уточнения его координат). Для биологов — занимался драгировочными работами, передавал им свои зоологич. сборы, сообщал орнитологич. наблюдения. Из ученого персонала РПЭ близкими товарищами К. стали зоолог А.А. Бялыницкий-Бируля (Бируля) и геолог К.А. Воллос-

вич (руководитель вспомогательной партии, вышедшей на Новосиб. о-ва со стороны материка). Добавим, что «господа ученые» не гнушались принимать участие в снятии с мели судна, в сборе плавника, а когда собаки не в силах были тащить груз — сами впрягались в лямку. Желая увековечить заслуги К., Толль назвал его именем один из вновь открытых о-вов у берегов Таймыра (ныне — о. Расторгуева).

После навигации 1902 «Заря» была разбита и не имела запасов угля, поэтому экспедиция была снята пароходом «Лена» и через Якутск прибыла в дек. в столицу. К. предложил АН, встревоженной участю Толля, который не вернулся с о. Беннетта к осн. составу экспедиции, организовать немедленно спасат. экспедицию на о. Беннетта на шлюпках. Спутники его отнеслись к этой идее скептически («это такое же безумие, как и шаг барона Толля»). Но, когда лейт. К. предложил сам взяться за выполнение предприятия, АН дала ему средства и полную свободу действий.

Связавшись телеграфно со своим якутским знакомым — полит. ссыльным П.В. Олениным, К. поручил ему подготовить на побережье собак и все необходимое, пока партия К. (куда входили боцман «Зари» Н.А. Бегичев и несколько мезенских тюленепромышленников) доберется до низовья Яны. С «Зари» взяли вельбот и в мае 1903 перешли по льду на о. Котельный, перетасив вельбот с собой. Ожидая вскрытия моря, добывали пропитание охотой: сэкономили провизию. Сделали из плавника полозья к вельботу, чтоб иметь возможность двигаться как по воде, так и по льду, волоча — уже без собак — за собой вельбот; провели соответствующие испытания. Вышли в плавание при первой возможности (18 июля). В сплошном снегопаде, насквозь промерзшие, вынужденные вылезать в ледяную воду, пережидать шторм в хаосе движущихся льдин, ночевать на льдинах, — прошли по морю до о. Новая Сибирь, а оттуда по открытой воде — к о. Беннетта (4 авг.). Здесь выяснилось, что Толль со спутниками побывал на о-ве и ушел с него в нач. прошедшей зимы. Удалось найти и вывезти науч. материалы (карту о-ва и ту часть геологич. коллекций, которую могла взять шлюпка) и последние документы Толля. К. дал названия некоторым объектам о-ва (гора Барона Толля, п-ова Чернышева и Баронессы Толль). 7 авг. покинули о-в и 27-го вернулись к исходному пункту плавания, осмотрев по дороге часть складов, заложенных ранее на Новосиб. о-вах; др. склады и берега о-вов были обследованы группами М.И. Бруснева и П.В. Оленина. Следов Толля не было нигде — гибель его была несомненной. К. оставался на Котельном до замерзания моря, а в окт. перешел обратно на материк, в Усть-Янск. Спасатели вернулись все.

Работе К. над материалами РПЭ помешала Рус.-япон. война. Известие о ней он получил на след. день по прибытии в Якутск. Дела экспедиции, включая поездку в Петербург, поручил Оленину, а сам с трудом добился, чтобы АН, не хотевшая его отпускать, возвратила его Мор. ведомству. Благодаря своим настойчивым просьбам, был отправлен в Порт-Артур; Бегичев пожелал ему сопутствовать. По дороге, в Иркутске, К. написал и отправил в АН предварит. отчет о путешествии («Изв. Имп. АН», т. XX, 1904, № 5, сс. 149-157). В Порт-Артуре служил на воен. кораблях, затем командовал береговой батареей. Был ранен. Здоровье оказалось подорванным на Севере — результатом были хроническая пневмо-

ния и суставной ревматизм в тяжелой форме. Лежал в госпитале, попал в япон. плен, откуда через Америку вернулся в Петербург в апр. 1905. Был признан инвалидом и отправлен для лечения на водах. Только осенью 1905 смог вернуться в распоряжение АН.

С осени 1905 до янв. 1906 приводился в порядок и обрабатывал экспедиционные материалы. РПЭ доставила столь богатые научные данные, что для их разработки понадобились многолетние усилия и рус., и иностр. ученых; этим занималась спец. комиссия АН (сущ. до 1919). Публикация **НАУЧНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ РУССКОЙ ПОЛЯРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ** проводилась отд. выпусками, соединяемыми потом в тома. Кое-что — небольшое — печаталось и после 1917, вплоть до конца 1920-х, но работа над материалами РПЭ осталась далекой от завершения. К. не довел до печати монографию о картограф. работах РПЭ. Он выпустил две карты вост. части Карского моря, явившиеся сводом всего известного материала для области от о. Вилькицкого до устья Таймыры (эта работа высоко оценена Ю.М. Шокальским), план якорных мест на сев.-зап. берегу Таймырского п-ова, план Нерпичьей губы с лагуной Нерпалах (последний — целиком по собств. съемке и промеру); составлял объяснительный текст к картам и опись берегов. Подготовка общего науч. отчета о работах РПЭ была разделена между Бяляницким-Бирулей и К., который взял на себя его вторую половину (работы на о. Котельном и плавание «Зари» в 1902), но не успел довести этот труд до конца. Гл. научн. трудом К. явилась его кн. **ЛЕД КАРСКОГО И СИБИРСКОГО МОРЕЙ** (СПб., 1909. — «Зап. Имп. АН». VIII серия. По физ.-мат. отд.-нию. Т. XXVI, № 1), в основе своей написанная на зимовках Таймыра и Новосиб. о-вов.

10 янв. 1906 в соединенном заседании двух отделений Имп. Рус. Геогр. об-ва К. сделал сообщение об экспедиции на о. Беннетта («Изв. ИРГО», т. 42, 1906, вып. 2-3, сс. 487-519), а 30 янв. Совет ИРГО (в присутствии П.П. Семенова-Тян-Шанского, М.А. Рыкачева, Ф.Н. Чернышева, Н.Я. Цингера, В.И. Ламанского, Н.И. Веселовского, Ю.М. Шокальского, Ф.И. Щербатского) присудил К. за «необыкновенный и важный географический подвиг, совершение которого сопряжено с трудом и опасностью», высшую награду ИРГО — большую золотую Константиновскую медаль.

[Единств. книга, в которой развернуто подвергнута пересмотру и роль К. в 1900-03 (фактическим руководителем экспедиции на о. Беннетта был будто бы Бегичев, а К. пришлось ограничиться ролью навигатора), и его качества (заносчив, малодушен, интриган), — появилась в 1954 (Н.Я. Болотников. **НИКИФОР БЕГИЧЕВ**. М., сс. 69, 79-111), однако все эти утверждения основаны лишь на записях Бегичева, написанных после гибели К. и цитируемых выборочно; в первом изд. книги (1949) К. не упоминался вовсе.]

В след. годы арктич. деятельность К. связана с подготовкой и началом работ Гидрогр. экспедиции Сев. Ледов. океана (ГЭСЛО). По предложению нач. Гл. гидрогр. управления А.И. Вилькицкого он разработал один из проектов этой экспедиции и принимал участие в Советании по вопросу об открытии Сиб. мор. пути (гл. заседания — в нач. 1907). Выработка общего плана и программы ГЭСЛО в 1907-08 и выбор типа судов для нее (два дублирующих друг друга стальных судна, рассчитанных более на сжатие, чем на продвижение во льдах) осуществлялись при самом активном, а подчас и решающем участии К. Ледокольные транспорты большого радиуса

действия «Вайгач» и «Таймыр» строились на Невском судостроит. з-де в 1908-09; наблюдающими за их постройкой были К. и его товарищ по РПЭ Ф.А. Матисен. Проектирование ГЭСЛО, инж. разработки, поездки на заводы К. сначала совмещал с осн. работой в Мор. Ген. штабе; решив всецело отдаться делу ГЭСЛО, ушел из МГШ в 1908. Стал командиром спущенного на воду «Вайгача» (в чине кап. 2 ранга). Будучи, как и «Таймыр», судном военным (имелось пушечное и пулеметное вооружение), «Вайгач» был оборудован специально для картогр. работ. Вообще же ГЭСЛО получила самое современное по тем временам оснащение для жизни в Арктике и научных исследований там.

27 окт. 1909 суда вышли из Петербурга и через южн. моря (на всем пути велись науч. наблюдения, впоследствии утраченные) прибыли 3 июля 1910 во Владивосток — осн. базу ГЭСЛО (ГЭСЛО официально учреждена в авг. 1910). Из-за краткости навигации совершенно (17 авг. — 20 окт.) лишь плавание к Берингову прол., с исследоват. работами в близлежащих р-нах Арктики. Задача этого плавания — освоиться с условиями работы на Севере — была с успехом решена в значительной степени благодаря К., обладавшему тогда среди всех участников наибольшим полярным опытом и умевшим этим опытом делиться (нач. ГЭСЛО И.С. Сергеев, тоже человек опытный, был недавно назначен, и его отношения с др. офицерами не сложились). По возвращении на базу К. был отозван в столицу, но многое основополагающее для ГЭСЛО он уже успел сделать.

ГЭСЛО (1910-15) изучила наиболее трудный для плавания участок у берегов Таймыра, открыла прол. Б. Вилькицкого, Землю Имп. Николая II (Сев. Земля), о. Цесаревича Алексея (М. Таймыр), о. Генерала Вилькицкого (Вилькицкого), о. Новопашенного (Жохова), сделала практич. шаги для освоения трассы (мор. опись, детальное изучение удобных бухт, установка знаков, подготовит. работы к созданию постоянных науч. станций вдоль пути, проверка вост. варианта науч. наступления на Рус. Арктику — с ближайшей базой в бухте Провидения и работой вспомогат. транспорта «Аргунь») и увенчала все сквозным проходом по Сев. мор. пути от Владивостока до Архангельска (под начальством Б.А. Вилькицкого). Хотя материалы ГЭСЛО частично погибли в июле 1918 при подавлении антибольшевистского выступления в Ярославле, объем сохранившейся информации был колоссален, так что сов. полярникам достались как заложенные в этих материалах идеи (включая нереализованные варианты), так и фактические сведения (в начале 1930-х во время колымских рейсов пользовались картами и лоциями ГЭСЛО). Использование старых, но не опубликованных сведений придавало им подчас видимость вновь — уже в сов. время — добытых.

После 1910 К. не выходил в арктич. моря, но оставался полярным авторитетом, с мнением которого считались. 12-13 мая 1912 он заседал в комиссии, рассматривавшей план экспедиции Г.Я. Седова к Сев. полюсу. Вместе с А.А. Бирулей и Л.Л. Брейтфусом раскритиковал существенные недостатки плана: выбор исходного пункта, расчеты скорости движения по льду на собаках, намеченный запас продовольствия и корма. По сути дела, выступил вообще против престижной гонки к полюсу, в пользу практического освоения доступных для плавания морей (что легко просматривается даже в пристрастном изложении: Пинегин Н.В. **ГЕОРГИЙ СЕДОВ**. Л., 1941, сс. 229-230). В итоге план Седова был признан непродуман-

ным. (В том же году Седов все же поспешил двинуться в путь, сохранив уязвимые места своего плана. Это, в сочетании с исключительно трудными ледовыми условиями навигационных сезонов и с моральной невозможностью для Седова вернуться, не достигнув полюса, привело его к гибели. Нашим утверждением не ставятся под сомнение героические стороны путешествия Седова и науч. результаты плавания «Св. великомученика Фоки». Известно, что Седова отговаривал и столь опытный исследователь, как Ф.К. Дри-женко.)

Освоение Арктики до конца жизни К. осталось предметом его интересов и забот. Карта полярных экспедиций висела в омском кабинете К. Подготовка арктич. экспедиции — совм. с арханг. пр-вом Е.К. Миллера — велась буквально с первых дней омской власти К. Для гидрогр. обслуживания ее в конце 1918 создали Дирекцию маяков и лодей. 23 апр. 1919 при пр-ве К. организован Ком-т Сев. мор. пути, во главе которого вскоре был поставлен С.В. Востротин — золотопромышленник, чл. III и IV Гос. Дум, отстаивавший там и в своих книгах идею мор. пути в Сибирь, участник экспедиций И. Виггинса (1894) и Ф. Нансена (1913). «Белогвардейскую Карскую экспедицию 1919 года», как ее называют в сов. науч. лит-ре, возглавил Б.А. Вилькицкий. Экспедиция преследовала, кроме военных (доставка оружия) и торговых (сопровождение англ. и швед. пароходов), еще и гидрогр. цели (спец. отрядом командовал К.К. Неупокоев). Предполагалось также забрать сибирский хлеб и уральскую медь. Намечалось создать цепь более мощных радиостанций и обновленных баз от рек Зап. Сибири до Белого моря. При К. продолжалось строительство Усть-Енисейского порта, начатое в 1917, Сиб. Геол. комитет отправил Н.Н. Урванцева на поиски угля для этого порта; Ин-т исследования Сибири, созданный в янв. 1919 в Томске, занялся организацией Обь-Тазовской экспедиции, и уже летом 1919 на обском Севере работали ботанич. экспедиция В.В. Сапожникова и гидрографическая — Д.Ф. Котельникова. Ряд подобных начинаний был продолжен уже при сов. власти.

³⁹⁾ А.В., видимо, имеет в виду Подгурского Николая Люциановича (1877-?) — капитана I ранга (1914), который в начале войны командовал броненосным крейсером «Россия», а с мая 1915 — дивизионом подв. лодок Балт. флота. П. — участник Рус.-япон. войны, в 1904-05 получил пять орденов и золотую саблю «за храбрость».

⁴⁰⁾ О воен. деятельности К. считаем необходимым сказать подробнее.

Революция 1905 Колчака, можно сказать, не коснулась (да он ее и не наблюдал): «Я этому делу не придавал большого значения. Я считал, что это есть выражение негодования народа за проигранную войну, и считал, что главная задача, военная, заключается в том, чтобы воссоздать вооруженную силу государства. Я считал своей обязанностью и долгом работать над тем, чтобы исправить то, что нас привело к таким позорным последствиям. /.../ у нас настолько не обращалось внимания на живую подготовку во флоте, что это было главной причиной нашего поражения. /.../ Я считал, что вина не сверху, а вина была наша — мы ничего не делали» (ДОПРОС КОЛЧАКА. Л., 1925, с. 36).

После Рус.-япон. войны К. — в числе тех мор. офицеров, которые взяли на себя задачу воссоздания и науч. реорганизации рус. воен. флота. Один из основателей и пред. полуофициального Воен.-

мор. офицерского кружка в Петербурге. Вместе с др. его членами разработал записку о создании Мор. Ген. штаба как органа, ведающего спец. подготовкой флота к войне. МГШ создан в апр. 1906, К. назначен в него одним из первых и заведовал в нем балт. (т.е. основным) театром. МГШ, изучив совместно с сухопутным Ген. штабом общую воен.-политич. обстановку, пришел к выводу: Германия начнет войну в 1915, и России придется выступить против нее. Исходя из этого, МГШ разработал воен.-судостроит. программу, одним из гл. составителей которой был К. Для продвижения программы ездил к пред. Комиссии обороны А.И. Гучкову и др. членам Гос. Думы. Действия нового мор. министра (С.А. Воеводский с нач. 1909), бюрократизм и т.п. обстоятельства замедлили выполнение программы, в связи с чем К. оставил воен. работу и вернулся к научной. После недолгого чтения лекций в Мор. академии переключился на подготовку ГЭСЛО (см. прим. 38). Вернулся на прежнее место в МГШ по личной просьбе министра Воеводского и нач. МГШ светл. кн. А.А. Ливена. Разрабатывал, в частности, детали нового типа крейсеров (типа «Кинбурн»). Участвовал в маневрах Балт. флота. Стал специалистом в области боевых стрельб и, в особенности, минного дела.

Деятельность К. в 1906-12 была частью движения, сначала возникшего в узком кругу, а потом широко распространившегося (соответственно раздвинулись и личные связи К., не захватив, однако, придворной и правительств. сферы). «Младотурки», как прозвали новаторов, были против слепого подражания существующему британскому флоту (строительством быстроходного броненосца «Дредноут» Англия и сама начала тогда новую главу в его истории): они полагали, что России нужны корабли более быстроходные и маневренные, с более мощным вооружением. В движении участвовали, среди других, работавшие позже в Сов. России и потому более известные в СССР А.Н. Крылов (акад. с 1916), В.М. Альфатер, Н.Н. Зубов, Н.И. Евгенов. Выполнение программы перевооружения ВМФ задержалось в конечном счете на 2 года, но в 1914-15 уже стали входить в строй корабли новых типов — эсминцы типа «Новик», первые рус. линкоры типа «Севастополь», строились крейсера типа «Измаил» («сверхдредноуты»). В 1914-17 К. довелось использовать в боевой обстановке новейшие рус. корабли.

С 1912 К. — в действующем флоте: в минной дивизии, затем — флаг-капитан по оперативной части в штабе фон Эссена. С весны 1914 сосредоточился на ускоренной подготовке флота к началу боевых операций. Участвовал в разработке и своевременном осуществлении первого боевого задания Балт. флоту — закрыты сильными минными полем вход в Финский залив (главная минно-артиллерийская позиция Порккала-удд — о. Нарген полностью с успехом повторена в 1941). Разработал ряд др. оперативных заданий флоту: перенесение действий в Рижский и Ботнич. заливы, нападения на противника в открытом море, постановка минных заграждений у герм. берегов и у захваченной немцами Либавы. С сент. 1915 командовал минной дивизией (с перерывом в кон. 1915), затем — всеми мор. силами в Рижском заливе. Разработал и осуществил совместно с командующим 12 армией Р.Д. Радко-Дмитриевым операцию по срыву нем. наступления на Ригу (1915); произвел десант в тылу противника на Рижском побережье.

⁴¹⁾ Колчак (урожд. Оморова) Софья Федоровна (1876-1956) — жена А.В. Колчака с 1904. Венчались они в Иркутске, когда К. ехал из Якутска в Порт-Артур; невестой стала до арктич. путешествия К. Уроженка Каменец-Подольской губ., где ее отец работал в суде. Жила в Гатчине, затем в Либаве. После обстрела Либавы немцами в начале войны (2 авг. 1914) бежала, бросив все, кроме нескольких чемоданов (казенная квартира К. была затем разграблена, и его имущество погибло). Из Гельсингфорса переехала к мужу в Севастополь, откуда эмигрировала во Францию.

⁴²⁾ Колчак Ростислав Александрович (1910-1965), сын А.В. Колчака, выехал вместе с матерью из Крыма во Францию. Последней просьбой адм. Колчака перед расстрелом было: «Я прошу сообщить моей жене, которая живет в Париже, что я благословляю своего сына». — «Сообщу», — ответил руководивший расстрелом чекист С.Г. Чудновский. (С. Чудновский. **КОНЕЦ КОЛЧАКА**. — В кн.: **ГОДЫ ОГНЕВЫЕ, ГОДЫ БОЕВЫЕ**. Сб. восп., Иркутск, 1961, с. 209). Сын Р.А. — Александр Ростиславович Колчак (р. 1933), ныне живущий в Париже.

⁴³⁾ Имеется в виду один из **СТРАННЫХ РАССКАЗОВ** Уэллса — **М-Р СКЕЛЬМЕРСДЭЛЬ В ЦАРСТВЕ ФЕЙ** (Г.Д. Уэллс. Собр. соч. в 9 тт., сс. 211-228).

⁴⁴⁾ Крашенинникова (урожд. Грюнберг) Евгения Ивановна — жена кап. II ранга Петра Ильича Крашенинникова (1880-?). Их дети — Мария (р. 1908) и Сергей (р. 1911). Перед Первой мировой войной семья К. жила в Кронштадте. Эмигрировала в США.

⁴⁵⁾ К. назначен командующим Черного моря приказом от 28. 06.1916. Одновременно произведен за отличие по службе в вице-адм. (был контр-адм. с 10.04.1916).

⁴⁶⁾ Приказ прибыть в Ставку К. получил одновременно с назначением в Черноморский флот (ЧФ). Через Петроград отправился в Могилев, где явился к ген. М.В. Алексееву и затем к Николаю II, которые объяснили ему трудности ситуации, связанные с предстоящим вступлением Румынии в войну, и определили гл. задачу — разработку (в двух вариантах) и осуществление Босфорской операции, намеченной на весну 1917. Хотя вся воен. работа К. была связана с Балтикой, именно он, по общему мнению Ставки, более других подходил для подготовки удара на Константинополь.

Прибыв в Севастополь, К. 6 июля принял ЧФ от вице-адм. А.А. Эберггарда. Ближайшей задачей было обезопасить транспорт для снабжения Кавк. армии (их гл. базой был Новороссийск), побережье и порты от набегов герм. крейсеров «Гебен» и «Бреслау», действовавших под турецким флагом, а также от подводных лодок. Как только К. поднял свой флаг и вступил в командование, было принято радио о выходе «Бреслау» из Босфора. С рассветом 7 июля К. вышел в море, взяв «Императрицу Марию» и несколько др. кораблей. Встретив «Бреслау», шедший на Новороссийск, заставил его повернуть, преследовал, подверг обстрелу. Это был первый и последний выход неприятельского крейсера в Черное море за время командования К. Через несколько дней минные суда под неоср. руководством К. осуществили заграждение Босфора минами, закрыв выход как надводным, так и подводным судам. «Гебен», подорвавшийся вскоре на этих заграждениях, не смог больше выйти в море до конца войны. Организовав дозорную службу для поддержания минных заграждений, удалось обезопасить море от проникновения в него новых неприятельских воен. судов.

47) В период службы на ЧФ К. был занят, кроме блокады Босфора, борьбой с оставшимися на море и с отдельными прорывавшимися в него неприятельскими миноносцами, канонерскими и подв. лодками. Кроме того, на К. были возложены дела вновь образованной Дунайской воен. флотилии. Неудачи на Румынском фронте к нач. 1917 привели к тому, что возможным стал лишь один вариант Босфорской операции — десантный. В непосредств. распоряжение К. поступила специально сформированная для этой цели Черномор. пехотная дивизия, возглавлявшаяся ген. А.А. Свечиным и полк. А.И. Верховским. Интенсивная подготовка Босфорского десанта продолжалась до весны 1917.

48) Романов Владимир Вадимович (1876 — не ранее 1962) — в то время ст. лейт. флота (с 1916 кап. 2 ранга), работник МГШ. Окончил Мор. кадет. корпус (1895, в одном выпуске с С.Н. Тимиревым). В 1905 отправился учиться за границу, где окончил Горную академию во Фрейбурге (Саксония); стал инженером-металлургом, специалистом по медеплавильному производству. Перед Первой мировой войной находился в отставке по флоту, занимался предпринимат. деятельностью. Уральский горнопромышленник, директор правлений неск. акц. обществ (Кыштымских горных заводов, Южно-Уральского горнопромышленного, «Кровля», «Медь»). Летом 1918 — в Киеве, затем (1918-19) в Крыму. Заболел сыпным тифом, «застрял» в Сов. России и работал на Севере (съёмки на Диксоне ок. 1920-21), жил некоторое время в Сибири (Енисейск, Чита). В нач. 1920-х эмигрировал сначала в Сербию и Англию, затем обосновался во Франции. В престарелом возрасте добывал себе средства уроками, техническими переводами, реферированием научной литературы.

49) Развозов Александр Владимирович (1879-1920) — кап. 1 ранга (дек. 1915), затем (1917) контр-адмирал. Окончил Мор. кадет. корпус (1898). Участник Рус.-япон. войны. Командовал различными эсминцами. Во время войны с Германией — нач. 2 дивизиона эск. миноносцев Балт. флота, а после отставки Д.Н. Вердеревского от должности — командующий Балт. флотом (июль-дек. 1917). Власть большевиков Р. считал сначала недолговечной и на заседании Центробалта 19 ноября заявил: «Признавать буду ту власть, которая будет выдвинута Учредительным Собранием», однако на след. день вместе со своим штабом подчинился управляющему Мор. м-вом М.В. Иванову и был представлен Центробалтом к производству в вице-адмиралы. Остался на посту командующего флотом до 5 дек., когда сама его должность и его штаб были упразднены, а высшее руководство Балт. флотом принял на себя Военный отдел Центробалта. Недолгое время (12-20 марта 1918) вновь возглавлял ВФ после восстановления должности начальника Мор. сил ВФ; его преемником стал А.М. Щастный. Арестован и увезен в Пг. Вскоре выпущен. В сентябре 1919 вновь арестован чекистами в Пг, по обвинению в военном заговоре. Находился в заключении в «Крестах». 14.06.1920 — умер в тюремной больнице от аппендицита. Похоронен на Смоленском кладбище в Пг. Его вдова — Мария Александровна (урожд. фон дер Остен-Дризен) (1887-1968).

50) Первый линейный корабль ЧФ «Императрица Мария» построен в Николаеве (1913-15) в соответствии с программой обновления ЧФ, принятой Советом министров в дек. 1910. После ввода в строй (лето 1915) был самым сильным кораблем ЧФ. Погиб утром 7.10.1916 на Сев. рейде Севастополя в результате пожара под носовой баш-

ней, повлекшего за собой 25 взрывов боевых запасов (первым же из них столб пламени и дыма взметнуло вверх на 300 м). К. руководил работами по затоплению погребов трех др. башен и по локализации пожара. Этими мерами были спасены рейд и город, однако после последнего (более сильного, чем предыдущие) взрыва корабль опрокинулся и затонул. Погибло до 300 чел. (включая скончавшихся в госпитале в ближайшие недели). Комиссия, рассматривавшая причины пожара, не установила их с полной достоверностью, но указала «на сравнительно легкую возможность приведения злого умысла в исполнение при той организации службы, которая имела место на погибшем корабле» (А.Н. Крылов. *ГИБЕЛЬ ЛИНЕЙНОГО КОРАБЛЯ «ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ»*. — В его кн.: *ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ*. М., 1949, с. 338). Колчаку приписывают слова: «Как командующему, мне выгоднее предпочесть версию о самовозгорании пороха. Как честный человек, я убежден: здесь диверсия». (А.С. Елкин. *АРБАТСКАЯ ПОВЕСТЬ*. М., 1987, с. 141). Автор *АРБАТСКОЙ ПОВЕСТИ* утверждает: в 1933 ОГПУ выяснило, что диверсия была осуществлена под руководством герм. разведчика В. Вермана, но сведения об этом не были обнародованы. Корабль поднят в 1916-17 и разобран к 1927. В 1931 вышла кн.: Есютин Т.В. *ГИБЕЛЬ КОРАБЛЯ «ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ»* (М.-Л.), представляющая собой воспоминания моряка ЧФ.

⁵¹⁾ Альтфатер Василий Михайлович (1883-1919) окончил Мор. кадет. корпус (1902) и Николаевскую Мор. академию по гидрогр. отделению (1908). Участник Рус.-япон. войны, затем служил на Балт. флоте в штабе фон Эссена (флаг-кап. по опер. части) и в МГШ. Во время войны представитель ВМФ, потом нач. Воен.-мор. управления при главнокомандующем Сев. фронта, контр-адм. (1917). Перешел на сторону сов. власти, стал первым (с 15.10.1918) командующим мор. силами Республики. К. о нем: «/.../ он был скорее монархистом. Мечтой Альтфатера было флигель-адъютанство, он к этому и шел, т.к. имел большие связи при Ставке. И тем более меня удивляет его перекраска в такой форме. /.../ Я всегда считал Альтфатера карьеристом /.../» (*ДОПРОС КОЛЧАКА*, сс. 101, 102).

⁵²⁾ Трухачев Петр Львович (1867-1916?) — контр-адм. (1915). Окончил Мор. уч.-ще (1887) и Мор. учебно-стрелковую команду (1894). Участник Рус.-япон. войны. Командовал минной дивизией, выдвинутой (1915) в Рижский залив и защищавшей его. Осенью 1915 вывихнул ногу и временно (сент.-окт.) был заменен Колчаком. С дек. 1915 — нач 1-й бригады крейсеров Балтфлота. Его вдова — Трухачева Елизавета Александровна (урожд. Мосолова, по первому браку — Хельстрём).

⁵³⁾ Непенин Андриан (Адриан) Иванович (1871-1917) — вице-адм. (1916). Окончил Мор. корпус (1892). Участник Рус.-япон. войны. Нач. службы связи Балт. моря (с июля 1914), организовал на Балт. флоте службу наблюдения и связи, с использованием радиотехн. средств. Одним из первых в рус. флоте оценил значение морской авиации как нового средства разведки. Командующий Балт. флотом с сент. 1916. Пытался суровыми мерами поднять дисциплину на флоте. Накануне падения самодержавия телеграфировал в Ставку о необходимости пойти навстречу Думе; после Февраля сразу же заявил о переходе на сторону Гос. Думы и Врем. пр.-ва. Отставлен матросами от должности и убит.

⁵⁴⁾ Премьера «Маскарада» в Александринском театре состоялась 25 фев. 1917.

⁵⁵⁾ Гельсингфорс был гл. базой Балтфлота. 28.02.1917 Непенин сообщил по командам о забастовке и беспорядках в Петрограде и о переменах в Совете министров. Вечером 3 марта в Г. произошло восстание на линкоре «Андрей Первозванный», были убиты нач. 2-й бригады лин. кораблей контр-адм. А.К. Небольсин и два ст. офицера в Свеаборгской крепости. 4 марта восстание разрослось, и Н. телеграфировал М.В. Родзянко: «Балтийский флот, как боевая сила, сейчас не существует. Бунт почти на всех судах». Митингуя на Соборной площади, матросские делегаты объявили об отставке Н. и избрали новым командующим А.С. Максимова. Н. арестован на борту флагм. судна «Кречет»; когда его вели в арестный дом через ворота Свеаборгского порта, он был встречен враждебной толпой и убит выстрелом. Это послужило началом «офицерского погрома» 4 марта, когда с офицерами в Г. и крепости расправлялись на улице, причем гибли не только «тираны», но и случайные люди.

⁵⁶⁾ Беспорядки в Кронштадте начались 28.02.1917 забастовкой на пароходном 3-де. Поздно вечером на улицы стали выходить части гарнизона, поддержанные матросами минного отряда. К утру 1 марта город оказался в руках восставших. За ночь было убито ок. 50 офицеров, расстрелянных у рва за памятником адм. Макарову на Якорной площади, св. 200 офицеров арестовано. По всему К. распространились самосуды, грабежи, захваты винных складов. Гл. комендант порта и ген.-губ. К. адм. Р.Н. Вирен был заколот штыками на Якорной площади утром 1 марта.

⁵⁷⁾ В Ревеле не произошло таких массовых кровавых расправ, как в Гельсингфорсе и Кронштадте. 2 марта разрослась забастовка, начавшаяся накануне, и весь день рабочие и матросы демонстрировали по улицам. Днем разгромили тюрьму; адм. А.М. Герасимов, поехавший для переговоров, был ранен, а нач. тюрьмы и несколько человек из населения убиты. До конца дня продолжали громить суды, тюрьмы, полицейские околотки, выпустили всех арестантов. Вечером 3 марта избрали Ревельский Совет рабочих и воен. депутатов, а 6 марта — флотский ком-т, занявшийся установлением нового внутр. распорядка в мор. и береговых командах. 9 марта приказ об организации Ревельского местного флотского комитета подписали нач. 1-й бригады крейсеров контр-адм. В.К. Пилкин и нач. дивизиона подв. лодок контр-адм. Д.Н. Вердеревский; в докл. записке в Гл. Мор. штаб они высказали уверенность в том, что налицо взаимное доверие начальников и подчиненных и обоюдное признание ими их прав: «Нет никакого основания опасаться того, чтобы команды не повиновались нам в военном отношении /.../» **(РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ ПОСЛЕ СВЕРЖЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ. Док-ты и мат-лы. М., 1957, с. 658).**

⁵⁸⁾ На ЧФ события поначалу развивались менее драматично. Сам К. объяснял это не только отдаленностью от гл. центров революционного брожения, но и тем, что корабли ЧФ, в отличие от Балтфлота, все время действовали в море, а не стояли месяцами в портах; по мнению К., именно балт. порты (особенно Гельсингфорс) кишели герм. агентами. Получив первые известия о волнениях в столице, К. взял инициативу в свои руки и изо дня в день информировал команды о развитии событий, а затем первый принял присягу новому пр-ву и организовал 5 марта парад войск по случаю победы революции. Позднее при его поддержке были проведены торжественные похороны останков лейт. П.П. Шмидта, а также домашние

аресты членов имп. фамилии и обыски в их крымских имениях. Разъяснив после Февраля командам мотивы своих действий («чтобы противник знал, что революция революцией, а если он попробует явиться в Черное море, то встретит там наш флот»), К. показался с ЧФ в виду турецких берегов по обе стороны Босфора.

Воинская дисциплина на ЧФ колебалась не сразу. Даже в мае, когда понадобилось ставить заграждения в самом Босфоре, охотников нашлось больше, чем требовалось. Подготовка к десанту на турецкий берег продолжалась. Офицеры на ЧФ участвовали в работе выборных комитетов и Севастоп. Совета (тов. пред. Совета от офицеров был А.И. Верховский). Матросские организации не противопоставляли себя К. и доверяли ему, отношения К. с первым составом Севастоп. Совета и севастоп. рабочими складывались благоприятно. Команды 28 крупнейших кораблей ЧФ выделили Черномор. делегацию, выросшую затем до 300 с лишним чел., и она в мае выехала на фронт и Балтфлот для агитации за сохранение дисциплины и продолжение войны. На митинге, который предшествовал образованию Черномор. организации, К. информировал представителей ЧФ и армии об идущем развале фронта и общем военно-полит. положении, высказал мысль о том, что ЧФ, если он оставит партийные споры и не допустит разрыва между матросами и офицерами, сможет спасти родину, — его речь встретили овацией и вынесли К. на руках.

Считая, что развал ЧФ идет хотя и медленнее, но в общем направлении, К. в апр. совещался в Петрограде с Г.В. Плехановым и А.Ф. Керенским о возможности противодействия «разлагающей пропаганде». Перед членами Врем. пр-ва высказывался за твердую линию, но санкций на решит. действия не получил. С сер. мая на ЧФ усилились антиофицерские настроения и нежелание участвовать в опасных боевых операциях, был выбран новый Севастоп. Совет с преобладанием солдат гарнизона, начались самовольные аресты, низко пала производительность труда рабочих в порту — и К. поднял перед правительством вопрос о своей отставке, в чем ему было отказано.

27 мая на ЧФ прибыли представители «Кронштадтской республики». В те же дни приехали и направленные из центра большевики. «Севастополь должен стать Кронштадтом Юга», — напутствовал Я.М. Свердлов Ю.П. Гавена и др. (**РЕВОЛЮЦИЯ В КРЫМУ**. Ист. б-ка истпарта ОК Крыма. № 1, Симф., 1922, с. 5). На митингах, проходивших в отсутствие ораторов Черномор. делегации, заявлялось, что ЧФ ничего для революции не сделал, что К. — крупный землевладелец Юга, лично заинтересованный в захвате проливов, что офицеры ЧФ готовят контрревол. заговор и т.п. 6.06.1917 делегатское собрание матросов, солдат и рабочих решило обыскать и обезоружить офицеров армии и ЧФ, а К. от должности отстранить. К., собрав команду флагм. судна «Георгий Победоносец», высказался о происходящем, заявил о своем уходе, бросил кортик в море, затем телеграфировал о своей отставке Керенскому, сдал дела старшему после себя адмиралу и съехал на берег, где кабинет его был подвергнут обыску. В ночь на 8 июня он беспрепятственно выехал в Петроград. Еще раньше по радиотелеграфу был передан его приказ: «Считаю постановление делегатского собрания об отобрании оружия у офицеров позорящим команду, офицеров, флот и меня. Считаю, что ни я один, ни офицеры ничем не вызвали подозрений в

своей искренности и существовании тех или иных интересов, помимо интересов русской военной силы. Призываю офицеров, во избежание возможных эксцессов, добровольно подчиниться требованиям команд и отдать им все оружие. Отдаю и я свою георгиевскую саблю, заслуженную мною при обороне Порт-Артура. В нанесении мне и офицерам оскорбления не считаю возможным винить вверенный мне Черноморский флот, ибо знаю, что преступное поведение навеяно заезжими агитаторами. Оставаться на посту командующего флотом считаю вредным и с полным спокойствием ожидаю решения правительства» («Утро России», 9 июня 1917, № 141, с. 3). В неотосланном письме, предназначавшемся для А.В., К. писал в те дни: «Я хотел вести свой флот по пути славы и чести, я хотел дать родине вооруженную силу, как я ее понимаю, для решения тех задач, которые так или иначе рано или поздно будут решены, но бессмысленное и глупое правительство и обезумевший дикий (и лишенный подобия) /так у Л.М. Спирина — Публ./ неспособный выйти из психологии рабов народ этого не захотели» (Л.М. Спирина. ПРЕДИСЛОВИЕ к сб.: РАЗГРОМ КОЛЧАКА. Воспоминания. М., 1969, с. 4, без указания источн.).

Отставка К. и поведение офицеров ЧФ несколько умерили страсти, оружие им было возвращено по приказу правительства уже 7 июня, но развал ЧФ продолжался при новых командующих. В конце концов и на ЧФ дело дошло до массовых матросских самосудов и поголовных расправ с офицерами (в ночь с 22 на 23 февр. 1918 в Севастополе было убито ок. 250 чел.).

⁵⁹ Корнилов Лавр Георгиевич (1870-1918) — ген. от инфантерии (1917), верх. главнокомандующий (июль-авг. 1917). В ноябре 1917 бежал на Дон, где вместе с М.В. Алексеевым формировал Добровольческую армию; стал ее главноком. Убит 13.04.1918 на пятый (посл.) день неудачного штурма Екатеринодара.

⁶⁰ Организация и деятельность Чехосл. корпуса (ЧСК) была частью чехосл. легионерского движения, целью которого было достижение независимости страны через победу над Центр. державами. «Рус. легион», как чехословаки называли свои воен. части в России, был по сравнению с другими («Американским», «Англ.», «Франц.», «Итал.» и «Сербским» легионами) наибольшим. Легионерским движением руководил из Парижа Чехосл. нац. совет, филиал которого после Февраля возник в Киеве и был признан Врем. пр-вом в качестве единств. представителя чехов и словаков в России.

Зародыш ЧСК — сформированная в Киеве 15.08.1914 Чешская дружина (900 рус. подданных), состояла из разведыват. команд, ведущих агит. работу в австро-венг. войсках; в дек. 1914 впервые пополнена военнопленными. К нач. 1916 выросла до полка, к маю 1916 до бригады (6-7 тыс. чел. в разбросанных по Юго-Зап. фронту соединенийях); движение тормозилось царскими властями, желавшими использовать чехословаков в своих собств. целях. Разрешение на значит. расширение чехосл. воинских формирований получено после успешных боев под Зборовом (июнь 1917), где Чехосл. бригада впервые участвовала как самостоят. оперативная единица. ЧСК образов. 26.09.1917 (ок. 30 тыс., к февр. 1919 — св. 50 тыс. чел.). Осн. часть ЧСК составили быв. военнопленные. Поначалу оставался частью рус. армии (подчинение, старшие командиры, язык приказов).

25.01.1918 Т.Г. Масарик провозгласил ЧСК автоном. частью Чехосл. армии во Франции. Была поставлена цель — перебросить

ЧСК на франц. театр воен. действий через Сибирь. После заключения УНР сепарат. мира (27.01.1918) и последовавшего за ним вступления герм. войск на территорию Украины ЧСК покинул Украину, но Брестский мир (3 марта) затруднил ему продвижение через Россию на Зап. фронт. Попытки сов. властей использовать ЧСК в боевых действиях не только против немцев, но и против войск УНР, стремление разоружить ЧСК, наталкивавшееся на желание чехословаков вывезти с собой максимум оружия, задержки эшелонов, столкновения с немцами и венграми из быв. военнопленных, коммунистич. агитация, взаимное недоверие сов. правительства и руководства ЧСК привели к взрыву. 23.05.1918 съезд ЧСК в Челябинске постановил не сдавать оружия и пробиваться к Владивостоку. 25 мая в Мариинске произошло первое вооруж. столкновение сов. войск с ЧСК. В тот же день Л.Д. Троцкий отдал приказ: «каждый чехословак, который будет найден вооруженным на железнодорожной линии, должен быть расстрелян на месте, каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный, должен быть выброшен из вагонов и заключен в лагерь для военнопленных» (А.Х. Клеванский. **ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ И ПРОДАННЫЙ КОРПУС**. М., 1965, с. 208); эта телеграмма была перехвачена командованием ЧСК. Отразив первые нападения на свои эшелоны (Марьяновка, Иркутск, Златоуст) и перейдя в наступление, ЧСК овладел всей Сибирской (а также Алтайской) дорогой.

Быстрота, с какой рухнула на огромных территориях сов. власть, образование новых правительств (Сибирь, Самара, Владивосток, Екатеринбург), ориентировавшихся на прежних союзников и желавших обновить фронт против большевиков и немцев, возбудили надежды, и с согласия Антанты осн. часть ЧСК вернулась к Волге и Уралу для воен. действий. Отсутствие ожидаемой поддержки со стороны союзников и русских, внутр. кризис в ЧСК и изменение полит. обстановки в Европе и Сибири побудили ЧСК оставить антибольшевистский фронт в конце 1918. 1 февр. 1919 ЧСК переименован в Чехосл. армию в России (ЧСА).

⁶¹⁾ Амурская колесная дорога («Колесуха») соединяла Хабаровск с Благовещенском (ок. 2000 км). Построена исключительно арестантским трудом, строилась непрерывно летом и зимой (1898-1909). Свыше тысячи арестантов, участвовавших в строительстве, размещались в лагерях, которые устраивались и ликвидировались по мере хода работ. «Примера подобного сооружения, по его грандиозности, по тем затруднениям, с которыми сопряжена была прокладка дороги в пустынной, почти незаселенной и малодоступной местности, еще не было в тюремной практике других государств. Достаточно сказать, что арестантам пришлось не только сделать своим трудом все, что требовалось для дороги со всеми ее станционными и мостовыми сооружениями, на протяжении нескольких сотен верст, но раньше того расчистить леса, провести временные пути сообщения, устроить жилища и организовать водоснабжение, доставку одежды, пищи и всех других материалов и запасов, при отсутствии возможности делать закупки на месте работ» (Из доклада Гл. Тюремного Упр., 1900. — Цит. по: Сиб. Сов. Энци., т. I, М., 1929, стлб. 101). «Колесуху» выделяли не столько масштабы принудит. труда (на стр-ве Амурской ж.-д. — до 7 тыс. каторжников), сколько всесторонность его использования, полная изоляция лагерей, без-

законие и высокая смертность. Арстанты были разбиты на десятки, связанные круговой порукой на случай побега: один «политик» на девять уголовных.

⁶²⁾ Имеется в виду Благовещенск. Вербная неделя в 1918 приходилась на 22-28 апр.; т. о., упомянутое автором выше по тексту восстание чехосл. войск произошло уже после того, как А.В. проехала по Сибирской магистрали.

⁶³⁾ Рыбалтовский Борис Николаевич (1887-?) — лейтенант флота, плавал в 1907 под начальством С.Н. Тимирева на «Цесаревиче». Во время войны с Германией служил на Балт. флоте.

⁶⁴⁾ К. выехал из Севастополя вместе с амер. миссией адм. Гленона, прибывшей к нему, чтобы изучить постановку минного дела и методы борьбы с подв. лодками, но вынужденной из-за отставки К. уехать ни с чем. Свыше месяца прожил в Петрограде, ожидая окончат. решения правительства. Принял предложение Гленона о командировке в США, рассчитывая участвовать в намечавшейся Дарданелльской операции. Через Швецию и Норвегию прибыл в Англию, затем на англ. крейсере выехал в Галифакс и оттуда в Нью-Йорк и Вашингтон. Поделившись с союзниками опытом, накопленным в ходе командования ЧФ, выполнил задачу, поставленную ранее перед миссией Гленона. Узнав об отмене Дарданелльского десанта, К. решил вернуться в Россию. Отплыл из Сан-Франциско в Иокогаму. Здесь получил сведения об окт. перевороте, а затем о переговорах в Брест-Литовске и перемирии, которое (а тем более заключенный вслед за ним мир) воспринял как полное подчинение Сов. России Германии. Желая продолжать борьбу с прежним неприятелем, обратился с просьбой о принятии на службу в англ. армию. Просьба была удовлетворена, и К. был направлен в Бомбей, где надлежало получить более точные указания о назначении на Месопотамский фронт (туда еще раньше прорвались через Персию рус. части, а на встречном Кавк. фронте рус. наступление продолжалось до дек. 1917). В конце янв. 1918 отбыл из Японии, но доехал только до Сингапура, откуда, в силу изменившейся обстановки в Месопотамии (рус. части бросили фронт) и ввиду просьбы рус. посланника в Китае кн. Н.А. Кудашева о возвращении К., был отозван в Пекин, где Кудашев информировал К. о сложившейся обстановке и послал его в Харбин для организации рус. вооруж. сил в полосе отчуждения КВЖД. В Пекине К. был выбран членом нового правления КВЖД. Прибыл в Харбин в апр. 1918.

⁶⁵⁾ Ошибка памяти. Имеется в виду сэр Конингем Грин (1844-1934) — англ. дипломат. Посланник в Швейцарии (1901-05), Румынии (1905-10), Дании (1910-12). Посол в Японии (1912-19).

⁶⁶⁾ Хорват Дмитрий Леонидович (1858-1937) — ген.-лейт. (1912). Из херсонских дворян. Окончил Николаевское инж. уч.-ще. Начал службу в л.-гв. саперном батальоне (1878), с 1885 служил на железных дорогах. Начальник Южно-Уссурийской (1895), затем Закаспийской военной (1899) ж.-д. В 1902-18 — управляющий КВЖД. В дек. 1917 под его руководством прервана продолжавшаяся две недели власть Харбинского Совета РСД. К моменту приезда К. в Харбин в руках Х. сохранилась наибольшая реальная власть в полосе отчуждения КВЖД, хотя формально гл. полит. организацией в городе был Дальневост. ком-т и в Харбине же жило т. н. пр-во П.Я. Дербера (остатки Врем. пр-ва автономной Сибири, образовавшегося в Томске в янв. 1918). В июле 1918 Х. образовал свое

пр-во (Деловой кабинет) и во Владивостоке объявил себя временным верх. рос. правителем. В окт. 1918, подчинившись Врем. сиб. пр-ву П.В. Вологодского, назначен верх. уполномоченным этого пр-ва на Дальнем Востоке. После 18.11.1918, признав верх. власть К., стал верх. уполномоченным К. в Маньчжурии. Падение власти Х. в Харбине относится к марту 1920. Остался в Китае. Был советником Мукденского (Шэньянского) правительства по делам КВЖД. С 1924 — пред. Дальневост. отд. Рус. общевоинского союза.

⁶⁷⁾ События 1917 помешали В.И. Сафонову выехать за границу в очередное концертное турне. Летом он уехал с семьей в Кисловодск, провел там бетховенский цикл концертов (с участием сына-скрипача). Не имея больших возможностей для исполнительской деятельности, сильно тосковал. Умер в Кисловодске 27 февр. 1918 от приступа грудной жабы. О жизни и смерти В.И. Сафонова в Кисловодске вспоминает В.Н. Коковцов во втором томе *ИЗ МОЕГО ПРОШЛОГО* (Париж, 1933).

⁶⁸⁾ Попытки К. создать объединенные вооруж. силы на КВЖД натолкнулись на непоследовательность Хорвата, на сопротивление существовавших отрядов (в особенности Г.М. Семенова) и их взаимное соперничество и вражду. Главным же препятствием стали враждебные отношения с главой япон. воен. миссии ген. Накашимой, который поддерживал Семенова и снабжал его оружием, а затем организовал работу по разложению частей К.; независимое поведение К. способствовало разрыву с япон. миссией. По мнению К., Хорват проводил по отношению к японцам недопустимую «политику необострения отношений». Чтобы попытаться нормализовать свои отношения с японцами, К. в нач. июля 1918 отправился в Токио для переговоров с нач. япон. ген. штаба Ихарой.

⁶⁹⁾ Вероятно, имеется в виду сын ген.-лейтенанта фон-Баумгартен Дмитрий Леонтьевич (р. 1895). Сведениями о Герарди мы не располагаем.

⁷⁰⁾ В Японии К. встретился с Ихарой и его помощником Г. Танакой. Ихара уклонился от решения по вопросу о делах на КВЖД, предложив К. остаться на время в Японии и отдохнуть. Пребывание вместе с А.В. Тимиревой в курортном городе Никко К. использовал для лечения.

⁷¹⁾ Омских воспоминаний А.В. не записала. К. прибыл в Омск 4 ноября 1918 и сразу стал воен. и мор. министром пр-ва Директории. 18 ноября произошел переворот в пользу диктатуры, в результате которого К. занял пост Верх. правителя; одновременно ему присвоен ранг полного адмирала. Максимум воен. успехов К. пришелся на март-апр. 1919; к Пасхе «за освобождение Урала» ему был поднесен Георгий 3-й степени. Верх. власть К. была признана А.И. Деникиным (30 мая 1919), Н.Н. Юденичем, Е.К. Миллером. В июне 1919 в союзе с К. хотел выступить К.Г. Маннергейм, готовый в тот момент двинуть 100-тысячную армию на Петроград в обмен на признание независимости Финляндии, но это предложение не было принято ни К., ни его ближайшим окружением. По «Положению о врем. устройстве власти в России» от 18 ноября 1918 власть принадлежала Верх. правителю и Совету министров, однако реально наибольшим влиянием обладал Совет Верх. правителя и отдельные сменявшие друг друга лица, пользовавшиеся особым доверием К. Не пытаясь охарактеризовать режим К. и обстоятельства его временных успехов и окончат. падения (атаманщина, коррупция,

соперничество армий, некомпетентность К. в воен.-сухопутных делах, стратегич. и тактич. просчеты, двойств. роль союзников, борьба с.-р. против режима К., фактический отказ К. от решения аграрного вопроса, партиз. движение и пр.), отметим только, что сам К. безусловно был захвачен идеей служения России, как он его понимал, искренне пытался встать над партиями, издавал приказы войскам о запрещении реквизиций у населения и телесных наказаний в армии, о прибавке жалованья солдатам, многократно ездил на фронт с подарками для солдат, привез однажды назад 270 раненых в своем поезде, пытался отд. мерами бороться с коррупцией, призывал имущие слои к жертвам на алтарь победы и т.д.

Ход событий, однако, в решающей мере зависел не от него. В окт. 1919 фронт стал быстро приближаться к Омску, 10 ноября Сов. министров покинул город, направившись в Иркутск, а 12 ноября выехал К., стремившийся сначала находиться недалеко от своей сражающейся армии.

Напомним нарисованный бар. А.П. Будбергом (*ДНЕВНИК БЕЛОГВАРДЕЙЦА*. Л., 1929) портрет «этого вспыльчивого идеалиста, полярного мечтателя и жизненного младенца» (с. 224): «несомненно, очень нервный, порывистый, но искренний человек; острые и неглупые глаза, в губах что-то горькое и странное; важности никакой; напротив — озабоченность, подавленность ответственностью и иногда бурный протест против происходящего» (с. 2-3); «жалко смотреть на несчастного адмирала, помываемого разными советчиками и докладчиками; он жадно ищет лучшего решения, но своего у него нет, и он болтается по воле тех, кто сумели приобрести его доверие» (с. 95); «жалко адмирала, когда ему приходится докладывать тяжелую и грозную правду: он то вспыскивает негодованием, гремит и требует действия, то как-то сереет и тухнет; то закипает и грозит всех расстрелять, то никнет и жалуется на отсутствие дельных людей, честных помощников» (с. 72-73); «вырвать у него решение очень легко, но нет никакой уверенности в том, что оно не будет изменено через полчаса докладом кого-нибудь из ближайшего антуража» (с. 97); «скверно то, что этот ребенок уже избалован и, несомненно, уже начинает отвыкать слушать неприятные вещи» (с. 98).

«Вечером адмирал разговорился на политические темы и выказал свою детскую искренность, полное непонимание жизни и исторической обстановки и чистое увлечение мечтой о восстановлении великой и единой России; он смотрит на свое положение как на посланный небом подвиг и непоколебимо убежден, что ему или тому, кто его заменит, удастся вернуть России все ее величие и славу и возратить все отпавшие и отторженные от нас земли.

Он с восторгом рассказал случай с отказом принять предложение помощи Маннергейма только потому, что надо было поступиться и признать независимость Финляндии; когда же я ему высказал, что не было ли такое решение крупной военной и государственной ошибкой, то он весь вспыхнул, страшно огорчился и ответил, что идеею великой, неделимой России он не поступится никогда и ни за какие минутные выгоды. Несомненно, что это его credo» (с. 224).

⁷²⁾ Золотой запас России, сконцентрированный в 1915-18 в Казанском банке, был захвачен 7.08.1918 при взятии Казани войсками Комуча и ЧСК; достался правительству Директории, а затем Колчаку. Перевезен в Омск. По неточным оценкам, примерно на одну

треть использован Омским правительством. 12.11.1919 отправлен из Омска особым поездом за литером «Д». Кроме золота в монете и слитках, в «золотом эшелоне» были платина, серебро, ценности Монашеского двора, Гл. палаты мер и весов, Горного ин-та. В нач. янв. поезд с гос. ценностями передан под охрану ЧСА. Доставлен в Иркутск вслед за К. и через некоторое время передан сов. властям.

⁷³⁾ Отношения К. с ЧСК с самого начала были напряжены. За переворотом 18 ноября последовал уход ЧСК с антибольшевистского фронта, связанный с демократич. и социалистич. настроениями в ЧСК, а также с прекращением воен. действий на западноевроп. фронтах и провозглашением независимости Чехословакии. Союзное командование поручило ЧСА охрану ж.-д. магистрали (с ответвлениями) от Новониколаевска до Иркутска и городов Омска и Томска; забрав значит. подвижной состав, ЧСА по-хозяйски утвердилась на ж.-д. Недовольство К. подогревалось выступлениями чехословаков за демократическое переустройство общества, их связями с сиб. с.-р.; к тому же, ЧСА разьедалась изнутри политической борьбой, а ее действия против партизан не привели к умиротворению полосы вдоль ж.-д. Размещавшийся в Омске чехосл. полк покинул город 5 ноября 1919. 13 ноября (накануне падения Омска) чехосл. руководители составили, а 15 ноября (когда город пал) выпустили меморандум о том, что пребывание ЧСА на ж.-д. бесцельно и противоречит требованиям справедливости и гуманности («под защитой чехословацких штыков русские военные органы позволяют себе действия, перед которыми ужаснется весь цивилизованный мир», «мы сами не видим иного выхода из этого положения, как лишь в немедленном возвращении домой») (**ПОСЛЕДНИЕ ДНИ КОЛЧАКОВЩИНЫ**. М.-Л., 1926, док. № 43, с. 112-113).

18 ноября по ЧСА был отдан приказ приостановить отправку рус. эшелонов и ни в коем случае не пропускать их за ст. Тайга, пока не проедут все части ЧСА. С 20 ноября по приказу колчаковского главноком. К.В. Сахарова началась эвакуация р-на Новониколаевск — Ачинск, в первую очередь — семей бойцов, раненых и больных, эвакуируемых в Приамурье. Остановка рус. эшелонов вызвала в след. дни ряд протестов К., обращенных к ген. М. Жанену (главнокомандующему войсками союзных с Россией гос-в, действующими на востоке России и в Зап. Сибири) и Я. Сыровому (командующему ЧСА). 24 ноября К. телеграфировал: «Продление такого положения приведет к полному прекращению движения русских эшелонов и к гибели многих из них. В таком случае я буду считать себя вправе принять крайние меры и не остановлюсь перед ними» (там же, с. 116). 25 ноября последовал резкий ответ К. на чехосл. меморандум от 13 ноября, что вызвало возражения нового премьер-министра В.Н. Пепеляева. «Я возрождаю Россию, — ответил ему К., — и, в противном случае, не остановлюсь ни перед чем, чтобы силой усмирить чехов, наших военнопленных» (там же, с. 140). Конфликт был с трудом улажен к 30 ноября, но действия ЧСА, стремившейся любой ценой поскорее пробиться на восток, остались прежними («наши интересы — выше всех остальных»).

⁷⁴⁾ Пепеляев Анатолий Николаевич (1891-1938) — ген.-лейт. (нач. 1919), брат В.Н. Пепеляева (см. прим. 76). Во время Мировой войны прошел путь от поручика (начальника полковой команды конных разведчиков) до полковника. Четкой партийной ориентации не придерживался. В нач. 1918 вместе со своей воинской частью — 42 Сиб.

стрелковым полком — приехал в Сибирь. 31.05.1918 возглавил в Томске восстание, поддержанное ЧСК. Сформировал Средне-Сиб. корпус и командовал им, в конце дек. 1918 руководил взятием Перми. Неоднократно обращался к К. с просьбой созвать в Сибири Земский собор. В.Н. Пепеляев стремился сделать его преемником К. (в период поражений последнего). 9 дек., находясь на ст. Тайга, бр. Пепеляевы по телеграфу предъявили К. ультимативные требования о созыве Земского собора, представив ему проект соотв. указа. Одновременно они, обвинив главкома Сахарова в сдаче Омска, объявили его задержанным; требование отставки Сахарова и расследование обстоятельств сдачи Омска было предъявлено Колчаку также генералом М.К. Дитерихсом при их встрече (поначалу только в этом вопросе К. и уступил, назначив новым главкомом В.О. Каппеля).

После падения К. ген. П. отступил на Амур, затем отстранился от воен. деятельности. Уехал в Харбин. Ездил извозчиком, ловил для заработка рыбу на Сунгари. Весной 1920 был близок к переходу на сторону револ. войск для борьбы с японцами и Г. Семеновым; едва не согласился на приглашение командовать Нар.-револ. армией ДВР. Сочувствовал Сов. России в ее войне с Польшей. В 1921 отказался сотрудничать с Семеновым, бр. Меркуловыми, Дитерихсом. Был в это время близок к с.-р. Приняв очередное восстание якутов за широкого нар. движение против сов. власти, в сент. 1922 высадился на Охотском побережье с Сиб. добровольч. дружиной и вторгся в Якутию. Был разбит, 17 июня 1923 взят в плен; приговорен к расстрелу, замененному 10-летним заключением. Видимо, потом был снова репрессирован и погиб.

⁷⁵⁾ Клафтон Александр Константинович — деятель партии к.д. Из Самары. В 1918 выехал из Москвы в Уфу через фронт с полномочиями Междунар. комиссии Кр. Креста. При организации в Омске 9.11.1918 Вост. к-та партии нар. свободы (Вост. отдел ЦК) вошел в него как тов. председателя; с дек. 1918 — председатель. Возглавлял вместе с Н.В. Устряловым Рус. бюро печати в Омске. Пред. акц. Рос. об-ва печатного дела там же. По оценке Устрялова — «благородный, умный либерал предреволюционной эпохи, «старый земец», лишенный, однако, узко-интеллигентских шор и предрассудков» (Н. Устрялов. **ПОД ЗНАКОМ РЕВОЛЮЦИИ**. Харбин, 1925, с. 219). 23 июня 1920 расстрелян после суда вместе с колчаковскими министрами А.А. Червен-Водали, Л.И. Шумиловским и А.М. Ларионовым.

⁷⁶⁾ Пепеляев Виктор Николаевич (1884-1920) — полит. деятель. Окончил юрид. ф-т Томского ун-та, преподавал в Бийской муж. гимназии. Чл. IV Гос. Думы от Томской губ. Чл. ЦК партии к.д. в 1917. Вскоре после Февраля — комиссар Врем. пр-ва в Кронштадте; арестован там матросами. Летом 1917 вступил добровольцем в армию, служил в 8-м сиб. мортирном дивизионе. Командирован в Сибирь «Нац. центром». Пред. Вост. отдела ЦК партии нар. свободы (к.д.) с момента его организации до формального выхода из партии (дек. 1918). Один из гл. деятелей переворота 18 ноября, после чего — директор деп. милиции и гос. охраны. С конца февр. 1919 — тов. министра внутр. дел, весной стал министром внутр. дел и вошел в состав Совета Верх. правителя. 22 ноября назначен премьер-министром. В Иркутске переформировал Совет министров. Пытался примирить пр-во с сиб. земствами и гор. думами; рассчитывал, в случае упорства К., опереться на войска своего брата —

А.Н. Пепеляева; «правительства общественного доверия», однако, создать не сумел. В нач. дек. выехал навстречу К. с намерением добиться отречения того от верх. власти в пользу А.И. Деникина, созыва Земского собора и т.д. После конфликта с К. возвращался вместе с ним в Иркутск и, начиная с Нижнеудинска, разделил его судьбу.

⁷¹⁾ С 21 дек. движение К. на восток происходило в обстановке восстания, начавшегося на магистрали под руководством Ревкома (с.-р., меньшевики, земские деятели) и поддержанного большевиками. Почти сразу по прибытии поезда К. в Нижнеудинск в городе 27 дек. захватило власть Полит. бюро (местный орган Ревкома), и Жанен в тот же день (из Иркутска) приказал не пропускать далее поезда К., Пепеляева и «золотой эшелон» «в видах их безопасности». Началось двухнедельное «нижнеудинское сидение» на станции, объявленной нейтральной. К. предоставил своему конвою (60 офицеров и ок. 500 солдат) полную свободу действий, и почти все солдаты покинули его; К. посидел при этом в одну ночь. 1 янв. командование ЧСА взяло К. и золотой запас «под свою защиту».

К. имел возможность бежать под видом солдата, но отказался; обсуждался план движения на Монголию, но был отброшен К. Он согласился на перевод в отд. вагон, куда перешли и офицеры конвоя, и этот вагон, как и вагон Пепеляева, был прицеплен к эшелону 1-го батальона 6-го чешского полка и поставлен под защиту амер., англ., франц., япон. и чехосл. флагов (вывешен был и рус. андреевский).

Со 2 янв. в поезде Жанена происходили переговоры оперативной (чрезвычайной) тройки последнего колчаковского пр-ва (А.А. Червен-Водали, А.М. Ларионов, ген. М.В. Ханжин) с представителями Полит. центра (ПЦ) — новой власти, возникшей в ходе восстания и попытавшейся овладеть положением на магистрали от Красноярска до Иркутска. Упорство тройки было сломлено вмешательством Жанена и, главное, восстанием в Иркутске, в результате чего 5 янв. власть была формально передана ПЦ (фактически с первого дня ПЦ делил власть с Иркут. губкомом РКП(б) и Центр. штабом раб.-крест. дружин, силами которых и был, в основном, произведен переворот в городе вечером 4 янв.). Одновременно и сам К. отказался от власти, назначив своим преемником Деникина, а в Российской вост. окраине — Семенова. По указанию Жанена, желавшего обеспечить беспрепятственный выезд союзнич. отрядов и поезда с иностр. миссиями, чехословаки согласились выдать К. Полит. центру. В качестве выкупа за свободный путь на восток (особенно остерегались взрыва туннелей на Кругобайкальской ж.-д.), они — несколько позже — согласились также оставить в Иркутске «золотой эшелон».

Под охраной чехов, превратившейся в конвой, К. выехал из Нижнеудинска 10 янв. и, при задержках на ст. Зима, под Черемховом и на Иннокентьевской, где с каждым разом увеличивалось число вооруж. дружинников, сопровождавших поезд, утром 15 янв. прибыл в Иркутск. Союзники, за исключением чехословаков, покинули город накануне. Арест К. был поручен А.Г. Нестерову, со слов которого этот эпизод (там упоминается и А.В. Тимирева) описан Л.И. Шинкаревым в его кн. СИБИРЬ: ОТКУДА ОНА ПОШЛА И КУДА ОНА ИДЕТ (2-е изд., М., 1978, с. 154-155). Обширные выдержки из доклада ген.-майора Занкевича **ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СОПРО-**

ВОЖДАВШИЕ ВЫДАЧУ АДМИРАЛА КОЛЧАКА РЕВОЛЮЦИОННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ В ИРКУТСКЕ приведены в кн.: А.П. Кладт, В.А. Кондратьев. **БЫЛЬ О «ЗОЛОТОМ ЭШЕЛОНЕ»** (2-е изд., М., 1966, с. 60-65 и 88-90; документ ранее напечатан в вып. 2 «Белого Дела», Берлин, 1927).

Местным властям К. передал чеш. офицер Боровичка. Когда К. сообщили о передаче, он воскликнул: «Как, неужели союзники меня предали? Где же гарантии генерала Жанена?» А.В. успокаивала К., держа его руки в своих, и выразила желание быть арестованной вместе с ним.

⁷⁸⁾ Тихомиров Михаил Иванович (р. 1907) — журналист и писатель, печатающийся с 1928; работал в различных редакциях в «Правде», «Вечерней Москве», «Московском литераторе», «Нашем современнике», Госполитиздате; получил высшее дипломатическое образование (1938) и участвовал в работе советских правительственных делегаций в США, Франции, Швейцарии, Канаде. К. является действ. лицом его первого (и единств.) обширного произведения **ГЕНЕРАЛ ЛУКАЧ**. Этот ист. роман написан в 1956-62 и выдержал пять изданий общим тиражом 680 000 экз. Т., как и др. разговаривавшие с А.В. писатели (Алдан-Семенов, Елкин), обещал изобразить К. правдиво — «не так, как другие раньше»; это никак не отразилось на переизданиях **ГЕНЕРАЛА ЛУКАЧА**. Сама А.В. изображена в романе в ряду реальных ист. лиц под именем Веры Митеревой: сибирячка, княжна, женщина далеко не строгого поведения, которой после ареста К. «ничто не угрожает».

⁷⁹⁾ Речь идет о письмах К. к А.В. — своего рода дневнике К. с февр. 1917 по март 1918 (две тетради общим объемом 243 с.). К. передал их на сохранение подполковнику Апушкину. Приобретены Рус. загр. ист. архивом (Прага) в 1927, в 1945 попали в СССР в составе т.н. Пражской коллекции. Судьбе этих писем и их содержанию посвящены пять стр. в статье ст. научн. сотр. ЦГАОР Б.Ф. Федотова **О МАЛОИЗВЕСТНЫХ ИСТОЧНИКАХ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В СССР** («Вопр. истории», 1968, № 8, с. 24-28). А.И. Алдан-Семенов при работе над романом **КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ** (с 1969 — три изд. общим тир. 380 000 экз.), вероятно, ознакомился с полным текстом этих писем. В роман включены, по-видимому, точные отрывки из 8 писем (**КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ**. М., 1975, сс. 596-601); выборка явно тенденциозна и крайне фрагментарна. Впрочем, и эти отрывки говорят сами за себя:

«Мне нет места на родине, которой я служил почти 25 лет». (24.06.1917, Петроград).

«Мы проиграли войну. Кто ответственен за это? Правительство! Да, но не оно только. Ответственность за это несут прежде всего военные, главным образом образом офицерство». (16.01.1918, Июкогама).

«Временами такая находит тоска, что положительно не могу найти места. Это много даже для меня». (21.01.1918, Июкогама).

«За эти полгода, проведенных за границей, я дошел, по-видимому, до предела, когда слава, стыд, позор, негодование уже потеряли всякий смысл и я более ими никогда не пользуюсь. Я верю в войну. Она дает право с презрением смотреть на всех политиканствующих хулиганов и хулиганствующих политиков». (16.03.1918, Сингапур).

«Вы, милая, обожаемая Анна Васильевна, так далеки от меня, что иногда представляетесь каким-то сном. В такую тревожную ночь

в совершенно чужом и совершенно ненужном городе я сижу перед Вашим портретом и пишу Вам эти строки.

Даже звезды, на которые я смотрю, думая о Вас, — Южный Крест, Скорпион, Центавр, Арго — все чужое.

Я буду, пока существую, думать о моей звезде — о Вас, Анна Васильевна». (20.03.1918, Сингапур).

⁸⁰⁾ Алдан-Семенов — псевд. писателя Семенова Андрея Игнатьевича (р. 1908). Начинал как поэт (печ. с 1926, первая кн. стихов — 1934). Арестован по полит. обвинению (ок. 1937), 1938–53 провел на Севере (добыча золота, ловля рыбы, лесоповал). После реабилитации — автор прозаич. книг о тружениках Сибири и Севера; писал о «восстановлении ленинских норм сов. демократии».

⁸¹⁾ Каппель Владимир Оскарович (1883–1920) — ген.-лейт. (1919). Окончил Николаевское кавалерийское уч-ще (1903) и Акад. Генштаба (1913), участвовал в Мировой войне. Летом 1918 — командир Первой добровольческой дружины Нар. армии (армия Комуча), командовал частями Нар. армии, взявшими Симбирск и Казань. Наиболее надежными по дисциплине и храбрости в его Волжском корпусе стали Ижевская и Воткинская дивизии (из восставших против большевиков в авг. 1918 рабочих этих городов). Единств. военачальник, которого Директория, в порядке исключения, произвела в генералы (ноябрь 1918). Остался с той частью Нар. армии, которая, подчинившись Колчаку, приняла название Зап. армии. В 1919 корпус Каппеля действовал под Белебеем (май), Челябинском (июль-авг.), на Тоболе (авг.). При отходе на Омск командовал Моск. группой войск (т.е. той, в задачу которой ранее входило наступление на Москву), а с ноября 1919 — 3-й армией (б. Западная). Среди генералов выделялся безусловной преданностью Колчаку. После конфликта с М.К. Дитерихсом и В.Н. Пепеляевым Колчак по прямому проводу предлагал Каппелю, когда тот достигнет Иркутска, принять от Колчака полномочия Верх. правителя (Каппель отказался, сославшись на свою неподготовленность). 11 дек. назначен главнокомандующим. Его армия совершила т.н. Ледяной Сибирский поход: преследуемая 5-й Кр. армией и охваченная тифом, прошла в стужу и по глубоким снегам вдоль Сиб. магистрали (шли по старому Сиб. тракту: на ж.-д. не пускала занимавшая ее ЧСА) и пробилась за Байкал, потеряв большую часть своего состава. В походе Каппель простудился, отморозил обе ноги и 25 янв. умер от воспаления легких. За Байкалом части Каппеля приняли наименование Дальневост. Российской армии, но чаще называли себя Каппелевской армией. Отойдя в конце 1920 (под условием разоружения) в Китай, а затем проникнув в Приморье и частично возродившись там как боевая сила, каппелевцы до конца (1922) сохранили свое самоназвание.

⁸²⁾ Сведения о движении каппелевцев стали поступать в Иркутск примерно с 15 янв. В этих условиях ПЦ 20–21 янв. вынужден был передать власть Иркутскому ВРК, сформированному 19 янв. и руководимому большевиками (чехословаки в ответ на заявление ВРК о необходимости устранить ПЦ согласились при условии сохранения в силе заключенного ими с ПЦ соглашения о свободном выходе ЧСА на восток). 30 янв. у ст. Зима каппелевцы разбили сов. войска и в след. дни вышли на подступы к Иркутску.

⁸³⁾ Обмен записками между А.В. и К. был связан с ультимативными предложениями о возможном бескровном обходе Ир-

кутска, которые ген. С.Н. Войцеховский, преемник Каппеля, направил после победы у ст. Зима Иркутскому ВРК. В числе условий обхода значились передача каппелевцам Колчака и всех арестованных с ним лиц, снабжение их армии продуктами и фуражом, выдача 200 млн. руб. А.В. сообщила К. о требованиях Войцеховского. К. ответил на клочке бумаги, мелко исписанном химич. карандашом: «Дорогая голубка моя, я получил твою записку, спасибо за твою ласку и заботы обо мне. Как отнестись к ультиматуму Войцеховского, не знаю, скорее думаю, что из этого ничего не выйдет или же будет ускорение неизбежного конца. Не понимаю, что значит «в субботу наши прогулки окончательно невозможны»? Не беспокойся обо мне, я чувствую себя лучше, мои простуды проходят. Думаю, что перевод в другую камеру невозможен. Я только думаю о тебе и твоей участи, единственно, что меня тревожит. О себе я не беспокоюсь — ибо все известно заранее...». Прочитировав записку до этого места на с. 158 ук. выше (прим. 77) книги, Л.И. Шинкарев, вопреки своим правилам, не дает ссылки на источник — архивный фонд. Переписка А.В. с К. была захвачена при обыске в тюрьме.

⁸⁴) Вначале предполагалось отправить К. после следствия в Москву. 3 или 4 февр. С.Г. Чудновский, пред. Иркут. Губчека, представил в ВРК список в 18 чел. для немедленного расстрела. ВРК оставил в списке двоих — К. и Пепеляева. По телефону была получена санкция от пред. РВС 5-й армии И.Н. Смирнова. Последний допрос К. проводился днем 6 февр., когда расстрел уже был делом решенным. Расстрел описан, с расхождением в некот. деталях, его непосредственными исполнителями — Чудновским (*КОНЕЦ КОЛЧАКА*. — В кн.: *ГОДЫ ОГНЕВЫЕ, ГОДЫ БОЕВЫЕ*. Сб. восп. Иркутск, 1961, с. 207-210) и И.Н. Бурсаком (*КОНЕЦ БЕЛОГО АДМИРАЛА*. — В кн.: *РАЗГРОМ КОЛЧАКА*. Воспоминания. М., 1969, с. 266-280); Л.И. Шинкарев в ук. выше книге пользовался более полным текстом Бурсака. Об обстоятельствах расстрела К. рассказали тогдашний глава Иркут. ВРК А.А. Ширямов (*ИРКУТСКОЕ ВОССТАНИЕ И РАССТРЕЛ КОЛЧАКА*. — «Сиб. огни», 1924, № 4, с. 122-139). К воспоминаниям Ширямова, Чудновского, Бурсака, по всей видимости, восходит легенда об А.В. Тимиревой как «княжне».

После объявления о предстоящем расстреле К. обратился с просьбой о свидании с А.В., в ответ на что «все расхохотались» (Чудновский). Перед расстрелом К. оставался спокойным. Ему хотели завязать глаза — он отказался. Расстрелян, как и Пепеляев, на берегу р. Ушаковки в 5 ч. утра 7 февр. 1920 двумя залпами дружинников из тюремной охраны. Трупы опущены в прорубь, вырубленную дружинниками на Ангаре. При расстреле К. присутствовал представитель губревкома М.Н. Ербанов (будущий председатель СНК Бурят-Монгольской АССР и первый секретарь Бурят-Монгольского обкома ВКП(б), расстрелянный в 1938).

Нам сообщили, что в архиве Троцкого (США) хранится телеграмма Ленина о расстреле К., адресованная Э.М. Склянскому. Текст ее нам неизвестен.

⁸⁵) Комендантом тюрьмы в это время был В.И. Ишаев. Возможно, однако, что А.В. имеет в виду прежнего коменданта тюрьмы, принявшего арестованных от А.Г. Нестерова 15 янв., — И.Н. Бурсака, который стал при переходе власти к ВРК комендантом города, но неоднократно (по 2-3 раза в сутки) посещал и проверял тюрьму.

⁸⁶⁾ Пешкова (урожд. Волжина) Екатерина Павловна (1876-1965) — обществ. деятель. Родилась на Украине, гимназию окончила в Самаре (1895). Жена А.М. Горького с 1896; после 1904, когда они расстались, — его друг и сотрудник. Общественная работа Е.П. началась в 1900-е в Ниж. Новгороде (Нар. дом, Кр. Крест) и Крыму (помощь револ. матросам). В 1907-14, вместе с сыном Максимом, Е.П. — за границей, в основном в Париже. Посещала в Сорбонне курсы франц. яз. для русских и лекции по социальным наукам. Была членом партии с.-р.; в конце 1908, после разоблачения Е.Ф. Азефа, выбрана во Временную делегацию ПСР, заменявшую ЦК ПСР до выборов нового ЦК. В 1908-12 работала в Эмигрантской кассе (Париж) по организации материальной помощи рус. политэмигрантам. Вместе с др. членами Кассы организовала в Париже детскую библиотеку. Участвовала в попытках создать за границей Музей истории борьбы за полит. освобождение России (1910-13). Работала в организованном В.Н. Фигнер Кружке помощи каторге и ссылке («Парижский кружок»), продолжила эту работу по возвращении из-за границы. После начала Первой мировой войны вернулась из Италии в Россию через Константинополь — Одессу. В о-ве «Помощь жертвам войны» заведовала (осень 1914-1918) Комиссией помощи детям. В 1915 вместе с адвокатом И.Н. Сахаровым на средства Земского и Гор. Союзов организовала отряд по сбору детей, оставшихся за линией фронта. В годы войны работала также в нелегальном кружке «Кр. Крест», собирала для Горького материалы о жизни евреев в России, ответы по анкете «Дети и война» и т.д. После Февраля — в Моск. бюро О-ва помощи освобожденным политическим, в авг. 1917 при посещении Крыма знакома в Ливадии с работой санаториев для бывших политзаключенных. В 1917 — чл. ЦК ПСР. После Октября — в о-ве «Культура и свобода», в Худож. просветит. союзе рабочих организаций. В 1918-37 руководила Моск. К-том помощи полит. заключенным. С осени 1920 до 1937 — делегат Польского Кр. Креста по опеке лиц польской национальности в Сов. России. В связи с этой деятельностью посетила Иркутск, Новониколаевск и др. города Сибири (сент.-окт. 1921), Архангельск (весна 1922) и т.д., по два раза в год ездила в Польшу. По завершении репатриации в Польшу награждена (1925) знаком Польского Кр. Креста. Один из организаторов Музея А.М. Горького в Москве (1937). Во время войны 1941-45 — в организациях, помогавших эвакуированным и пострадавшим от войны детям (начала эту работу в Ташкенте в конце 1941). В посл. годы жизни — консультант Архива А.М. Горького при ИМЛИ. Среди подготовленного ею к печати — два тома писем Горького к ней («Архив А.М. Горького», тт. 5 и 9, М., 1955 и 1966).

⁸⁷⁾ Репатриация в Польшу проводилась в соответствии с сов.-польским соглашением, заключенным в Риге 24 февр. 1921 (ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ. Т. III. М., 1965, док. № 267, сс. 502-514). В Москве (а для проведения встречной репатриации — и в Варшаве) создавались смешанные комиссии из делегаций от обеих сторон. Члены репатриационных комиссий пользовались дипломатич. неприкосновенностью. В их функции входило посещение лагерей, тюрем, госпиталей и прочих мест нахождения лиц, имеющих право на репатриацию. До образования в апр. 1921 репатр. комиссий и некоторое время после их создания репатриацией занимались Россий-

ское и Польск. о-ва Кр. Креста. За апр. 1921 — апр. 1924 из сов. республик в Польшу репатрировалось ок. 1,1 млн. чел. (почти 2/3 из них составляли украинцы и белорусы). По польским источникам, на территории СССР осталось ок. 1,5 млн. поляков, не воспользовавшихся правом на репатриацию. Контингенты возвращаемых на родину граждан с самого начала должны были включать определенную долю военнопленных, по исчерпанию иных категорий они состояли только из военнопленных. Осн. часть пленных поляков была захвачена на фронтах сов.-польской войны (воен. действия с 25 апр. по 18 окт. 1920). Меньшую часть составили б. польские легионеры из соединений, созданных летом 1918 в Сибири и входивших позже в состав войск Польской республики. Поляки, подобно чехословакам и румынам, охраняли один из секторов Сиб. магистрали (Татарская — Новониколаевск, с ответвлением на Славгород, с 1.10.1919 ЧСА передала им участок Новониколаевск — Тайга). При отступлении польская дивизия, вместе с серб. полком, составляла арьергард союзнич. войск. Перед ст. Тайга отряд поляков в 4 тыс. штыков был почти начисто изрублен 27-й красной дивизией (в живых осталось 50 пленных); в р-не Анжерских копей два полка легионеров в 8 тыс. штыков потерпели новое поражение и затем без сопротивления сдались в плен. Военнопленные поляки содержались как в Европейской России (Тульский лагерь), так и в азиатской части страны (напр., в 1920 работали на лесозаготовках в р-не Кольвани). Деятельность Е.П. Пешковой по репатриации польских военнопленных, возможно, отмечена в польской прессе и мемуарах, но нам эти источники неизвестны.

⁸⁸⁾ Павлуновский Иван Петрович (1888-1940) — большев. деятель, чл. РСДРП(б) с 1905. Был писцом Курской казенной палаты, письмоводителем у петерб. адвоката, вольнослушателем на юрид. ф-те Петерб. ун-та. В 1914 призван в армию, окончил школу прапорщиков, служил в гвард. частях Петрограда и Царского села. После Февраля избран членом Петросовета; командовал полком, действовавшим против Корнилова. В дни Октября — чл. ВРК в Петрограде, руководил осадой Владимирского юнкерского уч-ща, вместе с Ф.Ф. Раскольниковым и С.Г. Рошалем командовал отрядами по взятию Гатчины, вместе с Н.В. Крыленко участвовал в ликвидации Ставки. В конце 1917 — нач. отряда балт. и черномор. моряков в боях под Белгородом. В ВЧК с момента ее организации, вместе с ней переехал в Москву, принимал руководящее участие в ликвидации «Союза защиты родины и свободы» (май 1918) и др. крупных операциях ВЧК. С авг. 1918 нач. Особого отд. 5-й армии Вост. фронта; возглавлял одно время Особый отд. Вост. фронта. Пред. ЧК в Казани и Уфе после взятия этих городов (1918). С апреля 1919 зам., с августа первый зам. нач. Особого отд. ВЧК (1919-20). В ответ на просьбу Сибревкома (январь 1920) направить в Сибирь Я.Х. Петерса для организации ЧК — выдвинут на это дело Дзержинским (с согласия Ленина). Полномоч. представитель ВЧК (потом ОГПУ) по Сибири (1920-26) и Закавказью (1926-28). Пред. Сиб. чрезвычайного Ревтрибунала на Омском процессе над видными деятелями колчаковского режима (20-30 мая 1920). С 1921 — чл. Сиббюро ЦК РКП(б). В нач. 1921, когда повстанческое движение против большевиков охватило всю Зап. Сибирь, вошел вместе с пред. Сибревкома И.Н. Смирновым и пом. главкома по Сибири В.И. Шориным в Чрезвычайную тройку по Сибири, под руководством которой восстание

подавлено к июню 1921. В авг. 1921 был занят операцией по захвату Р.Ф. Унгерна фон Штернберга. С нач. 1922 чекистскую работу совмещал с должностью уполномоченного НКПС по Сибири, в 1922 возглавил т.н. Сибпятаерку — чрезвычайную комиссию по вывозу хлеба из Сибири. Из характеристики на П. Сиббуро ЦК РКП(б): «В политической обстановке ориентируется легко и быстро. Марксистская подготовка достаточная. Выдержан и устойчив. В отношении парторганов дисциплинирован. Энергичен и настойчив. С точки зрения коммунистической этики безупречен». Работая затем в Закавказье, сблизился с Г.К. Орджоникидзе и в последующие годы замещал его в НК РКИ и Наркомтяжпроме (первый зам. наркома по оборонной индустрии). Канд. в чл. ЦК ВКП(б) (1934). В 1937 арестован, погиб в заключении.

⁸⁹⁾ Члены ЦК ПСР этапировались в Москву для суда (8 июня — 7 авг. 1922) над ними и другими деятелями их партии.

⁹⁰⁾ Полит. Кр. Крест — Комитет помощи полит. ссыльным и заключенным («Помполит») — работал в Москве с сер. февр. 1918 до сер. 1937, когда был закрыт по непосредств. приказу Н.И. Ежова. В ПКК входили Е. П. Пешкова (пред.), М. Л. Винавер (зам. пред.), Н. К. Муравьев, П. Н. Малянтович. В работе ПКК участвовал А. Ю. Фейт (ум. 1926). Почетным пред. ПКК была В. Н. Фигнер.

Приведем текст одного из объявлений Моск. ПКК («Жизнь», 1918, 29 мая, № 28, с. 4; ср. аналогичное и более раннее объявление Пг ПКК — Ист. сб. «Память», вып. 4, Париж, 1981, с. 355):

«Возродившийся политический Красный Крест, преследующий задачи оказания всех видов помощи политическим заключенным, испытывает большой недостаток в материальных средствах.

Денег теперь нужно много, т. к. тюрьмы переполнены и рост продовольственных затруднений вызывает острую необходимость в большом притоке денежных средств.

Красный Крест надеется встретить поддержку во всех культурных слоях русского общества и просит нас напечатать, что он с признательностью принимает всякого рода пожертвования, которые надлежит адресовать: Москва, М. Никитская, 25.

Денежные пожертвования можно также адресовать в редакции московских газет для политического Красного Креста».

После смерти Дзержинского (1926) ПКК функционировал с большим трудом, ходатайства его удовлетворялись органами ОГПУ-НКВД все реже, к нач. 1930-х иссякли источники средств ПКК, а затем его деятельность постепенно свелась к наведению справок об арестованных и даче советов их родным. Гл. средства ПКК составлялись из фондов различных политич. группировок (в основном — социалистич. партий) и расходовались пропорционально размерам партийных поступлений. Воспоминания А. В. Книпер свидетельствуют о том, что помощь оказывалась не только социалистам, но и другим лицам, арестованным по полит. мотивам. О работе Моск. ПКК во главе с Е. П. Пешковой и об аналогичных провинциальных организациях в Петрограде-Ленинграде (до 1930?) и Харькове (1921-ок. 1924) см. сообщения О. Маркова («Память», вып. 1, с. 313-324) и Д. Милнина («Память», вып. 3, с. 523-532).

Приведем сообщение В. Зеленцова, дополняющее картину поступления и распределения средств ПКК:

В вып. 1 и 3 сб. «Память» обрисован характер деятельности политического Красного Креста — Комитета помощи политическим

ссылным и заключенным, — но в них ничего не сказано об ее объеме. Некоторое представление о нем могут дать цифры, заимствованные мною из финансового отчета Красного Креста за 1926 г. и несколько отрывочных записей, относящихся к 1927 г. Отчет, верней, машинописная копия его была получена мной в 1928 или 1929 г. от Ю.А. Фейта (сына А.Ю.).

Общая сумма средств, которыми располагал в 1926 г. Красный Крест, составляла 40 182 рубля (все цифры, кроме оговоренных ниже, округлены до одного рубля), из них имелось в остатке на начало года 1174 рубля и поступило в течение года 39 008 рублей.

Источниками поступлений были: пожертвования лиц и организаций — 35 480 рублей; доходы от собственных предприятий (лекций, литературных чтений и т.п.) — 3126 рублей; возврат ранее выданных ссуд — 383 руб. и прочие доходы (вероятно, банковские проценты) — 19 рублей.

Пожертвования составляли 91% всей доходной части бюджета Красного Креста, однако только часть из них — 15 286 руб. (49% общей суммы прихода, или 43% всех пожертвований) — рассматривается как «собственные средства» Красного Креста, т.е. как средства, которыми он мог распоряжаться по собственному усмотрению. Остальная часть пожертвований слагалась из средств «специального назначения» — 5664 руб. и «личных средств» — 14530 руб. Под первыми подразумевались деньги, предоставленные Красному Кресту для оказания помощи членам определенных политических группировок; вторые, по-видимому, были средствами, предназначенными для конкретных лиц — трудно сказать, каких именно. По некоторым данным, недостаточно, впрочем, убедительным, можно предположить, что значительная часть «личных средств» была предназначена для осужденных в 1922 г. членов ЦК ПСР.

Из специальных средств помощь должна была быть оказана:

социал-демократам	353 руб.	4,2%
социалистам-революционерам	2 364 руб.	41,7%
анархистам	650 руб.	11,5%
прочим (включая, по-видимому, «восточных католиков», арестованных по политическим мотивам)	2 297 руб.	40,6%
Итого:	5 664 руб.	100%

В 1927 г. и общая сумма «специальных средств», и их состав несколько изменились. Предназначалось:

социал-демократам	1 070 руб.	14,7%
социалистам-революционерам	3 149 руб.	42,9%
левым эсерам	500 руб.	6,8%
армянским социалистам	132 руб.	1,8%
анархистам	—	—
прочим	2 477 руб.	33,8%
Итого:	7 328 руб.	100%

Трудно сказать, какую долю в бюджете Кр. Креста составляли пожертвования из-за рубежа. В остатке на начало года значится иностранная валюта в переводе на русскую — 250 руб. Из общей суммы собственных средств — 1 267 руб., т. е. 8,2%, поступили из-за рубежа. Имеются все основания предполагать, что в «специальных» и «личных» средствах доля поступления из-за границы была значительно выше.

В течение 1926 г. Красный Крест израсходовал 39 887 руб. и на 1/1 1927 г. располагал 295 рублями (10 руб. кассовой наличности, 88 руб. на текущем счете в Госбанке, 142 руб., выданных под отчет сотрудникам, и 55 руб. в ценных бумагах — вероятно, под последними понималась иностранная валюта).

На содержание самого Красного Креста и на хозяйственные нужды было затрачено 9939 руб., или 24,5% от всей суммы расходов. Из них было выплачено жалованья сотрудникам Красного Креста — 5 276 руб. и уплачено за аренду помещений 1 403 руб.; почтово-телеграфные расходы составили за год 1 341 рубль, транспортные — 1 514 рублей, канцелярские и прочие расходы — 304 рубля.

Самой крупной статьёй расхода была заработная плата сотрудникам — 54% всех затрат на содержание Кр. Креста или 13% всей расходной части бюджета. Насколько известно, в Красном Кресте имелось 3 платных сотрудника. Их средняя месячная зарплата составляла, таким образом, 145 руб., что значительно ниже средней заработной платы рядовых служащих того времени.

На оказание помощи заключенным и ссыльным было израсходовано 29 576 руб. (74,3% всех расходов). Кроме того, 472 руб. (1,2%) было выдано нуждающимся во временной поддержке в виде подлежащих возврату ссуд.

Помощь оказывалась Красным Крестом как в денежной форме — 19 585 руб. (66,8%), так и в виде продовольственных передач и посылок — 6 309 руб. (21,4%), одеждой — 1 223 руб. (4,2%). На приобретение для заключенных литературы было израсходовано 56 руб. (около 0,2%) и на прочие виды помощи, конкретизировать которые не представляется возможным, — 2 403 руб. (7,6%).

Все имевшиеся в распоряжении Красного Креста средства были израсходованы почти полностью — 39 887 рублей из 40 182. Если считать, что расходы на содержание Красного Креста покрывались из разных источников пропорционально суммам средств, поступивших из этих источников, то из 29 600 рублей (округленно), израсходованных на оказание помощи, 14 200 руб. были затрачены из собственных средств, 4400 руб. — из средств «специального назначения» и 11 000 — из «личных средств». Нет никаких данных, позволяющих судить о том, как фактически были распределены «личные» и «специальные» средства. Можно с уверенностью сказать, что вся помощь, направлявшаяся в политизоляторы (их в 1926 г. было пять: Суздальский, Верхнеуральский, Тобольский, Челябинский и Ярославский), шла в «общий котел». Вероятно, какая-то часть этих средств, направлявшаяся в места ссылки, также использовалась для общих или «фракционных» нужд ссыльных колоний. По прямому назначению «личные средства», по всей вероятности, использовались только в тех случаях, когда лица, которым они предназначались, не находились в коллективе сотоварищей.

Играла ли материальная помощь, оказываемая Красным Крестом, сколько-нибудь значительную роль в бюджете политзаключен-

ченных и ссыльных? Дать на этот вопрос ответ, основанный на чем-либо ином, кроме некоторых общих соображений, — нельзя. Считается, что общая численность политических заключенных и ссыльных (включая «минусников») составляла в те годы 3-3,5 тысячи человек. Если разложить средства, израсходованные Красным Крестом, на все это количество, то помощь может показаться совершенно мизерной — от 8 руб. 50 коп. до 10 руб. в год. Укажем для сравнения, что не имевшие заработка ссыльные получали от ОГПУ «пособие» в размере 6 руб. 25 коп. в месяц. В деревне этих денег хватало обычно только на оплату жилья. Тем не менее, нельзя и преуменьшать значения помощи Красного Креста. В ней нуждались далеко не все, и помощь поэтому оказывалась далеко не всем. В середине 20-х гг. почти все, кто находился в ссылке в более или менее крупных городах Туркестана, Урала и т.п., в ней вовсе не нуждались. Потребность в квалифицированных кадрах была там настолько велика, что, несмотря на общую безработицу и препятствия, чинимые ОГПУ, почти все ссыльные находили работу. Часто руководители учреждений «выхлопывали» себе ссыльных. В значительно худшем положении находились ссыльные в Нарымском, Туруханском, Печорском и прочих отдаленных краях. Там люди перебивались, кто чем мог — от «шишкования», т. е. сбора кедровых шишек, до фотографии. Но и там крайней нужды не было, так как едва ли не большинство пользовались поддержкой родных и товарищей, находившихся в более благоприятных условиях. Так как повсюду в ссыльных колониях была широко развита взаимопомощь (от касс взаимопомощи до «коммун»), то этой поддержкой пользовались практически все нуждающиеся. В политизоляторах питание и по калорийности, и по количеству белков, жиров и т. п. было, в общем, достаточное. В дополнительном питании нуждались, главным образом, больные, а так как получаемые извне деньги поступали, в конечном итоге, в общее пользование, то помощь получали те, кто в ней больше всего нуждался. В этих условиях помощь, которую оказывал Красный Крест, лишь для немногих и, как правило, в течение короткого времени, не была жизненно необходимой, но в целом она была для очень и очень многих существенным подспорьем в нужный момент.

⁹¹⁾ Винавер Михаил Львович (18?-194?) — адвокат, ближайший помощник Е. П. Пешковой по работе в ПКК и в Польском КК. Арестован в 1937, приговорен к 10 годам. Освобожден из лагеря в связи с зачислением в польскую армию В. Андерса, умер во время ее перемещения в Иран.

⁹²⁾ Ягода Генрих Григорьевич (1891-1938) — большев. деятель. До революции служил статистиком, работал в больничной кассе Путилов. завода, в 1915 призван в армию. В револ. деятельности с 1904 г., был в ссылке (1911-13). Чл. РСДРП(б) с 1907 (Ниж. Новгород, затем Москва и Петербург). В 1917-19 на воен. работе, в 1919-22 чл. Коллегии Наркомвнешторга. С 1920 упр. делами ВЧК, чл. коллегии ВЧК. С 1924 — зампред ОГПУ, в 1934-36 — наркомвнудел. Расстрелян.

⁹³⁾ В 1922, по освобождении, А. В. жила в Москве сначала с братом Ильей. В том же году взяла к себе сына, оставленного в 1918 в Кисловодске, и вышла замуж за В. К. Книпера. В 1937 или 1936 в ее квартире поселилась сестра Елена.

⁹⁴⁾ Книпер Всеволод Константинович (1888-1942) — инженер-

строитель. Работал на жел. дорогах и на стр-ве гидросооружений. Умер в Москве.

⁹⁵⁾ Внучки Е. П. Пешковой — дети М. А. Пешкова (1897-1934): Пешковы Марфа Максимовна (р. 1925) и Дарья Максимовна (р. 1927).

⁹⁶⁾ Бутафором в Гор. театре Рыбинска (Щербакова) А.В. работала до и после енисейской ссылки. А первые шаги ее как театрального художника относятся ко времени пребывания в Карлаге. Именно там А. В. обнаружила в себе и вкус к этому виду творчества, и личные свои возможности.

«Казалось бы, — вспоминает она, — сил хватит только дойти до своей койки, свалиться, как мешок, и спать, спать. Но на репетиции, на спектакле можно забыть на это время обо всем, что не театр, готовить праздник — а это действительно праздник для многих».

«Я — художник, могу бывать во всех бараках, мужских и женских. Обхожу их после каждого спектакля и каждый раз ухожу с чувством удовлетворения от того, как нужно и важно то дело, которое мы делаем с таким трудом, с таким напряжением и радостью».

В короткой записи на эту тему А. В. вспоминает артистов из заключенных: Марию Ростиславовну Капнист, ставшую потом, на воле, киноактрисой, Фиру Лейзерову, Павлика Пастухова. «Режиссер — Анна Лацис; она в родстве с писателем и всеми известными Лацисами. Небольшого роста, с латышскими большими серыми глазами. Режиссер она и в прошлом, до лагеря. Ставила она когда-то и где-то «Забавный случай» Гольдони, решила поставить и здесь. Классика — возражений нет».

«Декорации? Дали нам всякую рвань для обтяжки щитов, выкрасили чем Бог послал. Я вырезала из картона какие-то барочные узоры под резьбу, расписала глиной, мелом и сажой, набила на табуретки, столы и карнизы (со стороны фаса). По бокам сцены поставили зеленые ящики с «апельсиновыми деревцами». Деревца — палки с просверленными дырками, куда вставлены ветки арчи — ползучей туи: единственная зелень зимой. Она вьется по каменным склонам сопок. Я их постригла до круглой формы, а апельсины вырезала из крупной моркови. Вышло красиво».

«Костюмы? Два кафтана из байки в костюмерной. Золотое шитье — из обрезков латуни: выпросили в ремонтной мастерской. Картонные шляпы сами клеили. Жабо — собирали по баракам марлевые накидки».

«Парики? Нашлась у нас парикмахерша в прошлом — поволжская колонистка Нина Вернер. Я ее уговорила, обещав, что на афише и перед спектаклем будет объявлено: парики и костюмы Нины Вернер, — клюнула. Достали пакли, завили локоны на палках — парики вышли хоть куда. Напудрили мукой или мелом, не помню».

«А спектакль вышел веселый. За всей бедностью наших средств его держала на высоте полная отдача актеров, хороших и средних, опытный режиссер и та творческая атмосфера работы всех без исключения участников, которую не часто встретишь и в профессиональном театре».

⁹⁷⁾ Заявления о реабилитации А. В. писала, по крайней мере, с 1954. Она посылала их Маленкову, Хрущеву, Ворошилову (а сестра Елена — XXI съезду КПСС и ген. прокурору Руденко). Прилагались отзывы и характеристики А. В. (акад. В. В. Виноградов,

проф. А. Н. Александров). В 1957 и 1958 ходатайства А. В. о снятии судимости были официально отклонены. Попытка 1959 привела к полной реабилитации в марте 1960. В это время, не заработав пенсии к 67-ми годам, А. В. вынуждена была работать. Лишь по ходатайству группы деятелей муз. иск-ва (Д. Д. Шостакович, А. В. Свешников, Е. Ф. Гнесина, В. Н. Шацкая, К. А. Эрдели, Н. А. Обухова, Д. Ф. Ойстрах, И. С. Козловский) ей за заслуги отца перед рус. муз. культурой была назначена с сент. 1960 пенсия респ. значения — 450 (с 1961 — 45) руб. в мес.

⁹⁸⁾ Муравьев Николай Константинович (1870-1936) — адвокат. После Февраля — пред. Чрезвычайной следств. комиссии по расследованию противозаконных по должности действий царских министров и сановников. Защитник на полит. процессах как до революции, так и после Октября. Участвовал в работе Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

⁹⁹⁾ Об отношениях Е. П. Пешковой с Дзержинским см. указанные выше (прим. 90) публикации о полит. Кр. Кресте.

¹⁰⁰⁾ Мать Е. П. Пешковой — Волжина Мария Александровна (1848-1939).

¹⁰¹⁾ Это была Наталья Мильевна Аничкова (1896-1975), филолог, бывшая лагерница. Она много помогала А. И. Солженицыну, который в *АРХИПЕЛАГЕ ГУЛАГ* упоминает ее и ее репрессированных родственников.

***ИССЛЕДОВАНИЯ
И СТАТЬИ***

Н. С. Сибиряков

КОНЕЦ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Полный текст работы Н. С. Сибирякова носит название «Начало и конец Забайкальского казачьего войска». Один из эпиграфов взят из Евангелия: «ибо каким судом судите, таким будете судимы.»

В первой части прослеживается по литературным источникам история забайкальских казаков, начиная с XVII в., когда они силой утверждали русскую власть в Забайкалье. Автор документально подтверждает жестокость и низкий моральный уровень «первопроходцев» и более поздней забайкальской администрации. Нравственное возрождение казачества, по мнению автора, начинается с тридцатых годов XIX в. под влиянием ссыльных декабристов и более поздних «политиков». Основную же роль в развитии нравственных устоев играло установление института войскового самоуправления.

Через всю работу проходит основная мысль автора: всякое зло не остается бесследным. Тем более — зло, носящее массовый характер: потомки расплачиваются за него.

Вторая часть написана отчасти по воспоминаниям, но главным образом — на основании устных свидетельств, которые автор в течение многих лет по крупицам собирал в заключении и на воле. Эта вторая часть и положена в основу публикации.

...Еще Сперанский, восстановив атаманов, подготовил почву к самоуправлению казаков. С организацией войска (1851) самоуправление расширяется. В 1871 году введены станичные управления: выборный (на три года) станичный атаман, выборный судья (на год), появляются поселковые атаманы. Сотские и десятские работают без жалованья. Все наиболее важные дела решаются на сходках (общих собраниях).

Самоуправление неизбежно связано с ростом личного и общественного сознания. Многие личные дела можно решать только сходом: где я буду косить? где будет выпас?.. «Где я» определяется только после того, как будет решено «где мы».

К примеру, границы выпаса и сенокосных угодий установлены. Следует определить, как будем делить. Угодия различны: идут и по релкам *) и по низинам, по мочажинам и по солончакам, одни сплошь поросли острецом, другие осокой. Решают, будут ли делить вдоль пади или поперек. И решат по справедливости, потому что следом за разделом на равные участки придет раздача по жребию. Поделишь несправедливо — жребий возьми да и выдай тебе самый плохой участок. Так самоуправление рождает понятия об общественной и личной справедливости. За ними идут уважение к обществу и порожденное им уважение к себе. Глядишь, и совесть стала личным достоянием казака.

К моменту официальной организации Забайкальского казачьего войска в войске числилось (округляю до целых сотен) 1400 городских казаков, 1200 станичных, 7500 пограничных, в тунгусском казачьем полку 1700, в бурятских — 9900 человек; к ним присоединили 29000 заводских и 800 государственных крестьян. К началу XX века между всеми этими группами сохранялись отчетливые различия, особенно между караульцами и некараульцами.

Караульцами называли казаков, расселившихся в станицах и поселках по долинам рек Онона и Аргуни. Все это были разросшиеся пограничные посты — караулы, они тянулись теперь порой на 3 км. Самые эти поселения перестали именоваться караулами к концу XIX в., забайкальцы же вплоть до революции продолжали говорить по-старому: не «поселок Буринский», а «Буринский караул Зоргольской станицы». И эта инерция наименований держалась не только среди простого населения, но и в печати.

Некараульцы были потомками заводских или кабинетских крестьян, приписанных к казачьему сословию.

В земельном отношении караульцы были в привилегированном положении: помимо больших степных просторов на русской стороне, к их услугам всегда были бескрайние степи Маньчжурии, где они за ничтожную плату (кирпич

*) Релка — невысокая грива среди низких лугов.

зеленого чая или три рубля китайскому чиновнику) все лето заготавливали сено и куда уходили потом на всю зиму со стадами. Русско-китайская граница была закрыта только после установления советской власти на Дальнем Востоке — в 1921 году. До этого можно было ездить туда и обратно свободно: разрешения не требовалось.

Некараульцы были стеснены в земле. При зачислении их в казаки они получили незначительные (конечно, в сравнении с караульскими) земельные наделы. Это объяснялось тем, что наделы им производились из кабинетских земель, значительная часть которых была оставлена за короной.

На русской стороне у караульских была общинная форма землепользования. У некараульцев пашенная земля находилась в частной собственности, остальная же была общинной.

Организация войска застала казаков владельцами больших гуртов скота, лошадей, верблюдов, овец. Под бичами эпизоотий (чума, хамун) и из-за насильственного переселения на Амур стада эти значительно сократились, но казаки остались богатыми, караульские же в особенности.

Вот свидетельства конца прошлого века:

«У жителей устья Унды имеются нередко стада коров в сто и более голов, по несколько сот овец и косяки по несколько десятков кобылиц, тогда как в средней и верхней части долины Унды самый зажиточный казак редко имеет 30-40 голов скота, 20-25 голов табуна, 50-100 овец, обыкновенная же норма — 5-15 коров и лошадей и немного больше овец». О караульцах на Аргуни и Ононе: «У некоторых богатых казаков бывают десятки тысяч овец и тысячами лошади и коровы». *)

Казачество, конечно, не было однородным. Не все имели гурты скоты и табуны лошадей в таких количествах, как караульские. Но в сравнении с крестьянами европейской части России все были богаты. Обычное некараульское хозяйство — 5-15 лошадей и коров, 25 овец и, кроме того, пашня. На Украине, в Курской, Орловской, Вятской и других губерниях такое хозяйство считалось бы кулацким. По забайкальским же меркам, они бедняки.

Некараульцы и психологически отличались от караульцев: пришли из неволи, помнили о жестоком обращении с их дедами, а у кого и с отцами...

*) Газ. «Жизнь в восточной окраине» (Чита), 1896, №№ 125 и 156.

И еще одно обстоятельство наложило отпечаток на душевный строй казаков — выходцев из заводских крестьян. Жили они в верховьях Унды, Газимура и золотоносных притоков Аргуни. Золотая горячка «лихорадила» и их. Многие пустились в старательство. Приисков своих не открывали: были для этого недостаточно богаты. «Стараются» без официального оформления. Иногда на них сваливается удача: находят крупный самородок. Начинается кутеж разбойно-купеческого образца. В широченных плисовых шароварах, в алой рубахе по дорожке расстилаемого перед ним алого бархата идет удачник. Наяривает гармонь, пляшут развеселые пьяные бабы. Опять без дум о будущем, «что добыли — тем и веселились». Когда же прокутившийся старатель возвращался к открытой им жиле, доступа к ней уже не было: ее застолбил следовавший за ним хищник, и она охранялась законом и стражей.

Быт приисковых районов отличался от быта караульцев еще вот чем. Кабаки в сельских местностях можно было открывать лишь при наличии согласия на то сельского общества, оформленного общественным приговором. Караульские казаки не разрешали открывать у них кабаки («монополки»). В приисковых же районах можно было встретить и два кабака на одно село.

Ничто не вечно под луной. Не вечными оказались и золотые запасы забайкальского Клондайка. Неудачники и прокутившиеся удачники попали в разряд тех, у кого ни кола, ни двора: стали сельскими пролетариями. Кто не нанялся рабочим на прииски или сереброплавильные заводы — те шли в работники к зажиточным казакам или крестьянам. В Забайкалье это не грозило нищетой и, при условии жесткой бережливости, давало возможность за несколько лет сесть на собственное небольшое хозяйство.

Вот коротенькие выписки из читинской газеты о ценах на рабочие руки.

«Теперь простой чернорабочий на железной дороге получает 35 рублей месячной платы... для домашней прислуги остаются одни старики и калеки..., но и те не хотят слышать о месячном жаловании менее 15 рублей, при готсвом содержании. Женскую прислугу найти еще трудней». «Цена на рабочие руки стояла все лето 80 коп. за день на хозяйском содержании» *).

*) «Жизнь в восточной окраине», 1896, №№ 82 и 170.

Сопоставим заработную плату с рыночными ценами. Корова стоила 12-15 рублей, лошадь — 20-25 рублей, овца — 1,5-2 рубля, молоко — 3 коп. бутылка (750 г.), масло — 15 коп. фунт, яйца — 3 коп. десяток, мясо — 4-6 коп. фунт. Раз в 15-20 лет из-за гибели скота от чумы цены подскакивали. В 1897 г. та же газета писала по этому поводу: «скотское мясо, не бывшее дороже 1 руб. 60 коп. — 2 руб. 40 коп., вдруг повысилось в цене до 4 руб. — 4 руб. 80 коп. за пуд» *) (т.е. с 10-15 коп. до 25-30 коп. за кг!).

Сравним: учитель получал 25 рублей в месяц, фельдшер — 40 руб., мастер среброплавильного завода — 30 рублей, подмастерье — 25 руб., плавильщик — рубль за двенадцатичасовой рабочий день **). Как видим, зарплата батраков была не ниже жалованья учителя, а с учетом готового содержания — была близка к оплате выше ценимого фельдшерского труда.

Что собой представляло готовое содержание? Сообщаю по личным наблюдениям.

Питание было трехразовым. Утром — чай кирпичный, забеленный молоком, приправленный маслом, хлеб пшеничный с маслом или лепешки печеные на масле. Обед — мясное первое, на второе гречневая или пшеничная каша с маслом, чай. Ужин — щи с мясом, чай. Мясо давалось вволю, хлеб без ограничения ***). У не слишком богатых казаков хозяин и работник питались за одним столом. У владельцев тысячных гуртов скота или табунов работники питались отдельно.

Выше я говорил, что батрак в течение нескольких лет может завести собственное хозяйство. Почему не за два-три года? Потому что сельское хозяйство Забайкалья было экстенсивным и рентабельным становилось лишь в том случае, когда достигало средних для местных условий размеров: примерно 15 коров и лошадей и 20-30 овец.

Не надо забывать и о специфических особенностях казачьей службы. На службу казак должен был явиться на

*) Та же газ. 1897, № 115.

***) Та же газ., 1896, № 33.

***) Даже каторжане в ту пору питались, по современным понятиям, хорошо. Та же газета в № 27 за 1897 пишет, что каторжане на постройке железной дороги получали ежедневно «усиленное довольствие, состоящее из 1 фунта мяса, 18 золотников крупы, 4 фунтов печеного хлеба, 2 1/2 золотника сала, капусты и картофеля 1/2 фунта», далее перечисляются приправы и винная порция.

собственном коне с собственным казачьим седлом, переметными сумами, уздечкой, недоуздом, в полном казачьем форменном обмундировании. Только оружие (винтовка кавалерийского образца, шашка, пика) предоставлялось войсковым управлением. Действительная военная служба длилась четыре года.

Забайкальские казаки учились и в военных школах. Появилось свое казачье офицерство. С пришлым же офицерством дворянского происхождения отношения складывались трудно. Часто кончалось откомандированием дворянина в неказачьи части.

Автор был свидетелем случая, когда столкнулись представители этих сословий и сразу же выяснилось, что им не ужиться. С одной стороны — врач, вскормленный в доживавшей последние дни когда-то богатой барской усадьбе, с другой — караульские казаки. Врач был поставлен во главе караульской больницы. Как прикомандированный к казачьему войску, носил военную форму. Надо полагать, она была ему внове: с упоением поглядывал молодой доктор и на блеск погон, и на темляк болтавшейся на левом боку сабли. Каков был его чин, не помню. Помню лишь, что погоны его были однопросветными. Значит, по казачьим офицерским чинам был не выше есаула (капитана, по современным понятиям).

Конфликт начался буквально с первого дня по приезде врача. Развивался бурно. За две недели достиг апогея и кончился бесславно для молодого дворянина.

Абсолютно несхожие во всем, врач и казаки сталкивались по каждой мелочи ежедневно, основных же конфликтов было три.

Первый — стычка с семидесятилетним казаком Петуховым, обладателем длиннющей патриаршей бороды, встретившимся ему на дороге. Видя, что старик не остановился и не склонился перед ним в почтительном поклоне с шапкой в руке, врач крикнул белобородому старцу:

— Шапка, шапка где?

— Кака шапка? — удивился старик.

— Здраваться со мной следует, мерзавец, когда встречаешься!

— Однако, паря, ты чудак! Я ить не на действительной. Это тебе, молокосос, надо первому шапку скидать при встрече со мной!

— Я тебя! Я тебе! — кипятился доктор.

— Иди ты к матери в! — спокойно сказал Петухов и пошел своей дорогой.

С другим казаком средних лет «размолвка» приезжего доктора кончилась не так мирно. Началась она по тому же поводу: не ломал казак шапки перед барином. С попреков сразу перешли на оскорбления. Разъяренный доктор выхватил из ножен саблю. Казак отскочил к плетню, выдернул из него слабо державшийся кол и, по всем правилам военной науки, с первого же удара выбил саблю из неумелой руки противника. Сгоряча казак слегка приложил кол к спине убежавшего врага.

Через пару дней, услышав, как стучащий в окна десятилетний кричит: «В школу, на сходку! Покосы делить!», врач решил пойти на сходку и там выяснить свои отношения с караульскими жителями.

В небольшом школьном зале былолюдно. Сходка еще не начиналась. Поздоровавшись, врач прошел вперед и сразу начал выкладывать свои претензии. Встретив насмешливые лица, мгновенно распалился. «Хамы», «неучи», «приберу к рукам» и прочие малоуважительные слова запестрели в его речи. Атаман, не хотевший, как лицо официальное, пререкаться с доктором, не вытерпел.

— Минуточку! — сказал он, подняв руку.

Врач умолк.

— Как, господа старики? — обратился атаман к сидевшим особой кучкой седьм казакам.

— Вывести его! — последовала оттуда реплика.

— Потрудись, Ваня! — попросил атаман здорovenного батареЙца Шемелина.

Шемелин взял врача, как ребенка, под локотки и, подведя к выходу, выставил дворянскую спесь вместе с ее владельцем из школы. В тот же день врач навсегда покинул караул. Он никуда не жаловался.

Газеты писали: «...Караульцы умеют уважать свою личность и требуют уважения к ней от других. Грамотность у них развита больше, чем у других казаков, и из их среды вышло много людей, получивших среднее и высшее образование» *).

Но ни разница в имущественном положении, ни различия быта, ни разная степень образования, ни неравномерная обеспеченность землей не создавали, при патриархально дру-

*) «Жизнь в восточной окраине», 1896, № 157.

желюбно отношении между людьми, условий для того, чтобы казак казаку стал врагом.

Русско-японская война тяжело легла на плечи забайкальского казачества. По одноколейной тогда Сибирской магистрали Россия не могла ни быстро перебросить войска, ни наладить их военное и продовольственное снабжение. Казаки были мобилизованы до невероятно высокого для того времени возраста — до 40 лет. Это неблагоприятно отозвалось на казачьем хозяйстве.

Наиболее пострадали некараульские казаки: им в страдную пору негде было прихватить работника — война оставила районы, тяготевшие к Шилке, почти совсем без работоспособных мужчин.

У караульцев и тут оказалось преимущество. В долинах Аргуни и Онона и их притоков было большое кочевое население «ясашных» бурятов и тунгусов, которые охотно брали на себя уход за стадами за определенную долю в годовом приплоде (до 10%).

Революционные волнения, в какой-то степени захватившие и Забайкалье, в казачьей среде не нашли большого отклика.

У караульцев и некараульцев они протекали несходно.

Некараульцы от революции 1905 года ждали конкретных изменений — увеличения землевладений. Караульцы же к революционным событиям относились со спокойным любопытством: пустыки-де, ничего не получится, а посмотреть интересно. Интерес же у них поддерживался станичной интеллигенцией (учителя станичных школ, их друзья — дети богатых казаков, окончившие гимназии), которая интересовалась социалистической литературой, почитывала даже «Искру», увлеченно распевала «Марсельезу» и грешила порой словцом против царя-батюшки. Далеко не вся станичная интеллигенция была охвачена революционной лихорадкой. Где-то были одиночки, где-то группки.

Небольшую группу из Дуроевской станицы арестовали, увезли в Читу. На их счастье, еще не прибыла в Читу карательная экспедиция Ренненкампа и Меллер-Закомельского, еще не был смещен наказной атаман Забайкальского казачьего войска (он же генерал-губернатор области) Холщевников. Холщевников был человеком либерально настроенным, стремился не разжигать страстей. Он организовал при себе вспомогательный орган (что-то вроде совета из пред-

ставителей всех политических партий), вместе с которым старался сохранить порядок и не допускать эксцессов. Ознакомившись с материалами арестованных станичных «революционеров», он, говорят, расхохотался и приказал всех их освободить: мало ли что люди говорят и поют в домашней обстановке. (По прибытии Ренненкампа Холщевников был арестован и препровожден в Петербург, где по приказу царя освобожден *).

Призыв в Европейской России к самовольному захвату помещичьих земель — в Забайкалье стал призывом к захвату кабинетских земель. Малоземельные некараульцы откликнулись. Произошел захват земель в станицах Куенгской, Копунской, Большезерентуевской. Размаха движение не получило, земли были отобраны обратно, население успокоилось.

Казалось бы, первая русская революция прошла для забайкальского казачества без последствий. Очень скоро все в станицах стало на привычные места. Снова косили у себя и в Китае. Снова кочевали с гуртами скота, отарами овец и косяками табунов на зимние заимки, расположенные между станицами и в Китае. Пышно и сытно, как и прежде, проводили праздники Рождества, масленицы, Пасхи.

Но где-то в сознании отложились мысли о праве каждого ЛИЧНО решать и судьбу государства, и судьбу каждого отдельного человека. Брошенные семена давали всходы.

Война, начавшаяся в 1914 году, не потрясла экономических основ забайкальского казачества: слишком она была далека. Настолько не потрясла, что еще к концу 1917 года можно было встретить отдельных казаков, предпочитавших получать за коня или корову не золотой монетой, а бумажной: зачем-де карманы рвать, «не важно, что бумажна, важно, что денежна». Начало войны было даже выгодным: бра-

*) Нам сообщили, что история ген. И.В. Холщевникова изложена здесь неточно. Будучи арестован в вагоне поезда, в котором он выехал навстречу генералу Ренненкампу, Х. фактически находился почти все время под домашним арестом, вначале даже без охраны. За месяц до суда переведен в вагон, охраняемый солдатами. Суд над ним состоялся 8-12 мая 1906. Х. был приговорен к исключению из армии, с сохранением звания, и к заключению в крепость на 1 год 4 мес. Фактически наказания не отбывал, т.к. приказом военного министра Редигера был отозван в распоряжение Военного министерства. Свободно выехал в Петербург 9 июня, а до этого жил в семье знакомых. (См. «Каторга и ссылка», 1926, № 1/22/). — Прим. ред.

ли лошадей в армию по ценам почти вдвое выше местных рыночных, мясо принималось по поставкам для армии по ценам больше рыночных в полтора раза.

Меньшими (против средних русских) были потери «кормильцев» на войне: забайкальские казачьи части были сосредоточены почти исключительно на турецком (Кавказском) фронте, где «убойная» сила сражений была «детской» по сравнению с германским фронтом.

Когда в 1918 году начался и быстро завершился распад фронта, когда солдаты русской армии «ногами голосовали против войны», беспорядочно разбегаясь по домам и бросив оружие, забайкальские казаки тоже не стали держать фронта, но не стихийно бросали позиции, а снимались с них организованно, целыми полками, не оставляя и полковой батареи. Они ведь были не просто земляки, но, как правило, и одностаничники, зачастую связанные личной дружбой. Кроме того, конь! Конь — лучший из своего табуна: наиболее рослый, самый выносливый, наиболее «уносный» (скоростной) — унесет и от преследователей и от пущенной ими пули. Без коня казак не отправится домой.

Скоро выяснилось, что возвращение слаженной боевой единицей — самый верный способ скорее добраться до родных станиц. Труден лишь первый шаг: захватить или получить эшелон. Да и как отважиться двинуться в одиночку. Это ведь не европейская часть России: два-три дня поголодал и в вагоне ли, на крыше ли, но уже дома. До Забайкалья так не доберешься — не одна тысяча километров.

Во главе полков стояли не «отцы-командиры», а избранные полковым собранием комитеты, которые и выбивали в каждом губернском городе и пищевое довольствие для воинов и фураж для лошадей. Председатель комитета являлся командиром полка. Им теперь мог оказаться и молодой офицер из младших чинов, колеблющийся между эсерами и большевиками.

Кадровый офицерский состав остался поначалу на фронте, влившись в казачьи части, еще державшиеся на позициях. Часть кадровых офицеров, задумывавшаяся о неизбежной в ближайшее время гражданской войне, поодиночке возвращалась в Забайкалье, не теряя из виду организованно возвращающиеся части, рассчитывая при разъезде казаков по домам спасти полковую артиллерию.

В Забайкалье, отдаленном от центра России на семь тысяч километров, все происходило со значительным опозданием.

Поздней его воинские части вступили в гражданскую войну (пока доехали!), позднее установилась советская власть ¹).

В начале 1918 года Особый маньчжурский отряд атамана Семенова ²) в составе двух кавалерийских полков выступил из г. Маньчжурия и двинулся по направлению к Чите, где уже управлял областью Ревком ³). Против Семенова был сформирован отряд, в который вошли рабочие депо Чита-1, выпущенные из тюрьмы уголовники и прибывший с турецкого фронта 1-й Аргунский казачий полк под командой Фрола Балябина. Общее командование отрядом было возложено на Сергея Лазо. Начались первые стычки. Впервые казак рубил казака, впервые казак стрелял в казака ⁴).

Начальником штаба отряда Лазо была эсерка-максималистка Нина Лебедева ⁵). Она находилась в полном контакте с той частью отряда, которая была скомплектована из уголовников. Уголовникам Лебедева импонировала и внешностью, и поведением. Черная, глазастая, умеренно полные груди и бедра, плюшевый жакет, цветастая с кистями шаль, почти волочащаяся сзади по земле, огромный маузер на боку. Она не запрещает, а поощряет погромы с грабежом, за словом в карман не лезет. Рывкнет кто-нибудь: «Тарарам тебя в рот!», — услышит, откликнется: «Зачем же в рот, когда можно в?» — поведет глазом и, стуча каблучками офицерских сапог с кисточками, пойдет дальше, поигрывая бедрами. Хевра *) радостно гогочет, восторженно глядит ей вслед. Своя в доску!

Вот это-то воинское подразделение и заставило придумать казаков 1-го Аргунского полка. Когда взяли Даурию, молодчики Лебедевой устроили погром. Грабили, издевались над населением. Из выбитых окон летели тучами пух и перо. «Это што?» — подступили к своим командирам — Балябину и Лазо — аргунцы. Балябин, опустив голову, помалкивал, а Сергей Лазо говорил о стихийности революции, об основной сейчас задаче — ликвидации Семенова, о необходимости терпеть эксцессы погромщиков, мириться с ними: они-де нам нужны. Говорил, но не убедил. Как только Семенов, потерявший в боях под Даурией половину своего отряда, запрятался в Маньчжурии, казаки засобирались домой. Балябин и Лазо их всячески уговаривали задержать: вдруг да выскочит атаман снова. «Выскочит — позовете»,

*) Хевра (жарг.) — общее название уголовников-«блатарей».

— сказали казаки и, заседлав лошадей, отправились в родные места. Винтовки и пашки взяли с собой ⁶).

В начале апреля 1918 года пришел с Кавказского фронта (тоже в полном составе и с батареей) 2-й Аргунский казачий полк. Командовал им выборный командир — сотник Александр Лукич Пинигин. Он был сыном богатого казака-торговца из Новоцурухайтуйского караула. В свое время закончил читинскую гимназию. В войну превратился в офицера. В 1905 году был в числе станичных русских мальчигов, мечтавших о создании новой России. Теперь он имел возможность не только петь о революции, но и непосредственно в ней участвовать. Ревком Читы пытался и второй Аргунский полк уговорить отправиться на Даурский фронт. Пинигин был согласен, но рядовые казаки предпочитали отправиться по домам. Сражений под Даурией не было, но считалась вполне реальной новая попытка атамана прорваться в Забайкалье. Сколько ни уговаривали — казаки отправились по домам, дав, как и их товарищи из 1-го Аргунского, обещание в случае нужды явиться. Я виделся тогда с Пинигиным и спрашивал его о мотивах, которыми он руководствовался, давая согласие двинуться с полком в Даурию. Он ответил: «С большевиками я не согласен, а семеновцев ненавижу». Когда полк разъехался по домам, Пинигин тоже поторопился в свою станицу.

В мае Семенов, переформировав разбитый отряд, пополнив его новыми добровольцами, вновь вошел в пределы Забайкалья. Ревком выпустил обращение к казачеству, напоминая казакам 1-го и 2-го Аргунских полков об их обещании. Явились лишь отдельные казаки, большинству же война осточертела, и они предпочли остаться дома.

Пинигин явился, участвовал в боях. Красные потерпели поражение, фронт был распущен. Пинигин, как и все, вернулся домой. В августе 1918 Семенов объявил призыв офицеров. Пинигин по призыву явился, был арестован и сразу же расстрелян.

Я пишу об обоих Аргунских полках и их командирах не потому, что они особо примечательны. Они — как многие. Но люди — творцы своих судеб. Сами казаки подготовили все, что вело к полному уничтожению казачества. Сами расчистили благодатную почву для «первопроходцев коммунизма».

Гражданская война в Забайкалье шла вяло, с перерывами. Первый ее этап, описанный выше, протекал на строго

ограниченной территории — от Маньчжурии до ст. Оловянная, был ограничен и во времени — март-август 1918 года.

С августа 1918 устанавливается власть атамана Семенова, чувствовавшего себя очень твердо, ибо кроме его малочисленных частей, Забайкалье было занято значительными японскими формированиями.

В 1919 происходят отдельные всплшки-восстания в станицах по Унде, Газимуру, Онону и Борзе (названия рек). Повстанческие отряды сразу перешли на партизанские методы борьбы. Центрами их сосредоточения были Курунзулай, Онон-Борзя, Копунь, Богдать, Большой Зерентуй. Количественно их силы были незначительными. Онон-Борзинский отряд состоял из трех кавалерийских полков, а Богдатский под командой Журавлева — из четырех.

При малых масштабах гражданской войны малыми были и ее жертвы — потери в живой силе с обеих сторон. Страдало население станиц, переходивших из рук в руки: происходила расправа с семьями ушедших к партизанам — с одной стороны, с семьями ушедших к атаману — с другой.

У Семенова было организовано снабжение армии всеми видами довольствия; партизаны добывали все сами. Займут станицу — накладывают на богатых казаков контрибуцию, производят конфискации. Контрибуция — деньги. Конфискация — лошади (под седло), скот (на мясо), золотые вещи (часы, перстни, кольца, серьги). Много раз бывало, что конфискация носила самовольный характер — была простым ограблением.

Когда партизаны попадали в положение, вынуждавшее их прятаться в Китай (небольшой отряд, семья партизан), начиналась почти детская игра в дипломатические переговоры. «Дипломатом» у Журавлева ¹⁾ был зерентуйский казак Воросов ²⁾ — учитель по профессии. «Дипломат» подносил китайскому начальнику и его жене подарки — награбленные или конфискованные золотые вещи. Начальник разрешал спрятаться на китайской стороне.

Прятали китайцы и богатых казаков, мужчин, уходивших из пограничных станиц при занятии их партизанами.

В литературе, посвященной гражданской войне, часто говорят о глумлении над трупами. В Забайкалье случаев издевательства над трупами, видимо, не было ни с той, ни с другой стороны; не слышал в живых рассказах, не встречал в литературе. Слышал, что в станице Дуроевской, в одном из ее караулов, пятеро партизан, войдя в дом богатого

казака, обнаружив в нем только молодую хозяйку и ее семнадцатилетнюю дочь, призадумались: «Не расчесать ли хозяйке и дочке нижние кудри?» Мерзавцы, завязав им рты, изнасиловали.

Семеновцы позорили себя порками и издевательствами в застенке на ст. Макаево. Но это были еще только еле-еле распускавшиеся цветочки, ягодки не угадывались впереди⁹⁾.

В 1920 году создается ДВР, распространившая свою власть на громадные территории от Байкала до Тихого океана.¹⁰⁾ На одном событии, связанном с ДВР, надо остановиться. Это трагическая судьба Каппелевской армии, возглавлявшейся после смерти Каппеля Войцеховским¹¹⁾.

В конце сентября 1920, когда определилось, что ДВР будет создана, при проезде через Читу приморской делегации, возглавляемой будущим премьером ДВР Никифоровым¹²⁾, Войцеховский вступил с Никифоровым в переговоры. Он заявил Никифорову, что его корпус провел в боях за создание парламентарной республики и созыв Учредительного Собрания два года. ДВР — парламентарная республика; Учредительное Собрание созывается — чаяния его корпуса осуществились. Он просит о включении его корпуса в состав вооруженных сил республики и настаивает на отдале распоряжения НРА¹³⁾ о прекращении против него военных действий. Никифоров довольно реально представляет марионеточность ДВР, марионеточность ее правительства, но японцы еще не начали отводить свои войска; он отделяется обещанием довести предложение Войцеховского до сведения правительства. Большевикам же корпус, на который могут опираться демократические силы создаваемой республики, — поперек горла.

15 октября японские части покидают Забайкалье. Командование НРА и партизаны обрушивают все свои силы на каппелевцев. Последние дерутся неохотно — они обескуражены: парламентарный строй стремится к их уничтожению!¹⁴⁾

Каппелевцев вытеснили в Маньчжурию, где они были разоружены китайцами. Дальнейшая их судьба — судьба русской эмиграции: кто прорвался на Запад, кто влечит жалкое существование в Китае, кто, опаленный ненавистью к большевизму, вступает в белые отряды, организуемые в Приморье, где ждет их смерть. Были и такие, кто через несколько лет поверили в большевистскую амнистию, вернулись в Россию, поселились на Урале. Дожившие до 1937 попали в застенки Сталина¹⁵⁾.

ДВР подчинялась распоряжениям из Москвы. А чтобы не вздумал кто-либо своевольничать, было командование НРА и буйствующая под его крылышком ГПО (Государственная политическая охрана). Главенствующее положение военных было неприкрытым. На любом серьезном совещании после высказывания ведомственных или правительственных чинов следовал вопрос председательствующего: «Мнение представителя НРА?» Тот высказывался. Его мнение почти всегда оказывалось ведомственным или правительственным решением по обсуждавшемуся вопросу.

Первый председатель правительства ДВР Краснощев¹⁶⁾ принял было всерьез и себя, и республику, ее буржуазно-демократический характер и пытался осуществлять соответствующие мероприятия. Был немедленно смещен и переведен на работу в РСФСР.

Марионетки марионетками, но были и практические задачи. Промышленность полностью разрушена, финансы в невообразимом разброде, республиканский бюджет почти нулевой (сельские учителя не получают зарплату, кормятся, ходя поочередно по домам села), старые законы не действуют, новых нет, а преступность растет в катастрофических размерах, самоуправствуют и партизаны.

Получив подавляющее большинство мест в Учредительном Собрании, переименованном в Народное, большевики имели возможность создать однопартийное правительство, но надо перед Японией, Америкой, Англией и Францией выглядеть буржуазно-демократической республикой и к тому же всячески подрывать авторитет политических противников. Меншевикам дают посты министра промышленности, министра финансов и его заместителя, председателя правления Дальбанка: невозможно-де справиться — опозорятся. Министром юстиции назначается эсер, министром просвещения — народный социалист (пускай повертится перед не получающими зарплаты учителями на селе, питающимися бродячим способом). За собой большевики оставили карательные органы — МВД, ГПО, Верховный суд, Военное министерство, Министерство иностранных дел и Министерство земледелия (сельское хозяйство еще не развалено).

Теперь, когда государственное становление большевизма упрочено, на очереди — расправа. Она осуществляется в городах органами ГПО, в станицах и селах — руками партизан.

Партизаны к тому времени, впитав в свои ряды остатки семеновских частей, развернулись из четырех журавлевских

полков (после гибели Журавлева) в дивизию Каратаева¹⁷⁾, включающую в себя три бригады. Каратаев со штабом и одной бригадой дислоцировался в Сретенске. Третья бригада его дивизии под командой Абрама Федорова сосредоточилась в станицах, расположенных в среднем течении Аргуни. Штаб бригады находился в Новом Цурухайтуе.

Отношения между партизанами и НРА складывались как «штыковые». Каратаев формально подчиняется, да выполняет далеко не все распоряжения не только НРА, но и правительства. У него это «наследственное» от Журавлева. В неизданных записках Каратаев вспоминает, что Журавлев незадолго до смерти говорил: атамана мы победили, но, расходясь по домам, винтовки возьмем с собой — комиссаров бить придется.

Командир Амурской партизанской дивизии забайкалец Степан Шилов¹⁸⁾ открыто отказался подчиняться командованию НРА.

Последнее до поры до времени на конфликт не шло, рассчитывая, использовав партизан в боях с отходящими японскими частями, затем расформировать их. Пока же партизан поглаживали по головке и их руками, под их марку, начали расправу — потом можно будет, делая невинное лицо, сказать: что поделаешь — стихия!

Первоначальные скромные шаги государственного террора — это захватывание казачьей верхушки по различным поводам: то кто-то видел у пожилого казака револьвер, то кто-то когда-то избирался поселковым атаманом, то кто-то сказал в споре с комиссаром, что победили не они — не диктатура, а Учредительное Собрание..., то..., то..., то... .

Аресты производятся по распоряжению комбрига. Всякий арестованный на территории расположения каратаевской дивизии в сопровождении двух конных конвоиров направляется в распоряжение штаба дивизии и если доберется до Сретенска живым, то непременно длительное время ждет милости (освобождение) или гнева (расстрел) комдива Каратаева. Я не случайно написал: «если доберется до Сретенска живым», — слишком часты были донесения конвоиров: погиб при попытке к бегству. Хотя все прекрасно понимали, что в степных условиях безоружный пеший не побежит от двух вооруженных конных, красные начальники рапорта принимали и благодарили конвоиров за соблюдение устава конвойной службы.

Казак Б. из Дуроевской станицы рассказывал мне, как ему удалось остаться живым, хотя он собственными ушами

слышал, как конвоиры, когда остановились в пути, чтобы дать опорожниться лошадям, закуривая, показывая друг другу на арестованного, молвили: этот отчаевал (забайкальское казачье словцо «отчаевал» означает: не будет больше пить чай, умрет, умер). Возница, тоже казак Дуроевской станицы, свидетель разговора конвоиров, шепнул Б.: «Садись, паря, ко мне поплотней. Двоих сразу убивать не станут. Так и с другими ямщиками держись: ты и ямщик на одной линии по отношению к стволу винтовки». Б. строго соблюдал этот совет. Благополучно добрался до Сретенской тюрьмы. Там призадумался — упасет ли Бог от Каратаева. Сын Б. через несколько дней после увоза отца (отец был богат, по каратаевской логике — враг) поехал в Читу искать столичной правды ДВР. На прием к министру юстиции Шрейберу попал сразу. Тот выслушал внимательно, взял письменное заявление, сказал, что даст по телефону представителю юстиции в Сретенске распоряжение о проверке, и просил зайти за ответом через неделю. Сын Б. так и поступил: ровно через неделю пришел на прием. Министр сообщил ему, что проверка произведена, что отцу Б. ничто, кроме богатства, не инкриминируется и что потому он лично дал распоряжение об освобождении. Сыну Б. он дал официальный ответ на его заявление, в котором сообщал, что приказ об освобождении отца отдан.

Сын Б. поехал в Сретенск и сразу пошел к Каратаеву. Каратаев принял его неприязненно и заявил, что комбриг Федоров зря арестовывать не будет. Ознакомившись с письмом Шрейбера, Каратаев подтвердил, что приказ об освобождении он получил, но хозяин здесь не министр, а он. Потому исполнять приказ не будет. С тем от него сын Б. и ушел.

Придя на квартиру, он застал в гостях у хозяев знакомую ему старую казачку Большезерентуевской станицы Воросову, мать Воросова-партизана, «дипломата» журавлевского отряда. Этого «дипломата» отец Б. в свое время вырвал из цепких рук семеновского карателя контрразведчика Кармадонова. Услышав, что Б.-отец арестован, сидит в Сретенске, Воросова разволновалась и заявила, что она завтра же пойдет к Каратаеву, что она ему покажет и т.д.

Утром следующего дня Каратаев вызвал к себе Б.-отца и выдал ему монолог:

— Ты что же, кулацкая морда, жаловаться на меня вздумал, и кому жаловаться! Министру — врагу нашей пар-

тии! Да мы твоего министра в скором времени на распыл пустим! Тебе же прямо говорю: ты отчаевал. Завтра же на рассвете мы тебя кокнем. Ясно?

Вот тут-то как раз и влетела к Каратаеву разъяренная Воросова. Ни на кого не глядя, она гневно спросила Каратаева, держит ли тот в тюрьме Б. Каратаев ей угрюмо, с вызовом: «Ну, держу!» Она кулаком по столу застучала и в крик: «Так, значит! Он моему сыну жизнь спас! Он моего сына у палача из кровавых рук выдернул, а вы его в тюрьме гноите? Совесть-то у тебя, командир, где? Где ты ее потерял?» Каратаев ей: «Погоди ты! Вот он тут сидит, за твоей спиной, живой и не гнилой, — и к Б.: — Ты что же про Костю Воросова молчишь? Ведь не приди она, мы бы тебя завтра расстреляли. Правда, что ты Костю спас?». Тот ему: «Зачем говорить? Не знаю, за что вы меня арестовали, но не за Костю же?» Каратаев Воросовой: «Бери ты его. У меня и приказ министра об его освобождении есть». Так Б. и освободился. А сколько их, что отчаевали? Да почти все, кто был вырван из станиц!

Бесцеремонно разделявались с казаками — политическими противниками. Вот как погиб Яков Гантимуров — казак Дуроевской станицы. В 1905 году Гантимуров принимал активное участие в революции. Тогда же вступил в партию эсеров. Был схвачен, приговорен к каторжным работам, которые отбывал в Нерчинской каторге. Освобожденный революцией 1917 года, вновь вел активную политическую работу. При выборах в Учредительное собрание ДВР был выдвинут партией эсеров кандидатом от приаргунских станиц. В конце ноября 1920 объезжал станицы для встреч с избирателями. Везде казаки принимали его крайне благожелательно. Стало ясно, что на выборах в Приаргунье пройдет он, а не большевистский кандидат. Тогда-то и было принято большевиками решение уничтожить его. В станицу Зоргол, где Гантимуров должен был выступать на предвыборном митинге, он прибыл затемно. Остановился у друзей. Едва сели за стол, в горницу вошли двое вооруженных в маски. Один из них застрелил Гантимурова в упор из нагана. Пока «ох» да «ах», стреляющие выскочили на улицу, где, держа лошадей под уздцы, их дожидался третий соучастник. Впоследствии выяснилось, что убийцами были командир третьей бригады Абрам Федоров¹⁹⁾ и его сокараулец Трофим Гурьевич Пинигин. Называли и третьего, но его фамилию я запомнил. Следственные органы были в руках большеви-

ков. Несмотря на то, что Федоров и Пинигин были опознаны (Федоров по искалеченной правой руке, Пинигин — по коню), преступление попало в разряд «нераскрытых». На выборах прошел оставшийся в единственном числе большевистский кандидат.

Как только большевики стали осуществлять расправу с казачьей верхушкой, сразу же начался массовый уход аргунских и ононских казаков в Китай. Первыми ушли те, у кого заимки были в Китае по восточным притокам Аргуни: Хаулу, Дербулу, Гану (Трехречье), а также Мергелу. Им уходить было легко: на русской территории у них были лишь дома, небольшое число коров и лошадей для домашнего обихода, а все остальное было уже в Китае. Тем, у кого заимки были на русской стороне, хочешь не хочешь пришлось ждать апреля 1921 и уйти только перед самым вскрытием реки: до нового подножного корма остается перебиться какие-нибудь три недели — немного сена надо прикупить для скота, лошади же такой срок выдержат и на отаве... Как бы там ни было, процентов 15 казачьих семей, живших по Аргуни и Онону, эмигрировали в Китай, прихватив с собой стада и все движимое имущество.

Со стороны большевистских правителей последовала двойная реакция. Во-первых, закрыли русско-китайскую границу: отныне ее переход без разрешения считался нелегальным и карался тюремным заключением. Во-вторых, были произведены грабительские набеги на поселения по ту сторону границы²⁰⁾.

Первый такой набег был произведен весной 1921. Он был осуществлен комбригом-3 Федоровым Абрамом Яковлевичем. Двинулись двумя небольшими отрядами. Один во главе с Федоровым направился в низовье реки Ган к поселениям Городок, Курьер, Сератуй. Второй возглавлялся кем-то из его подручных. Он двинулся в нижнее течение рек Хаула и Дербула к поселениям Красный Яр, Цаплинное, Стрелка.

Нападать на эмигрантские поселки было абсолютно опасно: винтовки, пашки отобраны китайской администрацией. Нагрянули под вечерок, когда скот и табуны пригоняются на ночь домой. Сразу же бросились к табунникам. Каждый выбрал себе запасную лошадь и переседлался. Своих коней пустили в сенники к зародам*). Оставили при

*) Зарод (обл.), — большой стог сена, имеющий в плане форму длинного прямоугольника.

лошадях коноводов. Выгнали табуны и рогатый скот в степь и, отрядив по два-три гонщика, пошли со стадами к русской границе. Остальные рассыпались по зимовьям, начали повальный обыск и перевернули все, даже грудных детей вынимали из люлек, а то и просто выкидывали. Искали золото во всех видах. Что нашли, сколько нашли — никому не сказывали. Арестовали человек десять наиболее богатых, усадили в розвальни и повезли с собой.

И на Гану и на Хауле — Дербуле события развивались по одному плану. Федоров, взявший направление на Старый Цурухайтуй, через пять-шесть верст остановился. Арестованных из розвальней высадил и сказал им, что отпускает их восвояси, а ежели кто собирается вернуться на русскую сторону, пусть забирает семью и приезжает. Когда арестованные отошли сажень на 100, Федоров приказал дать три залпа в воздух — имитировал расстрел, устрашая оставшихся в зимовьях. И добился своего. В зимовьях залпы посчитали расстрелом, и старики, матери, жены, сестры, братья рыдали, рвали на себе волосы, пока мнимые расстрелянные не прибыли в поселки.

Грабители на Хауле и Дербуле, окончив грабеж, взяли курс на Новый Цурухайтуй. Они везли с собой одиннадцать арестованных. Перед рассветом вышли на Аргунь к мысу Кыдам, расположенному между Новым Цурухайтуем и Зорголом. Поднялась метель, видимость была плохая. Перед переходом через реку невольно сгрудились: отряд подождал, пока подошли гуртовщики и табунщики. Так, сгрудившись, через Аргунь и пошли. Метелью, суматохой да тальниковыми зарослями на правом, китайском берегу воспользовались двое арестованных: Василий Перебоев и Сергей Петрович Куницын. Хватились их уже на русской стороне. Перебоев и Куницын — оба бывшие новоцурухайтуевцы, места те хорошо знали. Где спрятались — неизвестно, только пятеро всадников, отправившихся их искать, вернулись ни с чем. Остальных девятерых арестованных здесь, под Кыдамом, расстреляли... После расстрела один отрядник с наганом в руке обходил трупы, проверяя, нет ли живых. Бывший новоцурухайтуевец Илья Иванович Баженов был легко ранен. Услышав приближавшиеся шаги, невольно чуть повернул голову. Обходивший заметил: «Шевелится. Сейчас добыю!» Выстрелил в голову. «Теперь хватит, не зашевелится». Ушел. Отряд с гуртом и табуном двинулся в Новый Цурухайтуй. Баженов же остался жив. Он был в вы-

сокой шапке, пуля пробила ее, чуть оцарапав кожу на тмени. Переждав достаточно долго, Баженов перешел на китайскую сторону и пешим порядком потащился на разграбленные заимки. Закапывать трупы нарядили двух казаков из Нового Цурухайтуя: Иллариона Петровича Пинигина и Ивана Арсентьевича Мунгалова, которые среди расстрелянных обнаружили своего родственника и состаничника Семена Григорьевича Пинигина. Все это записано со слов казачки-эмигрантки Зоргольской станицы З., проживавшей в ту пору в Цаплинном. О расстреле и побеге ей рассказывали В.А. Перебоев и П.И. Баженов.

Статьи об этом набеге можно найти в харбинской газете «Новости жизни» и в газете эсеров за тот год, издававшейся в Чите во времена ДВР. В газете была помещена умеренно-гневная статья. След о набеге должен быть и в протоколах Народного собрания ДВР: фракция эсеров сделала по этому поводу запрос правительству.

Выше я датировал набег весной 1921 — это по моей памяти. Та же память говорит мне: запрос в Нарсобе ДВР был осенью 1921 года. Следствие ли это 60-летней давности событий или позднего поступления сведений в Дальбюро эсеров? Из осторожности говорю: в газетах за тот год. Одно из двух: или весна перед вскрытием рек — март-апрель 1921, или октябрь-ноябрь того же года — по рекоставу.

Что случилось с награбленным имуществом? Золото, видимо, расплозлось по карманам отрядников-грабителей. Досталось им также по 1-2 коровы и по 1-2 лошади. Оставшаяся же, большая часть поступила в распоряжение дивизии Каратаева; лошади под седло, скот — на дивизионное довольствие.

Один из участников набега, Эпов, казак из Нового Цурухайтуя, по слухам, командир отряда, грабившего на Хауле — Дербуле, получил личное возмездие. Летом 1922 года он (надо полагать, по заданию советской разведки) оказался в городе Хайларе. Там его опознал бежавший из-под расстрела под Кыдамом В.А. Перебоев. Эпов был арестован и приговорен китайским судом за убийства с целью грабежа к трем с половиной годам тюрьмы. Отбывал заключение в тюрьме г. Харбина. Выпущенный по окончании срока, вернулся в Забайкалье. Русские, жившие в Китае, утверждали, что сидевший в китайской тюрьме долго не живет. Так ли, не так, но Эпов вскоре после возвращения умер.

* * *

С 1921 года история забайкальских казаков разбилась на два русла: жизнь казаков-эмигрантов в Китае и жизнь их на советской стороне. Сообщив о набегах 1921 года, я невольно начал с истории жизни казаков в Китае. Проследим ее от «а» до «я», а после того вернемся в Забайкалье.

По тому, что я написал страницами двумя раньше, меня могут понять так: никаких затруднений уходившие в Китай не встретили.

Верно: проводившие зиму 1920-21 гг. в Китае, действительно, почти не встретили трудностей. Единственное, что тревожило, — не вся семья в Китае, кто-то оставался в станицах. Эта беда была поправима: казак лучше пограничника знал границу, да и пограничный «замок» поначалу был вовсе игрушечным.

Тем, кого советская власть застала на русской стороне, приходилось много трудней. Гурты скота не иголка — в сене не запрячешь. Рассказывали, что богатейший казак Абагайтуевской станицы Шеломенцев ту зиму держал свой гурт в две тысячи голов скота на русской стороне. В апреле, недели за три до вскрытия Аргуни, он, разделив гурт надвое, подтянулся к реке на середине пути между Нарыном (ныне Среднеаргунск) и Абагайтуем. Первая часть гурта спокойно перешла реку в предзакатное время. Со вторым гуртом несколько запоздали и решили перегон отложить до рассвета. Кто-то из поздно ехавших из Нарына в Абагайтуй заметил шеломенцевский гурт, тянувшийся к границе. По приезде домой он среди прочих новостей, не остерегшись стоявшего у них на постое красногвардейца, молвил и про гурт Шеломенцева. Красногвардеец, несмотря на поздний час — около десяти вечера, — отыскал командира части и доложил об услышанном. Командир вызвал двух красногвардейцев-партизан и, дав им ручной пулемет, приказал, как развиднеется, скакать к Аргуни и не допустить перехода скота на китайскую сторону. Если гуртогоны не будут подчиняться — бить по скоту из пулемета. Едва рассветло, партизаны заседлали лошадей, приторочили пулемет и выехали из Абагайтуйа. Проскакав верст семь, они заметили верстах в двух скот, широкой полосой тянувшийся в Китай. Поняв, что опоздали, партизаны перевели лошадей на карьер и пошли напрямую по снежной целине. Лошади, притомленные семиверстовым броском наметом, почти не прибавили скорости. Гуртовщики, заметив скачущих наперерез партизан, забеспокоились, стали торопить скот. Последние коровы

уже спускались с берега, а партизаны не доскакали еще более ста метров. Они спешили и запустили пулемет. Едва застрекотал пулемет, гуртогоны под прикрытием скота бросились на китайскую сторону. Скот падал, а пулемет бил и бил. Уничтожено было более двухсот голов.

Среди уходивших из станиц людей были и такие, имущественное положение которых подходило под понятие «ни кола, ни двора». Это были либо те, чья эмиграция была вынужденной (ушли за границу с отступающей армией), либо те, кого настигли на границе в момент перехода ее со стадами. Последним оставалось, покинув на преследователей скот и лошадей, перескочить границу только с семьей. Случаи были самые разнообразные.

Расскажу об одном, происшедшем с Дмитрием Андреевичем П., зимовавшим в 1920 на Шанежной, что расположена примерно посередине между Старым и Новым Цурухайтуями на берегу Аргуни на восточном склоне Казачьего хребта. П. находился в самой поре — ему было около тридцати лет. Двое из родных его дядей были полковниками казачьих частей царской армии, и оба умерли вскоре после Февральской революции. Прямое родство П. с полковниками, видимо, и послужило поводом к тому, чтобы комбриг-3 дивизии Каратаева Федоров отдал приказ об его аресте. Двое партизан, выполнявших приказ, арестовали П., выбрали из его табуна лучшего четырехлетка-полукровка и запрягли его в сани. Нарядив кучером казака из соседней с П. землянки, усадили арестованного в сани и тронулись. Дорога шла вдоль реки по самому берегу — поджимал хребет. Берег порос тальником. Возница с арестованным ехали впереди конвоиров метров на двадцать. Отъехав с полверсты, конвоиры, не слезая с лошадей, остановились закурить. Расстояние между ними и арестованным увеличилось. П. этим воспользовался. Он протянул вознице кисет с табаком: закуривай и ты, Миша. Тот, передав вожжи П., стал крутить папиросу. П. ударом локтя вышиб кучера из саней, круто развернул коня на реку, и, выпустив четырехлетка на полный карьер, ринулся к китайскому берегу. Конвоиры заметили побег, когда П. проскочил уже половину Аргуни. Они кинулись вслед, скинули винтовки, выстрелили на скаку — промазали. Поняли: на свою беду облюбовали четырехлетка — их лошадям за ним не угнаться. Спешили, пару раз выстрелили, вновь промазав, и отправились в штаб бригады докладывать.

Ш. зимовал тоже на Шанежной, был соседом П. по зимовью и по дворам для скота. Ш. страдал ревматизмом. Через неделю после побега П. он ночью не мог заснуть: «Ох, ноженьки сохнут!» Вдруг услышал шум, глянул в окошко. Батюшки, скот выгоняют! Унты на босу ногу, шубенку на плечи, из зимовья выскочил. «Караул» закричал, в зимовье пограничников побежал. Те из зимовья — и в воздух палить! Трое верховых от двора П. на ту сторону в Китай поскакали. Понял Ш., что не его скот выгоняли, а П. за своим приезжал. После, когда он рассказывал об этом происшествии, станичники головами качали, приговаривали: хорошо бы, кабы ноги у тебя вовсе отсохли. Лошадей и скот П. конфисковали. Жена П. с четырьмя мал-мала меньше ребятишками только через год, почти в чем мать родила, перебралась на китайскую сторону к мужу.

Территория, на которой расселились забайкальские казаки приаргунских станиц, простиралась от восточного берега Аргуни до западных склонов Большого Хингана, а с юга на север от КВЖД до верховьев Гана и Дербула — восточных притоков Аргуни. Места были совершенно необжитые. Китайцам с их грядковой культурой земледелия в этих местах было нечего делать: слишком суровые зимы, засушливое лето. Автору приходилось в начале этого столетия проезжать от Аргуни вдоль вала Чингисхана до перевала через Большой Хинган. На всем протяжении пути ему встретился только постоянный двор в нижнем течении Дербула. Эти-то места и облюбовали забайкальцы для постоянной оседлой жизни. Поначалу они еще грелись мыслью о возможном возвращении на родную землю и потому строились на скорую руку: рыли землянки, строили в них нары. Селились по древнему обычаю на берегах рек.

В 1929 году был произведен второй набег на поселения казаков-эмигрантов в Китае²¹). Он был организован пограничным управлением по распоряжению свьше. Всеи операцией руководил представитель Хабаровского пограничного управления. Фамилия его, к сожалению, рассказчиками позабыта. Известно, что до перевода в Хабаровск он был в составе Новоцурухайтуевского пограничного поста. Отряд для набега формировался из агентов разведки и тайных агентов ОГПУ, жителей приаргунских станиц. Известны фамилии следующих участников набега, названные оставшимися в живых женщинами из Тынхе.

Из Ново-Цурухайтуя: Лыткин Александр Ефимович (сейчас пенсионер, долго был председателем колхоза), Мун-

галов Василий Васильевич, Мунгалов Михаил Константинович, Мунгалов Иван Прокопьевич, Мунгалов Иннокентий Львович, еще один Мунгалов (имя забылось), Топорков Клавдий Михайлович (расстрелян в 1937), Пинигин Поликарп Федорович, Жигалин Александр, Балиев Николай (тунгус, дорезывавший кинжалом расстрелянных, подававших признаки жизни).

Вспоминают еще из Зоргола Лопатина Астафия Александровича, Бакшеева Егора, Кулакова Александра. Остальные были из других станиц.

Теперь предоставим слово рассказчикам.

Шитов Михаил Владимирович, служащий КВЖД, вывезенный оттуда в 1935, посаженный в Каргопольский лагерь: «Страшные вещи происходили в Трехречье. Уничтожали поголовно всех до грудных детей. Публикации об этом печатались не один день в «Новостях жизни».

Топоркова, сестра грабителя Топоркова Клавдия Михайловича, жительница Тынхе, мужа которой расстреляли в этот набег: «Клавдий, подлец, ко мне в зимовье заскочил. Из награбленного кусок сарпинки сует: возьми-де, пригодится. Я его куском по морде: «Сука ты!» Убьет, думаю. Нет, из зимовья выбежал».

Е.Б. из Чанкыра, где убивали всех: мужчин, женщин, детей. Спаслась тем, что в суматохе проскользнула в сенной двор и там пряталась в зарослях: «Убивали всех поголовно, включая грудных детей. Один из отряда грабителей, Жигалин Павел, упал на землю, стал биться, кричать: «Подлецы, что вы делаете?» Бросились к нему свои, обезоружили, связали».

Бакшеев из Старого Цурухайтуя, дружок Александра Ефимовича Лыткина: «Трезвый Саша Лыткин ничего — вроде бы и не был в Чанкыре и Тынхе. Пьяный же — плачет, по щекам себя бьет, слезливо ноет: «Все прощу себе, но грудного ребеночка, за ножки, о рубленный угол головой! Не могу забыть! Не могу забыть!».

Д.П.З. из Тынхе, на родине проживала в Зорголе. Уверяет, что твердо помнит точную дату набега — 1 октября 1929 года. Вот ее по возможности дословно записанное воспоминание о том, что происходило в Тынхе:

«Всех выгоняли из землянок. Строили отдельно мужчин, отдельно женщин и детей. Крикнули нам в окно: «Выходи!» Муж вышел раздетым. Я пошла за ним с одежей. Мужа звали Ефим Александрович З. Один из них сказал:

«Не понадобится ему одежда. Сейчас тепло». Среди выгонявших был Егор Бакшеев из Зоргола. Он меня спросил: «Ты как сюда попала?» Я ему вместо ответа: «Вы, как видно, не за добром приехали? Не убивайте нас — ведь мы свои люди. У меня вон уже третий муж и четверо детей». Он улыбнулся и ничего не сказал. Они стали совещаться. Их проводником был еврей Жуч²²). Он сказал: «Если будете убивать женщин и детей, убивайте меня первого». Тогда они приказали женщинам идти и варить для них обед. Муж мне: «Вари больше мяса». Я ему: «Глупый ты, они сейчас из вас наварят мяса!» Всего забрали 64 человека, среди них шесть мальчиков двенадцати лет. Моя сестра видела, что их повели в распадок. Страшно, а виду показывать не надо. Я пошла коров доить. Услышала выстрелы. Мы с соседкой Аникеевой побежали туда. Навстречу нам бежал окровавленный мальчик. Он сказал, что всех перебили. Лицо у него свело судорогой, больше говорить он не мог, побежал дальше. Следующим попал навстречу Иван Герасимович Волгин. Весь залитый кровью, но не раненый. У него убили взрослого сына и старика отца. Он был как помешанный. Ни слова не говоря, он запряг телегу и привез трупы сына и отца. Привез их и сложил друг на друга в кладовку. Все делал молча, говорить не мог. Дальше мы увидали, как несут на потниках Ивана Матвеевича Гаськова. Он был живой. На нем было восемнадцать ран. Потом он умер по дороге в больницу в Хайлар.

Он рассказывал: «Когда нас пригнали в распадок, поставили всех около рытвины на колени по обеим сторонам. Мальчишек же поставили поперек рытвины выше. Мальчишки кричали: «Не убивайте нас!» Потом предложили напоследок закурить. Потом подали сигнал бить по головам. Стреляли из шестизарядных винтовок. Я упал раненый. Выстрелы стали тише и тише. Я приподнял голову. Один заметил и говорит: «Ой, один живой, в черном полушубке». Он вернулся и ударил меня кинжалом в живот. Я почувствовал, что у меня внутри все перевернулось. Я чужим кулаком заткнул себе рот и не выдал боли. Они ушли».

Тут пришел пешковский отряд. Окружили место расстрела и никого не подпускали. Мы с Аникеевой побежали назад. А там, оказывается, грабители все сожрали, все разграбили в домах и подожгли поселок. Каждый дом подожгли и удрали будто бы в Зоргол. Мы собрали скотишко и тронулись в Якеши. Поехали одетые в чем были — все сгорело.

Когда пришли в Якешу, нам из Харбина послали вагон одежды, но его подожгли подосланные от Советов»²³).

Отряд хорунжего Ивана Александровича Пешкова, о котором говорит Д.П.З., возник вскоре после первого набега. Сначала нес функции самообороны. Был плохо вооружен и малочислен: 50 сабель винтовки не у всех. Во время нападения 1929 года был рядом, но ничем не мог помочь: у нападающих было численное превосходство, запасные лошади и пулеметы.

Еще деталь. Представитель Хабаровского пограничного управления возложенное на него задание выполнил, но, вернувшись в Советскую Россию, застрелился.

Печатное подтверждение этих событий можно получить в харбинских «Новостях жизни», где следует смотреть подвалы с траурной шапкой «Трагедия Трехречья». Как говорят очевидцы, в Тынхе и Чанкыре побывали по горячим следам и корреспонденты западных газет, главным образом американских. Все заснято²⁴).

До осени 1945 жители Трехречья больше с воинскими советскими подразделениями не встречались. Посмотрим, как шла их мирная жизнь.

Выше уже говорилось, что первые жилища, которые они строили, были землянки. Это делалось не только потому, что они первоначально смотрели на свою жизнь в Китае как на временное явление, но гораздо больше оттого, что территорией их расселения оказались, как и на родине, бескрайние степи, пересекаемые хребтами. Ближайшие западные склоны Большого Хингана, хотя и поросли лесом, но не строительным — тополями. За строительным лесом надо было ехать либо в низовья Аргуни, либо на приамурские склоны Хингана.

Скученность в жилье и многолетнее отсутствие школ очень неблагоприятно отозвались на детворе: многие из тех, кто попал в эмиграцию, в дошкольном и начальном школьном возрасте долго оставались либо неграмотными, либо малограмотными. Даже позднее, когда сколько-то наладилась хозяйственная жизнь, на все Трехречье была одна десятилетняя школа в Драгоценке. Все остальные школы были шестилетними.

К началу тридцатых годов в поселках взамен землянок возникли пятистенные и шестистенные рубленые дома.

Несколько слов об административном устройстве и управлении. В Китае казаки сохранили привычные им фор-

мы самоуправления: в поселках и в станице атаманы. Станица всего одна — в Драгоценке. Станичный атаман связан с эмигрантским бюро в г. Хайларе; хайларское бюро — с таким же в Харбине. Харбинское — на положении центрального. Такая форма взаимоотношений центра с периферией сложилась окончательно в 1932, когда вся северная часть Китая со времени организации Маньчжоу Го оказалась в фактическом подчинении Японии.

До 1932 шла обычная эмигрантская сумятица. Русские политические партии, базировавшиеся в Харбине еще до победы большевиков, после установления советской власти на Дальнем Востоке России, стали размельчаться, выделяя из себя отдельные фракции. Казаки-эмигранты рассказывают, что партий было 22. Каждая претендовала на то, что именно она является единственным действительным представителем России и русского населения в Китае. Эта мышьяная политическая возня мало занимала казачью массу: отмахивались, как от назойливых мух: не мешайте работать. Возня эта дурила голову китайской администрации, и без того достаточно беспомощной. Японцы покончили с неразберихой в один прием: закрыли все русские политические партии и объявили, что признают только единую схему управления, о которой говорилось выше.

Взаимоотношения между гражданами, занимающимися сельским хозяйством, и государством регулируются системой налогового обложения, правовыми нормами и системой повинностей: воинская и разного рода натуральные. Не будучи гражданами китайского государства, казаки воинской повинности не несли. Правовое их положение определялось договоренностью между эмигрантским бюро и китайской администрацией. Натуральные повинности регулировались решениями сходов, а за правильное их исполнение отвечали атаманы.

За время своей жизни в Китае казаки имели дело с тремя администрациями. 1921-1931 годы: мало считающиеся с центральной властью Китая правители Северо-Восточных провинций — сначала Чжан Цзолин, потом его сын Чжан Сюэлян. 1932-1945: формально Маньчжоу Го, фактически — японская администрация. 1946-1960 гг. — Красный Китай, Мао Цзедун.

Казаки практически придерживались древней мудрости: каждый должен возделывать свой сад. Они поднимали целину Трехречья, сеяли пшеницу, выкашивали огромные поля

остреца пароконными косилками, пасли, кормили и плодили скот — отары овец, табуны лошадей. Не забывали плодиться сами. Мало было семей, имевших менее восьми детей, а были и с пятнадцатью. Искусственное прекращение беременности им было неизвестно. Да большие семьи в тех условиях были и необходимостью: не хватало рабочих рук.

Первые годы нанимались в работники все, кто уехал в Китай без хозяйства или попал туда вынужденно — оказался в Китае с отступившими казачьими частями. При формировании войск китайской администрацией все, кто имел в Трехречье родственников и друзей, отправились к ним. Условия найма были благоприятными. Между хозяином и работником не проводилось никакого различия. Не будет же казак-хозяин в одном углу зимовья есть со своей семьей, а в другой угол подавать другую пищу работнику. Ели вместе и работали вместе. В сравнительно короткое время работник обзаводился собственным хозяйством.

Приведу примеры.

П., что бежал из-под ареста в Шанежной в Китай, первый год жил один, нанимался в работники вместе с конем. Оба отработывали свое пропитание и зарабатывали впрок. «Прок» первого года был небольшой: коровенка с телком и пара овечек. Когда приехала жена, нанимались втроем с конем. Второй и третий годы еще не дали сесть на свое хозяйство. Трудно поднимались они потому, что жена П. была скоро не только на работу, но и на ребятишек: ежегодно рожала. Помог им стать на ноги отец П. — слепой старик, оставшийся на русской стороне. Он ушел жить к зятю, а свою добротную усадьбу продал за триста рублей золотом (в ДВР было золотое обращение). Деньги с надежным человеком переслал сыну. Тут П. сразу оперился. За триста рублей золотом он купил пару добрых коней, пять коров, старенькую одноконную сенокосилку, пяток овец. Своих у него уже было три коровы, конь и десяток овец. К лету дело было. Скот, лошади, овцы выгулялись, сена накопил вволю. С осени сел на свое хозяйство. К 1954 г., когда собрались на родину, у него были сотня коров, тридцать лошадей, полторы сотни овец, свои машины: трактор, сенокосилка, молотилка, веялка. Кроме животноводства, засеивал П. гектаров десять пшеницы. Семья его стала огромной: пятнадцать детей и несколько внуков юношеского возраста. Рабочих нанимать не надо — все делалось своей семьей. Жили уже не в землянке, а в трех домах: шестистенке и двух пятистенных.

Ф.Г. бежал от голода, охватившего Забайкалье в 1932 году. Было ему 19 лет. Тоже начал с найма в работники. Через два года были у него пара лошадок да три коровенки. Женился на девушке из небогатой семьи. Пришла она к нему с пятью коровами и с изрядно разбитой, но еще пригодной к работе сенокосилкой. В этой молодой семье накопление шло по-другому. Появились в те годы в Трехречье монголы и буряты-кочевники. Ушли они со стадами от коллективизации в Монгольской Народной Республике. Кочевали круглый год. Стада, табуны, отары — все было на подножном корму. Лошади и рогатый скот монгольской породы давно приспособились к такой форме ведения животноводческого хозяйства и сравнительно легко переносили суровые зимы. Хуже было с овцами. Чуть поглубже снег, случись весной гололедица — отара гибла почти полностью. Стали монголы и буряты с ноября по апрель сдавать овец на прокорм казакам. 10-15% поголовья с приплодом отдавали за прокорм. Имея сенокосилку, Ф.Г. за лето накашивал сена сверх потребностей своего небольшого хозяйства еще на подкормку 150-200 овец. Прожил в Трехречье Ф.Г. четырнадцать лет. В семье был сам-пятый: жена, два мальчика, 10 и 11 лет, и восьмилетняя дочь.

(В сентябре 1945 капитулировала Квантунская армия. Деятели Особого отдела советских войск тщательно просеяли русскую эмиграцию в Китае. Почти никого не тронули из эмигрантов 1920 и 1921 годов. Из бывших военных, боровшихся в гражданскую войну с оружием в руках против красных, взяли только отдельных лиц. Зато из более поздних эмигрантов, бежавших от коллективизации и голода, забрали поголовно всех мужчин. Оказался в их числе и Ф.Г. Людей схватили, а имущество не тронули. В хозяйстве Ф.Г. к тому времени числилось 30 голов крупного рогатого скота, 15 лошадей и сотня овец. В начале 1946 года всех арестованных вывезли в Советскую Россию и разбросали по лагерям, отмерив почти каждому по 10 лет.)

Если те, кто начинал с нуля, быстро шли к зажиточности, то те, у кого хозяйство было крепкое, скоро множили его, богатели. «Эх, Николай Саввич, — писал мне один из бывших тамошних жителей, — Трехречье было золотым дном».

Наладив хозяйственную жизнь, понастроив школ и церквей, казаки вернулись к привычному быту. Работе отдавали все силы, но и веселиться умели. Самыми веселыми

праздниками были Рождество, Масленица, Пасха. В Рождество и на святках — христовлавчики, маскарадные карнавальчики с ряжеными, обходившими все дома подряд; строительство баррикад из саней поперек улицы. А бывало, пока казак бражничает в гостях у друга, перевозжают его застоявшегося на морозе коня вместо удил за неподвижную часть упряжи. Дурная шутка, а шучивали. Выйдет захмелевший гость, отвяжет лошадь, нукнет... и понесет неуправляемый конь. Хорошо, коли только ушибами отделается седок. На масленице — кавалькады: всадники и всадницы на лошадях и верблюдах, тройки, где в кореню лишь хомут да дуга. Женщины в ярких шальях, полощущихся при скорой езде. На Пасхе — высоченные общественные качели. Визг, хохот, испуганные крики, когда стоящие на козлах парни так раскачают, что того и гляди через матицу полетишь.

Выше уже говорилось о налогах и повинностях как системах, определявших и жизнь сельского населения, и его взаимоотношения с государством. От особо тяжелой повинности — воинской — казаки были свободны при всех управителях Китая. Какое это имело значение для казаков? Представьте их положение, когда они входили в состав Забайкальского казачьего войска. Многосемейны; дети погодки. Служба — четыре года. Пусть будет три сына, три полноценных работника. Каждый в лучшей физической поре уходит из хозяйства на четыре года. На этот срок убывают из хозяйства три лучшие лошади. Затраты на три воинских обмундирования, на три верховые конские сбруи. Ото всех этих тяжелых трат трехреченцы свободны. Мелкие повинности регулируются сходами, осуществляются атаманами. Налог отбирает у сельскохозяйственного производителя какую-то долю его чистого дохода. Чем выше эта доля, тем ниже уровень его расширенного производства. Насколько глубоким оказалось «золотое дно» Трехречья? Надолго ли его хватило? Трехреченцы утверждают, что лучше всего им жилось при китайской администрации 1921-1931 гг. Налоговая система в те годы была привольной. Налог собирался на месте приезжим китайским чиновником, им же определялся размер налога. Чиновник соблюдал, главным образом, интересы свои, интересы провинции и управляющего ею губернатора — соблюдал в меру возможности, а об общегосударственных интересах не думал вовсе (не было еще централизованного Китая). Любил китаец-чиновник поклон пониже да подарочек побогаче. Низким поклоном

атамана в сочетании с богатым подарком за счет всего сельского общества добивались казаки малого налога, ссылаясь на мнимые недород, засуху или эпизоотии. Торговались, как в бакалейной лавочке: порой трижды кланялись и трижды подарки носили. Само собой разумеется, угощали налогового гостя на славу. Результатом обе договаривающиеся стороны были чрезвычайно довольны. На том и стояло быстрое экономическое возрождение — обогащение эмигрировавших в Китай казаков-забайкальцев.

1932-1945 годы были совсем иными. Все хозяйство сразу же было учтено, в соответствии с зафиксированным объемом его взимался налог. Японской армии были нужны лошади, мясо, кожа, хлеб. На каждое забиваемое животное надо было получить разрешение японской администрации. Лишение права свободной реализации сельхозпродукции и жестокая система налогового обложения остановили развитие казачьих хозяйств. Теперь возможно было лишь простое воспроизводство: только бы удержаться на достигнутом уровне. Даже крупные хозяйства получали очень скромные прибыли. «Руки нам отбили», — говорили трехреченцы.

Потом на долю казаков-эмигрантов пришлось девять маоистских лет. Из них в первые четыре года к ним временно вернулось благополучие: это были годы заигрывания с крупной и мелкой буржуазией. Даже коллективизацию пережили казаки. Коллективные хозяйства продержались только год, оказавшись абсолютно нерентабельными, и у Мао хватило разума от них отказаться. Все вернули владельцам, за исключением тракторов: побывав год в руках руководителей колхозов, они оказались непригодными к ремонту. Бывшие владельцы машин получили мизерную компенсацию — в переводе на тогдашние советские деньги, что-то около сотни рублей за трактор. Однако Мао Цзедун не отказался от перекачки средств из сельского хозяйства в промышленность — налоговое обложение стало нестерпимо тяжелым. Даже простое воспроизводство оказалось невозможным. Началось проедание хозяйств.

По времени это совпало с первыми послесталинскими годами в СССР, с приходом к власти Хрущева. Совпало с первыми серьезными размолвками между СССР и КНР. В русских иммигрантах Мао видел, если не в настоящем, то в будущем, несомненных шпионов и разведчиков СССР и, естественно, хотел избавиться от потенциальной пятой колонны. В СССР продолжался по-прежнему развал сельского хозяйства.

Вывоз из Китая казаков-забайкальцев с семьями и далеко не добровольное их расселение в сельской местности в этих условиях были желательны для советской администрации: Советы получали значительное число рабочих, «включающих на совесть», не подверженных всестороннему пороку беспробудного пьянства, не научившихся еще тянуть с производства все, что плохо лежит. Начались переговоры. Советские представители получили разрешение на непосредственные встречи с казаками. Три четверти эмигрантов дали согласие на выезд, выставив обязательное условие — получение советских паспортов еще в Китае. Советские представители долго отказывались принять это условие, но, встретившись с упорной настойчивостью трехреченцев, согласились. Наивные казаки рассуждали так: если советская власть нас обманет, начнет с нами расправу, мы, имея паспорта, разбежимся по России — и поминай как звали. Простительное заблуждение с их стороны — они не подозревали, что паспорта и будут тем тавром, по которому, если потребуется, их и будут опознавать.

Как же поступили с их имуществом и стадами? Мао был заинтересован в том, чтобы проделанная казаками культуртрегерская работа по освоению северо-западной Маньчжурии не заглохла. Недвижимое имущество, стада — все должно было быть продано китайцам, специально переселяемым в этот район. В этом вопросе интересы китайской администрации и трехреченцев совпадали: недвижимое имущество забрать с собой невозможно, а перебазирование машин и стад в СССР для бесплатной их передачи в совхозы и колхозы не имеет смысла. Надеяться, что за них заплатят по рыночным ценам, по меньшей мере наивно. Началась реализация на месте. Понимая безвыходное положение реэмигрантов, китайцы-покупатели предлагали невероятно низкие цены. Примерно 70 рублей (в юанях) предлагали за трактор на ходу. Кто-то из казаков догадался взять кувалду, разбить трактор на куски и сдать как металлолом. Получил 200 рублей. Пример заразителен. Началось разрушение машин. Китайская администрация спохватилась и запретила уничтожать машины. Махнули казаки рукой и распродали все за бесценок. Разорение, но что поделаешь? А беда, оказывается, не последняя: деньги с собой взять не дают, меняют что-то в советских размерах: каждому около 90 рублей. Пришлось все загонять в «тряпки». Одели каждого члена семьи чуть ли не на двадцать лет вперед.

Не всех, согласившихся на эмиграцию, отпустил Мао. Одну треть задержал на два года — обязал за это время обучить китайцев, поселившихся на места реэмигрантов, ведению хозяйства в условиях Трехречья. В 1956 году уехали и «обучающие».

В 1960 году выехали и те 25%, что не решались на реэмиграцию в 1954-1956 годах. Их выезд отличался тем, что реализация имущества производилась по нормальным рыночным ценам. Поэтому, прямо пропорционально более благоприятным условиям реализации, увеличилось и «вложение капитала в тряпки».

Но почему бы трехреченцам, раз жизнь выбросила их из коммунистического Китая, не поехать было в Америку, Австралию, Новую Зеландию? Причин достаточно. Горькая жизнь эмигрантов-офицеров и рядовых воинов в китайских городах (Хайлар, Харбин) была им хорошо знакома. Вся низкооплачиваемая черная работа была к их услугам. Причем надо было конкурировать с голодными люмпенпролетариями-китайцами, готовыми за гроши взяться за любую работу. Попасть в такое положение, естественно, не хотелось: нищета не прельщала.

Но ведь у них были деньги, вырученные за продажу хозяйства? Денег было мало из-за низких цен. Были же те, кто в 1960 продал имущество по рыночным ценам? Были. И все-таки...

В Трехречье казаков окружали люди, знакомые им с детства, исповедовавшие одну с ними религию, чтящие дорогие им обычаи, говорящие на одном с ними языке. И было их немало — около двадцати (по другим оценкам — около тридцати) тысяч. Китайцы, тунгусы, монголы, буряты, вкрапленные среди них, освоили их обычаи, их язык. Фактически трехреченцы — думаю, можно так сказать — являлись самоуправляющейся автономной единицей, хотя формально и не считались таковой. Они были большой русской общиной в чужой стране. Решиться на переселение в страны Запада значило обречь себя на положение эмигрантов-одиночек, да еще при общей для них всех беде — все они были «без языка»: говорили только по-русски.

Кроме того, самое главное: у них была Малая Родина — Забайкалье и Большая Родина — Россия. По ним они стосковались, к ним жаждали вернуться. Распродав хозяйство, они избавились от вяжущих пут. Понимали, что на Малую Родину их не пустят. Большая же, как бы там ни

было, их приютит. Только семьи пострадавших в 1945-46, когда вошедшая в Китай Советская Армия арестовывала эмигрантов тридцатых годов, долго колебались, выбирая между возвратом в Россию и выездом на Запад. Даже среди них большинство предпочло Родину.

Были, конечно, исключения. Вот одно из них.

Выше уже упоминался хорунжий Пешков, который создал в Трехречье отряд самообороны, не оправдавший себя. Отряд вместе с командиром перешел на службу к японцам, вырос до 200 человек и был уничтожен японцами в 1945 перед капитуляцией Квантунской армии. Жена Пешкова проживала в Усть-Кулях. В 1946 ее как жену врага насильно целый взвод советских воинов. Когда насильники бросили ее, соседи подобрали жертву почти без признаков жизни и доставили к поселковому врачу-корейцу. Врач с большим трудом ее выводил. Когда началась реэмиграция, она оказалась в числе наиболее колеблющихся. Родственники уговаривали ее поехать вместе в Советскую Россию. Она долго раздумывала. Наконец сказала: «Очень хочу в Россию, всем сердцем рвусь к ней, но как подумаю, что увижу солдата в советской форме — содрогаюсь от ужаса. Понимаю, что не он... Понимаю, но вспомню — и цепенею. Не могу поехать, не поеду!» И уехала в США с сыном-подростком. Сын, давно уже взрослый, стал владельцем заправной станции.

Почти никого из реэмигрантов по приезде их в СССР не репрессировали. Развезли по совхозам Сибири (Красноярский край, Иркутская, Омская, Новосибирская области) и Казахстана (в частности, Акмолинская область). В совхозах поначалу к ним относились плохо: с осторожностью и опаской — администрация (трусость, шпиономания), с завистью — рабочие (слишком хорошо одеты). С годами отношение изменилось. Администрация стала уважать: не пьют, не крадут, образцово обработанный приусадебный участок несколько не мешает добросовестному отношению к работе в совхозе. Рабочие по-прежнему завидовали: больше зарабатывают, ценятся администрацией, все еще недоступно хорошо одеты. Реэмигранты — не точный термин: вернулись не сами эмигранты, а их дети, внуки, правнуки.

Несколько слов о тех, кто ушел с Онона. Ушли они во Внешнюю Монголию во второй половине 1920 года, а в марте-июле 1921 РСФСР, «протянув, по просьбе Чойбалсана и Сухэ-Батора, братскую и бескорыстную руку помощи», уста-

новила в Монголии власть Народного правительства. Войсковые подразделения барона Унгерна были разбиты и рассеяны, а судьба казаков-переселенцев с Онона стала трагичной: они подверглись прямому ограблению, массовым расстрелам, насильственному обратному переселению. Незначительная часть ононцев успела уйти в южную часть Внутренней Монголии. О ее судьбе, к сожалению, ничего не известно. В Трехречье никто из них уже не показывался.

* * *

Теперь вернемся в Забайкалье. Посмотрим, как сложилась жизнь тех, кто остался на родной земле. Страданий и несчастий времен военного коммунизма казаки избежали; советская власть утвердилась у них одновременно с введением в РСФСР НЭПа. И НЭП в Забайкалье, в связи с организацией ДВР, толковался более расширительно, чем в РСФСР. На короткое время казаки вернулись к зажиточной спокойной жизни. К жизни, заполненной тяжелой работой, изнуряющей порой до изнеможения, но приносящей реальные плоды: рост зажиточности, приумножение стад, уверенность в благополучном завтра. Увы, это был кратковременный обман.

Основой казачьего благополучия была собственность. Основной задачей первопроходцев коммунизма — уничтожение частной собственности любыми средствами, перекачка частных накоплений в государственный сектор. Кончилась ДВР, а вскоре после ее ликвидации началось свертывание НЭПа. Прошла казачья верхушка сначала через «политику ограничения кулачества» — экспроприацию (через налоговое обложение) всего годового накопления, поздней же была пущена под пресс, носивший название политики «ликвидации кулачества как класса».

Раскулачиванию, как и везде, предшествовали «твердые задания». Получает казак твердое задание — внести в райфинотдел в месячный срок пять тысяч рублей. В случае невыполнения угрожают арестом и тюрьмой. Извернется казак — продаст племенного жеребца, тройку выездных лошадей с экипажем и упряжью, десяток коров да овец штук двадцать. Внесет деньги, радуется — избавился. Не тут-то было! Прошло две недели, новое твердое задание — в месячный срок десять тысяч. Едет в райсовет, ссорится. А ему кратко: «Не внесешь, не жалуйся — тюрьма!» Опять мечется казак. Все, что подороже, продал. Внес. Вздохнул

облегченно. Через неделю — следующее твердое задание: пятнадцать тысяч. Теперь и метаться не надо. Три коровенки, десяток овец, одна лошаденка — все имущество. Путь в тюрьму свободен. Приговор ясный: за невыполнение государственного задания три года лагерей общего типа.

Надежда Б. из Зоргола рассказывала, что отец, получив второе задание, вышел во двор, снял с вешал у завозни ременные вожжи и в завозню пошел. Кинулась туда. Отец на телеге стоит, вожжи через балку перекинул, петлю ладит. Бросилась к нему, повисла на нем. Так вот отца в прямом смысле слова из петли вынула. После вместе горе мыкали.

К чести станичников, в трехтысячных станицах находилось не более двадцати-тридцати человек, согласных погреть руки на чужой беде. Само по себе раскулачивание выливалось в стандартные формы. Отклонение от стандарта, если оно возникало, объяснялось либо личными качествами раскулачиваемых, либо степенью завихрения мозгов у раскулачивающих.

Пара примеров.

Раскулачивают семью Григория Николаевича Федосеева в Новом Цурухайтуе. Он, пытавшийся в 1905 распространять «Искру», за то арестованный, просидел тогда менее года и был выпущен на волю за малостью преступления. В момент раскулачивания находится в амурских лагерях, осужден за невыполнение твердого задания. Дома мать — семидесятилетняя старуха, жена — Зиновия Николаевна, женщина за сорок, шестеро ребятишек — от трех до пятнадцати лет. Пришла комиссия по раскулачиванию. В ее составе Клавдий Михайлович Топорков, знакомый нам по Тынхе (1929 год), а также по группе, уничтожавшей в Чанкыре всех мужчин, включая грудных младенцев. Предложили хозяевам взять наиболее необходимые носильные вещи и предметы домашнего обихода и переселиться из дома в кухню-зимовье, что стояла во дворе. Те беспрекословно подчинились. Правда, сразу все не унесли, возвращались не однажды за чем-нибудь. Каждый раз спрашивали, можно ли взять ту или иную вещь. Все деньги, что дома были, отдали, не рядясь. Топорков реплику подал: «Сразу видно — культурные люди, не то что Николай Богданов».

У Николая Александровича Богданова, в самом деле, все было не так. В составе его семьи было три учителя: дочь, сын, невестка. Очень крепкий середняк, зажиточный по-забайкальски, он свято поверил опубликованному в газе-

тах положению: «семьи учителей не подлежат раскулачиванию». Три «ангела-хранителя» были в его семье — не ждал он беды. Сначала поживаясь, потом не краснея, покупал дешевый скот у твердозаданцев. Вдруг к нему, чуть не к первому — комиссия по раскулачиванию. Он горячиться стал, спорить. Ему официальное постановление предъявили. Дальше разыгралась театральная сцена народного характера: летела на пол шапка, раздиралась от ворота до подола рубаха, швырялись на пол смятые в комки червонцы. Крики же «жрите, подавитесь» приправлялись «мамой» в совершенно непригодной для театра этажности.

Через день делили 25% имущества кулаков — то, что приходилось, согласно указу, на долю раскулачивающих — на долю бедноты. Коровы и лошади раздавались по решению сельсовета. Одежда же и всяческая хозяйственная утварь выдавалась по личному выбору берущих. Начали с Федосеевых. Разложили на столах, диванах и стульях в «зале» федосеевского дома зимнюю и летнюю одежду и обувь, постельное и нательное белье, посуду, платья и разную хозяйственную мелочь. Клавдий Топорков и представители партактива села приглашали вызванную бедноту не стесняться и брать без церемоний. Никто не решался быть первым. Тогда кто-то из партактива обратился персонально к Дуне Тумашевой. Ты-де, Дуня, работавшая у Федосеевых не один год то няней, то горничной, имеешь право первой выбирать. Дуня краснела, мялась и не шла, хотя в душе давно уже облюбовала одну вещь и все боялась, как бы ее не схватил кто другой. Облюбовала же она нарядную легкую шубку на горностаевом меху, которую бывшая ее хозяйка, Зиновия Николаевна, надевала три раза в году: на Рождество, Новый год и масленицу. Когда Топорков сказал: «Да ну же, Дуня!» — Тумашева зарделась и пошла к заветной шубке. Сняла телогрейку, примерила шубку. Чудо, как пришлась! Свернула телогрейку подкладкой вверх, чтоб не запачкать шубку, и, взяв ее подмышку, пошла вон. Когда проходила мимо кучки приглашенных «покупателей», завистливый женский голос произнес громко: «Ишь что отхватила!» И тут всех прорвало, повалили.

Дуня работала свинаркой, по дороге на работу ей каждый раз надо было пробегать мимо зимовья, куда были переселены Федосеевы. Если случалось, что Зиновия Николаевна была в это время во дворе, Дуня кричала на всю улицу: «Поносила? Хватит! Теперь я буду носить!» — и

откидывала полу шубки, чтобы все видели, какой у нее шикарный мех.

Мне приходилось видеть, как производилось раскулачивание в Алексеевской станице на Дону. Там не позволяли брать с собой ничего. То же, по рассказам очевидцев, происходило на Волге под Камышином. В Забайкалье позволяли брать с собой достаточное количество одежды и даже постельные принадлежности. Но было в Забайкалье то, чего не было в других местах. Мне, во всяком случае, не приходилось слышать.

Вывоз раскулаченных был произведен далеко не сразу: прошло после раскулачивания около месяца. Вот в этот-то период рабочком и додумался наряжать ежедневно от каждой кулацкой семьи по одной девушке для прислуживания в доме их бывших работников. Видимо, председатель рабочкома объявил об этом решении на каком-то большом собрании — все узнали. В первый же день, когда девушки, наряженные рабочкомом, отправились выполнять наряд, по пути их следования почти из каждого дома выходили пожилые женщины и начинали причитать над ними. Вой стоял по станице. Все семьи бывших работников от услуг девушек отказались, кроме одной. Этой семьей была семья Гриши Гурулева. Он с женой важно расселся на лавке в переднем углу и стал отдавать приказания: пол помой, покорми телят и поросят, принеси воду, подмети во дворе и т.д. На другой день наряд повторился. Повторились голошения. В этот раз и Гриша Гурулев отказался воспользоваться услугами наряженной девушки. То ли побоялся быть белой вороной, то ли дошло до него разъяснение разъяренной соседки-казачки, будто бы сказавшей ему: «Гришка, зараза! Ты чего не по чину из себя барина корчишь? Тебя, как в работниках был, в обед и ужин мясным кормили, а на завтрак кашу с маслом да чай и хлеб с маслом же давали, жалованье платили. Ты же не поишь, не кормишь, денег не платишь, а работу спрашиваешь! Совесть-то давно потерял?» В тот же день наиболее взбешенные и энергичные старухи ворвались в рабочком и говорили председателю примерно то же, что и Грише Гурулеву, объяснили и что о нем, о председателе, думают. Порешила местная власть гусей не дразнить — наряды отменили.

Вывозили раскулаченных до станции Борзя на подводах. Там сформировали эшелон из вагонов-теплушек. Тех самых, что рассчитаны на восемь лошадей или сорок чело-

век. Набили каждую теплушку выше нормы. Везли под конвоем, как и обычных арестантов: дырка, прорубленная в полу около отодвижной двери. Мужчины и взрослые женщины скоро приспособились — смирились с таким туалетом, девушки же долго стеснялись, мучились неимоверно. Путь долгий — пришлось и им смириться. Были и обычные этапные страдания: сухой, недостаточный паек из плохо пропеченного хлеба и очень соленой селедки при малом количестве воды. Затем предстояло этапирование в баржах и пребывание в лагерях для ссыльных.

Сколько было забайкальцев — жертв первой волны раскулачивания? Точной цифры никто из тех, с кем приходилось беседовать, назвать не мог. Приблизительно же можно определить в восемь тысяч. Расчет такой. Везли их из Красноярска в трех баржах. В баржу загоняют (автор сам перевозился в барже на другой водной магистрали) три тысячи заключенных. Три баржи — девять тысяч. По словам ссыльных забайкальцев, к ним присоединили в Красноярске 500 ссыльных финнов из Ленинградской области, 500 ссыльных же с Волги и из Крыма. Минусуем эту тысячу из девяти и получаем восемь тысяч.

Три тысячи в баржу — селедки в бочке. Еще при погрузке в Красноярске выяснилось, что среди ссыльных вспыхнула эпидемия дизентерии, на детей же, кроме того, навалилась корь. Баржи стали походить на камеры смертников.

— Медицинская помощь была? — спрашиваю рассказчицу.

— Была, — усмехнувшись, ответила она, — каждый раз, как пришвартуемся, открывали люк баржи и спрашивали: «Покойники есть?» — а из баржи: «Есть, есть!» — кричат. Выносили. Складывали на берегу. Сначала самим хоронить позволяли, потом запретили. Мы, забайкальцы, что? — мы народ простой. А ленинградские финны — те ушлые. Стали они с покойниками живых выносить. Яму выроют и заруют, а «покойник» в лес. Сколько-то так убежало. Потом попались финны: только «покойник» в лес — а его цап! С тех пор самим хоронить запретили. Вынесем, а кто захоронит, как захоронит — не знаем. Много так перемерло. Детей много.

Она продолжает: «Из Красноярска, пока шли вниз по Енисею, двигались довольно быстро. Так до стрелки Ангары. Дальше, вверх по Ангаре, еле-еле тащились. Долго мучились, как до порогов дошли. Буксиришко среднесильный.

Пыхтит-пыхтит, едва до середины порога дотянет. Три баржи, хорошо нагруженные, назад тянут. Он нарочно пониже спустится, на предельной скорости разгон возьмет, и снова Ангара его вниз сбросит. Так и топчемся на месте. Потом капитан буксира догадался по одной барже тянуть.

Дошли до Рыбного. Тут зачем-то из баржи выпустили. С неделю жили. Одно удобство было: много умирало, на месте хоронили. Опять самим захоранивать разрешили.

Потом снова в баржи — и до Мотыгина. Здесь, у деревень Верхнее и Нижнее Пашино, окончательно высадили и стали развозить по местам золотых разработок, выработанных и заброшенных английской концессией еще во время первой мировой войны. Здесь расселили в лагерях за колючей проволокой по «баракам». Бараком здесь называли либо навес из дранки без стен, либо со стенами из той же дранки в один слой. Это в той части Сибири, где морозы под минус пятьдесят и ниже! Места расселения: Раздолинское, Пенченга, Кондуяк, Аяхта, Пит-городок, Новая Еруда, Новая Колома, Соврудник (теперешний поселок Северо-Енисейский). Числили ссыльными спецпоселенцами, а обращались как с самыми обычными зеками: за колючей проволокой держали, принудительно, под конвоем, на работу гоняли».

Выгода числить ссыльными заключалась в том, что не надо было заботиться ни о вещевом, ни о котловом довольствии. Но их завезли в такие места, где торговая сеть не была рассчитана на десять тысяч новых жителей, и потому администрация вынуждена была позаботиться о пайках. Выдавали в месяц:

работающим на подготовительных земляных работах . . .	30 кг муки, 1,5 кг сахара
работающим в лесу и в траншее	26 кг муки, 1 кг сахара
иждивенцам	8 кг муки, 0,3 кг сахара

Рассказчица говорила, что полагались еще какие-то крупы, но, так как их ни разу не выдали, в памяти не сохранились цифры норм. Сахар за два года выдавали только три-четыре раза.

На работу выгоняли как-то беспорядочно. Первое время — всех на лесоповал. Утром ежедневно врывались в зону, хватали первых попавшихся работоспособных с виду людей и выталкивали их за ворота. Когда набиралось нужное число, двое конвоиров строем вели всех в лес. Анна Ивановна

Л. рассказывала, как ее первый раз «вывели» на работу. Утром, около восьми часов, выскочила она по какой-то нужде из барака. Кто-то ее хватя за руку и тащит за ворота. Она: куда? Ей: на лесоповал. Она: пустите, дайте одеться! Ей: на работе согреешься. Она: ветер холодный, тучи свинцовые! И сопротивляется. Ее кулаком под бок — и за ворота. Стоит, жметя от холода, руками прикрывается. Пошли. Через поселок ведут. Снег пошел, ветер крутит. Рядом со-станичник из Дуроя, Гантимуров: «Нюра! Ты с ума сошла! Простудишься, умрешь. Беги!» — «Куда бежать?» — «В первые ворота!» Дошли до ворот, она, по совету, — туда. Сзади конвоир: куда? стой! — и за ней. Анна Ивановна пометалась по двору — и за поленницу. Шаги слышит — и бум! — ее прикладом по спине. И пошло: бум! мать-перемать! бум! мать-перемать! бум! бум! Внутри гудит, будто по пустой бочке бьют. Было бы даже любопытно, если бы не страшная боль. Сколько раз ударил садист-конвойный — не считала.

— Ты что, мерзавец, делаешь? Чего палачествуешь? — закричала выскочившая из дома женщина.

— Работать кулацкая блядь не хочет! От работы бежит!

— Девушка, за что тебя бьет этот выродок?

Объяснила Анна Ивановна, что одеться не дали, на работу выгнали. Умирать не хочется, спрятаться решила. Женщина конвойного гадом обругала, поинтересовалась, есть ли у него сестры, мать. Анне Ивановне телогрейку и платок теплый вынесла, сказала: «На, милая, назад поведут — занесешь».

Постепенно выводы на работу приняли более организованный характер: на бригады разбили, разнарядку стали с вечера делать. Лесоповал прекратился — достаточно леса заготовили на строительство домов для вольнонаемных и горбыля для стен бараков-навесов. Выводили теперь на работы по перекопке-промывке старых концессионных отвалов и заброшенных концессией открытых карьеров. За работой ссыльных наблюдали вольнонаемные надзиратели. Питание никудышное, земляные работы особо тяжелые — лопата, она скоро «накормит». Устанет ссыльный, спину разогнуть захочет. Выпрямится, обопрется на лопату, надзиратель сразу же: «Почему стоишь, не работаешь?» Особенно лютовала надзирательница Михайлова. Она прохаживалась по краю карьера и, если замечала, что кто-то остановился, булыжником размером с кулак запускала.

Однофамилец ли, муж ли ее, начальник работ Михайлов издевался по-другому. Примечал молоденьких девушек покрасивей. Которую выберет — курьером назначит. Отправит с пакетом туда, куда лесом идти надо. Анне Ивановне Л. в ту пору семнадцать исполнилось. Была как «розочка». Михайлов ее курьером назначил. Два раза она от него с трудом отбилась. На третий день пакеты не приняла и курьером быть отказалась. Михайлов ее к Михайловой в карьер отправил.

Вскоре выяснилось, что и тот скудный паек, который выдают, завозить не смогут: навигация скоро кончается, а запас надо держать такой, чтоб до весны хватило. Начальство порешило тогда от лишних ртов избавиться. Собрали все семьи, в которых много иждивенцев — детей и неработоспособных стариков — и отправили до Красноярска (в баржах), а оттуда (по железной дороге) в Иркутскую область. Расселили в районе рек Чуна и Вихоревка.

Два года приезжие работали принудительно, как настоящие зека, хотя продолжали числиться ссыльнопоселенцами. Зарботка никакого. Паек все тот же. Начали вымирать с голода. Забайкальские казаки и их семьи оказались выносливыми. Среди них голодных смертей было мало. Видимо, потому, что их не донимал холод: на родине они привыкли к сильным морозам при резких ветрах. Ленинградские финны вымерли — вымерзли почти поголовно. Очень мало выжило крымчан и волжан.

С 1933 все поселенцы попали на статус ссыльных. Какие-то магазинишки для них открыли. По признаку добровольности создали артели старателей. Для первоначального обзаведения выдали наконец зарплату. Пришлось что-то около 70 рублей на каждого, проработавшего два года. С той поры ссыльные, что называется, вздохнули. Хорошо работали. Хоть мало зарабатывали, но радовались: «на себя работаем».

Были артели, намывавшие много золота. Были и слабые — состоящие из людей, физически негодных для землекопных работ и даже отдаленно не знакомых со старательским ремеслом. Поговорочка у них сложилась: «Кто мыл, а кто выл». Как бы там ни было, а от голода уже никто не умирал и ненавистной надзирательской морды за своей спиной не чувствовал.

Накануне старательства пережили они «золотую лихорадку», охватившую всю страну. Вызывал какую-нибудь

старушку к себе следователь, ставил рядом с раскаленной до алости печью (металлическая бочка, поставленная «на попу», с вырубленной дверцей и трубой) — требовал сдачи золота в монетах царской чеканки или в золотых украшениях. Сдавать было ничего — откуда у раскулаченных такие ценности? Следователь не верил, держал на допросе сутки-двое, поджаривал у печки, пить не давал, присесть не разрешал, доводил до обморока. Теряя сознание, люди падали, случалось — и лицом на раскаленную печь.

Семья Ф., вывезенная в Иркутскую область, вымирала от голода. Состояла она из бабушки, ее невестки и шестерых детей. Бабушка и невестка умерли одна за другой: сами не ели, все оставляли детям. Вскоре после их смерти старших, мальчика лет четырнадцати и девочку шестнадцати лет, вызвал к себе комендант. Он требовал от них золота, оскорблял всячески, особенно девушку. Испуганные подростки плакали, недоумевали, откуда у них может быть золото. Комендант им: «Все умирают от голода, вы — нет. Значит, у вас есть золото». И такие мудрецы бывали.

Вслед за «ликвидацией кулачества как класса» в Забайкалье началась сплошная коллективизация. Недолго радовались середняки хозяйству, возросшему за счет твердозаданцев, а бедняки — относительно благополучию за счет раздела 25% имущества раскулаченных и дешевых покупок у твердозаданцев. Надо было от понятий «твое» и «мое» переходить на понятие «наше». Расставаться с «мое» было необычайно трудно. Пошли отказы от вступления в колхоз: объявили «кулаками» и раскулачили. Особо сопротивляющихся коллективизации бедняков называли «подкулачниками» и тоже раскулачили. Это было настолько массовое явление, что после вывоза середняков-«кулаков» и «подкулачников» с семьями казачье население Забайкалья сократилось примерно наполовину.

Когда в район Чуны — Вихоревки и Северо-Енисейска прибыло пополнение от второй волны раскулачивания, эти сразу вступили в старательство как ссыльнопоселенцы, миновав положение зеков. Обживаться стали: кто лачугу построил, кто в казенном бараке поблагопристойней расселился. Стала и администрация задумываться о подготовке кадров для плавающих драг и мастерских по ремонту механизмов. Ссылная молодежь начала выходить на одну дорогу с вольнонаемными. Было это в канун 1937 года. Тут посетила казаков страшная беда. Однажды по всем поселкам

Северо-Енисейского района собрали всех взрослых мужчин из раскулаченных. Арестовали. Под конвоем вывезли, вывели к Енисею, в баржи погрузили. В две баржи поместилось тысяч пять казаков. Буксир потянул их вниз по реке. Официально о них больше ничего не известно. Но месяца через два с низовьев слух пришел: затоплены баржи с людьми в устье Енисея.

В 1937 и в других местах расселения раскулаченные казаки — отцы семейств — почти поголовно были арестованы и увезены в лагеря. Судьбы их неизвестны. Лишь отдельные лица после войны 1941-45 гг. вернулись. Так, к примеру, возвратился Ефим Романович Лыткин. Ему позволили поселиться даже в пограничной зоне, в бывшей Дуроевской станице. Что он рассказывает? Говорят, молчит — ни худого, ни хорошего от него не услышишь. Видимо, основательно запуган.

Члены семей арестованных в 1937 неоднократно делали запросы о судьбе отцов. Никакого ответа не получали. После смерти Сталина повторили запросы. Опять молчание. Только три семьи получили стандартные ответы: «Умер в заключении в 1941 году». Что это? Ложь? Уничтожили ранее? Недоговоренная правда? В 1941, сразу после начала войны, в лагерях было расстреляно примерно 10% заключенных, осужденных по 58-й статье. Об этом рассказывают все, кому пришлось сидеть в лагерях на севере Европейской части СССР. Поэтому стандартный ответ «умер в 1941 г.» почти всегда означает «расстрелян в 1941 г.»

В Забайкалье ни организационно, ни технически переход к крупному обобществленному сельскохозяйственному производству не был подготовлен. Мало было собрать весь рогатый скот в один гурт, всех лошадей — в один табун, всех овец — в одну отару. Надо было подготовить для них корма, обеспечить их выпасами и нормальным заботливым уходом. Вести крупное хозяйство никто не умел, работать под обещания реальных благ никто не хотел. Махнуть бы рукой да сожрать оставшихся в личном распоряжении коровенку да овечку. Не получается — государство не позволяет, за самовольный забой карает тюрьмой.

У забайкальцев, кроме всего прочего, 1932 год был годом невероятной засухи. За все лето ни одного дождя не выпало. Трава, чуть поднявшись, на корню высохла. Не то что косить — подножного корма летом не было. О пашнях и говорить нечего. Наступили голодные времена.

Забайкальцы на голод ответили восстанием.

Центром восстания были Шара, Шарокан, Доно, Каблукан, Калга. Восстание распространилось до нижнего течения Аргуни. Очевидцы насчитывали около 5 тыс. восставших. К ним присоединились до 100 человек эмигрантов из Китая. Вооружение было игрушечное — шашки да винтовки. Все было рассчитано на рывок: выскочили, ударили и мгновенно скрылись. С самого начала это была попытка с негодными средствами.

Подавляли восстание больше года. Не потому, что не могли справиться, а потому, что хотели выявить всех недовольных, чтобы потом прикончить всех разом. Позднее выяснилось, что восстание было спровоцировано. В качестве провокатора был использован бывший партизан казак Быркинской станицы Черепанов *). Он втянул в восстание своих бывших однополчан и казаков, уставших смотреть на свои голодающие семьи.

Фактически руководство восставшими было в руках есаула Кукушкина, работавшего не то под белого генерала Скобелева, не то под красного Чапаева (форсил перед рядами повстанцев в черной бурке, на белоснежной лошади). Кто-то мне называл вместо Кукушкина фамилию другого казачьего офицера, тоже есаула. К сожалению, не вспомнил ее.

На второй год после начала восстания, зажав повстанцев в полукружии возле китайской границы, начали с ними переговоры, обещая полное прощение всем, добровольно сдавшим оружие. Большинство восставших было вынуждено принять это предложение, а Кукушкин с семьюдесятью казаками ушел в Китай. Советское правительство потребовало их выдачи. Чжан Сюэлян, напуганный советским вторжением в Маньчжурию в 1929 г., отдал распоряжение об удовлетворении этого требования. Кого-то успели найти и схватить, но передать не успели: пришла к власти администрация императора Маньчжоу Го Пу И, которая, выполняя

*) Черепанов — командир полка в Красной кавалерийской дивизии Каратаева. По окончании гражданской войны остался не у дел. Занимался контрабандой. Пограничники опасались гоняться за ним — отстреливался. Провокаторство его подтверждается и тем, что его не тронули, несмотря на явную связь с восставшими. Погиб он в 1937. Ждал ареста (кругом хватали партизан). Когда пришли за ним, засел в доме и предупредил, что живым не сдастся. Убил трех энкавэдэшников, прежде чем его, смертельно раненого, схватили.

японскую команду, заявила, что ей ничего не известно ни о восстании, ни о его участниках. Так дело с Кукушкиным и его сподвижниками и замерло до 1946, когда все они будто бы своевременно уехали из Китая.

Не то было с поверившими обещаниям советской власти. Сначала их брали поодиночке, потом переарестовали всех. Кого-то сразу расстреляли, кого-то развезли по тюрьмам и лагерям. В 1941 большинство из них было уничтожено. Тотчас после ареста бывших повстанцев семьи их были вывезены в Среднюю и Западную Сибирь, а жителей пограничного района почти поголовно переселили в селения, прилегающие к Шилке. Была установлена 50-километровая пограничная зона.

Леопольд Константинович Магнушевский, работавший до революции в Приаргунье ветеринарным врачом, посетил Забайкалье в конце 40-х годов. Ехал он вдоль Аргуни, там, где до революции красовались богатейшие станицы с их строгими рядами улиц, четко ограниченными либо домами, либо плотными заборами и дворами между ними. Три-четыре продольные улицы, версты на две через всю станицу, пересекались десятком поперечных, столь же четко ограниченных постройками и дворами. Так было. Печи раньше отапливали аргалом (кизьяком). После коллективизации кончился аргал, так как ликвидировали частные стада. Сожгли все, что не дом: заборы, заплоты, плетни, вспомогательные постройки. Все, что ограничивало улицу, исчезло. Магнушевский увидел беспорядочно раскиданные голые пупы-дома. Меж развалившихся фундаментов кое-где торчат кирпичные печи, задирая к небу трубы. Мерзость запустения. По моей просьбе Леопольд Константинович схематично зарисовал уголок станицы до и после коллективизации (см. рис.).

Так и живут в домах-пупах²⁵). Теснятся в них, жмутся, зимой мерзнут. Молодые слышат порой рассказ о том, как жили их деды и прадеды, от 70-80-летних стариков — живых свидетелей былой жизни. Но для теперешних 18-25-летних они — столь глубоко забытое и отсталое прошлое, что их не принимают всерьез. Руками на них машут.

Оставшиеся в живых дети казаков-спецпоселенцев, умерших от голода в начале 30-х годов, были помещены в специальные детские дома. О них мало что известно.

О судьбе одного такого специального детдома для мальчиков неожиданно просочились сведения от начальника отдела кадров строительства Братской ГЭС Анцеповича. На

очередной пьянке в начале 60-х годов, в которой принимало участие все руководство строительства, Анцепович упился до потери контроля над собой. Общее опьянение разбило людей на группки. Каждая говорила о чем-то своем. Бывшие фронтовики вспоминали «битвы, где вместе рубились они». У Анцеповича, старого гебешника, воспоминания, разбуженные винными парами, были профессионально свои. Врач, сидевший рядом с ним, давно уже слышал, что Анцепович не очень членораздельно бубнит что-то соседу с другой стороны. Врач прислушался. «Понимаешь, их было не то пятьдесят, не то семьдесят казачат-сирот, детей вымерших поселенцев. Специально обученных. Посылали на особо опасные задания... знали, что не вернуться... и не возвращались. Вдруг один вернулся — вот был хипеж! Всех на ноги поставили...».

— Как? Что? — всполошился врач.

— Ничего, ничего! Я ничего не говорил, ты ни-че-го не слышал. Понимаешь, ни-че-го не слышал! — ослотившие глаза Анцеповича чуть прояснились, он с трудом поднялся и, держась за стенку, пошел прочь от стола.

На какую погибель они отправляли детей? Мы не знаем. Анцепович знает, но не расскажет.

Большинство детей забайкальцев-спецпоселенцев мужского пола, достигших к 1941–45 гг. призывного возраста, сложили свои головы на фронтах войны. Дети помоложе, выросшие при матерях в ссылке, их дети и дети их детей попали в идеологическую среду, общую для всех граждан СССР. В таком же положении — дети и внуки казаков, вернувшихся из Китая. Их настигло самое страшное — духовная смерть.

Потомки забайкальских казаков еще хранят честное отношение к труду. Еще не пьянствуют, не прогуливают, не крадут: еще не совсем «как все». Официантки в станичном ресторане еще отказываются от чаевых: «У нас это не принято».

Очень печальна судьба тех, кто дожил до глубокой старости и остался одиноким. Таких много в бывших рабочих поселениях в местах, где прекращена добыча золота. Живут в полуразрушенных догнивающих домах, продуктов им не завозят, жилье не ремонтируют, дрова дают только после длительных «хождений по мукам». Позиция властей: подумаешь, поселки — одни пенсионеры! Рекомендуют идти в дома для престарелых. Старушки (там, главным образом,

женщины) прекрасно знают, что собой представляют дома престарелых. Ездили, смотрели, поняли, что туда можно ехать лишь за мучительной смертью. Старушки предпочитают мерзнуть и голодать в заброшенных поселках...

Каждый рассчитывается за прожитую жизнь. Рассчитывается по-разному. Кого раздавливает совесть при жизни, кто содрогается, оглянувшись назад на смертном одре. Со всеми вместе расправляется история.

Забайкальские казаки расплатились за себя и за казаков-первопроходцев²⁶).

...Донским казакам поставили памятник на центральной площади Лондона. Кто, когда и где поставит памятник казакам Забайкальского казачьего округа?

Послесловие.

Статья была закончена, когда автора посетили забайкальцы, встречавшиеся с теми, кто прибыл в Россию в конце шестидесятых годов. Вот что рассказывали последние:

1. Наши матери и сестры действительно обучали китайцев: учили доить коров, ухаживать за телятами и ягнятами зимнего отела скота. Пока было тепло, обучение шло удачно. С наступлением же сильных морозов, ничего не получалось — китаец, едва выйдя из дома, мгновенно становился неработоспособным, настолько замерзал.

Мы, мужчины, не смогли приучить их ездить зимой за сеном за 15-20 километров по тем же причинам.

Животноводческое хозяйство почти совсем исчезло. Большинство поселений помельче прекратили существование. В больших поселениях остались лишь отдельные дома: китайцы разбежались. Около сохранившихся домов все распаханно под огородные культуры. На смену животноводству пришло огородничество. Да и оно не слишком рентабельно — далеко рынки сбыта.

Резюме: культуртрегерская работа забайкальских казаков-эмигрантов пошла прахом. Похоже, что Трехречье снова превращается в необжитой район Китая.

2. Оставшиеся в Трехречье казаки-эмигранты вынуждены были в середине шестидесятых годов бежать из КНР. Китайское коммунистическое руководство приступило к их уничтожению: мужчин схватывали, связывали и опускали в связанном виде головой вниз в колодец, в прорубь (зимой) или реку (летом). Держали до полного захлеба. Естествен-

ный результат — неизбежные после нелегального перехода границы советская тюрьма или лагерь предпочитались насильственной смерти в Трехречье.

ПРИМЕЧАНИЯ

Составил Б. Трофимов

¹) Формальное решение о ликвидации Забайк. казачьего войска принималось несколько раз. 15 апр. 1917 подавляющее большинство Казачьей секции 1-го областного Съезда сельского населения согласилось его упразднить, однако 5 авг. 2-й областной Съезд казачьих депутатов постановил казачье сословие сохранить. На 3-м областном Съезде сельского населения, созванном после первой победы над Семеновым, Казачья секция 24 марта вновь постановила упразднить казачество как сословие и слиться с остальным населением области, но дальше последовало длительное поражение Советов. Окончательная ликвидация Войска осуществилась в 1921-22 в рамках Дальневосточной республики, основной закон которой (гл. 2, ст. II), принятый 27 апр. 1921, не допускал сословного деления граждан.

²) Григорий Михайлович Семенов (1890-1946) — казак из поселка Куранжа Дурулгуевской станицы. Окончил Оренбургское воен. училище (1911), воевал на Кавказском фронте, командуя сотней в Верхнеудинском полку Забайк. казачьей дивизии. После Февраля — делегат Всерос. казачьего съезда. С июля 1917 — комиссар Врем. пр-ва в Забайк. области по формированию добровольч. частей. 18 нояб. 1917 под руководством С. на ст. Березовка (под Верхнеудинском) произошло первое организованное вооруженное выступление против сов. власти в Забайкалье, положившее, согласно сов. историографии, начало гражданской войне в этом районе. Потерпев неудачу, С. скрылся в Маньчжурии, где сформировал Особый маньчжурский отряд, а затем дважды пытался продвинуться от ст. Маньчжурия к Чите.

После выступления чехословаков (авг. 1918) С. утвердился в Забайкалье на два с лишним года. Держался независимо по отношению к другим властям в Сибири. На Омский переворот 18 ноября 1918 реагировал отказом признать верховную власть Колчака (выдвигал другие кандидатуры) и грозил немедленно объявить автономию Вост. Сибири. В февр.-сент. 1919 пытался создать под своим протекторатом монголо-бурятское государство Великой Монголии с временной столицей в Даурии. Перехватывал воен. грузы и продовольствие, следовавшие с Д. Востока в Зап. Сибирь; захватил и использовал часть золотого запаса, отправленного Колчаком во Владивосток.

Временное сибирское пр-во (1918) назначило С. командиром Отдельного корпуса со штабом в Чите. С нач. 1919 С. — атаман Забайк. казачьего войска. Колчак вначале не признавал власти С. над Забайкальем, затем назначил его командующим войсками Читинского ВО, а 24 дек. 1919 — также Иркутского, Забайкальского и Приморского воен. округов, с одновременным производством С. в ген.-лейтенанты. 5 янв. 1920 ему передана Колчаком вся полнота

власти на территории Российской Восточной Краины. С сент. 1920 С. делил власть с Временным Восточно-Забайк. Народным собранием (Читинский нарсоб).

В нояб. 1920 потерпел окончательное поражение в Забайкалье. Отправился в Приморье, но был оттуда выслан в дек. и уехал в Порт-Артур. В 1921 вновь появился было в Приморье (июнь), но вынужден был (сент.) эмигрировать. Жил в Корее, Японии (Нагасаки), Сев. Китае. После смерти генералов Д.Л. Хорвата и М.К. Дитерихса претендовал на роль единоличного вождя рус. эмиграции на Д. Востоке. В сент. 1945 захвачен чекистским авиадесантом 6-й армии, высадившимся в Дайрене. Повешен по приговору Воен. коллегии Верх. суда 30 авг. 1946.

Авторы разных политических направлений отмечают, среди прочих качеств С., его властолюбие, амбицию, неразборчивость в средствах.

³) Советская власть в Чите установилась не без решающего участия казаков. В янв. 1918 туда прибыл сначала «учредивовски» настроенный 1-й Читинский полк, со старым командованием во главе. Затем появился в Забайкалье 2-й Читинский полк. Распродав лошадей и с боя взяв вагоны, он с дек. 1917 по февр. 1918 добирался из Нахичевани-Эриванской до Верхнеудинска и был по пути разоружен (в Пензе отобрали пулеметы, в Самаре — винтовки). Этот-то полк, разузнав обстановку и кое-как вооружившись, нагрянул в Читу и совершил здесь 16 февр. советский переворот, упрочившийся в результате последовавшего прибытия революционно настроенных частей 1-й Забайк. дивизии, с выборным комсоставом. Против Семенова, однако, с трудом удалось направить лишь 1-й Аргунский полк — остальных казаков пришлось распустить по домам.

Газета «Забайкальская новь» в № от 16 янв. 1918 поместила заметку КАК ЕХАЛИ КАЗАКИ, излагавшую рассказ казачьего представителя, сделанный накануне на заседании Читинского Народного совета.

Казаки снялись с фронта, когда пребывание их там стало бесцельным из-за окружающего развала армии — и лишь после того, как интендантство отказало им в дальнейшей выдаче продовольствия. Возвращались через Украину, двигались зигзагами. Красная гвардия окружала их и пыталась разоружить в Самаре, Миассе, Златоусте (где начальник красной гвардии нарушил данное им перед тем «честное слово революционера» о свободном пропуске казачьих эшелонов на восток), Челябинске и ряде других пунктов. Пытались запереть их в теплушках на ст. Забатуй (перед Иркутском). Языком пулеметов казакам пришлось разговаривать и на ст. Черемхово.

Ехали все время в полной боевой готовности. «Вернее, не ехали, а шли, ибо шествие казаков происходило таким образом: впереди поезда идет разведочная сотня, по бокам также сотня для охраны поезда, а остальные уж в теплушках. Пережитые нравственные мучения не поддаются описанию: на нас смотрели и как на дутовцев и т.д., и одного не хотели понять, что мы, пробыв на фронте больше трех лет, стремимся домой, в родное Забайкалье».

⁴) Надо сказать, что вооруженная рознь не сразу охватила все казачество. Так, в боях 1918 все поселки Улятуевской станицы официально держали нейтралитет, несмотря на жаркие споры, повсюду там происходившие; лишь в сент. началась мобилизация в войска Семенова, а в ноябре появился первый партизанский отряд.

К марту 1919 относится приговор жителей Шилкинского поселка о соблюдении нейтралитета, но на этот раз с неповиновением семеновцам удалось справиться быстро.

Особенно поддерживало Семенова оное казачество. В марте 1918 1-й Ононский полк оказался наиболее стойким из частей, сформированных Семеновым по эту сторону границы после ее перехода.

Поддержка населением той или другой воюющей стороны сильно зависела от ее успехов и неудач. Напр., 4 мая 1918 произошло под влиянием поражений массовое бегство из 3-го и 4-го партизанских полков, и вскоре в полках осталось по одной сотне; но потом, в июле, после перехода на сторону партизан 1-го семеновского полка, — повстанцы собрались снова.

Отметим еще, что в гражданскую войну на территории Забайк. казачьего войска с самого начала оказались втянуты другие народы. В мае 1918 на фронте под началом Сергея Лазо сражались китайский отряд и почти тысячный отряд, составленный из бывших военнопленных (венгры, австрийцы, немцы). У Журавлева в Богдате (1919) была китайская пехотная рота. На стороне Семенова в 1918 воевали китайцы, сербы, монголы-харачины. В 1919 у Семенова был монголо-бурятский полк.

Казачий шовинизм по отношению к кочевым тунгусам и бурятам мешал привлечению их в партизанские отряды, особенно в первый период борьбы. В массе своей тунгусы и буряты воевали на стороне белых. От имени бурят Забайкалья Агинская аймачная дума обратилась в апр. 1920 к японскому императору: «Молим японского императора признать маленький бурятский народ, как отдельную самобытную нацию; сохранить его жизнь и защитить от большевиков, отбирающих землю, поругивающих дацаны; просим остаться в пределах Забайкалья до очищения его от последних» (ПАРТИЗАНЫ. Чита, 1929, с. 23).

⁵⁾ Нина Павловна Лебедева-Кияшко (1898 или 1899 — 1920) — племянница и приемная дочь военного губернатора Забайк. области. Училась в гимназии в Чите. После падения первой сов. власти за Байкалом находилась в конце 1918 в Благовещенске, входила в Амурскую группу с.-р.-максималистов. Работала в подполье в контакте с местной организацией большевиков. В нач. ноября 1919 на конференции в с. Анастасьевском введена в Военно-революционный штаб партизанских отрядов и революционных организаций Хабаровского и Николаевского районов; поставлена во главе агиторготдела ВРШ. Как член ВРШ направлена вместе с Я.И. Тряпицыным (командир отряда, анархист) в Низовья Амура для организации там повстанческого движения. После взятия Николаевска-на-Амуре занимала должность начальника штаба Красной Армии Николаевского округа. Тряпицын и Л. призывали к борьбе на два фронта — против формирующейся ДВР и Японии — и сделали попытку образовать «Дальневосточную Советскую республику» в составе Низовьев Амура, Сахалина, Охотска и Камчатки, с центром в Николаевске-на-Амуре.

Движение отряда Тряпицына и Л. вниз по Амуру сопровождалось почти полным истреблением сельской интеллигенции (за ее «пассивность») и всех, кто имел вид городских жителей. Расстреливались целые воинские соединения, перешедшие на сторону партизан или сдавшиеся в плен. Заняв Николаевск (февр. 1920), Тряпицын объявил себя диктатором. В тюрьму заключили всю «бур-

жуазию» (захватив и мелких рыбаков, и рядовых обывателей), Особый отдел при штабе Тряпицына (во главе с уголовником, бывшим каторжником) начал расстрелы. Многие русские бежали под защиту японцев, не выдававших их партизанам как своих гостей. Выступив против Тряпицына 12 марта, японские войска рассчитывали на поддержку их терроризированным населением города, но просчитались. В ходе боя партизаны осуществляли не только сплошное уничтожение японцев, но и «ликвидацию» городской тюрьмы (с 50-ю чел., подлежащими освобождению, и десятками тех, чьи дела еще не разбирал трибунал), вырезывание целых семей, грабежи покинутых домов и т.д. Когда японцы высадили десант для защиты своих граждан (на 15 тыс. жителей города, не считая войск, перед революцией приходилось ок. 2,5 тыс. иностр. подданных), Тряпицын приказал уничтожить всех, кто не пожелает с ним отступить, в первую очередь — пленных японцев. Через несколько дней было истреблено почти все мирное население Николаевска и предано огню все, что могло гореть. 22 мая, когда к месту, где раньше был город, подошли японские войска, они обнаружили лишь несколько полуобгорелых каменных домов. Николаевские события послужили для Японии поводом к оккупации Сахалина и вооруженным акциям против партизан в др. районах Д. Востока. После того, как отступивший из Николаевска Тряпицын отдал приказ расстрелять ряд ответственных советских работников-коммунистов, он, Лебедева и еще неск. человек были по предложению Далькрайкомпарта судимы и расстреляны 9 июля 1920 в селении Керби. В 1920-е в некоторых изданиях Истпарта вся ответственность за «Николаевскую баню» фактически перекладывалась на японцев (см., напр.: Д.С. Бузин (Бич). **ПАРТИЗАНСКО-ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В НИЗОВЬЯХ РЕКИ АМУРА, 1919-1920 гг.** — в сб.: **РЕВОЛЮЦИЯ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ**. Вып. 1. М.-Пг., 1923, с. 7-63).

⁶⁾ В марте 1918, когда после победы над Семеновым большая часть казаков Аргунского полка разбегалась по домам, у границы остались в качестве заслона только одна сотня этого полка под командованием Зиновия Метелицы и отряд читинских железнодорожников.

⁷⁾ Павел Николаевич Журавлев род. в 1883 (по др. данным — в 1887). Был призван в армию в 1915, по окончании Иркутского воен. училища в чине прапорщика попал на Румынский фронт. После ранения переведен в запасной полк, стоявший на Дону; во время июльского наступления (1917) не поехал на фронт, а самовольно покинул часть и вернулся к себе домой, на Александровский Завод. Участник весенне-летних боев против Семенова в 1918; руководил в этих боях отрядом, разросшимся в 1-й Забайкальский революц. полк. После падения Советов скрывался до апр. 1919, когда присоединился к возникшим партизанским отрядам и был избран их командующим. «Партизанской столицей» его отрядов была Богдаты. С нояб. 1919 Ж. командовал Восточно-Забайк. фронтом; к нач. 1920 партизаны фронта контролировали почти весь треугольник между Шилкой, Аргунью и Маньчжурской веткой ж.-д. Скончался Ж. 23 февр. 1920 от раны, полученной в бою под Сретенском. Тактика Ж., в ее сложившемся виде, сочетала фронтальную борьбу с глубокими рейдами больших кавалерийских отрядов по тылам противника.

⁸⁾ Константина Елизаровича Воросова партизаны на полном серьезе называли своим полпредом в Китае. Официальный мандат

Воросова, выданный ему 30 июня 1919 Военно-полевым Рев. штабом 2-го района, гласил, что Воросов «уполномочивается /.../ дипломатом при китайских властях по вопросам политическим, экономическим и военным» (**ПАРТИЗАНСКИЙ ВОЖАК**. Сб. материалов и документов о боевой деятельности П.Н. Журавлева. Чита, 1963, с. 29, док. № 1). Этот статус В. был согласован с властями в Чикае (город на китайской стороне — подобие уездного города в России) и с представителями китайских властей в Урюпинском Кордоне. Помимо разрешения конфликтов, полпред закупал патроны, медикаменты и перевязочный материал — китайскую сарпинку.

⁹⁾ По нашему мнению, ограничившись такими примерами, автор невольно преуменьшил жестокость Гражданской войны в Забайкалье. Главные зверства совершались не на фронте. Известные по литературе свидетельства о действиях семеновской контрразведки («мясорубка» на ст. Маккавеево, напр.) достаточно хорошо документированы.

Впрочем, вот еще эпизод. Действие — в партизанском отряде в конце сент. 1919: «Привезли 12 пленных бурят. Озверевшая толпа тут же растерзала пленников. Был это самосуд, но никто в этот момент не поднял голоса против. Кровь партизанская льется ведь тут же рядом, всего в 3-4 верстах» (Степан Лесовик. **КУРУНЗУЛАЙ ВОСТАЛ**. — В сб.: **ПАРТИЗАНЫ**. Чита, 1929, с. 48).

¹⁰⁾ Предварительное решение о создании «буфера» было принято в янв. 1920 в результате Томских переговоров представителей Сибревкома и РВС 5-й Красной армии с представителями иркутского Политцентра. Цели Москвы были — получить передышку, отдалить военное столкновение с Японией, продемонстрировать свои мирные устремления и т.д. Партнеры большевиков по переговорам надеялись построить «буфер» на началах демократии и предохранить Восток России «как от хищнической оккупации японцев, так и от разрушительного хозяйничанья большевиков» (слова из резолюции ЦК ПСР по сибирским вопросам).

Заняв Прибайкалье (тогдашнее значение этого имени примерно соответствует нынешней территории Бурятии без ее южных районов), большевики способствовали созданию в Верхнеудинске (нач. марта 1920) Временной земской власти Прибайкалья, с преимущественным представительством ПСР и РСДРП, но с армией в руках РКП(б). Здесь же 6 апр. принята Декларация независимости ДВР, а временное правительство ДВР вначале сформировано без участия с.-р. и меньшевиков, которые лишь позже согласились на предоставление их представителям второстепенных ролей (министерства создавались постепенно в апр.-мае). Отсутствие единодушия по вопросу о «буфере» среди руководящих коммунистов Вост. Сибири и Д. Востока, наличие областных правительств, претензии Владивостока (не исключая и тамошних большевиков) на роль будущей столицы ДВР, сопротивление читинских властей и японцев, возражения соц. партий против коммунистич. диктата в строительстве ДВР (передвижка к востоку ее зап. границ, сохранение за РКП(б) полного контроля над армией ДВР, формальный характер демократии и т.п.) сильно задержали окончательное оформление ДВР. Учредительное собрание ДВР работало в Чите в февр.-апр. 1921, Совет Министров окончательно сформирован 12 мая 1921. В СМ ДВР коммунисты заняли подавляющее большинство министерств, меньшевикам достались посты министра промышленности (втородумец В.А. Анисимов), министра фи-

нансов (В.М. Бинасик), зам. министра финансов и пред. правления Дальбанка (Б.М. Берлацкий), социалистам-революционерам — министра юстиции и гос. прокурора (Е.А. Трупп), народным социалистам — пост министра просвещения (бывший глава Читинского нарсоба К. Шрейбер, кандидатура которого безуспешно выдвигалась в руководители правительства ДВР; позже Шрейбер был министром юстиции).

¹¹⁾ Каппелевские войска еще до подхода к Иркутску разделились на две группы, пробивавшиеся за Байкал самостоятельно: одна, под командованием С.Н. Войцеховского, двигалась на Верхнеудинск южным, другая, под командованием ген. Сукина, — северным путем; в эту вторую группу входили оренбургские казаки и сибирские пехотные части, также принявшие на себя имя каппелевцев. После прихода в Забайкалье эти войска, насчитывавшие сначала, видимо, 4-5 тыс. чел., были объединены с войсками атамана Семенова и переформированы во 2-й и 3-й корпуса войск Российской Восточной Краины (в 1-й корпус сведены семеновские части).

Войцеховский, бывший во время Ледяного похода начальником штаба у Каппеля, фактически командовал вместо него, начиная с перехода по р. Кан, где Каппель смертельно заболел. В Чите Войцеховский был сначала назначен командующим всей армией (при главкоме Семенова).

Для характеристики Войцеховского приведем полный текст его обращения (напечатан отдельной листовкой), в котором отметим тот факт, что Войцеховский возвращает своей армии ее название времен Комуца:

К НАСЕЛЕНИЮ ЗАБАЙКАЛЬЯ

В середине февраля в Забайкалье пришли войска, почти два года боровшиеся с большевиками на Волге, Урале и в Сибири.

Это рабочие Ижевского и Воткинского заводов, казаки и крестьяне Приволжья, Урала и различных местностей Сибири — Народная армия, поднявшая восстание против советской власти за учредительное собрание два года тому назад.

За нами с Запада к Забайкалью подвигаются советские войска, которые несут с собой коммунизм, комитеты бедноты и генения на веру в Иисуса Христа.

Где утвердилась советская власть, там в каждой деревне небольшая кучка бездельников, образовав комитеты бедноты, получит право отнимать у каждого все, что им захочется.

Большевики отвергают Бога — и, заменив Божью любовь ненавистью, вы будете беспощадно истреблять друг друга.

Большевики несут к вам заветы ненависти к Христу, новое Красное евангелие, изданное в Петрограде коммунистами в 1918 году.

В каждой местности, где утверждается советская власть, большевики прежде всего силой отнимают у крестьян хлеб, производят мобилизацию и гонят в бой пулеметами ваших сыновей.

К западу от Байкала, в Советской России и в Сибири, все время не прекращаются восстания среди крестьян против советской власти, против коммуны из-за хлеба.

Спросите наших солдат, и они расскажут вам, что заставило их — двадцать пять тысяч рабочих и крестьян — идти плохо одетыми в суровое зимнее время почти без продовольствия много тысяч верст

через всю Сибирь за Байкал, чтобы только не оставаться под властью коммунистов.

Я, как Командующий войсками в Забайкалье, заявляю Вам:

1) Противобольшевистская Народная армия, пришедшая в Забайкалье с запада, имеет своей задачей не допустить большевиков в Забайкалье, защитить здесь законность и порядок: жизнь и имущество граждан должны быть неприкосновенны и священны.

2) Все повстанцы должны сдать оружие в Волостные и Станичные Правления; добровольно сдавшим оружие гарантируется жизнь и свобода. Сдавшие оружие мобилизованы не будут.

3) Скорейшее прекращение военных действий со стороны повстанцев — в интересах самих крестьян, потому что тогда не надо будет держать войска по деревням, а население освободится от всех тяготей, которые вызываются присутствием войск.

4) Крестьяне, казаки и буряты должны выслать своих представителей в Читу на съезд к сроку, который будет указан Гражданской Властью. Этот Съезд выберет своих представителей в созываемое властью Законодательное собрание.

5) Власть и наша Армия имеют своей главной задачей защиту интересов крестьянства и казачества, как главной массы населения, и установление твердого порядка, чтобы обеспечить населению свободную жизнь и мирный труд.

Крестьяне, уже весна. Зачем же Вам усеивать кормилицу землю вашими трупами, когда она ждет, чтобы вы бросили в нее всхожее зерно.

Подлинное подписал: Командующий войсками
Российской Восточной Окraiны
Генерал-майор ВОЙЦЕХОВСКИЙ

Присутствие каппелевцев стало фактором, способствовавшим некоторой (пусть ограниченной и постепенной) демократизации семеновского режима. Вейцеховский через своих представителей начал политические переговоры с Владивостокским правительством, в которое входили П.М. Никифоров и другие коммунисты; огласка, которую получили эти переговоры, имела следствием уход Войцеховского с поста командующего в конце апр. 1920. Автор неточен, когда вслед за Никифоровым, касаясь сентябрьской встречи, продолжает называть Войцеховского командующим. Свое влияние в армии Войцеховский, конечно, сохранил. Никифоров (*ЗАПИСКИ ПРЕМЬЕРА ДВР*. М., 1963, с. 227) так передает позицию Войцеховского на прямых переговорах: «Мы готовы принять условия, на которых перешла к земской власти во Владивостоке колчаковская армия».

Даже после военного поражения каппелевские генералы Вержбицкий (командовал армией осенью 1920) и Молчанов (командовал тогда же 3-м корпусом) были избраны в Учредительное собрание ДВР, но, видя бесперспективность ее как демократической республики, отказались прибыть в Читу.

¹²⁾ Никифоров Петр Михайлович (1882-1974) — член РСДРП(б) с 1904, участник Кронштадского восстания 1905, один из руководителей воен. организации большевиков в Иркутске (1908). В 1910 арестован, приговорен к смертной казни, замененной 20 годами каторги. После Февраля — на парт. и сов. работе в Иркутске, затем во Владивостоке. После чешского переворота во Владивостоке (июнь

1918) оказался в местной тюрьме, откуда без труда держал связь с владивостокской организацией большевиков. После переворота 31 янв. 1920, едва выйдя на волю, встал во главе Финансово-экономического совета Земской управы; глава Совета управляющих ведомствами при Владивостокском правительстве (май-июль), затем управляющий Ведомством труда. Пред. Дальневост. крайкома РКП(б) и (март-авг.) член Дальбюро РКП(б). При руководящем участии Н. летом 1920 проведены всеобщие выборы в Нар. собрание Д. Востока и осуществлена правительственная коалиция с буржуазией, причем Н. считал, что большевикам Приморья удалось т. обр. создать «Национальный противояпонский фронт» (И.М. Никифоров. **ЗАПИСКИ ПРЕМЬЕРА ДВР**. М., 1963, с. 207; главу под этим названием автор позже переозаглавил в «Создание коалиционного правительства»). Летом 1920 считал невозможным признание Верхнеудинского правительства ДВР и вел переговоры с представителями Семенова. В сент. — глава делегации Владивостокского правительства на Совещании областных правительств в Верхнеудинске; проездом через Читу делегация, в которой были представлены также РСДРП и ПСР, участвовала в работе Читинского нарсоба. Начиная с Верхнеудинского совещания, Н. более последовательно проводил линию Москвы в вопросах строительства «буфера» (ДВР). Пред. СМ ДВР с апр. 1921 (сначала — при председателе правительства Краснощекове). Коалиц. кабинет Н. сформировался в мае и просуществовал немногим более полугода (Н. распустил его во время боев под Волочаевкой и сформировал новый — без «соглашателей»). Отозван из ДВР до ликвидации «буфера». В 1925-27 полпред СССР в Монголии, затем на сов. и парт. работе в Москве. Автор нескольких книг полумемуарного характера. Прямо посвященные истории ДВР **ЗАПИСКИ ПРЕМЬЕРА ДВР** носят в осн. характер общего, описательного и недостаточно документированного обзора событий; при подготовке 2-го издания (1974) книга «выглажена» и сокращена за счет имен и острых ситуаций.

¹³⁾ Народно-революционную армию Дальневосточной республики (НРА ДВР) следует отличать от НРА Политического центра, существовавшей в дек. 1919 — янв. 1920. Ядром НРА ДВР стала Восточно-Сибирская Сов. армия (сформированная Иркутским ВРК из партизанских и повстанческих отрядов и солдат бывших колчаковских частей в конце янв. — нач. февр. 1920 для борьбы с каппелевцами) и, в особенности, выделенная из нее Забайкальская группа (под командованием Н.В. Калашникова, быв. командующего НРА ПЦ, с.-р.). 11 марта 1920 части ВССА приказом Прибайкальской земской власти были объявлены частями Прибайкальской НРА, а после провозглашения ДВР переименованы в НРА ДВР (день 11 марта отмечался потом в ДВР как День НРА). НРА ДВР формировалась в Иркутске и Верхнеудинске и включила в себя боеспособные силы партизанских отрядов Прибайкалья (Зап. Забайкалья). Желание меньшевиков и с.-р. быть представленными в Военном Совете НРА было отвергнуто, и в ВС с самого начала вошли лишь коммунисты. Первым главкомом НРА стал Г.Х. Эйхе. НРА ДВР фактически была авангардом 5-й Красной армии. На фуражке народоармейца вместо звезды была кокарда, на рукаве бойцов был нашит ромб.

¹⁴⁾ Уточним рассказ Н. С. Сибирякова.

К сентябрю 1920 3-й и 2-й каппелевские корпуса (до 12 тыс. штыков и сабель, 9 бронепоездов, 175 орудий) располагались от Читы до

ст. Бырка (далее вдоль Забайкальской магистрали до ст. Маньчжурия размещались семеновцы). Пытаясь ликвидировать «читинскую пробку», силы красных еще до октябрьской операции дважды пытались выбить каппелевцев из Читы, но терпели поражение. Переговоры Верхнеудинского правительства ДВР с Японией завершились соглашением 15 июля, в силу которого в Забайкалье прекращались военные действия, а японские войска начиная с 25 июля стали уходить с территории Забайкалья и 15 октября полностью покинули ее. Оперативный план Читинской операции был принят уже 27 сент., приказ о наступлении войскам Амурского фронта отдан в день, когда последний японский эшелон отбыл за пределы Забайкалья. Специально для японцев в отношении Верхнеудинска было разыграно «неподчинение»: части фронта переименованы в Повстанческую армию, а главе правительства ДВР направлено послание: «Мы, как восставший народ, как партизаны, не можем подчиниться Вашему решению /о перемирии — Д.М./ и будем бороться до тех пор, пока не разгромим белых /.../». Оба каппелевских корпуса оказали серьезное сопротивление и нанесли ряд успешных контрударов (20 окт. — к северу от Читы и на центральном участке обороны, 23 окт. — под Харашибири, 3 ноября — под Хадабулаком, 13 ноября — под Борзей). Третий корпус, оставив 21 окт. без боя Читу, далее с большим трудом пробивался на юг. Вои продолжались до 21 ноября, и одну из главных задач Читинской операции — не дать каппелевцам уйти в Китай — выполнить не удалось.

¹⁵⁾ Вместе с каппелевцами в Китай были вытеснены семеновцы, частично осевшие в полосе КВЖД, особенно в Харбине. По свидетельству А.В. Акулова, среди бывших семеновцев в Трехречье надежда вернуться с оружием в руках в родные места была жива до поздней осени 1922 (газ. «Голос Родины», июнь 1962).

После падения Владивостока (окт. 1922) последняя большая партия забайкальцев, во главе с Глебовым, покинула русскую землю, отплыв из Посьета в корейский город Гензан (ныне Вонсан), где до лета 1923 беженцы получали материальную поддержку от японцев, но после прекращения ее рассеялись по Дальневосточному Зарубежью — и дальше.

Один из сподвижников атамана Семенова, ген. Нечаев, возглавил сформированный в 1924 в Харбине Русский отряд (к 1925 — Русская дивизия: ок. 12 тыс. чел.). Этот отряд наемников, в котором были и забайкальские казаки, совершил в 1924 поход до Тяньцзиня, а в 1924–27 — до Янцзы. Во втором походе Русская дивизия действовала против революционной армии, где воевало много китайских коммунистов, а советниками были советские военные, начиная с В.К. Влюхера; таким образом, действия дивизии осознавались как продолжение борьбы против коммунизма, но уже на китайской земле. После вторжения Советской Армии в Маньчжурию в 1945 ген. Нечаев из Дайрена, где он жил, бежал на джонке в Тяньцзинь, был захвачен американцами и выдан СССР; казнен в Читинской тюрьме. О Русском отряде см.: Виктор Петров. **УЧАСТИЕ РУССКИХ В КИТАЙСКОЙ МЕЖДУОСОБИЦЕ.** — Газ. «Русская жизнь» (Сан-Франциско), 8 дек. 1981.

¹⁶⁾ Краснощеков Александр Михайлович (1880–1937) — из семьи еврея-приказчика. С 1896 вел с.-д. работу на Украине, неоднократно подвергался арестам, тюремному заключению и ссылке. Эмигрировал в Берлин (1902), в 1903 переехал в США. Работал в Нью-Йорке

портным и маляром; в 1912 окончил университет в Чикаго, став профессиональным юристом и экономистом. Член Американской социалистической партии (1904-17) и профсоюзных организаций (АФТ и «Индустриальные рабочие мира»), сотрудник партийной и профсоюзной прессы (на англ., идиш и рус. языках). С 1915 адвокат по профсоюзным делам, ректор и преподаватель рабочего университета. Работал в Америке вместе с Троцким. Вернулся в Россию, во Владивосток, в конце июня 1917; с авг. 1917 — большевик. В 1918-21 занимал различные руководящие посты на Дальнем Востоке; в мае-дек. 1919 находился в заключении, освобожден из Иркутской тюрьмы восставшими рабочими. На Томских переговорах (января 1920) представлял Иркутский губком РКП(б). Член Дальбюро РКП(б), затем Дальбюро ЦК РКП(б) (орган, через посредство которого РКП(б) руководила строительством ДВР). Министр иностр. дел (с апр. 1920) и пред. (с мая) Врем. правительства ДВР в Верхнеудинске; переизбран в Чите (окт. 1920). В постоянном СМ ДВР был главой правительства при председателе СМ Никифорове. В период борьбы за создание ДВР проводил в общем линию Ленина и ЦК РКП(б) — и в ДВР, по словам Ленина, «едва ли не он же все и организовывал» (ПСС, т. 54, с. 219). Подвергался со стороны работавших с ним коммунистов, включая и предсовмина Никифорова, многочисленным обвинениям, но некоторое время удерживался благодаря заступничеству Ленина и Троцкого. Ему вменялись в вину легализация ПСР и РСДРП, настойчивое привлечение их в правительств. коалицию, свобода печати и слова в ДВР, «чрезмерный» упор в публичных выступлениях на «независимость ДВР» от РСФСР и стремление к личной диктатуре. Сначала его сторонник, главком НРА Г.Х. Эйхе, был смещен (и затем за неподчинение этому приказу арестован, выслан за пределы ДВР и освобожден от военной службы), а после этого и сам К. в кон. 1921 был отозван из ДВР. Стал председателем Промбанка, зам. наркома финансов РСФСР и членом президиума ВСНХ. В сент. 1923 арестован по обвинению в злоупотреблении властью. По сообщению наркома РКИ В.В. Куйбышева («Правда» и «Известия» от 3 окт. 1923), установлены были «бесспорные факты» присвоения К. государственных средств, «устройство на эти средства безобразных кутежей, использование хозяйственных сумм банка в целях обогащения своих родственников и т.д.» Приговорен к 6 годам одиночного заключения. Содержался в Лефортовской тюрьме, в нояб. 1924 переведен в тюремную больницу, по окончании лечения освобожден. С июня 1926 — начальник Главного управления новых лубяных культур Наркомзема СССР. Выпустил книгу **СОВРЕМЕННЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ БАНК** (М., 1926), в период лишения свободы переводил У. Уитмена. Во время Большого террора арестован и расстрелян.

¹⁷⁾ Яков Николаевич Коротаев (Каратаев) (1892-1937) — казак из Онон-Борзинской станицы. В 1914-18 — во 2-м Аргунском полку, до авг. 1918 воевал против Семенова на Даурском фронте рядовым бойцом. Один из руководителей Алтагачанской лесной коммуны, образовавшейся в конце 1918; эта и ей подобные лесные коммуны весной 1919 положили начало партизанским отрядам Вост. Забайкалья. Подготовил по поручению Журавлева переход его отряда в с. Богдаты, ставшее партизанской столицей Вост. Забайкалья. Командир 1-го кав. парт. полка. В марте 1920 избран командующим Восточно-Забайк. фронта (с апр. — 1-й Забайк. корпус) вместо погибшего П.Н. Журавлева. В Читинской операции его части действо-

вали против 1-го (семеновского) корпуса противника в районе Оловянная — Борзя. Во второй пол. 1920-х заведовал Читинским окружным административным отделом.

¹⁸⁾ Степан Самойлович Шилов (1885-1954) после окончания Нерчинского уездного училища (1901) был сельским учителем. С 1905 — в РСДРП, в 1908-11 — в эмиграции (Швейцария). Печатался с 1908, сотрудничал до революции в читинских газетах «Забайкальская новь» и «Думы Забайкалья». В 1918 — первый комиссар народного просвещения в Забайкалье, редактор газеты «Советская власть». После падения первой сов. власти уехал в Амурскую область, скрывался. С начала и до конца партизанского движения на Амуре возглавлял его. Пред. Амурского партизанского «Таежного исполкома» (1919-20), пред. Амурского облисполкома (1920). В 1920 уехал в Москву. Отказался учиться в Академии Генштаба, куда был направлен, и целиком отдался писанию прозы. Интенсивная лит. деятельность его продолжалась до сер. 1930-х. Его брат Дмитрий (из руководящих красных командиров Забайкалья в 1918-20, председатель Учредительного собрания ДВР в 1921) тоже переехал в Москву и стал начальником милиции в одном из ее районов.

¹⁹⁾ Абрам Яковлевич Федоров, бежав летом 1918 из семеновского плена, в нач. 1919 жил по ту сторону границы. Местом его пребывания был городок Чикая, откуда он уехал, будучи предупрежден китайскими властями о возможности ареста. Организовал в Аркинской станции партизанский отряд (февр.), скоро отказавшийся от восстания и выдавший Ф. властям. Освобожден товарищами, ушел в тайгу. Стал командиром 2-го партизанского полка у Коротаяева. Во второй пол. 1920-х заведовал хозяйством главной конторы Забайкальской ж.-д. Был прислан учиться в Академию Генерального Штаба. Арестован в Москве в 1937, отсидел 10 лет. После заключения, обнимаясь с бывшим семеновским полковником Иваном Кузьмичом Пинигиным, тоже отсидевшим свое, на вопрос того: «Меня — понятно, а тебя-то за что?», — отвечал: «Шили подготовку убийства Кирова».

²⁰⁾ Как сообщает П. Балакшин, ссылаясь на сведения одного эмигранта, знакомого с жизнью Трехречья, налеты с советской стороны — кроме карательных, о которых далее рассказывает Н.С. Сибиряков, — устраивались конокрадами, кравшими казачьих лошадей для перегона на советскую сторону.

²¹⁾ Набег 1929 на Трехречье был частью широких действий СССР в Маньчжурии в рамках т. наз. «конфликта на КВЖД».

Весной 1929 рус. эмигрантская разведка узнала о съезде маньчжурских сотрудников Коминтерна в Харбине. В мае кит. полиция, получив дополнительную информацию и произведя налет на советское ген. консульство в Харбине и местные консульства в Сахалине, Цицикаре и Маньчжули (г. Маньчжурия), арестовала неск. десятков чел. и захватила документы, свидетельствовавшие о громадном размахе коммунистич. деятельности, направленной к установлению в стране сов. строя. Открылась роль многих сов. служащих на КВЖД и значение дороги как базы для ведения подпольной работы. В июле 1929 кит. власти провели аресты на КВЖД и потребовали от сов. управляющего сдачи дел. Проведя частичную мобилизацию и создав Особую Дальневосточную армию, СССР предъявил Китаю трехдневный ультиматум: «нормализовать положение на КВЖД или встать лицом к лицу с соответствующими мерами». В этой обстановке белые эмигранты в нескольких местах совершили нападение на сов.

территорию, а кит. власти все увеличивали число арестованных на КВЖД. В сер. авг. ОДВА начала действия на кит. территории. В окт.-ноябре были проведены две десантных операции на Сунгари, с захватом городов Лахусасу и Фугдин. В ноябре — Маньчжуро-Чжэлайнорская операция, с захватом Хайлара (рядом с нею и осуществлен карательный рейд в Трехречье), и Мишаньфунская операция за озером Ханка. 22 дек. подписан Хабаровский протокол, восстановивший на КВЖД прежнее положение (в соответствии с соглашением 1924). Части ОДВА задержались в районе Хайлара под видом «независимых» от сов. командования монг. соединений. Подпольная сов. деятельность на КВЖД сократилась, зато положение рус. эмигрантов в Маньчжурии ухудшилось. Видные вожди эмиграции были отсюда высланы, а часть рядовых эмигрантов в поисках более спокойных мест потянулась в Шанхай и другие города вне Маньчжурии.

²²⁾ Жуч, возможно, был не просто проводником: «Еще задолго до конфликта хабаровский областной отдел ГПУ сформировал особый отряд, во главе которого был поставлен чекист Жуч, служивший одно время в отряде барона Унгерна и отличившийся в нем исключительной жестокостью. Отряд Жуча переправился через Аргунь и прошел «огнем и мечом» по мирным поселениям Трехречья» (Петр Балакшин. **ФИНАЛ В КИТАЕ**, т. I, изд-во «Сириус», 1958, сс. 156-157).

²³⁾ П. Балакшин сообщает о карательной экспедиции 1929: «Насилию, разбою, дикой расправе не было конца. В одном из казачьих поселений было убито 140 человек, включая женщин и детей. Несколькими ранеными добрались до Хайлара и поведали об ужасах, перенесенных мирным населением. Свыше шестисот трехречьянских поселенцев было вывезено в Советский Союз. Японское консульство на ст. Маньчжурия пыталось защитить мирное русское население, но ничего не могло сделать. Судьба вывезенных выяснилась позже: часть была расстреляна, большинство попало в концлагери и тюрьмы» (ук. соч., с. 157).

²⁴⁾ Об откликах на трагедию Трехречья:

«Эмигрантское население Харбина устроило массовую демонстрацию в знак протеста против советских бесчинств в Маньчжурии и, в особенности, в Трехречье. Оно потребовало от германского консула, взявшего на себя защиту интересов СССР во время конфликта, предоставления Лиге Наций фактов о советских зверствах над мирным населением Трехречья.

Хотя требования эмигрантов и не дошли до Лиги Наций, подробности советской расправы над мирным русским населением Маньчжурии предстали во всей полноте перед мировой общественностью. Пострадавшим стала поступать помощь. Американский Красный Крест пожертвовал 2 000 долларов. На призыв Харбинского Комитета Помощи Беженцам откликнулись многие общественные организации и частные лица. Американский генеральный консул в Харбине, Хенсон, и Коркоран, представитель американских благотворительных организаций, открыли сбор пожертвований среди иностранной колонии Харбина и сами пожертвовали большие суммы в помощь пострадавшим». (Там же.)

²⁵⁾ К настоящему времени эта картина наблюдается лишь в тех районах Забайкалья, которые находятся вне 50-километровой приграничной полосы. За пределами этой полосы действует общий

для Читинской области коэффициент заработной платы 1,2. В пограничных же с Китаем районах, где, сверх того, действует коэффициент 1,5 и, таким образом, зарплата идет с учетом суммарного коэффициента 1,7 — уровень жизни намного выше и, соответственно, станицы вновь отстроились.

В пограничном Приаргунье людей держат и другие льготы, в их числе возможность держать больше голов скота («Если не дадут держать четырех коров — уеду в город к деду: зачем мне здесь жить?» — слова одной казачки) и прекрасное, по советским меркам, снабжение города Краснокаменска, выросшего в районе бывшего Среднеаргунска.

Однако и в приграничных районах станицы не обрели прежнего вида. Если раньше для них были характерны большие дома, открыто глядевшие на улицу, то теперь и дома поменьше, и окружают их часто плотные дощатые заборы: каждый прячет свою собственность. Поразительно, что при необыкновенно льготных условиях (кредит на 3 года и бесплатные стройматериалы для постройки собственного дома практически любых размеров) местные жители предпочитают строить небольшие избы, которые было бы не жаль бросить в случае конфликта с Китаем или при уменьшении приграничных льгот. («Зачем мне обуза — пусть совхоз строит!» — слова той же казачки.) (Примечание составлено на основе информации, предоставленной М.Д.)

²⁶⁾ В первой (опущенной нами при публикации) части своей статьи Н. С. Сибиряков убедительно пишет о низком моральном уровне и особенно о жестокости первых поколений казаков за Байкалом. В устных беседах он приволил и следующие примеры, относящиеся к более близкому времени.

В 1900, во время Боксерского восстания в Китае, забайкальские казаки совершили поход в Маньчжурию. Завидя крестьянина, пахущего далеко в поле, стреляли в него, наслаждаясь попаданием: «О, журавль подпрыгнул!» Оскверняли буддийские храмы, соревнуясь в разрубании статуй Будды одним ударом наискось, как рубят человека (в каждой искали сердце, сделанное будто бы из золота). При разгроме встретившихся спиртовых заводиков до смерти напивались хайшиной (неочищенным спиртом), причем пили прямо из спиртового ручья, текшего по земле.

Бессмысленная жестокость и циничное отношение к человеческим жизням далеко не исчезли на всем Д. Востоке к началу XX века. В июле 1900 в Благовещенске солдатами, при сочувствии части горожан, были утоплены пять тысяч схваченных китайцев (набили песком штаны и выстрелами загнали в Амур). Если мысленно соединить это с «законами тайги» (действия хунхузов, охота на золотоискателей и собирателей женьшеня) и с рядом других известных исторических фактов, — то картины конца Забайкальского казачьего войска впишутся в более широкий исторический фон, а линия жестокости, в применении к затронутому региону, обнаружит свою историческую непрерывность.

Максудов, Солодов

НАЧАЛО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОГО: ПЕРЕПИСЬ

Год окончательной победы социализма в СССР начался с Всесоюзной сталинской переписи населения.

Первого января почти миллион мобилизованных и проверенных добровольцев начал предварительный поголовный обход населения, готовясь к «критической дате» — ночи с 5 на 6 января, когда должен был быть учтен каждый человек великой страны. Печать славил простых советских людей — рядовых счетчиков. Одна провалилась в яму с ледяной водой, но переписала к утру все 150 промокших листов. Других не остановил ни буран, ни гололедица — они добрались до всех кибиток на зимних пастбищах целого района. Многие отыскивали дома, которые почему-то нигде не числились, — барак строителей или лесорубов, затерявшийся хуторок, лесную будку со сторожем. За первые два дня нового года на вопросы переписи ответили уже почти 45% москвичей; однако ленинградцы вырвались вперед в соревновании с ними, уже за 1 января опросив две трети населения Ленинграда.

...Дети щебечут вокруг счетчика. Четырнадцатилетняя девочка чуть не в слезах требует записать, что она неверующая (вопрос о религии задается тем, кому шестнадцать и больше). Во Владивостоке появляются в листках названия новых профессий, «гордые и выразительные»: торпедист,

*) Отправным пунктом настоящей статьи послужила глава из монографии Максудова *ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ СССР* (1978, машинопись, 350 с.).

подводник ¹⁾). Рабочий московского завода им. Горбунова спрашивает:

— Я родился мордвином. Могу я записать себя русским?
— Конечно.

В ночь на шестое, в 23.00, переписчики пошли по вагонам всех поездов. Ровно в полночь их товарищи начали опрос в залах ожидания на всех станциях. Утром 6 января началось главное массовое действие — повсеместный однодневный сплошной обход населения с вопросом: «кто ночевал?», с проверкой и исправлением уже заполненных листков. Далее следовал — впервые в практике советских переписей — контрольный (и опять-таки сплошной) пятидневный обход населения, осуществлявшийся специально подготовленными инструкторами-контролерами вместе со счетчиками, которые, таким образом, троекратно пересчитали людей, прежде чем сдать окончательно оформленный материал на переписанных.

С апреля 1936 твердили во все уши: пройти перепись — это долг советского человека, а 1 января появилось еще специальное обращение ЦК и Совнаркома к жителям СССР. Насколько можно было судить по поступавшим сообщениям, граждане вели себя сознательно и дисциплинированно. 6 января, как было предписано, представители семей сидели по домам и ждали счетчиков. О выехавших на базар или в извоз, о заступивших в ночную смену и заночевавших в гостях — докладывали с готовностью. Командировочные просили, чтоб их не забыли учесть. Прилетевшие на самолетах сами являлись в переписные участки. 7 января газеты и радио сообщили, что перепись по всему Союзу прошла успешно.

Появились первые цифры: число пассажиров, сидевших на своих чемоданах в ночь на 6 января на разных вокзалах страны: Ярославль — 700, Омск — 900, Ясиноватая — 1 100, Казань — 1 300, Свердловск — 2 000, Ростов — 2 100, Киев — 3 200 ²⁾). За этими развороченными муравейниками угадывалась страна.

Областям и республикам был установлен срок: не позднее 10 января отправить телеграфное донесение в центр с суммарной цифрой переписанного населения. Местные бюро переписи населения стремились опередить график. Так, Москва обязалась выдать «срочные итоги» с опережением на один день, а Ленинград — на два.

К 16 января в республиках, краях и областях должны были скопиться исправленные, окончательные данные, теперь уже и с разделением населения по полу. Их надлежало срочно отправить в ЦУНХУ — Центральное управление народнохозяйственного учета при Госплане СССР.

Первые итоги переписи по всему Союзу ЦУНХУ было обязано представить правительству к 10 января. Эти предварительные итоги должны были включать самые простые для обработки и одновременно самые важные для общегосударственного планирования данные: численность населения СССР с разбивкой по республикам, краям и областям; численность городского и сельского населения; распределение населения по полу.

Дальнейшие уточнения надлежало осуществить одновременно со всесторонней скоростной разработкой материалов переписи, для каковой цели были созданы в Москве, Ленинграде и Харькове специальные машиносчетные станции, с более чем тысячью работников на каждой из них.

Прошло 10 января, потом 10 февраля, но ни местные, ни центральные газеты не сообщили итоговых цифр. Очередные дела славного 1937 года вытеснили с печатных страниц всякие упоминания о переписи, пока не громыхнуло постановление СНК СССР от 25 сентября³⁾, в котором организация переписи была признана неудовлетворительной, а материалы ее — дефектными. Этим же постановлением новая перепись была назначена на январь 1939.

Чем же не угодила перепись?

Первый ответ был дан во всеуслышание: враги народа, орудовавшие в ЦУНХУ и руководившие переписью, сделали все для того, чтобы извратить действительную цифру населения; напечатанная ими без разрешения правительства «Памятка для счетчика» была составлена так, что многочисленные группы граждан оказались не внесены в переписные листы⁴⁾.

Первым поплатился главный вредитель — начальник ЦУНХУ Иван Адамович Краваль. Его сопровождал и возглавлявший проведение переписи Олимпий Аристархович Квиткин⁵⁾.

В ЦСУ вспоминают, что после исчезновения руководителей переписи демографу М.В. Курману было поручено составление объяснительной записки «наверх»: как приключилась нехватка? Содержание записки — никакой нехватки, мол, нет, необходимо только прибавить к результатам пе-

реписи сведения о численности лагерей — не удовлетворило «инстанции», и ее автор вслед за другими убыл из числа опрашиваемых при переписи. Судьба его сложилась более счастливо — он выжил, был реабилитирован и снова успешно занялся демографией.

...Долгие годы материалами переписи 1937 не пользовались вовсе. В эпоху реабилитаций имя Краваля снова обнаружилось в ряду «крупнейших советских экономистов», но перепись-37 по-прежнему считалась дефектной⁶⁾.

В начале 70-х годов наметился поворот. В XX томе «Ученых записок по статистике» АН СССР, в специальной статье обо всех советских переписях, хотя и упоминается постановление СНК о «дефектности», но сам автор от этой оценки как бы отстранен: достаточно бесстрастно излагает факты, отмечает индивидуальные отличия переписи тридцать седьмого года, ее удачные и неудачные новшества, раскрывает внутреннюю противоречивость «Памятки для счетчика», что должно было повести «к некоторому недоучету наличного (в строго статистическом понимании) населения»⁷⁾.

Затем появилось удивительное утверждение, что перепись 1937 была едва ли не самой точной. В сообщении о Научно-координационном совете Киевского института экономики говорится: «Ф.Д. Лифшиц на основе проделанных им расчетов пришел к выводу, что максимально возможный недоучет населения из-за этих ошибок составляет 0,33% численности населения СССР (450 тыс.)»⁸⁾.

И наконец — основной результат переписи был предан гласности. Вот она, современная цифра, появившаяся в справочниках: 163,77 млн. чел. на 1 января 1937⁹⁾. Обратим, однако, внимание: обнародованной (и, естественно, не обговариваемой) остается лишь эта общая цифра, не больше.

Перепись привлекла внимание и независимых (от официальной науки) исследователей. А.В. Антонов-Овсеенко посвятил ей отдельную главу в своей книге о Сталине¹⁰⁾. Он называет итоговую цифру, расходящуюся с вышеназванной, а именно 156 млн. человек. Хотя эта работа Антонова-Овсеенко и уязвима с источниковедческой стороны¹¹⁾, однако мы не склонны отмахиваться от приводимой им цифры. Явно имея возможность использовать устные свидетельства бывших работников ЦУНХУ (он называет уцелевших А.С. Попова, бывшего одним из замов Краваля, и Д.Я. Бозина), автор, видимо, записал цифру, которую они не могли не запомнить.

По нашему мнению, расхождение цифр может быть интерпретировано следующим образом.

В инструкции к переписи 1937 нигде не говорится о заключенных. В специальном разъяснении Дальневосточного крайкома — тоже ни слова (в 1926, при предыдущей переписи, они упоминались, да и в инструкции к переписи 1939 отбывающие наказание встретятся трижды). И дело не только в том, что в год Сталинской Конституции неприлично было вспоминать о тех, кто «там». Не менее важно и другое: армия и в особенности Органы ни на минуту не могли стать подотчетными по отношению к какому-то там ЦУНХУ (более высокое рангом ЦСУ в тот период не существовало).

В материалах ЦУНХУ находим (выделено нами): «Красная армия, органы и учреждения Народного Комиссариата Внутренних Дел СССР, пассажиры поездов, пароходов будут переписаны отдельно»¹²). Пункт 8 «Правил работы счетчика» гласил: «Не записываются в переписные листы только лица, предъявляющие специальные удостоверения военного командования или органов НКВД о том, что они подлежат переписи в особом порядке. Члены семей этих лиц переписываются в общем порядке»¹³). Таким образом, в территориальные сводки, собиравшиеся ЦУНХУ, не входили население ГУЛага, весь аппарат НКВД, армия и пассажиры железных дорог и водного транспорта (транспортных работников при исполнении служебных обязанностей инструкция предписывала записывать по месту их жительства). За исключением пассажиров, этих граждан ЦУНХУ и не собиралось считать: они заранее были изъяты из переписи и подлежали ведомственному учету («в особом порядке»).

Видя в этих обстоятельствах возможный источник расхождения цифр, мы вынуждены пока предложить себе на выбор несколько вариантов. Первый: 8 миллионов человек (164 млн. минус 156 млн.) — это общая сумма лиц, учтенных вне территориального производства переписи, затем приплюсованная к территориальной сумме. Второй: восемь миллионов — это РККА + НКВД + ГУЛаг. Третий: не исключено, что в 1937 год страна вступила, уже имея 8-миллионный ГУЛаг, и именно эту цифру деятели сегодняшнего ЦСУ под строжайшим секретом решили (лучше сказать, им разрешили) прибавить к итоговой цифре переписи 1937 г. Это последнее особенно похоже на правду¹⁴). Если верна приводимая иногда цифра: 16 миллионов заключенных в 1938 году¹⁵), то год тридцать седьмой «всего лишь» удвоил население Архипелага.

Впрочем, мы готовы допустить еще одну возможность: 163,8 млн. чел. для 1937 года — это совсем не данные переписи, а исчислена эта величина в 70-е годы ретроспективно, исходя из принятой для 1939 года численности населения СССР в 170,6 млн. чел. и из «приличного» естественного прироста чуть больше + 2⁰/₀ в год, призванного замаскировать гибель миллионов в 1937-38¹⁶). Это не покажется невероятным тому, кто не перестал удивляться причудам советской статистики, как раз в 1937 пережившей завершающий этап своего коренного перелома¹⁷).

* * *

В 1920-26 были проведены три переписи населения, в том числе две всеобщих — в 1920 (не вполне удавшаяся из-за войны) и в 1926. Особенно подробными были вопросы первой, и среди них такие, которые более не повторялись: о побочном (второстепенном) занятии опрашиваемого, о профессии, которую он считает своей специальностью, об инвалидности. Вопрос о национальности ставился в 1920 в такой форме, которая подчеркивала, что речь идет о свободном выборе, а не о «крови»: «К какой национальности себя относит». В 1926 личный листок в основном повторял вопросы 1920 года.

Декабрьская перепись 1926-го оказалась во многих отношениях единственной и неповторимой. Результаты переписи вышли в 56 томах на русском и английском языках, не считая специальных томов о северных окраинах, а также ряда «Предварительных итогов» и «Кратких сводок». Разработка велась по очень подробной программе. Тогда еще никого не удивляло, что можно разделить советских служащих на категории и подробно исследовать их материальное положение и жилищные условия¹⁸), что можно интересоваться безработными и бездомными.

Численность населения этой переписью была, по-видимому, несколько занижена и оказалась меньше, чем предварительные данные административного учета. Но это не было поставлено в вину организаторам переписи: паспортный режим еще не был введен, беспризорники не выловлены, мусульмане скрывали от переписи вторых, третьих и т.д. жен, от переписи уклонялись «сектанты» — принципиальные враги государственных мероприятий по учету, да и счетчиков было всего 200 тысяч.

После переписи 1926 г. в статистике, казалось, наступило новое оживление. Но длилось оно недолго.

В 1930 закрываются журналы «Вестник статистики» и «Статистическое обозрение». ЦСУ ликвидируется, а взамен его в конце 1931 создается ЦУНХУ в составе Госплана. Для моральной статистики, например, там места нет. Статистика должна служить пятилетке.

Летом 1931, в связи с введением карточной системы, был произведен административный учет городского населения, после чего наступило многозначительное молчание. Справочники ЦУНХУ в 1933-39 регулярно публикуют в графе «численность населения» — 165,7 млн. на 1 января 1932, будто с этого времени прекратился учет населения в стране.

Не уйти от впечатления, что руководители страны и даже демографы не имели в 1930-37 реального представления о последствиях проводимых социальных мероприятий. Они не могли не догадываться, что голод и массовая смертность в деревне меняют демографическую картину, но как и насколько — не ведали. Так, в основу второго пятилетнего плана была положена цифра численности населения на 1932 — 165,7 млн. чел., и предполагалось, что к концу пятилетки (1937) она увеличится до 180,7 млн. В отчетном докладе на XVII съезде в январе 1934 отмечался рост населения Советского Союза со 160,7 млн. человек в конце 1930 до 168 млн. в конце 1933. Это утверждалось в тот момент, когда истинная цифра стремительно уменьшалась от тех же 165,7 млн. (если эта величина была и вправду достигнута) к 158 млн. чел. (оценка Урланиса)¹⁹). Перед самой переписью 1937 И.А. Краваль уверенно заявил, что она «прежде всего покажет громадный рост населения СССР». Профессор Московского института народнохозяйственного учета А.И. Гозулов, один из ведущих демографов, предсказал, что «разработка предстоящей переписи будет относиться, очевидно, к населению в 170-172 млн. чел.»²⁰): ошибка по крайней мере на 6-8 млн. (а если верна наша версия о «подотчетных» по отношению к ЦУНХУ гражданах, то на 14-16 млн. человек).

Главный итог переписи шокировал «верхи» не потому, что напоминал им о массе заключенных: там-то эту цифру хорошо знали, спокойно могли приплюсовать — и нашли бы способ, как ее «разбросать» по административным единицам для сходимости территориальных и суммарных сводок, вы-

даваемых в печать и пропаганду. Шок был — в неожиданности правды (от правды этой — «нехватки» миллионов — не могла далеко уйти и перепись 1939, но к тому времени и шок прошел, и территориальными присоединениями были «перекрыты» потери, да и нежелательных суждений можно было почти не опасаться).

Добавим еще, что и ученые в годы, предшествовавшие переписи, не имея свежего материала для демографических исчислений, поневоле отрывались от реальности. Блестящая разработка математических методов демографической статистики не спасала положения. И со странным чувством читается сегодня серьезная статья серьезных исследователей С.А. Новосельского и В.В. Паевского, вышедшая в 1934 и рассматривавшая перспективы изменения численности населения СССР так, как будто ничего особенного с населением страны не происходило и оно должно было меняться только под влиянием рождаемости и смертности²¹). Отталкиваясь от данных 1926, Новосельский и Паевский рассчитали идеализированный прогноз на конец 1938: 191,1 млн. чел. Расхождение с результатом январской переписи 1939 (170,6 млн. чел.) составило, таким образом, почти 20 миллионов²²).

* * *

Дата переписи определялась не статистическими сообщениями. Сначала ее наметили на 1932 (отразить итоги первой пятилетки), потом передвинули на рубеж 1933 и 1934, перенесли на 1935 и затем окончательно на 1937²³). С самого начала было объявлено, что «несомненно блестящие показатели» переписи «выявят всему миру языком точных цифр величайшие победы социализма».

Начиная с пробной переписи в ноябре 1932, программа переписи менялась, и в конце концов, став неоправданно упрощенной, значительно отошла от программы 1926 года. Перво-наперво был исключен вопрос о безработице: ведь в «советских условиях нет лишних людей!» Семейная карта была отставлена, запись велась поквартирно, без разделения на семьи, что не способствовало изучению жилищных условий. Убрав вопросы о месте рождения и времени постоянного проживания в месте прописки, лишались возможности глубоко исследовать миграционные процессы. В отличие от всех предыдущих переписей, исходивших из четырех категорий семейного состояния (лица, ранее не состояв-

шие в браке; состоящие в браке; вдовы; разведенные), новая перепись давала возможность учесть только две из них; ее формулировка («Состоит ли в браке в настоящее время?») сохранилась и в следующих переписях.

Печать подчеркивала, что перепись проводится «по инициативе т. Сталина», «по сталинской программе». Больше того: «великий вождь народов товарищ Сталин лично редактировал переписной лист, сделав его простым, кратким и глубоко содержательным»²⁴).

Вопрос 8: «Грамотен ли?» В инструкции: «Помни, что грамотным нужно считать человека и в том случае, если он умеет только читать на каком-нибудь языке, хотя бы и очень медленно»²⁵). Целевая установка: перепись мы будем производить «в стране, почти полностью ликвидировавшей неграмотность».

Вопрос 14: «К какой общественной группе принадлежит: к группе рабочих, служащих, колхозников, единоличников, кустарей, людей свободных профессий или служащих культа и нетрудящихся элементов?» Четкое противопоставление «трудящихся» и «нетрудящихся» должно побудить тех, кто принадлежит к «нечистым» (последние в списке) отнести себя, на худой конец, к людям свободных профессий. Достигаемый статистический результат: эксплуататорские классы ликвидированы, бесклассовое общество «превращается уже из мечты и провидения вождей коммунизма в непреложный исторический факт»²⁶).

К числу вопросов с заранее известными ответами относился и вопрос о религии, единственный раз в практике советских переписей внесенный в переписной лист: «Перепись должна показать действительные размеры наших успехов в преодолении религиозных предрассудков, являющихся одним из наиболее распространенных пережитков капитализма в сознании людей»²⁷). Статистики из ЦУНХУ предполагали по данным переписи «измерить силу антирелигиозных сдвигов» в различных группах населения.

Итог был выдан уже в день переписи: «Число религиозных людей, учтенных счетчиками, в общей массе, как и следовало ожидать, весьма незначительно. Это свидетельствует, что один из сильнейших пережитков в сознании людей выкорчевывается»²⁸).

Для достижения этого итога было сделано многое.

Печать, начиная с первых дней опроса, рисовала общий фон почти сплошь неверующего населения, в который над-

лежало вписаться. Приводились диалоги со старушками и стариками:

— Веруете?

— Не в кого веровать.

— Верующий?

— Верю в советскую власть.

Или вот такой монолог работницы:

— Первого января я просила вас записать меня верующей. В эти дни я продумала свое отношение к религии и убедилась, что меня с ней ничего не связывает. Зачеркните мой ответ и запишите, что я неверующая! ²⁹⁾

Описывались такие случаи, когда допускалось и даже требовалось исправление полученного ответа:

— Я неверующая, но прошу записать, что верующая, потому что муж ругается ³⁰⁾.

Такого рода нормативная информация не сразу прекратилась даже после 6 января. 900 тысяч счетчиков и более 200 тысяч стоящих над ними участников переписи явно побуждались к корректировке уже полученных опросных исходных данных.

Без труда находились объяснения слишком большого числа верующих, обнаруживавшихся то в одном, то в другом месте. На Архангельском лесозаводе им. Молотова вопрос: «верите?», оказывается, поняли в смысле «верите ли советской власти?». В Порховском районе Ленинградской области виновны оказались и вовсе контрреволюционные элементы: пустили слух, что вопрос задается с целью закрыть все церкви, чтобы не верующие, но отправляющие церковные обряды ответили: «верую»...

Счетчикам, кстати, предписывалось настойчиво разъяснять, что речь идет не о вероисповедании отцов, а о собственных сегодняшних убеждениях опрашиваемого, что «неверующий» могут отвечать и крещеные, и посещающие церковь.

«Чрезвычайно много хлопот доставил счетчикам вопрос: верующий или неверующий.

Неожиданно этот пункт оказался наиболее трудным и «капризным» как для счетчика, так и для населения.

Некоторые счетчики спутали этот вопрос с вероисповеданием.

Многие из опрашиваемых отказались отвечать на этот вопрос. Одна из женщин спросила счетчика:

— Правда ли, что в паспортах будут ставиться штампы, если человек верующий?

Счетчику понадобилось много труда, чтобы уверить ее в том, что никаких отметок в паспортах не делается.

В одной квартире мать троих детей потребовала от счетчика, чтобы в бланке все дети были записаны верующими. Один (служащий) на вопрос о религии ответил, что он «сочувствующий» и что, если есть сочувствующие в партии, то, тем более, могут быть сочувствующие и в религии. «Сочувствующего» занесли в разряд верующих.

Один инженер на этот же злополучный вопрос ответил, что он «агностик».

Реалистически настроенный счетчик переспросил инженера: куда же все-таки его отнести, к верующим или нет. Инженер сказал, что теоретически его философия допускает существование божества, но доказать он этого не может, а так как его философия основана лишь на опыте и на доказательствах, то он и не может сказать что-либо определенное о своем отношении к вере. Причем счетчику он ни под каким видом не позволял писать о нем ни «верующий», ни «неверующий». Он сказал, что в бланке следовало бы завести новую специальную графу о философских воззрениях.

Счетчик отправился на свой пункт, и там, обсудив дело, зачислили нашего агностика в верующие. И пусть он, милый человек, сам теперь разбирается, что с ним»³¹).

Зоценко, описав в своем фельетоне перепись в Ленинграде, донес до нас много характерных деталей, однако, как видим, не слишком уклонился от генеральной цели.

Но достигнута ли была эта цель?

В состав счетчиков не допускались всяческие «чуждые элементы» и «политически малограмотные», однако одновременно требовали подбирать людей грамотных и добро-совестных. Армия счетчиков могла подправить картину, но не полностью изменить ее.

Приведем поразительные по содержанию выписки из неопубликованных воспоминаний одного покойного картографа. Сначала о самой переписи:

«Счетчица, симпатичная учительница, спрашивала меня, больного, лежавшего в постели под образом Бо-

жией Матери /.../. В такой обстановке мне, лежавшему рядом с постелью жены, и ей, присутствовавшей здесь в комнате, задавались вновь введенные в перепись вопросы о веровании и вероисповедании, очевидно с целью статистической проверки успехов антирелигиозной пропаганды. Сама учительница сразу же быстро внесла наш ответ: «верующие, православные». А многие другие в то же время отвечали из малодушия и страха «неверующие», будучи на самом деле верующими; некоторые же неверующие, возмущенные подобного рода вопросами чисто личного порядка, «залезанием сапогом в душу», как они говорили, отвечали наоборот: «верующие, православные», совершенно резонно объясняя это тем, что они принадлежат, невзирая ни на что, к великому христианскому культурному обществу по своему рождению и деятельности».

Второй отрывок — о результатах, оказавшихся, вопреки неблагоприятным для выяснения истины обстоятельствам, неожиданными для верхов:

«В Москве был просмотр выходявшего в свет первого тома Большого советского атласа мира под председательством И.А. Акулова, заменившего Енукидзе /.../. В этом заседании была устроена выставка всех вообще карт этого тома. Среди карт населения была выставлена карта религиозного состава, на которой в пределах Союза была изображена косая штриховка, символически обозначающая чередование верующего населения с неверующим, причем верующие занимали только треть. Присутствовавший в заседании начальник главного статистического управления Краваль спросил В.И. Мотылева, откуда у него данные для этой карты. Мотылев ответил что-то невнятное. Краваль заметил, что, согласно только что произведенному в главном статистическом управлении подсчету по самым свежим данным переписи, цифры следует переставить как раз наоборот, т.е. две трети верующих и одна треть неверующих. Это заявление произвело большой эффект. Раздались голоса, что карту совсем не следует публиковать, так как она никому не интересна. На это председатель Акулов возразил, что, наоборот, карту с соответствующими исправлениями, непременно надо публиковать: она представляет выда-

ющийся интерес, как иллюстрация небывалых еще во всей человеческой истории достижений антирелигиозной пропаганды, добившейся в населении целой его неверующей трети, что прямо-таки феноменально. Вопрос об опубликовании этой карты так и остался открытым. О степени искренности ответов со стороны населения на вопрос о веровании никто не заикнулся. Но факт тот, что в дальнейших переписях этот вопрос был совершенно выброшен из опросных листков».

В наших руках нет других данных, которые подтвердили бы столь большую религиозную несломленность населения СССР к началу 1937; однако автор цитируемых записок (мы не называем его имени, так как не хотим повредить его родным) так пунктуален во всех других местах своих мемуаров, что его уникальное свидетельство представляется достойным доверия.

Ясно, что таких итогов партия и правительство публиковать не могли. Цифры религиозности, как и общая «нехватка» населения, заставили отменить результаты переписи. Похоже даже, что высокий процент верующих вызвал большее неудовольствие правителей, чем недостача нескольких миллионов сограждан. Обоюдоострый криминал в постановлении о «дефектности» предпочли не упоминать, вопрос о религии тихо убрали из программы новых переписей, а за просчет вождя — нашли, кому платить...

* * *

В какой мере сохранились в архивах материалы переписи тридцать седьмого года??³²).

И в конце-то концов: когда нас сколько было??³³).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹) За этим эпизодом вспоминается другой, когда после окончания Гражданской войны какой-то комсомолец написал в анкетной графе о профессии: «пулеметчик». Военные специальности после 1937 были изъяты из официального инструментария переписи. АЛФАВИТНЫЙ СЛОВАРЬ ЗАНЯТИЙ (пособие для разработки материалов Всесоюзной переписи населения 1939 года, М., 1939; 245 с.) дает 209 названий на то- («торпедиста» нет) и три с половиной страницы названий на под- (разумеется, без «подводника»). Изъяты, по сравнению с аналогичным словарем 1937, также «предсказатель», «проститутка», «лакей», «бродяга» и прочие заведомо клеветнические по отношению к новой действительности слова.

2) «Правда», 7 янв. 1937, с. 3.

3) «Правда», 26 сент. 1937.

4) Разоблачающее объяснение, как именно это могло произойти, можно найти, напр., в книге: Воблый В.К., Пустоход П.И. **ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ**, М.-Л., 1940 (с. 128-130). Полезно взять для сравнения: Пустоход П.И., Воблый В.К. **ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ**. М.-Л., 1936 (в издании 1936 авторы подробно объяснили, как хороши программа и организация переписи 1937, а затем — опомнившись, отдышавшись и осознав — переиздали книгу, переставив свои фамилии и сменив эпитеты в оценке переписи 1937: точная — дефектная, надежная — вредительская и т.п.; положительные эмоции, впрочем, не пропали зря: они перекочевали в раздел, посвященный переписи 1939: сс. 130-160).

При подготовке переписи и после нее многие материалы публиковались в журналах «План», «Плановое хозяйство» и др.

5) Квиткин О.А. (1874-1937 или, по другим данным, 1939) — бывший земский статистик. Удачная разработка итогов переписи 1926, многотомная публикация их, составление вводных статей и подробных аналитических комментариев остались главным памятником его жизни. О нем см.: «Демографич. тетради», Киев, 1974, вып. 9.

Судьбу организаторов переписи разделили многие демографы. В июне 1938 был закрыт Институт демографии и санитарной статистики в Киеве — последнее специализированное демографическое научное учреждение в стране. Его директор академик АН УССР М.Б. Птуха и ведущий демограф Ю.А. Корчак-Чепурковский были посажены.

6) **ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ**. М., 1969, сс. 9 и 372.

7) Павлов Г.А. **СОВЕТСКИЕ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ (1920-1959)**. — В кн.: **СОВЕТСКАЯ СТАТИСТИКА ЗА ПОЛВЕКА (1917-1967 гг.)**, М., 1972, с. 28.

8) «Демографические тетради». Вып. 8. Киев, 1973, с. 329.

9) **НАСЕЛЕНИЕ СССР (Численность, состав и движение населения) 1973**. Статистич. сборник. М., 1975, с. 7 (книгу подготовили работники ЦСУ Р.М. Дмитриева, А.П. Медведева, Н.С. Шубина).

10) Антонов-Овсенко А.В. **ПОРТРЕТ ТИРАНА**. Н.-Й., 1980, сс. 253-257.

11) См. об этом: Довнер М. **ЛУБОК ВМЕСТО ИСТОРИИ**. — «Память», вып. 4, Париж, 1981, сс. 442-455.

12) **ВСЕСОЮЗНАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1937 ГОДА**. Материалы для докладчиков. М., 1936, с. 17. (Издано за подписью: ЦУНХУ Госплана СССР. Неоднократно перепечатывалось, напр., в местных «Информационных бюллетенях» по переписи 1937.)

13) **БЛАНКИ И ПОСОБИЯ ДЛЯ КОНТРОЛЕРА-ИНСТРУКТОРА В ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ**. М., 1936, с. 36.

14) Это предположение хорошо сходится с данными Роберта Конквеста (**БОЛЬШОЙ ТЕРРОР**, 1974, с. 962), который, со ссылкой на Лоримера, принимает за число заключенных в советских тюрьмах и лагерях на январь 1937, не считая уголовников, округленную цифру в 5 млн. человек (см. также относящиеся к нашей теме сс. 952-953 **БОЛЬШОГО ТЕРРОРА**).

15) Эту цифру повторил и А.В. Антонов-Овсенко: ук. соч., с. 258.

16) Перепись 1939 тоже не вызывает достаточного доверия. Те, кто ее проводил, явно не могли — после урока 1937 — занизить

численность населения. А вот зависеть, для страховки... Если они на это пошли, то не просчитались, ибо скоро жертвы сталинских пятилеток статистически обратились в жертвы войны. У нас нет оснований настаивать на этой версии, но всесторонний и беспристрастный научный анализ должен взвесить и такую возможность.

¹⁷⁾ Перелом в отечественной статистике наметился тотчас после Октября.

Приведем один характерный пример. Буквально через несколько дней после Октябрьского переворота в бывшем Министерстве торговли и промышленности новым начальником статистических разработок был назначен какой-то ветеринарный врач, а он, в свою очередь, набрал себе случайных сотрудников, вплоть до дворников и уличных девиц. Значительная часть материалов Статистического отделения Министерства была к тому времени закончена разработкой, и статистик В.А. Егунова сделала попытку их спасти, попросив В.И. Тимирязева (бывшего министра) похатайствовать об этом в Петросовете. Ответ одного из помощников Зиновьева был: «Нам буржуазная статистика не нужна!» Миллион обработанных подробных карточек, охватывающих все торговые и промышленные предприятия России, пропал в хаосе преобразований еще до перевода органов статистики в Москву, когда бывшие сотрудники отделения безуспешно пытались отыскать свои материалы в горе бумаг, достигавшей потолка на министерской лестнице (года через два ВСНХ спохватился и затеял розыски уничтоженных материалов, обещая уплатить за них любую цену, — разумеется, безрезультатно). Заодно с архивными материалами в том же министерстве погиб и весь находившийся на складе тираж прекрасно подготовленного справочного издания **СВОД ТОВАРНЫХ ЦЕН НА РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ РЫНКАХ ЗА 25 ЛЕТ**.

Нечто подобное наблюдалось повсеместно. Произошло крушение старой статистики — как государственной, так и общественной. Попытка Всерос. статистич. съезда (июнь 1918) создать в лице Совета по делам статистики орган, который мыслился «независимым от высшей правительственной власти» («Вестник статистики», 1919, № 1, с. 163), уже в конце июля того же года окончилась подчинением Совета Центральному статистическому управлению. Перед ЦСУ была поставлена задача — стать «органом социалистического строительства, проверки, учета того, что надо социалистическому государству знать теперь, сейчас, в первую голову» (В.И. Ленин, ПСС, т. 45, с. 156).

В дореволюционной России существовали две независимые друг от друга системы статистического учета населения. Сведения о численности населения по данным текущего учета параллельно публиковали Центральный статистический комитет и Управление главного врачебного инспектора. Сведения ЦСК и УГВИ значительно расходились, но в условиях гласности такое расхождение — лишний повод для сопоставления и совершенствования методик (что и делалось, кстати). Особенной свободой отличалась земская статистика.

С 1918 статистика вся была организована при государстве и для государства. И все же — далеко не все в ней сразу изменилось.

Цифры существовали еще не для того, чтобы водружать их на щитах по селам и городам. И «великие победы», и «еще более грандиозные планы» маячили в туманном далеке. «Языком цифр» вопила со всех сторон нищая страна. Бюджетные обследования

(питание рабочего до войны и теперь, после революции), коммунально-жилищные обследования (квартирные условия после «жилищного передела»), конъюнктурная статистика (движение цен на свободном рынке, спрос и предложение), санитарная статистика (венерические болезни, аборты), моральная статистика (самоубийства, проституция), безработица, исследование статистических соответствий между средним уровнем русских урожаев и пятнами на Солнце — обо всем этом появляются статьи в центральной, местной, отраслевой прессе. В статистике первых советских лет, несмотря на начавшийся зажим, нам теперь бросаются в глаза ее честность, оперативность, широта и гласность.

¹⁸⁾ Для сравнения: перед переписью 1979 вопрос о жилищных условиях, как нам рассказывали, вычеркнул из программы переписи лично А.Н. Косыгин, сказав: «Мы еще не так хорошо живем, чтоб спрашивать об этом».

¹⁹⁾ Урланис Б.Ц. **ПРОБЛЕМЫ ДИНАМИКИ НАСЕЛЕНИЯ**. М., 1974, с. 319.

²⁰⁾ Гозулов А.И. **ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ СССР И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН**. М., 1936, с. 332 (книга объемом в 600 с лишним страниц выпущена в порядке подготовки к переписи 1937, которой специально посвящены сс. 303-336).

²¹⁾ Новосельский С.А., Паевский В.В. **О СВОДНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ВОСПРОИЗВОДСТВА И ПЕРСПЕКТИВНЫХ ИСЧИСЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ**. — «Труды Демографического ин-та», т. 1, Л., сс. 7-37.

²²⁾ Паевский и Новосельский совместно возглавляли одно из двух научных демографических учреждений, существовавших на всю страну в первой половине 30-х годов, — Демографический институт АН СССР (ДИН). Необходимость ДИНа была блестяще обоснована Паевским в докладной записке, поданной в АН. На протяжении чуть ли не двух лет предложение обсуждалось в разных инстанциях, пока в конце 1930 не пришло положительное решение, а в 1931 развернулись практические работы. Имея шесть человек в штате, ДИН успел выполнить в обстановке реорганизационного давления на него большую работу. В марте 1934 Президиум АН постановил: «Ввиду невозможности развернуть ДИН как комплексное учреждение в АН и в связи с тем, что попытки ввести в работу ДИН моменты социально-экономические не удались, считать самостоятельное существование ДИН нецелесообразным» (цит. по: Типольт А.Н. **ИЗ ИСТОРИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА АКАДЕМИИ НАУК СССР (1930-1934)**. — В кн.: **СОВЕТСКАЯ СТАТИСТИКА ЗА ПОЛВЕКА (1917-1967 гг.)**, М., 1972, с. 98). Утром 28 апр. 1934 общее собрание АН утвердило упразднение ДИНа. Паевский присутствовал там. В тот же день, не добравшись до дома, он умер от приступа стенокардии.

²³⁾ Позже Сталин и вовсе отменил (говорят, своим личным распоряжением) перепись, намечавшуюся на 1949.

²⁴⁾ **ОБРАЩЕНИЕ МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕЩАНИЯ ПО ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1937 Г. К РАБОТНИКАМ НАРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО УЧЕТА /.../ И К УЧАСТНИКАМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ /.../**. 7 окт. 1936. — Цит. по: «Информационный бюллетень по Всесоюзной переписи населения 1937 г.», Л., № 7, 15 окт. 1936, с. 2.

²⁵⁾ **БЛАНКИ И ПОСОБИЯ /.../**, с. 39.

²⁶⁾ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА. — Передовая «Правды» от 29 апр. 1936.

²⁷⁾ ВСЕСОЮЗНАЯ ПЕРЕПИСЬ /.../ Материалы для докладчиков, сс. 11-12.

²⁸⁾ ДОЛГ СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНИНА. Передовая «Правды» от 6 янв. 1937.

²⁹⁾ «Правда», 7 янв. 1937, с. 3.

³⁰⁾ «Правда», 8 янв. 1937, с. 3.

³¹⁾ М. Зоценко. СОВСЕМ ИНАЯ КАРТИНА... — «Правда», 6 янв. 1937.

³²⁾ Вопрос не праздный. Перепись 1970, например, уничтожена («сактирована») как на бланках (освобождались ящики для переписи 1979), так и на магнитных лентах (говорят, из-за невысокого качества последних). Такое отношение к первичной документации переписей стало традиционным именно в отечественной статистике: в США, например, эта документация хранится на микрофильмах.

³³⁾ В демографической статистике применение различных методик дает различающиеся результаты. Не в обычаях ЦСУ объяснять свои выкладки, но — не делается ли методологический выбор по принципу «чего изволите»?

Статистические сборники 60-х годов определяют фактическую численность населения России в границах 1921-39 на 1 янв. 1917 — 143,5 млн. чел., а на авг. 1920 — 136,8 млн.: уменьшение на 6,7 миллиона человек. С течением времени появились — не в системе ЦСУ — работы, в которых получены другие цифры: для осени 1917 — 147,7 млн. чел. (Поляков Ю.А. НАСЕЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1917-1920 ГГ. /Историография и источники/. — В кн.: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ, М., 1981, с. 175) и для 1920 — 134,2 млн. чел. (Спирин Л.М. КЛАССЫ И ПАРТИИ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ. М., 1968, с. 38); при сопоставлении этих последних цифр получается, что уменьшение населения России за время с осени 1917 по 1920 г. (лишь на указанной территории) составило величину, вдвое большую, чем по данным ЦСУ, а именно 13,5 миллиона человек.

Сославшись на ЖИВУЮ ИСТОРИЮ М. Корякова (Echo press, 1977, сс. 256-257), напомним, что уехавший на Запад И.А. Курганов, заведовавший до Второй мировой войны кафедрой учетной статистики в Ленинградском финансово-экономическом ин-те, оценивает потери населения СССР за 1917-59 цифрой 110 миллионов человек. Эта цифра, однако, не выдерживает критики (см. Максудов. ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1931-1938 ГГ. — В сб.: «СССР: внутренние противоречия», № 5, Нью-Йорк, 1982, сс. 176-183). По исчислениям Максудова, прямые потери населения СССР за 1931-38 составили величину порядка 9 млн. чел., в основном — в связи с коллективизацией и «ликвидацией кулачества как класса».

В указанной работе Максудова (сс. 104-191 ук. сб.) читатель найдет ряд др. цифр, критически проанализованных автором.

Некоторые (немногие) положения публикуемой статьи о переписи 1937, не вполне согласованные с концепцией и исчислениями Максудова, принадлежат В. Солодову.

МАТЕРИАЛЫ
К
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

ПИСЬМА П.А. ФЛОРЕНСКОГО В.И. ВЕРНАДСКОМУ

По материалам Д.Д.
Предисловие и примечания М. и С. Елизаровых

Владимир Иванович Вернадский (1863-1945) и Павел Александрович Флоренский (1882-1943), разные по возрасту, мировоззрению, направлению своего творчества и жизненному положению, были ближе друг другу, чем могло бы показаться на первый взгляд. Оба принадлежали к русской духовной элите. Оба отличались универсальным умом, энциклопедическими — гуманитарными и естественными — интересами и знаниями, напряженным вниманием ко всей прошлой истории достижений человеческого духа; для обоих были характерны необыкновенная разносторонность собственных открытий и целостный подход к миру. Их роднили духовная твердость, ощущение человеческой личности как высшей ценности, достаточно широкая терпимость к взглядам других людей.

Специфику своего мироотношения Флоренский отчетливо сформулировал в одном из лагерных писем последнего периода жизни: «Что я делал всю жизнь? — Рассматривал мир как целое, как единую картину и реальность, но в каждый данный момент или, точнее, на каждом этапе своей жизни, под определенным углом зрения. Я просматривал мировые соотношения на разрезе мира по определенному направлению, в определенной плоскости и старался понять строение мира по этому, на данном этапе меня занимающему признаку. Плоскости разреза менялись, но одна не отменяла другой и лишь обогащала. Отсюда непрестанная диалектичность мышления (смена плоскостей рассмотрения), при постоянной установке на мир как целое» (Иеродиакон Андроник (Трубачев). К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СВЯЩЕННИКА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО. (1882-1943). — В сб.: «Богословские труды», сб. 23. М., 1982, с. 276).

Конечно, рассматривать широту Флоренского только сквозь призму разносторонности его занятий (от богословия до электротехники), а тем более, его конфессиональной терпимости — значило бы сужать представление об этом мыслителе. Но его, православного священника, попытка (1917) создать в Москве Религиозно-философскую Академию, которая не ограничила бы себя православием, а имела бы предметом «Религию как таковую», — заслуживает здесь упоминания.

Во взглядах Вернадского обратим внимание читателя на следующее.

Множественность философий Вернадский считал естественным и нормальным явлением культуры — и если в записке, поданной в АН СССР в связи с предложенным (1928) избранием А.М. Деборина в академики, выступил резко против одной из них, то объяснялось это не столько качествами марксистской философии (хотя она и казалась Вернадскому устаревшей), сколько претензиями философов-марксистов на единственность и непогрешимость их позиции и, главное, стремлением поставить философию марксизма над наукой. Упорное сопротивление Вернадского проникновению коммунистов на ключевые посты в Академии наук и начавшейся вслед за этим реорганизации АН (его сопротивление продолжалось до февраля 1930) было защитой того, в чем Вл. Ив. видел «основное условие максимального успеха работы», — защитой «полной свободы научного искания».

«Философски я не идеалист, а реалист», — говорил Вернадский еще в самом начале века. Это ничуть не мешало ему близко общаться с философами-идеалистами — П.И. Новгородцевым, С.Н. Трубецким, С.Н. Булгаковым, Э.Л. Радловым, Н.О. Лосским (вместе с Ф.И. Щербатским Вернадский незадолго до высылки Лосского из страны выдвинул его кандидатуру в академики), в Париже — с А. Бергсоном (взгляды которого на биологическое пространство-время нашли отклик в представлениях Вернадского о биосфере) и П. Тейяром де Шарденом (вслед за которым и по-своему Вернадский стал разрабатывать концепцию ноосферы). Сам он с течением времени испытывал все более глубокое влечение к философским системам Востока, где встречал «более важные и интересные для себя наведения, чем в философии Запада». Впрочем, не отрицал, что «полезные неожиданные наведения» могут быть получены и при знакомстве с диалектическим материализмом (набросок письма к В.П. Волгину, сент. 1930).

Науку, с ее достоверным знанием, Вернадский противопоставлял философии и религии, положения которых не являются непреложными и обязательными для всех.

Анализируя на множестве примеров извечный спор науки с религией, Вл. Ив. в то же время — и это длилось до конца жизни (достаточно читать в текст и проанализировать купюры в *РАЗМЫШЛЕНИЯХ НАТУРАЛИСТА*, кн. 2, М., 1977), — он в то же время высоко ценил религию, связанную с «более глубокими, чем логика, силами человеческой души»:

«Не говоря уже о неизбежном и постоянно наблюдаемом питании науки идеями и понятиями, возникшими как в области религии, так и в области философии, — питании, требующем *одновременной* работы в этих различных областях человеческого сознания, необходимо обратить внимание еще на *обратный* процесс, проходящий через всю духовную историю человечества. Рост науки неизбежно вызывает в свою очередь необычайное расширение границ философского и религиозного сознания человеческого духа; религия и философия, восприняв достигнутые научным мировоззрением данные, все дальше и дальше расширяют глубокие тайники человеческого сознания.

Трудно сказать в настоящее время /Написано в 1902. — Е./, большее ли поле занято наукой в тех областях человеческого мышления,

в которых прежде всецело царили религия или философия, или большее поле приобретено религией или философией, благодаря росту и развитию научного мирознания. Как будто происходит один, единый процесс, который только нами — чисто абстрактно, логически — разлагается на нераздельные по существу части» (**ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ.** — В кн.: В.И. Вернадский. **ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ НАУКИ.** М., 1981, с. 55).

В **БИОСФЕРЕ** (1926), которая хронологически непосредственно предшествует публикуемым материалам, Вл. Ив. вновь утверждал, что «философские и религиозные искания и достижения» — это «часто чуждые науке по своей сущности, но не менее драгоценные и глубокие охваты космоса человеческим сознанием» (§ 12).

Ни разу в жизни Вернадский не пожелал назвать себя «материалистом». И, насколько нам известно, ни разу в жизни он не употребил столь знакомого нам выражения: «религиозные (или философские) заблуждения».

Читателя публикуемых писем едва ли удивит тон, с которым младший обращается к старшему (студентом-математиком Флоренский когда-то слушал лекции Вернадского в Московском университете и мог бы считать его своим учителем): перед нами естественное равенство двух искателей истины. Неудивительно и другое: в письмах отсутствует какое бы то ни было обсуждение (о сеговониях и говорить не приходится) жизненных невзгод и идейных гонений, хотя время писем — с 1927 по 1933 — захватывает и годы полной перекройки отечественной науки (что для Вернадского обернулось, среди главных ударов, концом **КЕПС** — Комиссии по изучению естественных производительных сил России), и трагический поворот в судьбе самого Флоренского.

И автор и адресат — выше обстоятельств, которые угадываются за словами о. Павла о «самодовольном и крепколобом догматизме», «произвольном схемостроительстве и системоверии» и о «полуграмотной интеллигенции» с ее «мнимым знанием»...

* * *

За исключением письма от 27 окт. 1929, полным текстом которого мы не располагаем, письма П.А. Флоренского публикуются целиком. Кроме писем, нам известна записка: «Владимир Иванович, прошу Вас черкнуть, когда можно будет повидать Вас» (без даты; состоялась ли эта встреча — неясно, но сам факт личного знакомства Вернадского и Флоренского — сомнений не вызывает).

Фрагменты из письма от 21 сент. 1929 напечатаны иеромонахом Андроником (Грубачевым) в предисловии к публикации работы Флоренского **МАКРОКОСМ И МИКРОКОСМ** («Богословские труды», сборн. 24, М., 1983, сс. 230-231).

Мы не ставили себе целью полное комментирование научной стороны писем (анализ тех или других положений с точки зрения сегодняшней науки, сопоставление взглядов автора и адресата и т.д.). Рассматриваем настоящую публикацию как материал для будущего исследователя той драмы идей, которая разыгралась в духовном пространстве XX века.

Москва, 30 ноября 1927

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Простите, что решаюсь беспокоить Вас вопросом о Ваших работах. Весьма интересуюсь ими, я старался подобрать все Вами напечатанное, но до сих пор мог достать только:

- 1) Опыт описат. минералогии, т. 2, вып. 1 и 2.
- 2) История минералов земной коры, т. 1, вып. 1.
- 3) Основы кристаллографии, 1903, ч. 1.
- 4) Явления скольжения крист. веществ.
- 5) О полиморфизме.

Моя просьба к Вам — указать, где склад Ваших изданий и вышли ли дальнейшие выпуски №№ 1, 2 и 3 приведенного перечня¹⁾.

Простите великодушно причиняемое Вам беспокойство.

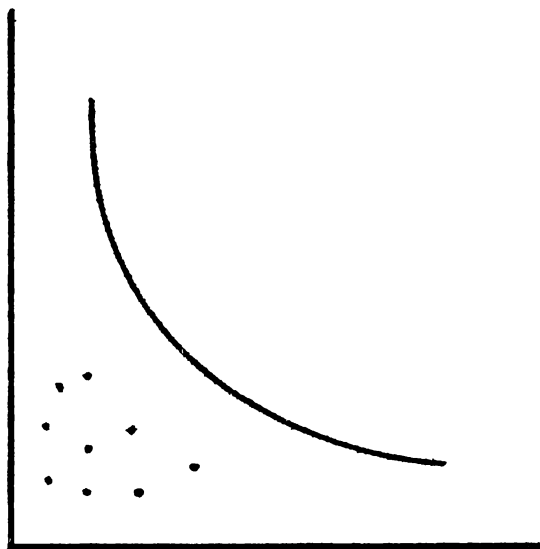
С уважением к Вам
П. Флоренский.

2

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Мне давно хотелось выразить Вам свою радость по поводу Ваших последних геохимических работ, в особенности — по поводу концепции биосферы²⁾. Однако сделать это лично не удастся, и потому позвольте высказать свою признательность в нескольких словах письменно. Общее направление Ваших мыслей не было для меня новостью, и, мне кажется, оно не может быть новостью ни для кого, вдумывающегося в основы и методы науки о космосе и учитывающего исторический ход наших знаний. В этом — высшая похвала Вам. Слово *наука о космосе* пишу не случайно, ибо для *науки*, в противоположность произвольному схемостроительству и системоверию, космос ограничивается биосферой, а все остальное относится либо к области домыслов, либо к формальным соотношениям, конкретное значение которых весьма многозначно. От души приветствую, что Вы имели мужество назвать мнимое знание о внутренности Земли настоящим именем; общественно было бы чрезвычайно важно твердить нашей полуграмотной интеллигенции (со включением сюда многих «проф.») о незаконности

экстраполяций, на которых зиждется обычно мнимое знание. Позвольте в виде анекдота рассказать действительный случай, характеризующий склонность нашей интеллигенции к экстраполяциям. В Главэлектро однажды был представлен доклад, в котором развивалась мысль, якобы полученная из опыта, о повышении экономической рациональности какого-то процесса в связи с расширением каких-то условий (на которые требовалось отпустить большой кредит); мысль эта доказывалась кривою, построенной по эмпирическим точкам, причем огромный чертеж, величиной чуть не с целый стол, имел буквально такой вид:

Эта кривая напоминает многие «научные» построения.

Подобно[е] тому, что Вы говорите о внутренности Земли, необходимо развить и в отношении внешней биосфере пространства. Тому, кто сколько-нибудь вникал в основания геометрии и в ее психофизиологические и физические источники, не может не быть очевидной произвольность истолкования данных астрономического опыта. Тут мы опять имеем дело с невероятной экстраполяцией биосферического опыта и выносим эти данные в такие новые условия, что они утрачивают не только свою надежность, но и вообще какое-либо конкретное содержание. В талмуде есть мудрое изречение: «Приучай уста твои говорить как можно чаще:

„Я не знаю”». Как было бы полезно современности обратить внимание на него, сделать лозунгом и вывесить во всех аудиториях. Systemglaube ist Aberglaube *), и это Aberglaube ведет к нежеланию действительно познавать, действительно изучать то, что нам доступно. Вы отмечаете, что нет ни одного полного химического анализа животного организма. Сюда следовало бы добавить еще, что в какую область ни ткнешься, на первых же шагах оказывается, что самые простые и самые насущно необходимые явления вовсе не изучены систематически, а имеются лишь разрозненные обрывки, разболтанные в произвольных схемах. В результате все то, что действительно существует, не всячески для нас важно, полупризнается или вовсе не признается. В истории общественного сознания следует считать событием огромной важности, что явление жизни, наиболее близкий нам доступный и бесспорный факт, Вы и Ваша школа сделали предметом особого внимания и изучения и [предметом] космической категории. В частности, мне представляется чрезвычайно многообещающим высказываемое Вами положение о неотъемлемости от жизни того вещества, которое вовлечено (или может быть, точнее сказать, просто участвует) в круговорот жизни. Вы высказываете предположение об особой изотопичности этого вещества; хотя этот момент возможен и вероятен, однако установка эмпирических изысканий должна, мне кажется, идти как-то глубже в строение вещества. Ведь наивный схематизм современных моделей атома исходит из метафизического механизма, который в самом основании своем отрицает явление жизни.

Переходя на новый путь и провозглашая «верность земле», т.е. биосферическому опыту, мы должны настаивать на категориальном характере понятия жизни, т.е. коренном, и во всяком случае не выводимом из наивных моделей механики факте жизни, но наоборот их порождающем. Теперь мы — экономические материалисты; так вот механические модели есть не что иное, как надстройка над устарелой формой хозяйства, давно превзойденной промышленностью, и потому следовательно, эти модели ничуть не соответствуют экономике настоящего момента. Скажу больше, они общественно и экономически вредны, как ведущие к реакционной экономической мысли и, следовательно, задерживающие и искажающие развитие промышленности. Если в настоящий

*) Системотверие есть суеверие (нем.).

момент промышленность есть электрохозяйство и отчасти теплохозяйство, но вовсе не механохозяйство, а физика есть электрофизика, то присматривающемуся к ходу развития промышленности не может не быть очевидным, что промышленность будущего, и, может быть, близкого будущего, станет биопромышленностью, что за электротехникой, почти сменившей паротехнику, идет биотехника и что, в соответствии с этим, химия и физика будут перестроены, как биохимия и биофизика. Мое убеждение, что Ваш биосферический лозунг должен повести к эмпирическим поискам каких-то биоформ и биоотношений в недрах самой материи, и в этом смысле желание подойти к этому вопросу только из моделей наличных, т.е. пассивно в отношении учения о материи, а не активно, может быть тормозящим развитие знания и реакционным. Может быть, гораздо более целесообразно твердо сказать по талмуду «я не знаю» — и тем побудить других к поискам. У платоника Ксенократа ³⁾ говорится, что душа (т.е. жизнь) различает вещи между собою тем, что налагает на каждую из них форму и отпечаток — *μορφή και τύπος* — Епископ эмесский Немезий ⁴⁾ указывает, что при разрушении тела его «качества — *ποιότητες* — не погибают, а изменяются». Григорий Нисский ⁵⁾ развивает теорию сфрагидации — наложения душою знаков на вещество. Согласно этой теории, индивидуальный тип — *εἶδος* — человека, подобно печати и ее оттиску, наложен на душу и на тело, так что элементы тела, хотя бы они и были рассеяны, вновь могут быть узнаны по совпадению их оттиска — *σφραγίς* — и печати, принадлежащей душе. Таким образом, духовная сила всегда остается в частице тела, ею оформленного, где бы и как бы они ни были рассеяны и смешаны с другим веществом. Следовательно, вещество, участвовавшее в процессе жизни, и притом жизни индивидуальной, навеки остается в этом круговороте, хотя бы концентрация жизненного процесса в данный момент и была чрезвычайно малой. Упоминаю здесь об этих воззрениях только как сообщение, может быть Вам не безынтересное. С своей же стороны, хочу высказать мысль, нуждающуюся в конкретном обосновании и представляющую скорее эвристическое начало. Это именно мысль о существовании в биосфере или, может быть, на биосфере того, что можно было бы назвать пневматосферой *), т.е. о существовании

*) Сферой духа (греч.).

особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры, или точнее, круговорот духа. Несводимость этого круговорота к общему круговороту жизни едва ли может подлежать сомнению. Но есть много данных, правда, еще не достаточно оформленных, намекающих на особую стойкость вещественных образований, проработанных духом, например, предметов искусства. Это заставляет подозревать существование и соответственно особой сферы вещества в космосе. В настоящее время еще преждевременно говорить о пневмосфере, как предмете научного изучения; может быть, подобный вопрос не следовало бы и закреплять письменно. Однако невозможность личной беседы побудила меня высказать эту мысль в письме.

С уважением к Вам
П. Флоренский

1929. IX. 21

Москва, Б. Спасский, д. 11, кв. 1.

3

Москва,
октября 27 1929

Глубокоуважаемый Владимир Иванович, вчера я направил Вам несколько своих брошюр, которые прошу принять в знак уважения. Брошюра «Смысл идеализма»⁶⁾ у меня имеется лишь в одном экземпляре, и потому не откажите по просмотру прислать ее мне обратно.

Благодарю Вас за Ваш доклад «О задачах и организации»⁷⁾.

Обращаюсь к Вам от имени Института⁸⁾ со следующим деловым вопросом. У нас ведется работа по технологии специальных осветительных цепей, содержащих редкие земли. Может быть, удастся использовать непосредственно монациты, или после соответственной обработки. /.../⁹⁾.

4

Глубокоуважаемый Владимир Иванович, благодарю за доклад о необходимости изучения истории науки¹⁰⁾. Задачи, ставимые Вами, много лет разрабатывались мною в специальных курсах¹¹⁾, так что я не могу [не] радоваться, видя осуществление того же в больших размерах. Можно быть уверенным, что углубленное исследование

источников и путей знания будет полезно не только чисто исторически, но и по существу, так как таким образом будут доведены до общественного сознания ценные, но не нашедшие в свое время благоприятных условий для роста, концепции, а с другой стороны будет получено предостережение не повторять попыток, исчерпывающе выяснивших нецелесообразность известных путей. Самое же главное, что может и должна дать Ваша Комиссия¹²⁾, это — внести в сознание некоторую долю здорового исторического скептицизма и тем избавить от самодовольного и крепколобого догматизма и приучить к большей скромности. Настоящее письмо служит для меня поводом возобновить некоторое предложение, сделанное мною когда-то «Природе», но оставшееся без ответа. Оно состоит в следующем: за долгое время моих занятий в области истории мысли, в связи с филологией, историей философии и т.д., у меня накопился значительный материал по истории научной терминологии и отдельных научных понятий и концепций, причем мое внимание особенно привлекали наиболее далеко прослеживаемые корни терминов и понятий. Было бы нецелесообразно дать этому материалу погибнуть, так как лишь при известном, редко встречающемся сочетании интересов подобные вопросы могут быть освещаемы, а мне приходилось пользоваться для освещения не только обычными ресурсами, вроде математики, математического естествознания, философии и т.п., но и прибегать к данным лингвистическим, филологическим и археологическим. Мои материалы не оформлены, и для приведения их в порядок требуется не мало труда. К тому же многое держится просто памятью или в заметках — разобрать которые могу лишь я один. Заниматься приведением этих материалов в порядок, не имея в виду возможности напечатать их, требовало бы энергии, которой у меня сейчас нет. Но если бы комиссия выразила принципиальное согласие напечатания таких материалов отдельными брошюрками, то я стал бы понемногу готовить их. Форма, представляющаяся по разным соображениям наиболее желательной при настоящих условиях, — фрагментарная, в виде отдельных, между собою не связанных, небольших статей, которые располагаются без какого-либо порядка. Содержание этих статей — главным образом история терминов (минералогических, химических, физических, математических и т.д.), конечно в связи с историей понятия, и история тех или других открытий в соответственных областях, в частности — установление [того факта], что известные зна-

ния существовали до официально принятой их даты. Характер изложения — очень сжатый, справочный. Само собою разумеется, я не ищу от Комиссии гарантии напечатания до получения рукописи, но лишь принципиального согласия. Во избежание недоразумений должен заранее оговорить, что, поскольку речь идет во многих случаях о весьма глубоких корнях исторических явлений, мне придется пользоваться древними языками, в том числе еврейским, отчасти другими, и непременно условием необходимо поставить печатание соответственных слов и цитат в подлиннике¹³⁾.

С уважением Ваш
П. Флоренский

1929, XI, 9 н.с.
Москва

5

[В отличие от других писем,
написано по старой орфографии.]

Глубокоуважаемый Владимир Иванович, простите, что напоминаю о себе и притом большой просьбой. Настоящее письмо доставит Вам сын мой, студ[ент] 3 курса I МГУ, Василий¹⁴⁾. Он учится на геологическом отделении, с минералогическим уклоном, и в настоящее время направлен Университетом в Ленинград на практику. Прошу Вас не отказать ему в помощи — устроиться в одной из лабораторий и в общем направлении работы. Мне очень хотелось бы, чтобы он сумел почувствовать традиции, которых Вы теперь едва ли не единственный носитель у нас. Дело — не приобретение частных знаний, на что надо много времени и что можно сделать и самостоятельно, а в общих линиях умственной деятельности, а они у большинства отсутствуют и по-видимому утрачиваются безнадежно.

Второе дело, с которым обращаюсь к Вам, — это о Н.И. Гулаке-Артемове¹⁵⁾. Вы предполагали написать в Украинскую Академию Наук о том, чтобы мне были доставлены вновь опубликованные сведения о нем¹⁶⁾. Мне казалось бы весьма важным написать биографию Гулака, но не личного толка, а с изложением его работ. В моих руках уже есть важные материалы, собранные на месте, в Тифлисе, от людей, знавших Гулака близко, и его труды.

Как я говорил Вам, Гулак мне представляется одним из наиболее блестяще одаренных людей второй половины XIX века, и для истории русской культуры было бы непростительно не знать его или ограничивать свое знание сообщением об участии его в Кирило-Мефодиевском братстве. Если Вы можете помочь в получении новых материалов (к сожалению, я не знаю, каких и где опубликованных), то дайте указания; я сильно опасаюсь, что кроме меня писать о Гулаке сейчас некому.

Простите за беспокойство.

С искренним уважением к Вам

П. Флоренский.

1930. XXII. 5. Москва

(Б. Спасский, д. 11, кв. 1).

6

[Написано на оберточной бумаге]
Академику Владимиру Ивановичу Вернадскому.
Ленинград, Васильевский о-в, Тучкова
набережная, Академия Наук.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,
извините, что решаюсь беспокоить Вас присылкою своей работы, которую я считал бы нужным напечатать, если Вы ее одобрите¹⁷). Печатать можно там, где это окажется удобным. Знаю, что я нарушаю Ваши издательские требования относительно внешнего вида рукописей, но, к сожалению, у меня сейчас нет возможности переписать ее на машинке.

Если Вы найдете возможным напечатать эту работу, то не откажите заказать оттиски и направить их на имя моей жены Анны Михайловны Флоренской¹⁸) (г. Загорск, (б. Сергиев) Московской области, Пионерская 19).

Мой адрес: ст. Ксениевская Забайкальской ж.-д., почтовый ящик № 1, 5-й лагпункт, П.А. Флоренскому¹⁹). Корректуру можно прислать по этому адресу.

Простите за беспокойство.

С уважением к Вам

П. Флоренский.

1933. X. 16.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹) Флоренский упоминает в своем перечне следующие труды Вернадского: 1) *ОПЫТ ОПИСАТЕЛЬНОЙ МИНЕРАЛОГИИ*. Т. 2. Сернистые и селенистые соединения. Вып. 1. Пг., 1918. Вып. 2. Пг., 1922. (Издание продолжения не имело.) 2) *ИСТОРИЯ МИНЕРАЛОВ ЗЕМНОЙ КОРЫ*. Т. 1. Вып. 1. Пг., 1923. (Вып. 2 вышел в Ленинграде в 1927, три выпуска 2-го тома вышли в 1933-36.) 3) *ОСНОВЫ КРИСТАЛЛОГРАФИИ*. М., 1903. (Продолжения не было.) 4) *ЯВЛЕНИЯ СКОЛЬЖЕНИЯ КРИСТАЛЛИЧЕСКОГО ВЕЩЕСТВА*. М., 1897. 5) *О ПОЛИМОРФИЗМЕ КАК ОБЩЕМ СВОЙСТВЕ МАТЕРИИ*. — «Уч. зап. Моск. ун-та. Отд. ест.-ист.», 1892, вып. 9. К концу 1927 В. выпустил в свет около 250 научных и не менее 70 публицистических работ.

²) Концепция биосферы создана В. в 1916-26; особенно плодотворными оказались годы его работы во Франции (1922-25). Итоговые труды В. по этому вопросу — книги *LA GEOSCHIMIE* (Paris, 1924; первое рус. изд. — *ОЧЕРКИ ГЕОХИМИИ*. М.-Л., 1927) и *БИОСФЕРА* (Л., 1926). В 1930-е В. продолжал интенсивную разработку учения о биосфере.

³) Ксенократ (из Халкедона, 395-314 до н.э.) — древнегреческий философ. В 339-314 руководил Платоновской Академией. Развивал учение о мировой душе («самодвижущемся числе») как о посреднике между миром чувств и миром идей.

⁴) Немезий (соврем. написание — Немесий Эмесский) — церковный писатель, предполагаемый автор написанного на рубеже IV и V вв. н.э. сочинения *О ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА* (рус. пер. 1904). Модифицировал в христианском духе ряд идей античной эпохи.

⁵) Григорий Нисский (ок. 331 — ок. 394) — христианский церковный деятель и философ. Епископ г. Ниссы в Каппадокии (372-375 и 379-394), один из Отцов Церкви, принявший активное участие в окончательном оформлении ортодоксальной догматики. Отличался широтой философских интересов, испытывал сильное влияние языческого неоплатонизма (Ориген). Осознав противоречие между собственным правоверием и интересом к диалектике античного склада, выдвинул тезис о необходимости размежевания сфер философии и богословия.

⁶) Речь идет об отдельном оттиске *СМЫСЛА ИДЕАЛИЗМА* (Сергиев Посад, 1914 — на обл.: 1915). Эта работа Ф. имела подзаголовок «Пропедевтические лекции к ряду чтений из истории платонизма, читанных студентам первого курса Московской Духовной Академии» и была опубликована в сборнике *В ПАМЯТЬ СТОЛЕТИЯ (1814-1914) ИМП. МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ*. Ч. 2. Сергиев Посад, 1915, с. 41-134.

⁷) Видимо, имеется в виду работа Вернадского *О ЗАДАЧАХ И ОРГАНИЗАЦИИ ПРИКЛАДНОЙ НАУЧНОЙ РАБОТЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР* (Л., 1928). Возможно, однако, что Флоренскому стал известен и более поздний текст В. под сходным названием.

Дело в том, что в окт. 1929 на нескольких заседаниях обсуждалась проблема реорганизации КЕПС в СОПС — Совет по изучению естественных производительных сил страны. В. устно, а затем и письменно (*ЗАПИСКА О ЗАДАЧАХ И ОРГАНИЗАЦИИ СОПС*, дек. 1929) развивал ряд своих предложений о задачах исследовательских работ (напр., усилить научное изучение человека) и организационной стороне дела (отказаться от громоздких ин-тов, организовать

науч. учреждения по проблемному признаку и т.д.).

Вопрос о реорганизации КЕПС, поднимавшийся с 1926 неоднократно (в т.ч. и в отсутствие В.), был окончательно решен в апр. 1930. В конечном счете реорганизация вылилась в выделение из состава КЕПС ряда исслед. ин-тов и превращение остальной части КЕПС в Предметный сектор СОПСа (с окт. 1930 слово «естественных» из полного наименования СОПСа исключено). В., возглавлявший КЕПС с 1915 по 1930, не вошел в СОПС, функции которого вскоре свелись к организации комплексных региональных экспедиций. Идеи В. о задачах и организации научной работы в значительной степени остались нереализованными.

⁸⁾ Ф. был в 1921-33 научным сотрудником Гос. экспериментального электротехнич. ин-та (с июля 1928 — Всесоюзный электротехнич. ин-т). ГЭЭИ — ВЭИ входил в систему науч.-исслед. учреждений ВСНХ СССР и подчинялся Науч.-технич. отделу (затем Науч.-технич. управлению) ВСНХ, а с авг. 1931 — Сектору науч.-исслед. работ ВСНХ СССР. Директором Ин-та был К.А. Круг. Ф. заведовал в Ин-те созданной им Лабораторией испытания материалов, потом преобразованной в Отдел материаловедения. В период работы здесь был одним из ведущих сов. специалистов в области электроизолирующих материалов. В янв. 1930 стал пом. директора по науч. части и зав. еще четырьмя отделами ВЭИ.

Письма №№ 1 и 3 написаны на бланке Ин-та.

⁹⁾ Монациты — минералы, состоящие из фосфата редкоземельных элементов (церия, лантана, неодима, празеодима) и содержащие соединения тория. В 1930-е торий, полученный из монацитов, и его сплавы применялись для изготовления газонакалильных колпачков (сеток) и электроламповых нитей.

¹⁰⁾ Доклад, носивший в печатном виде название *МЫСЛИ О СОВРЕМЕННОМ ЗНАЧЕНИИ ИСТОРИИ ЗНАНИЙ* («Труды Комиссии по истории знаний». Вып. 1. Л., 1927), был прочитан Вернадским на первом публичном заседании КИЗ 14 ноября 1926. Анализируя всесторонний «взрыв научного творчества», идущий «в прочных и стойких не разрушающихся рамках, заранее созданных», В. находит в современности «возвращение к нитям искания истины, оставленным /.../ в XII столетии» («мы захватываем нити древних исканий, /.../ принадлежащие /.../ мировоззрению средневековья») и предсказывает неизбежно следующий за переломом в науке «новый рост философской мысли» и «новый подъем религиозного творчества». В новой картине мира внимание В. привлекают учения об относительности и симметрии, замена понятий «образов» понятиями «символами». Пульсации талантливости в смене поколений В. рассматривает как природный (м.б., биологически предопределенный) процесс, в изучении которого он видит одну из самых злободневных задач науки. По В., наступило время, когда науки о человеке и человечестве «смыкаются с науками о природе».

¹¹⁾ В 1908-19 Ф. читал в Моск. Духовной Академии курсы по истории античной философии, философии культа, кантовской проблематике. Кафедра истории философии МДА, должность доцента которой он поначалу исполнял (с авг. 1914 — экстраорд. проф.), была им впоследствии названа кафедрой истории мировоззрений. В 1919-21 в Сергиевском ин-те нар. образования он читал разработанные им курсы энциклопедии математики и истории материальной культуры. В 1921-27 Ф. создал и читал во ВХУТЕМАСе курс АНА-

ЛИЗ ПРОСТРАНСТВЕННОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ, в котором много внимания уделял генезису пространственных представлений человека и их отражению в реальных художественных и культовых памятниках.

В русле названной тематики находятся и такие работы Ф., как: **СМЫСЛ ИДЕАЛИЗМА** (см. прим. 6), **ПЕРВЫЕ ШАГИ ФИЛОСОФИИ** (Сергиев Посад, 1917), **О ФОРМУЛИРОВКЕ ЗАКОНОВ ЭЛЕКТРОМАГНЕТИЗМА** («Электричество», 1923, № 11), **ЗАСЛУГИ П.Н. ЯБЛОЧКОВА В ЭЛЕМЕНТНОМ ДЕЛЕ** (там же, 1926, № 12), **АМВРОСИЙ, ТРОИЦКИЙ РЕЗЧИК XV ВЕКА** (совм. с Ю.А. Олсуфьевым, Сергиев, 1927), **ИЗ ИСТОРИИ НЕЕВКЛИДОВОЙ ГЕОМЕТРИИ** («Природа», 1929, № 3).

¹²⁾ Комиссия по истории знаний (КИЗ) была учреждена в Российской АН в мае 1921 по предложению В., представившего в РАН **ЗАПИСКУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ НАУКИ, ФИЛОСОФИИ И ТЕХНИКИ**. До нач. 1922 называлась Комиссией по истории науки. Из-за отъезда В. за границу ее деятельность замерла, и только по возвращении В., благодаря его новой инициативе (**ЗАПИСКА О НЕОБХОДИМОСТИ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ РАБОТ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ НАУК**, представленная Общему собранию АН в апр. 1926), КИЗ — снова под председательством В. — развернула свою деятельность. С 1927 КИЗ издавала «Очерки по истории знаний» и «Труды Комиссии по истории знаний», сосредоточившись на истории русской науки. На всех этапах существования КИЗ В. считал, что она должна «объединять работу как натуралистов, так и представителей гуманитарных наук». Уделяя основное внимание представителям точного знания, КИЗ не ограничивалась этим (пример — заседание 7 марта 1929, посвященное памяти Э.Л. Радлова).

В 1932 КИЗ преобразована в Ин-т истории науки и техники, где В. входил в Ученый совет. ИИНТ при падении Бухарина, бывшего его директором, подвергся практически полному уничтожению (сам Ин-т закрыт в 1938, сотрудники почти поголовно арестованы в 1937-38). В **ЗАПИСКЕ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОДОЛЖЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ** (1938) В. пытался протестовать против «внезапного закрытия» ИИНТа — «единственного центра работы», в 1939 предложил Академии план воссоздания Ин-та, в течение ряда лет развивал идею создания в перспективе «Дома Менделеева или Лобачевского» (по аналогии с Пушкинским Домом), задачей которого было бы «сохранение и изучение истории науки и техники в России и в Союзе на мировом фоне».

Ин-т истории естествознания начал работать при АН уже после смерти В., в 1953 на его базе создан существующий ныне Ин-т истории естествознания и техники АН СССР.

¹³⁾ Сотрудничество Флоренского в изданиях КИЗ не состоялось. В упоминающемся в середине письма журнале «Природа» Ф. сотрудничал в 1927-29, напечатав там в общей сложности семь заметок на самые разные темы.

Интерес Ф. к истории терминов, понятий и концепций в наиболее явной форме запечатлелся в главах **СИМВОЛИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ** (сб. «Феникс». Кн. 1. М., 1922) и **СТРОЕНИЕ СЛОВА (КОНТЕКСТ — 1972. М., 1973)** из его неопубликованной полностью фундаментальной работы **У ВОДОРАЗДЕЛОВ МЫСЛИ** (1922), а также в неосуществленном проекте **СЛОВАРЯ СИМВОЛОВ (SIMBOLARIUMa)**

(см. Предисловие к нему /1923/ — «Труды по знаковым системам». [Сб.] 5. Тарту, 1971). Ср. также патетическое восклицание Ф. в его лекциях по философии культа (М., 1918): «... к позору историков философии, история философской терминологии, то есть то, с чего надо бы начать историю мысли, почти не изучена и до сих пор нет ни одного сносного словаря по истории философских терминов. Но надо сознаться: таково свойство современной науки: не замечать наиболее важного и отлынивать от насущно-необходимого на том основании, что его нельзя выполнить безукоризненно и потому... лучше не делать никак» («Богословские труды». Сб. 17. М., 1977, с. 120). В той же публикации можно найти и обстоятельные размышления Ф. о таких понятиях, как «ориентирование» (с. 128), «небытие» (с. 135), «усия[узус] — ипостась» (с. 143), «святой — святыня» (с. 151), «свидетель — мученик» (с. 158), «тело» (с. 217).

Косвенное отражение интерес Ф. к терминологии нашел в его работе в «Технической энциклопедии» (1927-34), где он был редактором и напечатал 127 собственных статей. В мае 1932 Ф. вошел в Комиссию по стандартизации научно-технических обозначений, терминов и символов (при Комитете по стандартизации) при СТО СССР.

Сам Ф. видел в «историко-филолого-лингвистическом изучении терминологии» одно из направлений своего творчества и относил терминологические исследования к общему кругу своих занятий философией и историей философии. Современные исследователи творчества Ф. видят в нем предшественника этимологических штудий М. Хайдеггера.

Подчеркнем еще раз, что взглядам Ф. на конкретные области человеческой деятельности, которыми ему приходилось заниматься, было вообще присуще чувство глубоко проникающего историзма. Будь то представление человека о пространстве или культурная практика, теория множеств или антиномии рассудка, синтетические смолы или древнерусская живопись — во всем этом о. Павел стремился дойти до корней явления или понятия, максимально точно установить тот путь, который проделан термином от начала своего бытия до соприкосновения с исследователем.

¹⁴⁾ В.И. Вернадский, видимо, выполнил просьбу П.А. Флоренского и принял участие в судьбе его сына. Флоренский Василий Павлович (1911-1956) — геолог, петрограф, в 1945-55 возглавлял лабораторию кафедры петрографии осадочных пород Моск. нефтяного ин-та им. Губкина. Библиографию его работ см. в кн.: Флоренский В.П. и др. **ПЕРЕСЧЕТ ХИМИЧЕСКИХ АНАЛИЗОВ ГОРНЫХ ПОРОД**. М., 1964.

Надо сказать, что геологом стал и другой сын Ф. — Кирилл Павлович Флоренский (1915-1982), в четырнадцатилетнем возрасте начавший работать в геологических экспедициях и сделавшийся одним из наиболее ценимых Вернадским его учеников: «На протяжении моей более чем шестидесятилетней научной деятельности я встречал только два-три человека такого калибра. Флоренский-сержант теряется в массе; Флоренский-ученый — драгоценная единица в нашей стране для ближайшего будущего», — писал Вернадский Н.Г. Бруевичу, в третий раз ходатайствуя об отозвании К.П. Флоренского из армии (Л.И. Гумилевский. **ВЕРНАДСКИЙ («ЖЗЛ»)**. 2-е изд. М., 1967, с. 213-214). В последующем своем развитии К.П. стал одним из ведущих советских специалистов в области космохи-

мии и планетологии. Начиная с 1960-х, он активно участвовал в публикации науч. наследия своего отца, а затем и В.И. Вернадского.

Забота В. о детях ученых, а также и выбиравшийся им путь приобщения молодых людей к науке характеризуются следующим письмом В., обращенным к Ю.А. Филипченко (письмо написано на бланке КИЗ и датировано 30 марта 1929):

Глубокоуважаемый Юрий Александрович,

Сейчас в чрезвычайно тяжелом положении находится семья В.Н. Беневича (чл[ен]кор[респондент] АН и ученый секретарь Визант[ийской] Ком[иссии]). Он несколько месяцев арестован, семья лишилась содержания. У него два юноши сына, очень хорошие. Важно не только материально им помочь, но и [дать им] возможность войти в научную работу. Один из них работает в Минер[алогическом] Муз[ее] — приучается к работе и учится фактически. Другой имеет биолог[ический] наклонности. Нельзя ли его пристроить у Вас — он войдет в дух научной работы, будет учиться — а затем и может быть Вам полезен. М[ожет] б[ыть], потом ему может быть дана какая-нибудь сдельная платная работа. Очень прошу Вас, если возможно, помочь.

Ваш В. Вернадский.

¹⁵⁾ Явная описка. Как видно из инициалов и дальнейшего текста письма, Ф. имеет в виду не известных в украинской культуре писателя П.П. Гулака-Артемовского (1790-1865) или певца и композитора С.С. Гулака-Артемовского (1813-1873), а не имевшего двойной фамилии Николая Ивановича Гулака (1822-1899).

Н. И. Гулак наиболее известен как общественный деятель. Сын помещика с Полтавщины. Получил домашнее образование, после чего в 1838-43 прошел курс Дерптского ун-та и стал (1844) кандидатом прав. В ранний период творчества исследовал права чужестранцев во Франции, Пруссии, Австрии и России, затем юридический быт псморских славян. В 1844-47 служил в канцелярии киевского генерал-губернатора по секретному отделению. Входил в литературный кружок «Киевская Молода», принял участие в работе Киевской комиссии для разбора древних актов. Занялся славистикой — историей и языками, сербский изучал при помощи Н.И. Костомарова, а сам преподавал товарищам немецкий.

В 1846 основал вместе с Костомаровым и В.М. Белозерским тайное Славянское об-во свв. Кирилла и Мефодия, более известное потом под именем Кирилло-Мефодиевского общества (братства), и принял деятельное участие в выработке Устава КМО и его Главных правил. КМО ставило целью уничтожение всякой вражды между славянскими народами и образование славянской федерации, где Украина будет «краугольным камнем»; члены О-ва обязывались «распространять идею о возможности примирения разногласий в христианских церквях». Среди задач КМО значились искоренение рабства и всякого унижения низших классов, а также распространение грамотности. «Как все Общество в совокупности, так и каждый член должны свои действия соображать с евангельскими правилами любви, кротости и терпения; правило же — цель освящает средства — Общество признает безбожным».

В апр. 1847 Г. был арестован в Петербурге, очень твердо держался на следствии, 1847-50 провел в Шлиссельбургской крепости. Годы

заклучения посвятил образованию, изучал, в частности, высшую математику, переводил Еврипида, вывез потом из крепости целую библиотеку своих книг. Находился после этого в ссылке в Перми, где через некоторое время ему позволено было поступить на службу (переводчик губ. правления, затем секретарь губ. статистич. комитета); в 1855 по просьбе пермского губернатора освобожден от полицейского надзора, но находился в Перми еще около двух лет.

В 1859-86 служил в учреждениях М-ва нар. просвещения. Преподавал последовательно русскую литературу и географию во 2-й Одесской гимназии, математику в Ришельевском лицее (Одесса), естественные науки и историю в Керченском ин-те благородных девиц, математику в Ставропольской гимназии, физику и космографию в Кутаисской, математику, физику, латинский и греческий — в 1-й Тифлисской. Дольше всего (с 1863) служил в Тифлисе, изучил там языки Востока. Напечатал научные работы на самые разные темы: о месте грузинского языка среди индоевропейских, о Руставели и Низами, о европейских градусных измерениях, **О РЕШЕНИИ ТРАНСЦЕНДЕНТНЫХ УРАВНЕНИЙ** (вышла в Одессе на французском языке), **ОПЫТ ГЕОМЕТРИИ О ЧЕТЫРЕХ ИЗМЕРЕНИЯХ** (Тифлис, 1877)... Участвовал в работе Археологич. съезда (1881), читал в Тифлисе публичные лекции. Выйдя в отставку, переселился в Елисаветполь, где и умер.

Сопоставив место смерти Г. и место рождения Ф. (м. Евлах Елисаветпольской губ.), а также приняв во внимание, что Ф. учился с 1892 во 2-й Тифлисской гимназии, можно предположить наличие между Ф. и Г. опосредованных биографических связей.

¹⁶⁾ В предыдущие годы появились изданная в Львове книга М. Возняка **КИРИЛО-МЕФОДИЇВСЬКЕ БРАТСТВО** (1921), работы украинских академиков М. Грушевского, Д. Багалея и С. Ефремова, посвященные кирилло-мефодиевцам, ряд публикаций на ту же тему в журналах «Наше минуле» (1918, № 1) и «Україна» (1924, кн. 1-2; 1925, кн. 1-3; 1928, кн. 1) и др. материалы (на укр. языке). Наиболее близкой по времени к письму Ф. явилась, видимо, кн. З. Гуревича **МОЛОДА УКРАЇНА** (Харків, 1928), написанная с вульгарно-социологических позиций. Напечатанные в 1920-е материалы, насколько нам известно, не были посвящены специально Н.И. Гулаку, а касались или всего КМО, или других его членов (особенно Т. Шевченко).

Назовем биографии Г. «личного толка», от которых Ф. отталкивается в дальнейшем тексте письма: Н.И. **ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ГУЛАКА** («Киевская старина», 1900, № 2); Стороженко **Н. КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ ЗАГОВОРЩИКИ. НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ГУЛАК** (там же, 1906, № 2); В.И. Семевский. **НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ГУЛАК (1822-1899)**. — В кн.: **ГАЛЕРЕЯ ШЛИССЕЛЬБУРГСКИХ УЗНИКОВ**, Ч. 1. СПб, 1907; И.Ф. Павловский. **КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ УЧЕНЫХ И ПИСАТЕЛЕЙ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ С ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА**. Полтава, 1912. Хотя в этих биографиях Г. и говорится о его энциклопедичности и приводятся названия некоторых его работ, но научные взгляды Г. остаются совершенно не затронутыми.

Была ли написана работа Ф. о Гулаке — нам неизвестно.

¹⁷⁾ О какой именно работе идет здесь речь — нам неизвестно. Глухие утверждения о том, что Ф. удавалось в сер. 1930-х печатать под чужим именем свои работы в изданиях АН, не находят подтверждения в наиболее полном указателе печатных трудов Ф., составлен-

ном иеродиаконном Андроником (Трубачевым) («Богословские труды». Сб. 23. М., 1982, с. 280-309). Из всего написанного Ф. в 1933-43, согласно этому указателю, были напечатаны только результаты его работ на Сковородинской мерзлотной науч.-исслед. станции (Н.И. Быков, П.Н. Каптерев. ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА И СТРОИТЕЛЬСТВО НА НЕЙ. М., 1940).

¹⁸⁾ Флоренская (урожд. Гиацинтова) А.М. (1889-1973) — жена Ф. с авг. 1910, родом из Рязанской губ.

¹⁹⁾ Ф. был арестован не позднее лета 1933, с конца 1933 по 1935 находился в Забайкалье, затем (до лета 1937) — на Соловках, где занимался получением йода и агар-агара из водорослей. После ликвидации Соловецких лагерей отправлен на Крайний Север (Кольма?). Видимо, расстрелян.

В нашем распоряжении имеется запись неустановленного лица, сделанная в дек. 1977 и содержащая косвенные данные о последних годах жизни Ф. Приводим ее полностью:

Леонид Иванович Митькевич (1896-1971) — в начале 1950-х мой школьный учитель математики и рисования, в 1958-59 часто рассказывал мне о П.А. Флоренском.

Л.И. — сын черниговского священника, учился в СПб Институте гражданских инженеров, в годы революции — с.-р., затем, получив диплом Черниговского учительского института, работал в полесских школах. Впервые был репрессирован в 1930, затем — в 1934(?). Превосходный педагог-математик, талантливый художник-дилетант, знаток русской литературы и наиболее интересных образцов украинской поэзии 1920-х, блестящий шахматист, Л.И. жил, главным образом, воспоминаниями о лучших страницах русской культуры начала века.

О П.А. Флоренском, своем товарище по заключению, Л.И. всегда говорил с восторгом и благоговением. Увы, я помню преимущественно этот восторг. Но все-таки запомнилось и еще кое-что:

— Речь П.А. всегда производила несколько странное впечатление. Он говорил как бы афоризмами. Я потом прошел через голод 1941-42 и все забыл. Но вот помню, что он говорил как-то очень емко и точно.

— Вместе с нами был образованнейший Николай Константинович (Микола Костевич) Зеров — известный украинский поэт и переводчик. Он по памяти переводил «Энеиду» на украинский язык (и перевел, но рукопись погибла вместе с автором) и часто беседовал с П.А. о своей работе и о Вергилии, которого П.А. очень ценил. П.А. давал Зерову какие-то очень специальные советы и консультации, которыми тот спешил воспользоваться.

— Один доцент занимался некоей физической проблемой (то ли поверхностного натяжения, то ли сообщающихся сосудов?). Кто-то предложил ему обратиться к П.А., что он и сделал — но несколько свысока... П.А. решил эту проблему (какой-то технико-инженерный аспект) в несколько секунд... Доцент, посвятивший ей массу времени, был совершенно поражен и потом пришел в восторг. Впоследствии он говорил, что такой остроты технического мышления он никогда и ни в ком не встречал.

— Мы (т.е. интеллигенты-заключенные) постоянно передавали друг другу фразу, которую произнес И.Э. Грабарь:

«Кто лучше всех у нас знает искусство? Ну, конечно же, Флоренский...».

— П.А. читал нам лекции — и на самые разные темы, гуманитарные и негуманитарные. Но потом все это как-то закончилось, наступили времена более жесткие. Вместе с тем, у нас там (где?) была превосходная библиотека, когда-то принадлежавшая Л.Б. Каменеву. Вечером П.А. заходил в эту библиотеку и просил «что-то дать почитать на сон грядущий». Библиотекарь, очень уважавший П.А., каждый раз спрашивал: «А на каком языке, П.А.?» И П.А., чтобы доставить ему удовольствие, добродушно отвечал: «Все равно...»

— Некий профессор арабистики поражался и удивлялся знаниям П.А. в этой области. Но он, по-моему, все знал. У меня такое впечатление, что ни одна минута в жизни этого человека не пропала, не ушла бесследно.

Вот, пожалуй, и все, что я помню из рассказов Л.И. о Флоренском (не считая общеизвестных биографических и идеологических фактов о нем, на которых так часто и так восторженно останавливался Л.И.). Узнав в 1969-70 о тартуской публикации **ОБРАТНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ**, Л.И. заплакал от радости: «Наконец-то вспомнили... А я-то думал, что этого человека уже забыли навсегда». Был он тогда уже тяжело и безнадежно болен. Излагаю все эти микрофакты из уважения к его памяти и чувства благоговения перед великим человеком, в пространстве которого на недолгое время и при драматических обстоятельствах очутился и Л.И.

* * *

За помощь, оказанную при подготовке настоящей публикации, выражаем глубокую признательность Б.С.

В.П. Свентицкий

ПРЕДСМЕРТНЫЕ ПИСЬМА

Публикация Р. Крепса

Валентин Павлович Свентицкий (Свенцицкий, 1879-1931) — одна из заметных фигур в русском религиозном Возрождении. В 1901 в Вышнем Волочке он вместе с В.Ф. Эрном и П.А. Флоренским участвовал в собраниях молодежного православного кружка. «Юноши-революционеры, студенты и гимназисты, — писал о них впоследствии А. Белый, — еще пробивались к религиозной мысли...». Около 1904 занятия этого кружка переносятся в стены Московского университета, где через некоторое время получают название Секции истории религий при студенческом Обществе и, по-видимому, встречают сочувствие со стороны С.Н. Трубецкого. Страсть, с которой Свентицкий в студенческие годы проповедовал крайние формы аскетизма и объявлял «крестовый поход» против пороков общества, вызвала у современников неоднородную реакцию. «...Курносый, упористый, с красным лицом, теребил с красным просверком русую очень густую бородку, сопя исподлобья; /.../ как бычок, в своей косо надетой тужурке, бодался вихрами...», — таким запомнился Свентицкий А. Белому. Воспоминания А.В. Карташева менее эмоциональны: «... невысокий блондин с большими серо-голубыми глазами, напряженно и требовательно на всех смотрящими, был какой-то едва сдерживающий себя Савонаролла, готовый разразиться обличениями, анафемами, повести толпу в бой. Тип теократа-фанатика латинского стиля».

Его личность была настолько выразительна, что даже такому далекому от него по своим идейным и политическим воззрениям человеку, как М.В. Вишняк, спустя десятилетия вспоминалось то «почти магнетическое впечатление», которое производили на окружающих едва слышный голос, истощенная фигура и глаза молодого философа.

События 9 января 1905 побудили Свентицкого (как и многих его современников) перевести свои теоретические искания в область практических попыток. С февраля 1905 он — организатор и руководитель нелегального революционно-анархического общества «Христианское Братство Борьбы». Вместе с В.П. в начальном этапе жизни

этого общества приняли участие Флоренский, Эрн, К.М. Агеев, А.В. Ельчанинов, о. Иона Брихничев. Первые двое вскоре покинули Братство.

Написать программу да распространить несколько воззваний в Москве и (при помощи Е.Г. Лундберга и И.А. Беневского) на Юге России — вот почти все, что удалось Братству. Возможно, что А. Белый и пристрастен, когда пишет о «фальши и реакционности» этого общества и о случившейся в нем «идейной и личной драме». Но у нас нет данных для того, чтобы решить вопрос о том, какие причины в большей степени — внешние или внутренние — привели к прекращению существования Братства.

Тем не менее, незначительность политических результатов деятельности этого общества не отменяет значения его программы как памятника религиозно-общественной мысли 1900-х годов.

Борьба с самодержавием, освобождение Церкви от государственной зависимости, утверждение принципа христианской любви в общественно-экономических отношениях — таковы были задачи, поставленные перед собой Братством. Их масштаб, а также страстность тона, в котором они были сформулированы, — неотъемлемые черты стиля Свентицкого, которого недоброжелатели называли «фанатиком». Требование немедленного осуществления «идеала *полной* и всецелой правды людских отношений» среди верующих, понимание христианского прогресса как «богочеловеческого процесса», мысль о необходимости «создания христианской общественности» — все это было достаточно распространено в религиозно-философской литературе нач. XX в.

Чего же хотел Свентицкий? Продолжая видеть в Церкви «идеал всех человеческих отношений» и в то же время сознавая, что современная ему церковная организация далека от уровня стоящих перед ней задач, он желал прежде всего Церковь реформировать. По мысли В.П., Церковь должна была соединить в себе анархическое отношение к государству с социалистическими воззрениями на экономический строй.

Практические меры к осуществлению этого Свентицкий представлял так: в каждой общине проводится принцип выборности всей церковной иерархии от епископата до причта (священники выбираются из мирян, а епископы только из священников, причем монашество не пользуется никакими привилегиями), само богослужение приобретает характер «свободного религиозного творчества», вплоть до полного «слияния с жизнью» верующего. Все существующее церковное образование должно быть, по мнению Свентицкого, заменено годичными курсами, духовную цензуру следует уничтожить, Церковь — отделить от государства и школы, монастырское имущество — передать в руки приходских общин. Наконец, программа требует немедленно начать подготовку к созыву Собора РПЦ.

В соответствии с этими, чисто церковными переменами, Свентицкий предлагает и политико-экономические преобразования: созыв Учредительного Собрания, создание Демократической Республики, амнистия, гласный суд, гарантии всех личных и гражданских прав, муниципальная демократизация, право наций на самоопределение; далее — социализация земли в пользу церковной общины, установление в промышленности 8-часового рабочего дня, организация профсоюзов, их участие в управлении предприятиями, введение фабричного законодательства и т.п.

Сопоставление приведенных перечней с программами и лозунгами ПСР, РСДРП и РСДРП(б) недвусмысленно указывает на источники политического кругозора Свентицкого, но его церковно-реформаторский пафос, хотя и близок к известным документам т.н. «раннего обновленчества» (ср. напр. *ЗАПИСКУ 32-Х ПЕТЕРБУРГСКИХ СВАЩЕННИКОВ /1905/*), все же, нам кажется, имеет и некоторое самостоятельное значение.

Естественно, что в рамках вступительной заметки мы не ставим себе целью проанализировать текст *ПРОГРАММЫ ХРИСТИАНСКОГО БРАТСТВА БОРЬБЫ* во всех его взаимосвязях, да и материалов для этого у нас нет. Однако обратить внимание читателя на этот доступный, но малоиспользуемый документ мы сочли необходимым.

Жизнь В.П. Свентицкого после спада революции 1905 г. сложилась следующим образом. Он стал деятельным участником литературно-философских сборников «Свободная совесть» (1905-06) и «Вопросы религии» (1906-08), активно выступал в Московском религиозно-философском обществе памяти Вл. Соловьева. Сделанный им там доклад *РЕЛИГИОЗНЫЙ СМЫСЛ «БРАНДТА» ИБСЕНА* (1907) стал крупным событием даже в насыщенной интеллектуальной жизни России того времени.

Работы о Л.Н. Толстом, Ф.М. Достоевском, Н.А. Клюеве, религиозно-философская проза и драматургия, очерки о жизни монахов-отшельников на Кавказе — таков творческий диапазон Свентицкого в 1907-17.

Судебное преследование за брошюры *ПИСЬМА КО ВСЕМ* (1907) и *ВТОРОЕ РАСПЯТИЕ ХРИСТА* (1908), едва ли не скандальная известность его исповедального романа *АНТИХРИСТ* (1908), позорное исключение из Моск. РФО «за предосудительные действия» (ноябрь 1908) — таковы крайности внешней биографии В.П. в эти годы.

По-видимому, уже досле Октября он принял священнический сан и в 1920-е служил в Москве в церкви на Варварке.

В 1928 в ответ на действия митр. Сергия, фактически возглавлявшего тогда РПЦ и проводившего политику подчинения Церкви государству, среди части духовенства и мирян началось движение за отказ подчиняться Заместителю Патриаршего Местоблюстителя. В большинстве случаев неподчинение выражалось в непоминании имени митр. Сергия за богослужением (см. подробнее об этих событиях: сб. «Память». Вып. 4. Париж, 1981, с. 130-136).

Среди таких «непоминающих» священников (в Москве их было немного) был и Свентицкий. Вероятно, в 1929 он был арестован наряду со многими другими представителями московского духовенства (аресты производились независимо от принадлежности к тому или иному течению в РПЦ).

* * *

Публикуемые нами предсмертные письма В.П. Свентицкого написаны из заключения или ссылки. Они проникнуты глубоким чувством религиозного смирения, которое закономерно и торжественно венчает бурную земную жизнь православного протестанта. В этих письмах нет ни страстной проповеди, ни горячего богословского поиска, ни политической инвективы.

Автор никого не винит, ни в чем не оправдывается, он просит только единения с Церковью — Тою, какова Она есть сейчас, в момент его ухода. Все позади: жажда благоденствия России, мысль о прислужничестве Церкви, борение с плотью, социализация земли, Правда о Земле, все... Остается только человек перед лицом Бога.

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ

Высокопреосвященному местоблюстителю
Патриаршего Местоблюстителя
СЕРГИЮ Митрополиту Нижегородскому.

Ваше Высокопреосвященство Всемиловитый архипастырь и Отец.

Я умираю. Уже давно меня тревожит совесть, что я тяжко согрешил перед Святой Церковью, и пред лицом смерти мне это стало несомненно.

Я умоляю Вас простить мой грех и воссоединить меня со святой Православной Церковью.

Я приношу покаяние, что возымел гордость вопреки святым канонам не признавать Вас законным первым епископом, поставив свой личный разум и личное чувство выше соборного разума Церкви, я дерзнул не подчиниться святым канонам.

Моя вина особенно страшна тем, что вовлек в это заблуждение многие человеческие души.

Мне ничего не нужно, ни свободы, ни изменений внешних условий, ибо сейчас я жду своей кончины, но ради Христа примите мое покаяние и дайте умереть в единении со Святой Православной Церковью.

11/IX — 31 г.

Валентин Свентицкий.

Духовным моим детям.

Ваш духовный отец сделал страшную духовную ошибку и тяжко согрешил. Три года тому назад я отделился от митрополита Сергия и увел свою паству из лона Православной Церкви. Горе тому, через кого в мир приходит соблазн, а я соблазнил многих. Ошибка моя заключалась в том, что личное свое разумение и свое личное чувство я ставил выше соборного разума Церкви, выразившегося в святыях канонах. Я умираю и перед лицом смерти сознаю этот свой страшный грех перед святой Церковью и перед Вами. Простите меня ради Христа и вернитесь вместе со мною в лоно Православной Церкви, принеся покаяние в отделении, в отпадении от Православия, в которое вовлек я вас.

Кто из вас не потеряет в меня веру как в духовного руководителя, несмотря на мое страшное это заблуждение, тот пусть останется со мной в единении.

11/IX.

Валентин Свентицкий.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА В.Г. КОРОЛЕНКО

Публикация А.В. Храбровицкого

I. В.Г. Короленко — Н.Л. Геккеру ¹⁾

4 сентября 1918 г., Полтава

Дорогой Наум Леонтьевич.

Я только на днях вернулся из Киева. Несмотря на это и на болезнь, делающую для меня очень трудными такие поездки, я вероятно поехал бы, если бы мог думать, что есть хоть какая-нибудь вероятность спасти жизнь человека. Но для меня несомненно, что тут никакой, *ни малейшей* вероятности нет.

Мои отношения к Раковскому ²⁾, после того, как он стал большевиком, стали очень далекими. Но еще важнее то, что сам Раковский далеко не так уж влиятелен. Да тут и самый влиятельный человек — не сделает ничего. Я думаю, большевики скорее перебьют десятки совершенно непричастных людей, чем помилуют убийцу Урицкого ³⁾.

Прасковья Семеновна ⁴⁾ пишет, что с Раковским переживает одна общая знакомая. Но скажу правду: пользы это не принесет.

Жму руку.

Ваш Вл. Короленко

Письмо Короленко написано после записки П.С. Ивановской: «Дорогой, милый Наум! Готова бы все сделать, если бы имела хоть малейшую возможность. Юноша расскажет все. С Раковским я порвала отношения при его посещении В.Г. ⁵⁾ И это еще бы ничего, но он-то сам потерял всякое влияние. Здесь есть его приятельница, послезавтра едущая к Раковскому, с ней и через нее сделаю, что возможно.

Крепко целую. Паша».

11 марта 1919 г. Полтава

Дунюшка, дорогая моя.

Ты легко себе представишь, с какой радостью мы получили наконец ваше письмо. А то совсем стосковались. Распространяться об этом не стану, так как нужно писать много делового, а у меня еще много возни с рукописями. Буду говорить о главном. Мы торопимся отослать Тимофея Феоф. ⁷⁾, так как вы все беспокоитесь, а он вдобавок говорит, что опять появилось в газетах известие, что якобы «Короленка большевики убили». Как видишь, — это неверно, и вообще не верь и вперед этим пустякам, пока уж я сам об этом тебе не напишу. Иначе — все утки. Большевики по видимому и не собираются применять ко мне какие бы то ни было репрессии.

Если ты получала мои прежние письма (едва ли), то знаешь, что при петлюровцах еще мне пришлось (с Пашенькой и Константином Ивановичем) ⁸⁾ хлопотать, чтобы они не очень увлекались расстрелами, и даже удалось спасти несколько человек, обвиняемых в большевизме. Теперь приходится также действовать на другую сторону. Правда, большевики у нас не очень свирепствуют. Казней пока нет (были отдельные случаи, но это банды). Арестов — порой довольно бессмысленных — много. Сложилось так, что мне и Пашеньке (она товарищ председателя Политического Красного Креста) приходится справляться, заступаться, просить. Много ли от этого пользы, — не знаю. Но не мешает, чтобы кто-нибудь сторонний мог видеть происходящее и порой говорить об этом. Пока нас выслушивают. И на том спасибо.

Чем больше я приглядываюсь, чем больше вдумываюсь в происходящее, тем больше утверждаюсь в мысли, что большевизм — такая болезнь, которую приходится пережить органически. Никакие лекарства, а тем более хирургические операции помочь тут не могут. Лозунг для масс очень заманчивый. До сих пор вы были в угнетении, теперь будьте господами. И они хотят быть господами. Толкуй тут, что свободный строй требует, чтобы не было господ и подчиненных. Это сложнее, а этот лозунг простой и кажется справедливым: повеличались одни. Теперь будет. Пусть повеличатся другие. Была эксплуатация, теперь будет «господство пролетариата».

И массы верят, что это господство легко осуществимо, не представляя себе, что все дело в производстве, которое

всюду остановилось и не движется ни на шаг. И только, когда этот процесс, вернее, когда полное отсутствие процесса производства и невозможность при настоящем уровне культуры перевести его одними декретами и штыками на другие, социалистические рельсы, станет для всех ощутительна и очевидна, — только тогда заманчивые лозунги получают в глазах массы настоящую цену. А иначе — все будет казаться: «вот, если бы не помешали, все уже было устроено».

К этому нужно прибавить, что озверение не у одних большевиков. Мы тут пережили несколько смен, и при каждой смене — волна озверения, независимо от того, кто хозяин. Уж чего кажется смиреннее — гетманского переворота. А он дал нам Мгебриевых, Ног⁹) с их чисто жандармской реакционностью. Теперь у обывателя, да отчасти уже и в массах, одно желание, как у основательно помятого человека: только бы не шевелили опять...

Глупостей делается, конечно, много. Но кто же принесет умное. Пока еще никто. Против одной утопии стоит другая — противоположная. А в это время страна погибает от отсутствия простой, элементарной, неполитической работы. Массы начинают уже замечать это.

Таково мое «господствующее настроение». Покажи это письмо товарищам и друзьям. Пусть знают...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹) Н.Л. Геккер (1861-1920) — литератор и революционный деятель, прошедший 10 лет на Кариийской каторге; с 1899 жил в Одессе.

²) Христиан Георгиевич Раковский (1873-1941) в это время возглавлял советское правительство Украины. Справку об Р. и его отношениях с Короленко, а также справки об упоминаемых ниже П.С. Ивановской и К.И. Ляховиче см. в вып. 2 ист. сб. «Память», Париж, 1979, с. 412, 415-16.

³) Леонид Самуилович Канегиссер (ок. 1896-1918), убивший 30 августа 1918 г. М.С. Урицкого, председателя Петроградской ЧК. Расстрелян. Предвидение Короленко оправдалось: в ответ на убийство Урицкого в Петрограде было расстреляно 900 заложников (см. письмо В.Д. Бонч-Бруевича к А.В. Луначарскому от 8 ноября 1920 г. в кн.: С.А. Федюкин. **ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ**. М., «Наука», 1972, с. 95-96).

⁴) П.С. Ивановская (1852-1935) — деятельница революционного движения, сестра жены Короленко. Год рождения И., по сравнению с указанным в вып. 2 «Памяти» (с. 415), исправлен на основании данных метрической книги, приведенных в кн.: Н.Г. Трофимов. **НАРОДНИК ВАСИЛИЙ ИВАНОВСКИЙ**. Тула, 1980, с. 9.

К напечатанному в упомянутом вып. «Памяти» сведениям об И. (с. 415-416) добавим следующее. И. написала книгу воспоминаний

В **БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ** (М., 1928; 1930), была автором многих публикаций в журн. «Каторга и ссылка» и подготовила книгу писем В.Г. Короленко к ней, изданную в 1930. В 1920-е И. отказалась от членства в Об-ве бывших политических каторжан и ссыльно-поселенцев из-за его официального характера, а также — от получения назначенной ей персональной пенсии.

Среди множества сохранившихся в архивах страны писем И., около двухсот обращены к участникам революционного движения М.П. Шебалину (1857-1937) и его жене М.О. Шебалиной (1868-1950). Эти письма могли бы составить книгу **НАРОДОВОЛКА В СТАЛИНСКИЕ ГОДЫ**. Приводим из них две характерные выдержки: «Наше же дело не отмалчиваться, даже в том случае, когда ничего реального не получится, но у меня будет сознание, что мною сделано, не замолчано важное и большое» (М.О. Шебалиной, 10 июня 1930). «Пусть долгая напряженная работа не дает желанного успеха, зато путь без провалов — величайшая ценность» (ей же, 2 сент. 1931).

⁵⁾ Раковский был у Короленко около 24 марта (н.ст.) 1918.

⁶⁾ Адресовано жене Короленко Евдокии Семеновне (1855-1940), находившейся в это время в Одессе и отрезанной от Полтавы фронтом Гражданской войны.

⁷⁾ Т.Ф. Родионов — одесский наборщик, приехавший к Короленко за рукописями для журнала «Русское богатство», издание которого намечалось возобновить в Одессе при добровольцах.

⁸⁾ К.И. Ляхович (1886-1921), муж дочери Короленко, член РСДРП.

⁹⁾ Нога — помощник «губерниального старосты» во время немецкой оккупации Полтавы в 1918.

ЮБИЛЕЙ «РУССКОГО БОГАТСТВА» В 1918 ГОДУ

Публикация К. Шмидта

В 1917 году в России выходило около 4 000 периодических изданий. В 1918 их число сократилось до 2 800¹⁾. Борьба большевиков за власть сопровождалась и борьбой с печатью. Один за другим закрывались органы повременной прессы. Эта участь постигла и «Русское богатство» — журнал с давними и глубокими народническими традициями, во главе которого стояли Н.К. Михайловский (до своей смерти в 1904) и В.Г. Короленко (вплоть до самого закрытия журнала).

Народнический гуманизм не ужился с новой властью: успев издать в 1918 году два строенных номера (1-3 и 4-6), журнал был закрыт. Очередной № 7-9 был недопечатан «вследствие полученного типографией запрещения»²⁾.

К этому времени «Русскому богатству» минуло 25 лет. В самый разгар событий конца 1917 и в преддверии закрытия редакции было не до юбилея. Однако «политические круги, дружественные журналу»³⁾, указали, что организация этих торжеств — не право, а обязанность редакции журнала, идеи которого были так дороги его читателям. По инициативе Петроградского Комитета Трудовой Народно-Социалистической партии, был создан почетный юбилейный оргкомитет: М. Горький, Н.А. Котляревский, С.А. Венгеров, Л.Я. Гуревич, Г.А. Лопатин, А.Н. Потресов, А.Н. Тихонов, В.Н. Фигнер, В.И. Засулич, Н.В. Чайковский и др.

Разгон большевиками Учредительного Собрания заставил организаторов изменить первоначальную дату юбилейного заседания — вместо 10 января оно состоялось 1 февраля. В отчете о нем редакция сообщала, что в ее адрес было прислано 100 приветствий, индивидуальных и коллективных (при перечислении приветственных писем и телеграмм в нумерации пропущен номер 76). Лишь малая толика этих поздравлений увидела свет.

В нашем распоряжении оказалась значительная часть юбилейных приветствий, поступивших в редакцию «Русского богатства» в те дни. Для настоящей публикации мы выбрали из нее 5 писем, не вошедших в журнальный отчет о юбилее⁴⁾.

Основное содержание печатаемых нами материалов составляют темы, ключевые для народнической идеологии: отношения интелли-

генции и народа, проблема выбора пути России к лучшему будущему, историческая ответственность духовных сил нации за судьбу страны. Всех авторов (это верно и для документов, оставшихся за рамками публикации), независимо от политических расхождений, объединяет признание заслуг «Русского богатства» в борьбе за гуманистические идеалы и твердая убежденность в том, что недалеко то время, когда эти идеалы окончательно восторжествуют в русской жизни.

Но нельзя не заметить и того, что все корреспонденты (за исключением солдата В. Евграфова, о судьбе которого мы не имеем сведений) в самом скором будущем или окажутся вне России, или решительно изменят свою позицию вплоть до вступления в партию большевиков (Майский). «Мы верим», рефреном звучащее во всех поздравлениях-письмах, сменится разочарованием, неверием, предательством.

I

Редакции «Русского Богатства»

Горячий привет и земной поклон родному, дорогому «Русскому Богатству» за те вечные и бессмертные богатства духа, русские и общечеловеческие, которые оно охраняло и умножало в течение своего двадцатипятилетнего служения высшим идеалам правды-истины и правды-справедливости. Для всей живой, честной и сознательной России «Русское Богатство» было не только органом передовой печати, проводником социал-революционного народничества, но и эмблемой строгой, непреклонной принципиальности, олицетворением высшего гражданского мужества и благородства. И в години мрака, позора и человеконенавистничества, когда свободно рыскал зверь и человек бродил пугливо, «Русское Богатство», будучи штабом для активных борцов, являлось цитаделью, где все угнетенные и обиженные, оскорбленные и оклеветанные черпали веру, что не умер Бог в душе людей. И в настоящий грозный час, когда преступной рукой расшатаны все основы не только материальные, но и духовные Великой Земли Русской, когда снова свободно рыщет зверь и человек пугливо бродит, когда трон черного Николая занял красный Аракчеев, «Русское Богатство», этот яркий светоч на горе, дает нам веру, что светлое и благородное начало восторжествует над смутой, предательством и звериным безумием.

Ан-ский ⁵).

II

Д. Армия. 29 Декабря 1917 г.

Сначала самодержавие, потом большевизм — вот два врага, с которыми приходится бороться людям, любящим свою родину. Первый враг побежден. Будем надеяться, что и второго постигнет та же участь. Журнал-друг «Русское Богатство» всегда был наставником интеллигенции в ее борьбе за народные интересы. В день 25-летия славного служения народу приветствую уважаемую редакцию «Р. Богатства» с пожеланием вести журнал тем же путем, как и прежде, и который, как я уверен, приведет к народному счастью.

Солдат Виктор Евграфов

3-ий парк

109 паркового артиллерийского
дивизиона

III

«Русскому Богатству»

Из каземата Петропавловской крепости шлю братский привет и поздравления «Русскому Богатству» и всем собравшимся вокруг его очага на праздник 25-летия.

В темную, жуткую пору, переживаемую родиной, когда царит злоба, ненависть, самосуд и штык, когда топчется в грязь светлое, святое, уже готовое, казалось, войти в нашу жизнь в первые дни, солнечные, радостные дни революции, в эту пору особенно остро встает вопрос: да неужели вся долголетняя, упорная работа и жертвы, принесенные на алтарь народного блага, были напрасны, никчемны? Неужели народ, каким мы его представляли, есть лишь сказка, миф, а настоящий, реальный народ это тот, который идет теперь за вожаками и лозунгами, сулящими удовлетворить алчные аппетиты, дать волю диким инстинктам, невежеству; идет, ломая все, что преграждает дорогу, все, что вопиет о совести, чести, праве, свободе и о прочих заветах социализма?

Нет. Несмотря на все, несмотря на все ужасы переживаемого, — неправы те, кто усомнился и поколебался.

Народ, — великая многомиллионная трудовая рать не то, что всплыло сейчас на поверхность со дна жизни и кроваво-темной мглой заволокло горизонт. Голос великого народа это не те кощунственные слова и предательские кри-

ки, которые несутся из стен Смольного, возмнившего себя выразителем народных дум.

Придут дни, утихнет охватившая страну эпидемия. Изжито и свергнуто навеки самодержавие; изживем, свергнем скоро и штыкодержавие.

Дорога в лучший мир, к социализму вновь откроется; изрытая, но прямая, ясная дорога.

Социалистическая интеллигенция, та, которая осталась верной лучшим заветам прошлого, та, которая — не в стане ныне ликующих и обгадяющих руки в народной крови, — эта интеллигенция встретится снова с народом и сольется с им в общей, дружной работе. Проклятие современным вожакам и великое «спасибо» этой, прежней интеллигенции скажет русский народ.

Только не надо забывать дорогих очагов и среди них таких, как «Русское Богатство».

Будем поддерживать и разжигать огонь в них и пусть он горит ярким пламенем!

Работы предстоит много!

Член Учредительного Собрания

А. Аргунов⁶⁾

Петропавловская Крепость

Трубецкой Бастион.

30 янв. 1918 г.

IV

В Комитет по чествованию 25-летнего юбилея
«Русского Богатства»

Лишенный возможности лично принять участие в чествовании дорогого юбиляра, в течение четверти века сеявшего «разумное, доброе, вечное», — высшие идеалы Правды-Истины и Правды-Справедливости, — из стен каземата Трубецкого Бастиона приношу свою благодарность дорогому юбиляру — учителю и воспитателю народа, от души желаю ему и впредь стоять на своем славном посту и твердо верю: семена, посеянные им, взойдут; как ни темна ночь, все же впереди огни. Не умрет трудовая Россия. Не умрут и великие идеалы свободы и социализма.

Петропавловская крепость

Трубецкой бастион

кам. № 51.

30 янв. 1918.

Член Учред. Собрания,

прив.-доц. Питирим Сорокин⁷⁾

В. Майский ⁸⁾

«Русскому Богатству»

в день его двадцатипятилетнего юбилея.

Двадцатипятилетие «Русского Богатства» — это прежде всего праздник русской социалистической интеллигенции. Сегодня мысль невольно обращается к судьбам этой интеллигенции, невольно хочется сказать несколько слов о тех задачах, которые стоят перед ней сейчас, на рубеже двух великих эпох в историческом развитии нашей родины.

Бесконечно тяжел для русской социалистической интеллигенции переживаемый нами момент. Никогда еще не было более тяжкого, более горького. В течение свыше столетия она вела героическую борьбу с самодержавным режимом. Она подвергалась жестоким гонениям, изнывала в тюрьмах и ссылках, гибла на эшафотах во имя освобождения народа от ига абсолютизма, во имя водворения в стране начал социальной справедливости. В этой долгой борьбе бывали полосы мрака и отчаяния, бывали периоды, когда растоптанная грубой силой полицейского каблука социалистическая интеллигенция начинала сомневаться в успехе своего дела, когда в ее рядах обнаруживались колебания, смятение, малодушие. Но даже и в эти наиболее грозные, наиболее тяжелые дни лучших представителей социалистической интеллигенции всегда поддерживала глубокая вера в народ. «Народ, это большое дитя, — говорили они, — еще спит, он забит и беспомощен, но он с нами. И, когда он проснется, то протянет нам свою могучую руку, поддержит нас в борьбе, подхватит и прочно утвердит то знамя, под сенью которого мы храбро бились в течение стольких десятилетий». И эта вера, это сознание укрепляли их дух, давали им силу переносить дни величайших испытаний и преследований.

Но вот осуществилась заветная мечта. Народ восстал и сбросил с себя иго позорного самовластия. Разбиты старые цепи, низвергнуты прежние кумиры, — теперь народ сам является хозяином своей судьбы. Пришел час, когда социалистическая интеллигенция должна была бы пожать плоды своей долгой героической борьбы, когда народ с чувством благодарности должен был бы протянуть ей свою могучую руку, подхватить ее знамя и смело понести его вперед. И что же?

Вместо этой радостной, бодрой и, казалось бы, вполне естественной картины в день 25-летия «Русского Богатства» мы видим нечто совсем иное. С болью и горечью мы видим, что того тесного дружеского союза между социалистической интеллигенцией (по крайней мере, подавляющим большинством ее) и народом, о котором в течение стольких лет мечтали лучшие умы нашей родины, нет, что наоборот, между ними залегла глубокая пропасть. С злобой, с раздражением, с негодованием народ говорит сейчас об интеллигенции, он видит в ней своего врага, он грозит ей грубым и жестоким насилием. И интеллигенция, в свою очередь, — потрясенная, убитая, обманутая в своих ожиданиях — переживает дни величайшей трагедии. Царский режим ранил ее тело, но душу оставлял нетронутой. Даже наоборот, чем сильнее он ранил тело, тем крепче и непоколебимее становилась душа: ведь социалистическая интеллигенция верила в народ. Теперь растоптана душа социалистической интеллигенции, ибо ее вере в народ самим же народом нанесен бесконечно тяжкий и мучительный удар. И под влиянием этого удара смерть и разложение внесены в ее ряды: одни, полные отчаянья и боли, судорожно пытаются плыть против течения, другие отходят в сторону и замыкаются в состоянии тупой апатии, третьи — раздраженные и обиженные «неблагодарностью» масс уходят в стан явных и тайных врагов народа...

Что случилось?

Случилось то, что часто бывает в истории: реальная жизнь обманула ожидания идеологов, она оказалась совсем не такой, какой ее воображали себе люди мысли, слова и поэтического вдохновения.

Когда социалистическая интеллигенция шла в народ, она несла ему идеи политической демократии и социализма. Воспитанная на европейской науке и европейском опыте, она понимала — и говорила об этом народу, — что немедленное осуществление полностью этой великой программы невозможно, что в жизнь входить она будет по частям, что борьба за реализацию конечных идеалов трудящихся классов есть долгий и мучительный процесс, и что всякая попытка в понятном нетерпении перескочить сразу через несколько ступеней положенного хода развития будет не ускорять, а лишь тормозить движение вперед, вызывая злобную реакцию со стороны еще могущественных врагов демократии и социализма. Интеллигенция была несомненно права. Народ, к которому она обращалась со своей проповедью, ей

шумно аплодировал. Было ясно, что семя падает на благодатную почву. С глубоким удовлетворением социалистическая интеллигенция констатировала, что народ воспринимает предлагаемое ею учение. Она была уверена при этом, что он воспринимает не только голую идею социального освобождения, но также и сознание неизбежности всех тех последовательных этапов развития, которые должны быть пройдены на пути к ее осуществлению. Так полагала социалистическая интеллигенция, а народ в это время думал свою большую наивную думу.

Пришла революция. Народ стал сам ковать свое счастье. И тут обнаружилась трагическая ошибка. Оказалось, что народ слишком упрощенно понял социалистическую интеллигенцию. Оказалось, что он воспринял лишь общую идею социального освобождения, не желая ничего знать о строгих законах исторической эволюции. Оказалось, что он еще не осознал глубокой органической связи между идеей социализма и идеей демократии. И, когда великий переворот 1917 г. смел с лица земли старый режим, когда раздались оковы, и народ почувствовал, что он свободен, что нет больше внешних преград, мешающих выявлению его воли и желаний, — он, это большое дитя, наивно решил, что настал великий момент осуществления тысячелетнего царства блаженства, которое должно ему принести не только частичное, но и полное освобождение. И в стихийном порыве разгрузить себя сразу от всей тягости давящего его социального гнета он стремительно бросился вперед, пытаясь одним прыжком перескочить через ряд ступеней исторического развития, шумно крича «осанна!» тем, кто легкомысленно уверял его в возможности подобного эксперимента. И, так как объективные условия еще не позволяли действительно осуществления социализма в стране, — то народ занялся гражданской войной и «грабежом награбленного», в душевной простоте полагая, что это-то и есть настоящий социализм. И, когда лучшая часть социалистической интеллигенции, вполне сознавая роковые для революции последствия этой безумной политики, бросилась к народу с отчаянным криком: «Остановись! Ты идешь на гибель!», народ в диком ослеплении не понял ее честного порыва, он сопричислил ее к лику «буржуев», к лику своих врагов и угрожающе занес над ней руку. Так родилось трагическое недоразумение между народом и социалистической интеллигенцией в момент наиболее полного торжества революции...

Где же выход?

Этот выход, думается, указан нам одним аналогичным по внутреннему смыслу эпизодом из истории русской социалистической интеллигенции, относящимся к 70-м гг. прошлого столетия. Когда полные веры и энтузиазма первые пропагандисты пошли «в народ» с проповедью земли и воли, крестьяне во многих местах арестовывали их, вязали им руки и представляли по начальству. Это был жестокий удар по наивным верованиям тогдашних революционеров, это было глубокое разочарование в уровне сознания и восприимчивости масс. И однако социалистическая интеллигенция 70-х гг. сумела достойно перенести это тяжелое испытание. Она говорила: «не ведают, что творят», и, не теряя мужества, не поддаваясь чувству невольного гнева и раздражения против непонимающего ее народа, лишь с удвоенной энергией продолжала свою работу сеятеля всего «разумного, доброго, вечного». И жизнь показала, что она была права.

Сейчас такое же положение — только в неизмеримо более грандиозном масштабе и в неизмеримо более тяжелых формах — и таковы же задачи, стоящие перед социалистической интеллигенцией. Народ не понял интеллигенции, народ ошибочно записал ее в число своих врагов. Пусть же интеллигенция не превращается в его действительного врага! Пусть чувства злобы, мести, раздражения против народа не оскверняют ее духа! Пусть сумеет она подняться над трагической суетой текущего дня и осознать глубокий внутренний смысл совершающегося! Пусть сумеет она понять, что, как ни ужасны переживаемые нами события, в них осуществляется — грубо, дико и неуклюже, как груба, дика и неуклюжа наша жизнь, — попытка народных масс претворить в действительность золотую мечту социализма, заброшенную в их сознание той же интеллигенцией! И, ведя самую решительную борьбу против нынешних увлечений народных масс, — а такая борьба является священным долгом социалистической интеллигенции — пусть она идет по стопам своих благородных предшественников и помнит всегда, что и теперь, как и сорок лет назад, народ — это большое, наивное дитя, которое не ведает, что творит! И пусть не теряет она бодрости и энергии: история работает в ее пользу, надо уметь лишь ждать, надо иметь лишь мужество убеждения!

Я верю и надеюсь, что «Русское Богатство» сыграет почетную роль в этом новом движении социалистической интеллигенции «в народ», на идейное завоевание трудящихся классов.

14 (1) февраля 1918 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁾ Ильинский Л.К. СПИСОК ПОВРЕМЕННЫХ ИЗДАНИЙ ЗА 1918 ГОД. Пг., 1922, с. XX.

²⁾ «Летопись Дома литераторов», Пг., 1922, № 3 (7), с. 11.

³⁾ ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЕ «РУССКОГО БОГАТСТВА» — «Русское богатство», 1918, № 1-3, с. 339. После 1907 журнал стал неофициальным органом народно-социалистической партии (НСП), объединившейся летом 1917 с «трудовиками». Старые лидеры НСП В.А. Мякотин и А.В. Пешехонов фактически руководили деятельностью «Русского богатства» в 1917-18. К журналу были в это время близки и социалисты-оборонцы (как с.-р., так и с.-д.), а также левые к.-д.

⁴⁾ Там же, сс. 339-359.

⁵⁾ Ан-ский — псевдоним Раппопорта Семена Акимовича (1863-8 ноября 1920, Варшава) — писателя и публициста, участника народнического движения с 1880-х.

⁶⁾ Аргунов (наст. фам. Воронович) Андрей Александрович (1867-1939) — участник народнического движения с 1880-х. Один из основателей ПСР и (с 1901) ее первого органа — нелегальной газеты «Революционная Россия». В 1917 — один из редакторов «Воли народа». В Петропавловской крепости, откуда написано письмо, находился до 18 февраля 1918. С июня 1918 — чл. Комуча в Самаре, с сент. 1918 — в составе Уфимской директории. После разгрома последней, А. в 1919 эмигрировал в Чехословакию. Издавал там журнал «Крестьянская Россия». Автор воспоминаний ИЗ ПРОШЛОГО ПАРТИИ С.-Р.

⁷⁾ Сорокин Питирим Александрович (1889-1968) — чл. ПСР, социолог, приват-доцент Петроградского ун-та. В 1917 — чл. Воронежского совета крестьянских депутатов, один из редакторов «Воли народа». Из Петропавловской крепости, откуда написано письмо, освобожден 13 февраля 1918. Осенью 1918 вышел из ПСР, публично изложив мотивы своего поступка в газ. Северо-Двинского губисполкома «Крестьянские и Рабочие Думы» (№ 75, 29 окт. 1918). В 1919-22 преподавал философию и социологию в вузах Пг. В 1922 выслан из России. С 1923 преподавал и вел научную работу в ун-тах США.

⁸⁾ Майский В. — наст. фам. и имя Ляховецкий Иван Михайлович (1884-1975) — чл. РСДРП с 1903, в 1917-18 чл. ЦК РСДРП. Осенью 1918 — министр труда в правительстве Самарского Комуча, за участие в котором был специальным решением ЦК исключен из РСДРП. В окт. 1920 письмом в «Правду» порвал с меньшевиками, а в февр. 1921 был принят в РКП(б). С 1922 — на дипломатической работе: был послом СССР в Великобритании, зам. министра иностр. дел. Академик АН СССР. В конце февр. 1953 был арестован. По предположению

А.М. Некрича, процесс над М. должен был стать прелюдией к суду над Молотовым. При свержении Берии назван в закрытом письме ЦК агентом Берии и английским шпионом, которого Берия якобы хотел сделать министром иностр. дел. Закрытый суд летом 1955, обвинив М. в служебных нарушениях, приговорил его к 6 годам лишения свободы. В ответ на просьбу о помиловании ПВС тогда же простил М., а позже приговор суда был отменен. Впоследствии М. издавал работы по истории международных отношений и мемуары о своей дипломатической деятельности.

К публикуемой нами статье М. была приложена следующая его записка, адресованная А.В. Пешехонову:

«Петроград

18.II.19 /М. дает дату по нов. стилю и ошибается с годом — Публ./

Дорогой Алексей Васильевич! Позвольте и мне сделать свое приветствие «Русскому Богатству». Я был на вечере в четверг, но ни в одном из приветствий, выслушанных мной там, не прозвучало достаточно ярко той ноты, которая затронута у меня. Говорить же на вечере мне не удалось по случайным причинам. Я решил, поэтому, прибегнуть к помощи чернил и бумаги. Вероятно, в ближайшем номере журнала Вы напечатаете все приветствия, — т.о. и мое приветствие дойдет до читателей и почитателей «Р.Б.». Крепко жму руку. Ваш И. Ляховецкий».

VARIA

Н.Я. Мандельштам

О Т Е Ц*)

Уже давно таких стариков нет — львиные головы. У отца было мясистое лицо, широкий нос без горбинки, огромный лоб, маленькие карие глаза. Роста он был огромного, а нрава кротчайшего, мама вертела им, как хотела, и всегда клянчила деньги — то какая-нибудь нелепая драгоценность, то заграничная поездка, то дурацкое платье. Вкуса у нее не было. Да и не без скупости. Все не могла забыть студенческую бедность. А у него вкус был отличный. Когда я болела, а это случалось часто, мать давала мне играть своими «цацками». И я сразу почти научилась различать, что она сама купила, а что подарил отец. Да и как усомнишься: разве мог отец купить собачью цепь из золота (такие в начале века были в моде!), а она разве догадалась бы выбрать тонкую, хорошей работы цепочку с дюжиной ровных жемчужин через каждые семь или восемь сантиметров? Впрочем, ни он, ни она в этих игрушках ничего не смыслили. Понимание пришло ко мне, у которой не нашлось денег даже на два обручальных кольца. А если бы завелись кольца, мы их с голодухи все равно бы продали, как и часы, и цепочку с жемчужинами.

Первое воспоминание об отце: мне года три... Я делаю что-то запрещенное, кажется, бью чашки... Отец говорит: «Наденька, нельзя». Я отвечаю: «Папочка, ты ничего не можешь... Попроси лучше». Отец рассмеялся и попросил, а я

*) Этот текст был написан Н.Я. Мандельштам в 1978 г. и представлен для публикации в 1979 г.

еще исправляла формулу просьбы: «На «вы». Пожалуйста, не делайте этого», а чего — не помню...

Братья дразнили меня: «Ты не от папы, а от Владимира Ивановича». Он носил нам продукты такого высокого сорта, что и в тех дореволюционных магазинах нельзя было достать. «Ты ж мужицкое отродье, — говорили мне братья, — Седенькая»... Я решила выяснить раз и навсегда, кто мой отец. Надев нарядное платьице, я вышла в громадную прихожую, светлую, с двумя большими окнами и спросила Владимира Ивановича: «Правду говорят братья, что я твоя дочь, а не папина?» Владимир Иванович произвел непонятный звук, что-то вроде визга, и стал меня подбрасывать, как настоящий отец. На шум выбежал папа и, узнав в чем дело, расфыркался и стал ловить меня — так я и летала от одного отца к другому. Года мне было тогда четыре или только что минуло пять... На этот раз отец осмелился на энергичное выступление. Держа меня на руках, он вошел в классную — так называлась одна из совершенно ненужных комнат в огромной квартире над типографией Кульженко — и сказал: «Чего вы морочите Наде голову... Хватит». И братья, действительно, на время присмирели. Но ненадолго... Следующую сцену помню в Вене. Мы стояли на площади перед музеем и ждали, когда он откроется. Музей открылся. Послали старшего из мальчиков — Шуру узнать, пускают ли. Он вернулся, что пускают, но швейцар будто сказал ему: «Die kleine Rote kann nicht herein...» *) Я заревела, а отец сказал: «Не дразните малышку», — и понес меня прямо к запрещенному входу. Грозный швейцар сказал, что маленькой не нужно билета. И все... Из всех богатств музея я запомнила только золотую люльку наследника престола...

Отец бросал курить. Мне уже лет девять. У него в кабинете, в письменном столе спасительная жвачка: малага и финики... Кабинет — запретная комната. Мать внушает детям: «Там папа работает...» Но мне-то что, — кто может мне запретить! Я вхожу в кабинет и сообщаю: «Папа, я за данью...» Он покорно вынимает из ящичка свою малагу и финики, и я учу его, как надо говорить, платя дань: «Извольте, выкушайте и захватите для братьев». Если коробки полные, я беру для братьев, если нет, я милостиво говорю: «Оставь себе, а то еще закуришь»... Право, я была

*) «Маленькая рыжая не может войти» (нем.).

снисходительна к нему и не злоупотребляла властью. А власть была абсолютная и непререкаемая.

Мы жили на Институтской улице против Думы. Я стояла у окна и видела, как отец переходит улицу. Тут-то я и поняла, что он барин. В чем это выражалось — в спокойной уверенности, в походке или скюртуке, — не знаю. Мать свою я барыней никогда не считала, а она, поверив прислуге, которая кликала ее барыней, и вправду считала себя «барыней». Была она крошкой — отец не любил высоких женщин. «Красивая», — говорили ему про какую-нибудь высокую женщину. «Ну нет, — отвечал он. — Гренадер». А мать не доходила ему до плеча, помещалась где-то под локтем, и он был вполне доволен. Оба до революции были чересчур полными. У отца это не бросалось в глаза из-за роста, но мать была совсем шариком. Она ездила за границу худеть, но ничего не помогало, потому что ели мы по-русски — обильный московский стол с селянками, пирогами, растегаями. Мне уже не припомнить, какие виды пирогов подавали в Охотном ряду на поповском фарфоре у Тестова, но эти же пироги и тоже на поповском фарфоре были и у нас — в скромной адвокатской семье. Отец перед обедом выпивал рюмку водки и требовал кухарку, чтобы поблагодарить за хорошо приготовленное блюдо. Кухарка не знала, что сказать, и стояла, перебирая фартук. Ведала всем хозяйством Дарья, не прислуга, а друг и член семьи, хоть и получала жалованье. Я называла ее на «ты», но все остальные на «вы» и по отчеству. Отец когда-то развел ее с пьяницей мужем, она так и осталась у нас. Хозяйкой она была полновластной и строго соблюдала посты. Меня она водила в церковь, хотя мать и ворчала, что все причащаются с одной ложки — как бы не заболеть... Но против Дарьи идти не смела. «Дитя крещеное», — говорила Дарья. Старших заставляли причащаться в гимназии. «А дитё-то вам и доверить нельзя — нехристи». Ходила она в Святую Софию. У Дарьи был хороший вкус. Из соборов она признавала только Софиевский и Михайловский одиннадцатого века, взорванный потом большевиками. Как они не взорвали Софию?

Дарья была церковницей и копила деньги на взнос в монастырь. Отец не раз предлагал внести за нее взнос, но Дарья была тверда: взнос должен быть заработан. «Заработаю и уйду на покой»... Но уйти ей не удалось. Скопила она свой взнос — тысячи три — к самой революции, и его слизнуло так же, как деньги отца. Свою потерю он принял вполне спокойно, только сказал: «Грабители», да еще:

«Жаль Дарью»... Есть поразительные рассказы, как Ленин возвращал трудовые деньги — как будто у моего отца были нетрудовые, — но Дарье он бы не вернул, она копила на взнос в монастырь, а религия, как известно, — «опиум для народа». Монастыри уничтожили — и отдохнуть Дарье было негде. Разве что в доме отдыха, чтобы есть там столовскую пищу — ей, несравненной кулинарке. Чудом были ее «бабы» (род кулича). Они назывались «кружевными», а куличи были тяжелыми. Из русской печки их вынимали и клали на подушки. В комнате нельзя было разговаривать, чтобы «баба» не осела. Куличам такая участь не грозила. При куличах хоть ори... А «бабы», те деликатные. Все ходили на цыпочках. Даже мальчишки из уважения к искусству Дарьи смягчали свой неугомонный нрав. Один отец не менял походки — несмотря на огромный рост, она у него была легкая. Помню, как я, глядя в окно, поняла, что он барин, и задумалась: откуда бы это?... Сын кантониста, еврей — гораздо позже я узнала поговорку: конь леченый, вор прощенный, жид крещеный... Мы и были крещеными жидами. У меня было сильное сознание жидовства, а братья гневались, что не могут стать офицерами. (Мать была некрещеная.)

Мать была патологически скупа. Это совпало у нее с климаксом, когда я подросла, а девочек надо одевать. Да и сама она одеваться не умела — шила у дешевых портних платья «с воображением». Иногда отец не выдерживал и заказывал ей отличный костюм, обычно в Вене, у первоклассного портного, и она ходила в нем, как пава, что при ее росте не очень-то давалось — пава всегда большая... Безделушки, которые она называла драгоценными, были дрянными — лишь бы камень — оправка не в счет. Я соблаговолила принять только цепочку с жемчугом. О.М. повесил на нее соску и совал мне в рот, чтобы я не болтала, когда он работает. А что за работа писать стишки? Работают, как папа, за огромным письменным столом с малагой и финиками в ящике. А то бродит дурак по комнате и что-то бормочет... Нельзя брать в жены несмышленьшей и слишком молодых девчонок, даже если любишь девчонок, а Оська их любил, как мой отец маленьких женщин.

К счастью, мамины безделушки оказались не «коммерческими», то есть считались не на караты, а так... В революцию мы жили не на камни, а на скатерти, которые были превосходными, но это уже без влияния отца, скорее мамина хозяйственность. На хозяйство она не жалела ничего.

Мама была врачом — первый выпуск женщин-врачей в России. По мне старые профессора узнавали свою курсисточку. Я видела карточку — среди старых дев, эдаких девиц Ванскок сидит моя девочка-мать, совсем цыпленок. Но практиковать она не стала: «Зачем мне? Ведь нашелся дурак, который хочет меня содержать»...

Отец любил жить на широкую ногу. Прислуг в доме было много: не считая Дарью, повариха (так звали кухарку), горничная, лакей, кухонный мужик, писарь у отца, влюбленный почему-то в пишущую машинку, а не в меня... Должно быть, потому, что я была пигалица. Я даже обижалась...

Поняв, что отец барин, я подумала: не в образовании ли дело, хотя образование не делает барями. У мамы ведь тоже было высшее образование, но барыни из нее не вышло. Отец окончил математический факультет, а затем в два-три месяца сдал за юридический. Профессора, обольстившиеся блеском молодого юриста, дали ему крупное дело, обеспечившее несколько лет неплохой жизни. Хватило и на переезд из Саратова, бедного непромышленного города, в богатый Киев.

У отца, кроме пирогов, была слабость к осетрине. Он выскакивал на станциях, мчался в буфет, заказывал порцию осетрины и летел обратно. Иногда опаздывал и тогда догонял на автомобиле, если на станции имелся таковой. Но обычно вскакивал на ходу в один из последних вагонов и через четверть часа появлялся в купе: «Что, дочка, испугалась? Ну, ничего, доехала бы и одна»... Те же фокусы устраивал со мной и О.М., но уже не ради осетрины, а ради булочки. И с ним я лишь случайно ездила в международном, а в первом классе — никогда. Мать из Саратова вывезла страх перед свежей осетриной. Я тысячу раз слышала ее рассказ о том, что в совершенно свежей осетрине развиваются страшные и смертельные яды. Это мое саратовское наследство, а киевского — одна кастрюля.

Когда я родилась, отцовские деньги шли к концу, и священник посоветовал назвать меня Надеждой. По семейной легенде, надежда оправдалась, к тому же отец догадался переехать в промышленный Киев, где начал хорошо зарабатывать.

Во время прихода белых город на три дня был отдан на разграбление. Парадные стояли заколоченные, у ворот дома дежурили жильцы и дворники. Дежурил и отец. Когда он видел университетские значки на грабителях, он

крыл их таким отборным матом, что те отступали, а дворники млели от восторга. Кому бы пришло в голову, что жид умеет так матюгаться?

По всему городу стоял истошный крик. Летел пух из еврейских подушек. Украинцы вспарывали не только подушки, но и животы, а красные кричали «буржуи» и тоже громили по маленьким городкам. Крик «буржуи» шире, чем «жиды», и спасения от него не было. Про погромы Красной Армии рассказал нам с О.М. писатель Зозуля. Он пристроился в «Огоньке» при Кольцове и даже не пострадал, когда Кольцова расстреляли, но погиб в армии во время войны.

Мне любопытно: откуда у евреев такая живучесть? После погромов гражданской войны, после Гитлера, основанного где-то в Праге музей народа, исчезнувшего с лица земли, после советских преследований сороковых-пятидесятых годов они еще борются со ста миллионами арабов, снабжаемыми советской техникой, пусть не первоклассной, но хоть современной... Бердяев отменил понятие избранничества для евреев, считая, что избранничество окончилось пришествием Христа, но разве мог бы существовать не избранный, обычный народ, пережив то, что пережили евреи? Ан-нет — существует...

К приходу большевиков в Киеве у моего отца в домашнем сейфе было несколько тысяч золотом. Он сдал их в банк. Я спросила — почему? Он ответил: «Они грабители. Потребуют, чтобы им сдавали золото. В банке пускай берут, а своей рукой не хочу...» Что ж, забрали... Но не разбогатели!..

Перед отцом поджимали хвост все мои нахалы-приятели: Эренбург, Лившиц и другие. А с Маккавейским отец охотно разговаривал. Отец Маккавейского был преподавателем Духовной Академии, и это внушало симпатии отцу, атеисту, строго соблюдавшему посты по воле Дарьи. Но он, атеист, — внушил мне уважение к Священным Книгам. Я рассмеялась, прочтя, что Сарра поздно родила. «Что ты смеешься?» — спросил отец. Я показала. Отец прочел и сказал: «Не понимаю, что здесь смешного».

Оба брата, окончив гимназию, уехали. Старший уехал в Петербург делать карьеру, а младший Женя в Москву — кутить. Старший выделился еще на младших курсах университета, младшему везло только на женщин. Он был красавчиком. Мать обожала его и высылала тайком лишних десятку-другую в месяц; рубли-то были царские. Старшего

брата она не любила, может, за излишнее остроумие, и он отвечал ей тем же. Он говорил: «Мы были бы другие, если бы отец женился на Дарье». Было ли это полусознательным антисемитизмом? — у выкрестов такое бывает. В Петербурге он попал в среду белоподкладочников — блестящих студентов, делавших бюрократическую карьеру. Ему мешала иудейка-мать. Кроме того, он жаждал офицерского чина.

Его белоподкладочники приехали с фронта к нам в Киев, но он познакомил их только с отцом. Мне с подружкой Катей захотелось посмотреть на шикарных петербуржцев, и мы внесли им чай. Они сказали: «Хорошенькие горняшки». Мне показалось, что ради карьеры они и к Распутину пойдут, хоть его уже успели убить... А Шура даже не изволил сказать им, что я не «горняшка», а сестра... Зачем ему жидовочка-сестра?

У братьев была особая система возвращения домой на каникулы: квартирной хозяйке платил швейцар, швейцару — извозчик, извозчику — носильщик, носильщику — проводник... Набиралась порядочная сумма, отец платил и вздыхал: «Как жаль, что у меня нет богатого отца!..»

В революцию Петлюра объявил всеобщую мобилизацию. Братья успели отказаться от украинского подданства. Они пришли к отцу посоветоваться: являться ли им на призывной пункт? Отец задумался и сказал: «Вас, конечно, могут и расстрелять, но я берусь вас защищать»... Украинцы убралась, не успев расстрелять братьев, и они оба ушли в белую армию. Старший пропал, а Женя дожил в Москве до 80 лет, внутренне скованный своим белогвардейским прошлым.

В семнадцатом году отец сказал: «Довольно ездить на дурацкие курорты! Война кончится, и поедем в Грецию — надо же посмотреть Акрополь». Война кончилась Брестским миром, а мы попали в мешок, откуда не было выхода. А отец очень хотел видеть Акрополь. Для отдыха он читал греческих классиков, разумеется, в подлиннике.

Когда я в десять лет сказала ему, что отстаю с немецким, он спросил: «Неужели ты не читала «Фауста»?» Ему и в голову не приходило, что для такого чтения надо подковать ума... Акрополя он так и не увидел, и я не увидела ни Акрополя, ни Оксфорда, хотя получила туда приглашение в сравнительно сносное время — при Хрущеве. Побоялась ехать — вдруг бы не пустили обратно... На приглашение в Оксфорд я ответила письмом: «I so want to see this

little plot of land» *). Это цитата из моих любимых хроник Шекспира. Но в Оксфорде, надеюсь, знают своего Шекспира. Ведь с ними не случилось того, что с нами...

Отец пробовал устроиться в Москве, но заскучал «по мамочке». Да и мама отчаянно звала его к себе. В Киеве он пошел записываться в адвокатуру. У него спросили, знает ли он советское право? Он ответил, что на римское право он истратил три недели, на советское ему хватит и трех часов. В этом он был неправ: на изучение советского права и жизни не хватит. А он мог бы уже знать: в Москве ходил по судам и возвращался, ахая от удивления: «Что это: бред или суд?»

Последним его подвигом было совсем смешное дело. Нас выселяла из квартиры Чека. Отец подал в суд. Пришел смеясь: «Это не суд, а черт знает что... Наклали в штаны, как только узнали, кто ответчик».

Все уговаривали отца при украинцах уехать в эмиграцию. Он отвечал: «Не могу. Я столько лет пользовался ее законами, как же я брошу Россию в несчастье...» А несчастье действительно было, и грозное.

*) Дословно: «Я так хочу увидеть этот маленький уголок земли» (англ.).

ДВА ЭПИЗОДА ИЗ ЖИЗНИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Публикация Н. Крамера

1

Отчет депутатов литературных организаций о поездке в Москву по делу арестованных литераторов и ученых.

В первых числах сентября произведены в Петрограде массовые обыски и аресты среди интеллигентных тружеников, профессоров и писателей¹⁾. По слухам, аресты производились по прежним спискам кадетской партии²⁾, ныне совершенно рассеянной, без разбора степени активности того или иного лица в борьбе политических партий. Забирались люди, ставшие на работу культурно-просветительного характера, даже состоявшие на советской службе при Комиссариате Народного Просвещения. Все это не могло не взволновать литературные организации, и Центральный Комитет Объединенного союза этих организаций³⁾ делегировал депутацию к тов. комиссара по Народному просвещению Гринбергу⁴⁾, чтобы выяснить положение и предпринять меры к освобождению арестованных. Тов. З.К. Гринберг сказал собравшимся у него представителям: Союза Писателей (С.А. Венгеров⁵⁾), Литературного Фонда (Ф.Д. Батюшков⁶⁾), Общества Взаимопомощи литераторов и ученых (А.Е. Кауфман⁷⁾) и Союза Журналистов (Б.О. Харитон⁸⁾), — что им предприняты меры для освобождения тех деятелей науки и литературы, которые не являются активистами в борьбе с советской властью, что он уже говорил об этом по телефону с Москвой, но до сих пор определенных результатов не достигнуто⁹⁾. Он считает полезным, чтобы литературные организации отрядили в Москву делегацию для личных

переговоров с представителями центральной власти, причем выразил готовность брать на поруки известных ему лиц, за которых может поручиться весь коллектив служащих в Комиссариате Народного Просвещения, из состава партийных работников. Непосредственные переговоры с центральной властью делегатов Литературных Обществ могут ускорить освобождение арестованных. Ввиду этого Центральный комитет Объединенного союза постановил немедленно отправить в Москву трех представителей Обществ — 1) для пособия нуждающимся литераторам; 2) взаимопомощи литераторов и ученых; 3) союз журналистов. Все трое выехали в понедельник 8-го сентября с мандатами Комиссариата Народного Просвещения. По приезде в Москву (9-го сент.) мы, т.е. А.Е. Кауфман, председатель Общества взаимопомощи, Л.М. Клячко¹⁰), председатель Союза журналистов, и нижеподписавшийся, в качестве председателя Литературного фонда, стали наводить справки по телефону в разные учреждения, чтобы узнать о времени и месте приема Комиссаров, съездили в ТЕО¹¹), чтобы прежде всего добиться свидания с комиссаром по Народному Просвещению товарищем Луначарским. Выяснилось из расспросов, что Ленина в настоящее время нет в Москве, но он ожидается со дня на день, что прием у Луначарского назначен на другой день в 3 часа, что тов. Менжинская¹²), председатель Просветительного отдела, может принять нас тоже лишь на другой день от 12 до 2 часов.

Прождав около часа в приемной тов. Менжинской 10 сентября, мы были приняты и изложили цель приезда. Люд. Руд. Менжинская сказала, что Просветительный отдел со своей стороны уже хлопочет об освобождении арестованных в Петрограде, но просила сообщить ей список лиц, относительно которых мы знаем, что они задержаны, и особенно ходатайствуем. Нами названы: С.Ф. Ольденбург¹³), С.К. Булич¹⁴), Д.Д. Grimm¹⁵), Е.П. Султанова-Леткова¹⁶), взамен которой взяты заложниками ее сын и сестра, проф. Пергамент¹⁷), Изгоев¹⁸) и два Буша — проф. ботаники¹⁹) и филолог, приват-доцент Университета²⁰), за которого ходатайствует Гринберг.

Менжинская записала имена, сказала, что постарается устроить нам свидание с Луначарским, которого предупредит о нашем приезде, но будет полезно, если мы теперь же попытаемся его застать, наведет справки о приеме у Дзержинского, состоящего в следственной комиссии²¹), и его

товарища Ксенофонтова²²). Ленин в отпуску и неизвестно когда вернется. Мы заехали в Театральный отдел к Луначарскому, которому передали письмо Гринберга, прождали часа полтора, чтобы услышать от него, что он может принять нас лишь на другой день в 12 час. дня, так как теперь очень спешит по очень важному делу.

В четверг, 11 сентября, мы прождали больше двух часов товарища Луначарского, который протелефонировал, что [он] у Ленина, приехавшего невзначай, и просит нас подождать. Выслушав наши заявления, Луначарский сказал, что и он держится того мнения, что те из арестованных, которые не занимаются активно политикой, должны быть освобождены. Относительно С.Ф. Ольденбурга он хотел заверить нас, что его арест не длился более одного дня и что во всяком случае Сергей Федорович сейчас свободен. Луначарский сообщил, что в Москву приехал проф. Тонков²³) с такой же миссией, как и наша, и было бы полезно нам соединиться. Тонков был у Ленина. Список задержанных сообщен Луначарскому Менжинской. По телефону вызван был Дзержинский, вместо которого пришел Ксенофонтов, сообщивший, что Дзержинский очень занят и никого не принимает. Луначарский дал нам записку к Ксенофонтову, от которого, дескать, мы можем узнать о судьбе заключенных. Я воспользовался случаем спросить Луначарского, получил ли он Докладную записку от Комитета Литературного Фонда²⁴), дважды ему поданную — весной через А.М. Горького, с месяц назад — вторично — через М.Ф. Андрееву, которая при мне передала бумагу режиссеру Петрову²⁵), ехавшему в Москву, для личного вручения ее Анатолию Васильевичу, но ответа не последовало. Луначарский сказал, что он в первый раз слышит об этом деле, что вопрос важный, компенсация процентов нужна для выполнения наших обязательств по отношению к пенсионерам Фонда, и просит снова послать ему копию докладной записки²⁶). С Ксенофонтовым Л.М. Клячко удалось переговорить по телефону лично, причем выяснилось, что к нему ехать излишне, и он обещал устроить свидание на другой день с Дзержинским. Мы решили разыскать тов. Стасову²⁷), к которой у нас было письмо ее сестры В.Д. Комаровой²⁸). Прием у Стасовой назначен был на другой день в 1 ч. пополудни, но по прибытии к ней мы узнали, что придется дожидаться очереди до 5 час. Действительно, лишь около 5 часов мы были приняты, причем выяснилось из разговора

со Стасовой, во-первых, что не может быть никакого общего разрешения вопроса об арестах неактивистов среди литераторов и ученых; рассматривается каждый случай персонально, и могут быть приняты во внимание лишь те сведения, которые мы имеем сообщить о каждом отдельном лице; во-вторых, что образована особая комиссия из трех лиц под председательством тов. Каменева²⁹⁾, в состав которой входят Дзержинский и Бухарин, для расследования вопроса о судьбе арестованных, числившихся в списках кадетской партии³⁰⁾. С Дзержинским Стасова тут же при мне переговорила по телефону и посоветовала на другой день заехать к Каменеву от 11 до 4 дня.

Прием у Каменева начался лишь в 2 часа, причем наша делегация была принята первой. Для сокращения разговоров нами подан меморандум следующего содержания:

«Мы, нижеподписавшиеся, представители литературных организаций, присланы из Петрограда Центральным Комитетом Объединенного союза ходатайствовать об освобождении наших сочленов и товарищей, задержанных по распоряжению центральной власти.

Не входя в рассмотрение неизвестных нам обвинений и не зная, предъявлены ли таковые арестованным лицам, мы можем только свидетельствовать, что в число задержанных писателей и ученых вошли представители науки и литературы, вставшие на работу исключительно с культурно-просветительской целью. Вряд ли нужно доказывать, насколько такие работники теперь нужны и какой ущерб делу просвещения наносит их задержание. Кроме того, между ними имеются лица с совершенно расшатанным здоровьем, на которых заключение особенно тяжело отражается. По нашему глубокому убеждению, многие аресты являются плодом недоразумения.

От имени шести литературных организаций Петрограда, которые нас делегировали, мы ходатайствуем об освобождении задержанных ученых и литераторов».

Каменев поставил вопрос сразу на практическую почву и сказал, что освобождаются те из арестованных, за которых ручаются общественные литературные или научные организации. Он показал нам список освобожденных лиц, в первую очередь С.Ф. Ольденбурга³¹⁾, — затем высказал свои затруднения относительно других, о которых он не имеет сведений. В числе их П.Гр. Мижув³²⁾. Каменев передал нам список задержанных в Петрограде представи-

телей литературы и науки, но в нем не оказалось многих лиц, об аресте которых мы доподлинно знали. Не были упомянуты ни Изгоев, ни Потресов³³), ни Султанова-Леткова. Каменев сказал, что об аресте Султановой он ничего не знает, что если за ее ненахождением взяли ее сына и сестру заложниками, то это совершенная нелепость и, конечно, они должны быть освобождены.

Взяв список у Каменева, мы пошли в другую комнату выбрать имена известных нам деятелей в области науки и литературы, а тем временем состоялся парад милиционеров перед б. домом московского генерал-губернатора³⁴). Тов. Каменев сказал речь выстроившимся на площади в несколько рядов милиционерам под командой двух или трех начальников, напомнив им их обязанности по охране порядка в городе. После того как прозвучало троекратное «ура», мы передали тов. Каменеву свое поручительство за двенадцать лиц арестованных, сказав, что соберем данные об остальных, так как имена их нам незнакомы. Дополнительные поручительства будут ему посылаться из Петрограда, причем на будущее устанавливается такой порядок, что в случае задержания кого-либо из представителей науки и литературы, настоящая деятельность которых неизвестна, мы сносимся непосредственно с Каменевым, который обещал, что, по представлении поручительства организации, арестованный будет немедленно освобожден на поруки.

Ф. Батюшков³⁵).

ПРИМЕЧАНИЯ

Составили Н. Крамер и Р. Бах

¹) 28-29 августа 1919 в Москве были арестованы руководители т. наз. «Национального центра», причем были захвачены списки части членов этой организации. По этому поводу 1-5 сентября были проведены массовые обыски и аресты в Петрограде.

²) Список арестованных не ограничивался бывшими членами конституционно-демократической партии (партии народной свободы), хотя они и составили основное ядро задержанных. Ленин 18 сент. 1919 писал по этому поводу М.Ф. Андреевой: «Нельзя не арестовывать, для предупреждения заговоров, всей кадетской и околкадетской публики. Она способна, вся, помогать заговорщикам. Преступно не арестовывать ее. Лучше, чтобы десятки и сотни интеллигентов посидели деньки и недельки, чем чтобы 10 000 /Ленин имеет в виду рабочих и крестьян. — Н.К./ были перебиты. Ей-ей лучше» (ПСС, т. 51, с. 52).

³) В 1919 был учрежден Петроградский Объединенный Союз профессиональных литературных организаций, в который вошли

Союз российских писателей, Союз драматических и музыкальных писателей, Профсоюз деятелей художественной литературы, Петроградский Профсоюз журналистов, Общество взаимопомощи литераторов и ученых и Всероссийское общество профессиональных переводчиков-литераторов. Часть писательских организаций страны (общий обзор их см. в кн.: В.Р. Лейкина-Свирская. *РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В 1900-1917 ГОДАХ*. М., 1981, с. 119-146) осталась вне Объединенного Союза.

⁴) Гринберг Захар (Захарий) Григорьевич (1889-1949) — бывший бундовец, член РКП(б) с 1917 по 1922. Историк по образованию. После Октября — член Гос. комиссии по просвещению (комиссия существовала в 1917-19) и один из ведущих деятелей Наркомпроса. Зам. наркома просвещения Союза коммун Северной области. Впоследствии член правления Исторического музея, зам. директора Оружейной палаты. В 1930-е — зам. нач. Сектора планирования науки Госплана. В 1927-45 работал во 2-м МГУ и Ин-те мировой литературы АН СССР. В Архиве А.М. Горького хранятся неопубликованные письма Горького к Г. с многочисленными ходатайствами за преследовавшихся в 1918-19 деятелей культуры.

⁵) Венгеров Семен Афанасьевич (1855-1920) — историк литературы, библиограф. Проф. Пб ун-та, Бестужевских курсов и Психоневрол. ин-та. Организатор (1917) и первый директор Российской книжной палаты. Секретарь Союза писателей и руководящий деятель др. писательских организаций в конце XIX — начале XX вв. Первое время после Октября — противник новой власти.

Союз русских писателей основан в конце 1896 в виде О-ва взаимопомощи при Рус. лит. о-ве в Петербурге, носил затем название Союза взаимопомощи рус. писателей, закрыт в 1901 после первого выступления с политич. протестом. Весной 1905 в Петербурге создан Союз российских писателей; прекратил свое существование в 1920.

⁶) Батюшков Федор Дмитриевич (1857-1920) — филолог, специалист по романским и германским языкам и литературам. Лит. критик, переводчик. Преподавал в Пб ун-те. В первые годы революции заведовал Пг. акад. театрами. Один из многолетних руководителей Лит. фонда.

О-во для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Лит. фонд) — старейшая писательская организация в России (1859-1922; деятельность Лит. фонда свернута в 1918). Существоющий ныне Лит. фонд действует с 1934.

⁷) Кауфман Абрам Евгеньевич (1855-1921) — журналист, ред. «Вестника литературы» (1919-20), пред. О-ва взаимопомощи литераторов и ученых.

О-во явилось преемником Кассы взаимопомощи литераторов и ученых (осн. в 1890 при Лит. фонде и в 1906 выделилась в самостоят. учреждение). Наркомпрос в нач. 1918 поставил под свой контроль весь капитал Кассы, вследствие чего она практически прекратила свою деятельность. 30 апр. 1918 К. принял на себя обязанности секр. Кассы, с 31 окт. — и.о. пред. В ноябре 1918 Касса преобразована в О-во. На 1 янв. 1919 числилось 453 члена О-ва. Закрыто в 1920.

⁸) Харитон Борис Осипович (1876 — после 1941) — журналист. Окончил Киевский ун-т; в 1910-е ночной редактор и выпускающий газеты «Речь». В описываемое время — член правления О-ва взаимопомощи литераторов и ученых, секр. Союза журналистов. Заведовал Домом литераторов (своего рода писательским общежи-

тием) и принимал участие в издании «Летописи Дома Литераторов». Выслан в 1922, в Берлине редактировал журнал «Сполохи». С 1924 — в Риге. Редактор еврейской русскоязычной газеты «Народная мысль». До 1940 — постоянный ред. газеты «Сегодня вечером» (вечерний выпуск крупнейшей рус. газеты в Прибалтике «Сегодня»). Участвовал в работе рижского изд-ва «Жизнь и культура» (при редакции газеты «Сегодня»), редактировал выходившие в Риге собр. соч. Лермонтова, Толстого, Тургенева, Пушкина. В ноябре 1936 рус. эмиграция отметила его 60-летие. Судьба Х. после начала войны (1941) нам неизвестна. Физик-атомщик, советский академик Ю.Б. Харитон (р. 1904) — его сын.

Союз журналистов выделился из Союза российских писателей при организации последнего в 1905; отличался большей радикальностью.

⁹⁾ Известно, что по собственному почину Гринберг начал хлопотать, в частности, за С.Ф. Ольденбурга.

¹⁰⁾ Клячко (Клячко-Львов) Лев Моисеевич (1873-1934) — журналист, врач. В 1900-1910-е сотрудничал в газетах «Биржевые ведомости», «Новая жизнь», «Речь», «День» и др. периодических изданиях под псевд. Л. Львов. В 1918-21 — собиратель воспоминаний царских сановников и их редактор.

¹¹⁾ Театральный отдел Наркомпроса (ТЕО) образован в янв. 1918, возглавлялся одно время А.В. Луначарским. Просуществовал до 1920.

¹²⁾ Менжинская Людмила Рудольфовна (1878-1933) входила в руководящее ядро Гос. комиссии по просвещению и созданного поначалу при ней Наркомпроса; в 1918 — член коллегии Пг Компроса. С июля 1919 выполняла обязанности находившегося в продолжительном отпуске зам. наркома просвещения РСФСР. Сестра В.Р. Менжинского, вернувшегося в конце 1919 на руководящую работу в ВЧК.

¹³⁾ Ольденбург Сергей Федорович (1863-1934) — востоковед, организатор науки. Академик и (1904-29) непререкаемый секретарь АН. Проф. Пб у-та — ЛГУ, директор Азиатского музея — Ин-та востоковедения АН СССР, активный член многих науч. комиссий и обществ, член ряда зарубежных научных организаций. В первые послереволюционные годы — постоянный защитник деятелей культуры, подвергавшихся лишениям и гонениям. См. о нем: «Память». Вып. 3, Париж, 1980, с. 447-454.

Для характеристики Ольденбурга приведем отрывок из дневника К., относящийся к январю 1923: «Идеализм и скрытое себялюбие; способность к самопожертвованию и честолюбие; уважение к свободе мысли и нетерпимость к внутренне свободной личности; скромность в сочетании с требованием пиетета к себе; сердечная доброжелательность ко всему молодому, свежему, трудящемуся, верующему; оптимизм действительный, внутренний, и рядом — официальный, внешний, вопреки всему; легкая внушаемость и возбудимость; искренность и «себе на уме»; легкое подыгрывание к сильному мира; прямота врожденная и недостаток гражданского мужества, истекающий из физической трусости; и в основе всей личности — черта, ярко бросающаяся в глаза, покрывающая собою все остальное и становящаяся огромной силой не только сама в себе, но и в действии на других; это — вечная деятельность, вечное кипение, громадная, почти сверхчеловеческая энергия. Таков человек, спасший и до сих пор спасающий Академию и науку в

России. Я представляю себе, какое впечатление может производить этот неунывающий, маленький, тщедушный комочек энергии на всех идейных и честных большевиков, с которыми он имеет теперь постоянно дело, и каким бесконечно отрадным явлением должен он им казаться на сером фоне прославленной российской интеллигенции и в частности — русских ученых. Есть, конечно, не менее достойные его и, может быть, во многом и более почтенные, как русские интеллигенты, так и русские ученые; но они сидят у себя и втихомолку трудятся — тоже не для себя, но для своей науки, для будущего своей, не менее горячо любимой родины; его же — вулканические извержения его энергии вынесли на поверхность клочующего океана революции, и он, волнуясь вместе с его волнами, все же является тем плотным, тяжелым слоем масла, которое успокаивает волнение океана, хотя бы в той лишь его части, в которой оно разлито. Перед большевиками ему даже не надо особенно лукавить и много подыгрывать: его внутренняя потребность деятельности, заставляющая его кидаться во всякое дело, которое ему подворачивается, и принимать всякие просьбы и предложения об участии в чем-нибудь, с которыми к нему обращаются власти, создает к нему то, по-видимому, доверчивое и благожелательное отношение правителей, благодаря которому ему удается охранять Академию и вести ее насколько возможно вперед в ее естественных задачах и требованиях».

В прошлом видный кадет, министр просвещения в одном из кабинетов А.Ф. Керенского, отец Сергея Сергеевича Ольденбурга — бескомпромиссного противника большевиков, скончавшегося позже в белой эмиграции, С.Ф. Ольденбург был арестован 4 сент. 1919 и сидел на Шпалерной в одной камере с Д.Д. Гриммом. Его едва не посадили в карцер за то, что в книге, присланной ему в тюрьму президентом Академии наук А.П. Карпинским, оказались две открытки, не имевшие к нему никакого отношения. При нем по ночам выводили из камер обреченных на расстрел. Одного молодого человека, доброго, ласкового, жизнерадостного, отца нескольких малых детей, расстрелянного после трех месяцев заключения за две винтовки, найденные на его даче, О. особенно жалел и не мог забыть; вернувшись на волю, он рассказывал о нем своим знакомым (даже не самым близким).

¹⁴) Булич Сергей Константинович (1859–1921) — филолог и историк музыки, проф. Пб ун-та и Высших женских (Бестужевских) курсов. Его науч.-пед. деятельность началась в 1881 и отличалась широким диапазоном: историограф рус. языкознания, основоположник экспериментальной фонетики в России, русист-синтаксист, санскритолог, автор многих лингвистич. курсов (в их числе — введение в языкознание и сравнит. грамматика индоевроп. языков), руководитель студ. занятий по диалектологии, церковнослав. языку и т.д., автор книг по истории музыки, Б. был также композитором (романсы, кантата), пианистом, чтецом-импровизатором. Последний (с 1910) директор (ректор) Бестужевских курсов; в царские времена критиковал распоряжения попечителя учебного округа. Кадет. Поборник автономии высшей школы. В конце 1918 по его ходатайству Бестужевским курсам присвоено наименование 3-го Пг ун-та Арестован 5 сент. 1919; в это время его семья, видимо, находилась уже в Финляндии. Во время его ареста, 13 сент., Наркомпрос распорядился влить б. Бестужевские курсы в Пг ун-т. Тюрьма, а затем крайняя

нужда подорвали здоровье Булича. В марте 1920 К. пишет о Б.: «Духовный мрак в его любимом деле убивает его». Умер в Петрограде; точная дата и обстоятельства смерти нам неизвестны.

¹⁵ Grimm Давид Давидович (1864-1941) — правовед, специалист по римскому праву. Проф. Пб-Пг ун-та (1891-1913, 1917-20), Рус. Юрид. ф-та в Праге (1920-27) и Юрьевского — Тартуского ун-та (1889-91, 1927-34), а также Училища правоведения и Александровской военно-юрид. академии. Арестован 5 сент. 1919. В 1919 по освобождении из-под ареста уехал в Киев, затем эмигрировал.

¹⁶ Султанова (урожд. Леткова) Екатерина Павловна (1856-1937) — писательница, автор повестей и рассказов. Принимала активное участие в деятельности Литфонда и различных благотворит. организаций (доставление средств Высшим женским курсам, попечительство о душевнобольных). Вдова Н.В. Султанова (1850-1908) — архитектора и историка древнерус. зодчества, академика Акад. художеств. Сын ее, Султанов Юрий Николаевич, позже работал в Музее Города.

¹⁷ Пергамент Михаил Яковлевич (1866-1932) — правовед, проф. Пб ун-та. Арестован 5 сент. 1919. Позже преподавал в Ин-те нар. хоз-ва им. Энгельса и Ленингр. ин-те сов. строительства им. Калинина.

¹⁸ Изгоев (псевд.; наст. — Александр Соломонович Ланде, 1872-1935) — публицист. Эволюционировал от легального марксизма к правым кадетам. Автор «Вех», сотрудник «Речи». Осн. печатные труды по актуальным политич. вопросам выпустил в 1917. В 1918 секретарь ревиз. комисси О-ва взаимопомощи литераторов и ученых. В 1922 выслан из России; некоторое время жил в Чехословакии, затем обосновался в Хаапсалу (Эстония), где и умер. С 1926 — пост. корр. рижской газеты «Сегодня».

¹⁹ Буш Николай Адольфович (1869-1941) — проф. ботаники, в 1912-31 ст. ботаник Ботанич. музея, с 1918 зав. каф. ботанич. географии Пг ун-та, организатор (1920) и директор Петергофского естественно-научного ин-та. С 1920 — чл.-корр АН.

²⁰ Буш Владимир Владимирович (1888-1934) — историк литературы, краевед, библиограф. С 1915 прив.-доц. Пг ун-та, с 1920 проф. Туркестанского (позже Среднеазиатского) гос. ун-та, в 1925-28 проф. Саратовского ун-та. С 1931 уч. секр. ИРЛИ (Пушкинского Дома). Член ВКП(б) с 1932.

²¹ Дзержинский Феликс Эдмундович (1877-1926) был в это время членом ЦК РКП(б), пред. ВЧК, а также (с 30 марта 1919, по совместительству) нар. комиссаром внутр. дел, коему подчинялись милиция и угрозыск; незадолго до описываемых событий Д. был сделан также начальником Особого отдела ВЧК (с 18 авг. 1919) и членом Комитета обороны г. Москвы (с 6 сентября 1919). Принимал участие в работе Контрольно-ревизионной комиссии при ВЧК (образована 1 февр. 1919), занимавшейся среди прочего разбором жалоб и заявлений о злоупотреблениях ВЧК. В описываемые дни Д. был занят следствием по делу «Нац. центра» и в особенности поисками военной организации, связанной с «Нац. центром» (эти поиски привели к разоружению 19-20 сент. трех высших военных школ под Москвой и аресту около 700 чел.).

²² Ксенофонтов Иван Ксенофонтович (1884-1926) — член РСДРП с 1903, член Коллегии ВЧК с момента ее организации (ф.к. 1917),

с марта 1919 по апр. 1921 зам. пред. ВЧК, представитель ВЧК в Верховном трибунале. С 1921 управляющий делами ЦК РКП(б).

²³⁾ Тонков Владимир Николаевич (1872-1954) — анатом, с 1915 проф. и зав. каф. нормальной анатомии Военно-мед. академии. Президент (начальник) ВМА (1917-1925). Один из самых деятельных защитников науки и ученых в первые сов. годы. С 1932 член ВКП(б) (кандидат с 1930), с 1934 заслуж. деятель науки, с 1944 действ. чл. АМН СССР.

²⁴⁾ В 1918 Комиссариат просвещения аннулировал капитал Лит. фонда. Комитет Лит. фонда обращался в Комиссариат с просьбой о выплате хотя бы процентов с аннулированного капитала и о субсидиях на деятельность Лит. фонда.

²⁵⁾ Петров Николай Васильевич (1890-1964) — режиссер. В 1910-18 пом. режиссера Александринского театра, затем два года работал в Петрозаводске и Костроме, в 1920 вернулся в Петроград. Впоследствии (1928-33) худ. рук. Гос. акад. театра драмы (б. Александринского); работал в театрах Москвы и др. городов.

²⁶⁾ В результате настойчивости Ф.Д. Батюшкова ему удалось добиться от Наркомпроса ежегодной субсидии для Литфонда в размере 100 тыс. руб. Напомним, что Литфонд существовал до 1922.

²⁷⁾ Стасова Елена Дмитриевна (1873-1966) — член РСДРП с 1898, с февр. 1917 по март 1920 секретарь ЦК РКП(б), член ЦК (1918-19). В первой пол. 1920-х — оргсекретарь ЦК Компартии Германии, затем руководящий работник МОПРа.

²⁸⁾ Комарова (урожд. Стасова) Варвара Дмитриевна (1862-1943) — историк литературы, писательница. Дочь Дм. Вас. Стасова (1828-1918) — старшины присяжных поверенных Петербурга, мл. брата Вл. В. Стасова. В 1920-е — ученый хранитель Рукописного отделения Пушкинского Дома.

²⁹⁾ Каменев Ю. (псевдоним Льва Борисовича Розенфельда, 1883-1936) был в это время членом Политбюро ЦК РКП(б) и председателем Моссовета. Принадлежал, можно сказать, к «согласательскому» крылу большевиков. Литературно-критическую деятельность начал после 1905; к описываемому времени — автор работ о Брюсове, Ропшине, Некрасове, Чернышевском, Герцене. Позднее был директором Ин-та Ленина (организован в 1923), редактировал собр. соч. Ленина и «Лен. сборники», писал о сов. писателях, руководил изд-вом «Academia». Один из вождей внутривластной оппозиции; расстрелян.

³⁰⁾ Комиссия была образована накануне, 11 сент. 1919, на заседании Политбюро ЦК РКП(б). 15 сент. 1919 Ленин в ответ на неопубл. до сих пор письмо к нему Горького, доставленное Тонковым, писал: «Тонкова я принял, и еще до его приема и до Вашего письма мы решили в Цека назначить Каменева и Бухарина для проверки ареста буржуазных интеллигентов околкадетского типа и для освобождения кого можно. Ибо для нас ясно, что и тут ошибки были. Ясно и то, что в общем мера ареста кадетской (и околкадетской) публики была необходима и правильна» (ПСС, т. 51, с. 47). Это то самое письмо, где за образец «буржуазных интеллигентов» и «околкадетских господчиков» взят Короленко — «жалкий мещанин, плененный буржуазными предрассудками» — и где говорится о необходимости свержения подобных ему «интеллигентиков, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно».

³¹⁾ Трудно оценить степень дезинформированности самого Каменева (как перед этим и Луначарского), но сообщения об освобождении Ольденбурга были неправдой: он пробыл под арестом до 21 или 22 сентября. 23 сентября, уже на воле, увидел опубликованный список расстрелянных кадетов, среди которых многие были близко ему знакомы. По воспоминаниям современника, у С.Ф. Ольденбурга была в эти дни походка человека, на двадцать лет состарившегося и совершенно разбитого.

³²⁾ Мижув Павел Григорьевич (1861 — ок. 1932) — педагог, специалист по истории школы на Западе, составитель франц. хрестоматий для школ, автор популярных биографий в серии «Нашему юношеству рассказы о хороших людях». Активный деятель Пед. музея военно-учебных заведений — научно-методич. центра петербургской пед. мысли (существовал до 1917). Гл. библиотекарь Пг технологич. ин-та (1902-24). Член правления О-ва взаимопомощи литераторов и ученых. В 1920-х — проф. Пг ун-та, в 1926-28 — преп. франц. яз. в Технологич. ин-те.

³³⁾ Потресов Александр Николаевич (1869-1934) — с.-д. Участвовал вместе с Лениным в организации «Искры»; с 1903 меньшевик. В 1917 руководящий сотрудник газ. «День», занимавшей резко антибольшевистскую позицию; в сент. 1917 Ленин относил его к тому крылу соц. партий, которое «ничем серьезным не отличается от кадетов» (ПСС, т. 34, с. 250). После Октября работал в Главархиве. П. не был освобожден сразу: 27 или 28 сентября Ленин говорил по телефону Луначарскому о ручательстве, необходимом для освобождения больного Потресова («Лит. наследство». Т. 80. М., 1971, с. 126-128). С 1926 в эмиграции, где сотрудничал в еженед. «Дни» и редактировал «Б-ку демократич. социализма».

³⁴⁾ Парад милиционеров перед зданием Моссовета был связан с тем, что 6 сентября Москва была объявлена на военном положении, а треть моск. милиции отправлена на фронт.

³⁵⁾ Отчет написан и подписан человеком, о котором А.И. Куприн писал: «Достоинство /.../ этого воистину человека заключалось в его полной неспособности лгать». А говоря о симпатиях, которые вызывал к себе Ф.Д. Батюшков в разных людях, Куприн приводит след. пример: «Соседние с его бездоходным имением в Устюженском уезде мужики поделили между собою его землю /.../ но все, как один, решили: «Усадьбу Федору Дмитриевичу оставить, старых лип не рубить, яблочко не красть и, спаси Господи, не трогать книг» Так они и сдержали свое слово.

— Мы Вас наравне с коммунистами считаем, — сказали ему члены комитета, когда в 1918 он приехал в свою бывшую усадьбу, — и если бы Вы приехали раньше, то наделили бы поровну (Батюшков описал это в письме к В.Г. Короленко)».

(Цит. по кн.: Куприн А.И. Собр. соч. в 6-ти тт. Т. 6. М., 1958, с. 793).

Особое мнение члена правления Ленинградского отделения Литфонда Н.А. Брыкина¹⁾ по вопросу о выдаче единовременной ссуды члену Союза советских писателей Е.А. Панфилову²⁾.

Возражая против выдачи ссуды тов. Панфилову, я исходил из следующих соображений:

1. Панфилов — молодой поэт, но он около семи лет не написал ни одной строчки стихов. Что это — старческая немощь? Или человек исписался? Или он не может разобаться в том, что происходит в стране?

2. В прошлом он состоял в группе «Стройка», большинство членов которой арестованы, как враги народа³⁾. И Панфилов ни разу не выступил с осуждением этой публики, не помог разоблачить их, хотя для этого имелись поводы. Он все время отмалчивался. А ведь Панфилов дружил и с Тверяком⁴⁾, и с Горбачевым⁵⁾, и с Майзелем⁶⁾.

3. Во время разбора творчества молодых поэтов и прозаиков на центральной литгруппе Союза, он не только не выступил против целого ряда притесавшихся к литературе молодых, ныне изъятых органами НКВД, а всячески поддакивал тем ораторам, которые выгораживали их.

Исходя из этих соображений, я не считал нужным поддерживать материально человека, семь лет ничего не написавшего и занимавшего такую странную позицию во время разоблачения врагов народа.

Ник. Брыкин
14 декабря 1937 г. 7).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁾ Брыкин Николай Александрович (1895-1979) — член РКП(б) с 1917, фельетонист «Ленинградской правды» с 1925, номенклатурный работник различных писательских организаций Ленинграда, в 1937-41 и 1946-47 директор Ленингр. отд-ния изд-ва «Советский писатель».

²⁾ Панфилов Евгений Андреевич (1902-1941) — поэт из рабочих. Печатался в ленингр. журналах («Юный пролетарий», «Пламя» и др.) — 326. Выпустил две книги стихотворений (1926-1928). С 1936 работал над книгой избранного «Мечта», но не смог издать ее в 1940, когда предложил книгу изд-ву «Сов. писатель», руководимому Брыкиным. Погиб в ополчении. «Мечта» опубликована в 1958.

3) Ленинградская группа писателей «Стройка» являлась одной из многочисленных подобных организаций, размножившихся в 1920-е. Группа объединяла преимущественно писателей-рабочих и тех, кто посвятил свое творчество рабочей и крестьянской теме. Организационно подчинялась Ленинградской Ассоциации Пролетарских Писателей (ЛАПП), основанной в 1922-23. Издала четыре альманаха «Стройка» (1924-29).

В 1932 ликвидирована Российская Ассоциация Пролетарских Писателей (РАПП), а за этим последовал постепенный разгром всех других писательских организаций, так или иначе примыкавших (не без внутриорганизационной борьбы) к РАППу. Эта участь постигла и «Стройку».

4) Тверяк (псевд., наст. фамилия — Соловьев) Алексей Артамонович (1900-1937) — писатель-прозаик. Писал на деревенские темы, печатался с 1924, член «Стройки». Расстрелян.

5) Горбачев Георгий Ефимович (1897-1942) — критик и литературовед. Чл. РКП(б) с 1919. Активно участвовал в лит.-теоретич. борьбе 1920-х — начала 1930-х. Левый «напостовец», в то же время критиковал методы администрирования, практиковавшиеся РАППом. С 1923 доц. ЛГУ по истории рус. литературы. С весны 1925 работал в «Стройке», возглавив ее как теоретик. Арестован в 1937, погиб в лагере.

6) Майзель Михаил Гаврилович (1899-1937) — литературовед, критик, доц. Ленингр. ист.-лингвистич. ин-та, активный член ЛАПП и группы «Стройка».

7) Накануне, 13 окт. 1937, правление ЛО Литфонда постановило выдать Е.А. Панфилову ссуду в размере 500 руб. на несколько месяцев под личное обязательство. 1 ноября заседание тройки (в т.ч. Брыкин) ЛО Литфонда отказало Панфилову в ссуде «за отсутствием средств».

М.Н. Квашнина-Самарина
В КРАСНОМ КРЫМУ

Публикация Л. Крафта

Этот ужас был 25 декабря 1920 года: в этот день убили моего отца, 79-летнего старика, и брата Дошу, которому через 13 дней (т.к. он родился 25 декабря старого стиля) исполнилось бы 43 года.

Осенью 1920 года к местечку Судак стали подходить колонны большевистских войск. Они производили впечатление серой лавины. На несколько дней они задерживались в Судаке для отдыха, а потом шли дальше. Когда с нашего балкона я увидела эти войска, мне стало как-то особенно жутко, а брат Доша сказал мне: «Это Петр Великий, большевики таким же гением и волею переделают нашу страну! И она станет жить по-другому».

Эти проходящие военные части несколько раз останавливались в нашем доме и в благодарность за гостеприимство просили нас выходить на балкон, а сами выстраивались внизу вместе с оркестром и играли в нашу честь марши и туши.

Но предчувствие чего-то страшного меня не оставляло. В начале декабря 1920 года к нам неожиданно прибежала Варвара Леонидовна Спендиарова, которая очень взволнованно рассказала, что в Судак пришел особый карательный отряд, имеющий полномочия арестовывать и расстреливать жителей. Через несколько дней пришли они в наш дом с ордером на арест моего брата и увели его. Арестованных они помещали в винном подвале дачи Капнист-Паскевич, которая находилась через дорогу внизу под нашей дачей. Через несколько дней они опять пришли к нам и попросили моего

отца прийти на дачу Жевержеевой, где они устроили себе помещение для штаба. Когда мой отец пришел туда, они попросили его написать свою автобиографию. Он написал про себя, что честно трудился и работал всю свою жизнь, а когда вышел в отставку, то его выбрали предводителем дворянства Порховского уезда Псковской губернии. Когда он вернулся домой и рассказал про эту анкету, я не могла удержаться, чтоб не вскрикнуть: «Зачем ты написал, что ты был предводителем, ты не понимаешь, что они считают эту деятельность преступлением!» — «Какая ты глупенькая, Маруня, не понимаешь, что дворяне меня сочли достойным уважения и избрали единогласно — это очень почетно, и большевики, конечно, это учтут и оставят меня доживать мой век спокойно, тем более, что мне уже под 80 лет».

Но через день они пришли и увели его в подвал, а меня попросили прийти на дачу Жевержеевой и тоже заполнить какую-то анкету. Не успели они ее как следует прочесть, как дали распоряжение солдату отвести меня тоже в подвал. По дороге мой провожатый, хитро улыбаясь, мне сказал: «Ты знаешь, всех вас расстреляют, но если ты мне отдашь, то я вас спасу». — «Что ты мне говоришь такую ерунду, мой отец и брат — честные и благородные люди, и их не могут убить!» А сейчас я виню себя, что, может быть, я могла бы их спасти; это меня очень мучает. Мне все говорят, что если бы я согласилась на мерзкое предложение солдата, то это не повлияло бы на их судьбу. — А вдруг бы повлияло, а я их не спасла — эти мысли меня мучают, и я очень страдаю.

Когда я пришла в подвал и увидела папу и Дошу, я так была рада, что даже сырой и низкий подвал мне понравился. Там я увидела много своих знакомых: графа Ростислава Капниста *), Федю Стэвена, писателя Данилевского и

*) О графе Р.Р. Капнисте вплоть до 1940-х сохранялась память в татарской части Судака. Рассказывали, что зимой 1920-21 жители аула обратились с просьбой выпустить его на свободу. «Соберете две тысячи подписей — выпустим», — отвечено было им. Подписи собрали, но требуемая цифра была увеличена. Когда количество подписей превысило и новую цифру (по рассказу, число подписей дошло до четырех с половиной тысяч), — граф Р.Р. Капнист был расстрелян на Алчаке вместе с другими арестованными. При похоронах его родственникам удалось передать рабочим, перетаскивавшим трупы, гроб для его тела, с буквами «Р.Р.К.» на нем. Власти будто бы расшифровали буквы как «расстрелян разбойниками-коммунистами» и приказали гроб сжечь, а убитого похоронить (см. след. с.)

Игоря Лэсли (родственников князя Голицина из Нового Света), Бориса Летуновского, его мать Зинаиду Степановну, Павла Александровича Скопника и много других.

Из женщин были только Зинаида Степановна и еще какие-то две молодые, которых я не знала.

Меня все так сердечно встретили, что стало как-то тепло и уютно, несмотря на то, что спать надо было на земляном полу, а сидеть на узких бревнах, которые употреблялись для подставок под бочки с вином. Для естественных надобностей имелось одно ведро, которое позволяли выносить в сопровождении часовых два раза: утром и вечером. Для многочисленного состава арестованных ведро было очень маленьким сосудом, и потому часто раздавались умоляющие голоса дежурных: «Товарищи, воздержитесь!» Среди арестованных мужчин нас было только четыре женщины, а для меня не казалась странной совместная жизнь, как будто бы совсем исчезла стыдливость и все рамки условности. Все мои понятия о приличиях как будто совсем исчезли перед чем-то важным, не похожим на нашу прежнюю жизнь с ее законами, устоями и понятиями. Кипяток для чая и еду нам приносили родные, которые передавали ее часовым, и мы в щель тяжелых ворот подвала видели их грустные встревоженные лица. Папа, Доша и я не верили в возможность трагического конца, и потому настроение было спокойным, мы только с Дошей волновались из-за сырости и холода подвала за состояние слабого здоровья отца и просили через ворота маму принести нам большой теплый оренбургский платок, которым мы папу тщательно укутали. Условия подвальной жизни были тяжелыми. Нельзя было даже лицо освежить холодной водой, которой не было. Снять пальто из-за температуры подвала мы тоже не имели возможности. По вечерам мы зажигали маленькую керосиновую лампу, и все собирались около ее тусклого света. Помню, как однажды вечером Доша читал свои стихи, а писатель Данилевский — свои рассказы. Если бы я была художница, я нарисовала такую бы картину: Дошины прекрасные, умные глаза и влюбленно на него смотрящих папу и мальчика Игоря Лэсли, глаза которых так и горели от музыки вдох-

в общей яме. Позже, в 1929, когда вдове Капниста, Анастасии, пришлось ночью бежать из Судака, спасаясь от ареста, татары дали ей и ее дочери свои национальные костюмы, позволявшие скрыть лицо. (Прим. ред.).

новенных стихов. Это был как раз последний вечер нашего совместного пребывания в подвале.

На другой день вызвали рано утром человек двадцать мужчин, в том числе папу и Дошу, а из женщин меня и двух молодых особ, по виду довольно симпатичных. Всех нас повели под конвоем на Жевержеевскую дачу, не похожую теперь на прежний уютный дом, где мы с Дошей часто так приятно проводили время. Хозяйку этого дома уже зверски убили. В подвале ходили слухи, что начальник отдела женщина-еврейка симпатичная и что к ней можно обращаться с просьбами. Я подошла к этой еврейке и обратилась к ней со следующими словами: «Отпустите моего отца, мы с братом люди молодые и можем выдержать всевозможные лишения, а он очень слабого здоровья, стал очень кашлять; в жизни он никому не сделал зла, за что вы его мучите?» — «Разве в генерале может быть что-либо доброе?» — ответила мне еврейка. Я не знаю, что со мной случилось, я вся затряслась и закричала: «Велите отвести меня обратно в подвал!» И она, желая показать свою власть надо мной, властно сказала конвойному: «Веди ее обратно в подвал!» Если бы я знала, что их в эту ночь убьют, я б не ушла от них и вместе с ними разделила б их судьбу. Всех, кого вызвали в этот день из подвала, расстреляли. Когда я шла обратно в подвал, конвойный делал мне грязные предложения, а я была так подавлена тем, что ушла от своих, что даже ничего ему не ответила, и он перестал со мной разговаривать. Когда я пришла в подвал, все меня обступили с вопросами, а я, как говорили все на даче Жевержеевой, отвечала, что всех их повезут в Феодосию. Но, несмотря на эти успокоительные слухи, мною вдруг овладело какое-то странное беспокойство и волнение. Мне стало в подвале не хватать воздуха, мне хотелось сломать этот погреб и кричать на весь мир, кричать так иступленно, чтобы все услышали и поняли, какой творится ужас. Но я до боли зажимала себе рот, задыхалась и не могла кричать. Такое мое состояние продолжалось до четырех утра. И вдруг я почувствовала, что во мне что-то стихло, и я стала тихо лежать. Потом я узнала, что их убили в четыре часа утра; я поняла, что это мое состояние было следствием сочувствия моей души с ними. Они мучились, а потом успокоились, и я успокоилась вместе с ними. Часовые нам рассказали, что их увезли на суд в Феодосию. Я поверила этой сказке, но временами мною опять овладевало тревожное состояние, но мой врожденный оптимизм успокаивал мои ужасные пред-

чувствия, и я верила, что они не могут быть убиты и что они живы.

Началась размеренная скучная жизнь в подвале. Утром нас водили на работу, заставляли руками убирать гадости, которые делали некультурные солдаты. Хорошо, что там на дачах (мы убрали две дачи: Жевержеевскую и Кусковскую) была вода и можно было вымыть руки. Однажды, убирая Жевержеевскую дачу, я увидела там наш оренбургский платок и папино генеральское пальто. Я с ужасом смотрела на эти вещи, но все же не верила в смерть отца и брата, тем более, что солдаты сказали мне, что их повезли в казенной одежде. И вдруг там же на столе я увидела раскрытое Евангелие и прочла слова: «Кто возьмет крест свой и ко мне идет, мне да последует!» — «Кто хочет ко мне идти, да возьмет крест свой и ко мне идет!» Но все-таки в душе оставалась надежда и уверенность в том, что они живы.

Как-то раз ночью меня вызвали из подвала два часовых. Когда я их спросила, для чего они меня вызвали, они ответили: «Ты должна нас обоих удовлетворить». Мне эти слова показались так дики, что я сначала не поняла их смысла и спросила: «Как я вас должна удовлетворить?» Они ответили: «Небось с добровольцами гуляла, а с нами не хочешь!» — «Мерзавцы, — сказала я, — лучше меня убейте!» Они меня поставили к стенке и навели ружья на меня. Я живо помню эти минуты. Вокруг тихая лунная ночь, а на горе в нашей даче мне представилась мама, которая спокойно спит в своей кровати и, к счастью, не знает, что меня убьют. И я сказала: «Ну, стреляйте скорее!» Они бросили свои ружья и втолкнули меня обратно в подвал. Там со мной началась нервная дрожь, и Ростислав Ростиславович Капнист и Федя Стэвен стали меня успокаивать и целовать. Ростислав Ростиславович мне сказал: «Дорогая, не бойтесь, если женщина не хочет, то мужчина не может с нею ничего плохого сделать!» Вскоре после этого случая меня опять вызвали из подвала и послали убирать дачу Кусковых, где тоже помещался отряд солдат. Там солдат, когда я вошла в комнату, запер за мной дверь, заставил ее оттоманкой и приказал мне: «Ложись на кровать!» Я спокойно ему ответила: «Не лягу!» Тогда он стал меня бить плеткой, приговаривая: «Заставлю тебя лечь!» Я не помню, долго ли он меня бил, но я от нервного состояния не чувствовала боли и была совершенно спокойна, помня слова Ростислава Ростиславовича. Через некоторое время раздался стук в дверь

и послышался голос: «Здесь ли уборщица? Она мне нужна». Солдату пришлось отодвинуть оттоманку и открыть дверь. «Хорошо, что я вас спас, — сказал мой спаситель, — я так и знал, что он задумал гадкое». Я очень поблагодарила его за помощь и продолжала убирать дачу. С этих пор Зинаида Степановна Летуновская решила не отпускать меня одну, и, когда меня вызывали на работу, она всегда меня сопровождала, несмотря на протесты конвойных, которые ей говорили, что она уже старый человек и может не ходить на работу.

Моя жизнь в подвале продолжалась еще несколько недель. За это время в подвал пришла арестованная Маруся Бразоль. Я ей очень обрадовалась. Она тоже не верила в расстрел своего мужа и взяла с собой его теплое пальто и некоторые его вещи, чтобы при случае ему передать. С тех пор она сделалась моей спутницей по всем нашим дальнейшим мытарствам.

Через некоторое время нам объявили, что повезут нас в Феодосию. Я упросила конвойного зайти домой перед отъездом, чтобы проститься с мамой. Он согласился и сопровождал меня, но свидание с мамой длилось только одну минуту. Я даже не успела спросить у нее для меня чистое белье. Когда мы ехали на телеге в Феодосию, у меня зачесалось под мышкой, и я вытащила оттуда противную вошь. Это первое знакомство меня очень огорчило. По приезде в Феодосию, нас с Марусей Бразоль поместили в довольно большую светлую комнату, где находилось очень много женщин, которые сидели по стенам и занимались ловлей на себе насекомых. Мы с Марусей по их примеру занялись тоже этим делом.

На другой день Марусю, меня и одну из арестованных (сестру милосердия) повели в концлагерь. Мне было очень странно идти по городу в сопровождении конвойных. Мы шли долго и, наконец, подошли к большому каменному зданию, в прошлом, наверное, казарме какого-нибудь полка. Нас ввели в громадное помещение, в котором находилось человек пятьсот мужчин. Вскоре появился так называемый комбат в великолепном бархатном синем френче, сшитом, наверное, из рясы убитого им священника. Револьвер висел у него на большой золотой цепочке. Он вызвал меня и грозно спросил: «За что вас презирают?» — Я ответила, что сама не знаю, за что. «А я знаю, — возразил он: — Вы дворянка». Я хотела ему напомнить про Ленина, но благо-

разумно воздержалась. Он указал мне и Марусе место на полу под остовами железных кроватей. Пол был каменный. Соседом моим оказался удивительно симпатичный юноша с чудными большими глазами, Юра Судакевич. Комбат велел нам выучить наизусть «Интернационал», и началась наша суровая строевая жизнь. Побудка производилась по сигналу, все выстраивались по команде: «Слева по порядку номеров рассчитайся». Считались. После чего по команде должны были петь «Интернационал». «Отчего не слышно женских голосов?» — раздавался грозный окрик комбата. Наш спаситель Судакевич начинал громко петь за нас фальцетом, и комбат, довольный, на нас поглядывал, удостоверившись, что поют женщины: мы раскрывали рот во всю его величину. Днем была прогулка во дворе казармы. Во время одной из прогулок однажды произошел очень неприятный случай. Сестра милосердия, которая вместе с нами была препровождена в наш концлагерь, вдруг выскочила из строя и, подбежав к комбату, пыталась воткнуть в него шприц с ядом. Это ей, понятно, не удалось, и комбат тут же выстрелом из револьвера ее убил. Труп же ее он велел выбросить в уборную. После этого я не была в состоянии пользоваться уборной и должна была в присутствии караула исполнять свои естественные надобности.

Мы остались с Марусей Бразоль только две женщины на пятьсот человек мужчин. Часто ночью раздавалась команда: «Рота, встать!» — и комбат вызывал по фамилиям приговоренных к расстрелу, которых тотчас же выводили. Не могу забыть лиц обреченных. Каждый из нас готовился к этой участи и боялся услышать свою фамилию. Маруся Бразоль заболела воспалением легких. Американский Красный Крест, который ежедневно обходил арестованных по утрам, направил ее в лазарет. Я осталась одна. Еду нам приносили в громадном баке — обыкновенно похлебку с крупой. Я не могла есть из общего котла, как все арестованные, и потому старалась зачерпнуть эту похлебку своей эмалированной небольшой чашечкой первой. Это была моя единственная еда за весь день. Когда я не успевала первой зачерпнуть еду из котла, то оставалась на весь день только с маленьким кусочком хлеба.

Контингент арестованных был очень разнообразным. Были среди них интеллигентные люди, бывшие офицеры и много крестьян и казаков. Помню, я спросила одного дряхлого старичка: «За что тебя арестовали, дедушка?» — «За какую-то контру да еще за леворюцию», — отвечал он. Про

себя я думала, что меня они мучают справедливо: я так их ненавидела за их зло! Когда я осталась одна без Маруси Бразоль, староста нашего батальона предложил мне на ночь лечь с ним вместе на стол, мотивируя тем, что каменный пол — очень тяжелое и жесткое ложе. Я по наивности своей согласилась, потому что не могла предположить в арестованном никаких побуждений. Перед сном он угостил меня пирожными. Не знаю, откуда он мог их достать, но я их с удовольствием поела. Ночью вдруг почувствовала его руку, которая меня ощупывала. Я моментально вскочила, назвала его негодяем и бросилась под защиту моего прежнего соседа, очень хорошего и чистого мальчика. Он стал меня утешать, говорил, что не даст меня в обиду, и посоветовал обратиться к Американскому Красному Кресту с просьбой взять меня в лазарет. При медицинском обходе я сказала доктору, что плохо себя чувствую. Он велел мне смерить температуру, и я с ужасом увидела на градуснике нормальную — 36,6°. Доктор же, взяв мой градусник, громко сказал: «Температура 39,6° — в лазарет!» Меня тут же отвели в лазарет, где положили на койку рядом с Марусей Бразоль. Там в сравнительно большой комнате лежало человек 18 мужчин. Сосед мой с правой стороны оказался сыном московского фабриканта (к сожалению, я забыла фамилию этого нечестного человека), он мне посоветовал дать взятку комбату и этим освободиться из концлагеря. Я сказала, что у меня нет русских денег, а есть только турецкие лиры, которые в обшлаг моей кофты мне сунула мама. «Это еще лучше, — сказал он, — меня навещает моя родственница, и она легко обменяет эти лиры на советские деньги, а денег на них дадут так много, что Вам хватит на освобождение свое и Вашего друга». И я отдала ему эти лиры, но советских денег в обмен так и не получила.

Странно, что в первый же день моего пребывания в лазарете у меня сильно поднялась температура. Я объяснила себе это явление нервным состоянием, так как каждую ночь я слышала выстрелы. Под нашим лазаретом было помещение, где расстреливали арестованных. Моя температура ввела в заблуждение русского врача, который подумал, что я нагреваю градусник чаем. Между прочим, еда в лазарете была лучше: утром и вечером нам давали сладкое и чай. Сильное унижение испытала я, когда врач велел мне поставить два градусника под обе руки. Температура на градусниках, конечно, оказалась одинаковой, и тогда он написал в истории моей болезни: «Туберкулез легких». Он не понял,

что от нервных переживаний температура может подниматься.

Во время нашего пребывания в лазарете произошел странный случай. Неожиданно пришел в лазарет комбат в сопровождении двух женщин. Он остановился у кроватей Маруси и моей и сказал, обращаясь к своим спутницам: «Вот видите, как все врут! Они живы, но находятся в лазарете». Оказывается, как потом рассказал нам фельдшер, около концлагеря собралась толпа, которая возмущенно спрашивала о судьбе заключенных женщин, так как ходили слухи, что их тоже расстреливают, как военных преступников.

Недели две пробыли мы с Марусей в этом лазарете, как неожиданно нас обеих отправили в городскую больницу, где положили в отдельную комнату и переменяли нам белье. Конвоя в больнице не оказалось, но смешно, что у нас отняли обувь, очевидно, боясь побега. Мы почувствовали себя бодрыми, ведь так приятно было уйти из казарменной обстановки концлагеря. Но наше спокойное настроение оказалось очень недолгим. На третий день нашего пребывания я видела странный сон. Мне приснился брат Коля верхом на белой лошади, который подъехал ко мне и говорит: «Тебя поведут далеко, но ты не бойся, я поеду вместе с тобой...» Не успела я рассказать этот сон Марусе, как в палату вошли конвойные и сказали, что мы должны пойти с ними в эвакупункт, откуда нас отправят к месту назначения. Они объявили нам, что мы приговорены на пять лет концлагеря в Рязани и пойдем туда этапом. Неприятно было одевать свое грязное белье и отправляться в неизвестный путь. Придя на этапный пункт, мы увидели очень много людей, вповалку лежащих на полу и на нарах. Между прочим увидели там нашу судакскую знакомую — пожилую даму Крыжановскую со своею молоденькой дочерью. Перед отправлением в путь был произведен врачебный осмотр. По состоянию здоровья врач назначил мне ехать на телеге. Но я не могла видеть, как старушка Крыжановская шла пешком, с трудом передвигая ноги, и я уступила ей свое место на телеге. В первый раз услышала я песню, которую очень грустно пели арестованные: «На этапном дворе слышен звон кандалов, это партия в путь собиралась».

Наконец мы двинулись в путь большой толпой, приблизительно в сто человек, в окружении конвойных с ружьями наперевес. Вид этой толпы был очень жалок. Все еле двигались по обледенелой дороге сквозь снежные порывы пронизывающего ветра. Это был конец февраля, при этом

очень холодный. Несколько человек не выдержали и умерли в пути. Умерших клали на телегу и везли вместе с нами, наверно потому, что конвой должен был доставить к месту назначения отряд арестованных в полном составе.

Когда мы проходили мимо русских деревень, в нас кидали камнями и кричали вдогонку оскорбительные ругательства. Когда же приходилось проходить мимо деревень немецких колонистов, они нас зазывали к себе в избы и старались накормить и еще дать в дорогу что-нибудь, причем просили не делиться с конвойными, а есть самим. Конвойные тоже отдыхали, и мы, конечно, давали им утолить голод. В одной избе я попросила хозяйку остричь мне волосы, но этой мерой не удалось спастись от насекомых. Они еще больше разбредались по всему телу, и это было очень мучительно...

После пяти дней ходьбы я совсем обессилела и не могла передвигать ноги. Когда я сказала об этом конвойному, он ударил меня прикладом и крикнул: «Пойдешь и дальше!» Я ответила: «Убей меня, дальше я идти не могу!» Тогда он посадил меня на телегу, на мертвеца...

После десятидневного пути мы подошли к Джанкою. Многие из отряда объявили конвою, что не могут двигаться дальше и сели посреди грязной площади. Мы с Марусей Бразоль тоже опустились на землю, чувствуя, что не в силах двигаться дальше. Тогда конвойные вызвали врачебную комиссию. Подойдя к мне, врач послушал мой пульс и объявил, что я не могу идти, и велел отправить меня в больницу. Такое же решение было и для Маруси Бразоль. Оказалось, что только нас с Марусей оставили в Джанкое, а остальных повели дальше. По слухам, никто из этой партии не дошел до Рязани. Кто умер сам, а кого расстреляли, объясняя расстрел якобы побегам арестованных. Я же думаю, что конвою просто надоело такое путешествие утомительное, и они решили его прекратить. Больше всего я горевала о Юрии Судакевиче, который был так добр ко мне.

Марусю Бразоль и меня посадили на телегу и повезли по больницам в поисках свободных мест. Но всюду был полный комплект больных. Наконец нас привезли в заразный барак. Главный врач больницы отказывался нас принять, несмотря на наличие свободных мест, мотивируя неизбежностью нам заразиться. Тогда я ему сказала: «Если есть у вас сердце, вы должны нас принять!» На это он ответил согласием, но сказал, что он положит нас на голые

доски, чтоб избежать возможности заразиться от мягких матрасов и одеял. При этом он даже не дал нам больничного белья, и мы остались в нашем, очень грязном белье. В палате, в которой нас поместили, моей соседкой оказалась девочка лет двенадцати, больная дифтеритом. Когда девочка полоскала горло, брызги воды попадали на меня. Но дифтеритом я не заразилась. К девочке каждый день приходила ее мать. Однажды я услышала, как девочка почему-то грустно сказала матери: «До свидания, мама!» Мать горько заплакала. Я спросила, почему она так плачет, и вдруг поняла, что девочка умерла с этими словами...

На другой же день пребывания в больнице я почувствовала себя очень плохо, и врач определил у меня возвратный тиф, а у Маруси Бразоль катаральное воспаление легких. Перед моей болезнью врач просил высшее начальство позволить нам с Марусей быть сестрами милосердия в его заразных бараках. Он предварительно спросил о нашем согласии, и мы с восторгом согласились. Но начальство, к нашему сожалению, отказало ему в этой просьбе. Когда я заболела, он перевел Марусю и меня в военный госпиталь, в котором оказались места для заключенных в специальной палате. Опять мы с Марусей попали в мужское окружение. Кровати стояли так близко друг от друга, что между ними почти не было прохода. Фельдшер, наверно, пожалел меня и принес мне чистый капот своей жены. Помню, с каким блаженством одела я этот капот и сменила грязное белье. Болезнь моя протекала очень бурно. Температура поднималась до 41,2°. Кризисы были мучительны, и падение температуры сопровождалось бредом. Маруся Бразоль рассказывала мне потом, что она была в отчаянии, не зная, как остановить мой бред, так как его приходили слушать военные власти госпиталя. Странно, что в нормальном состоянии я не верила в смерть отца и брата, а в бреде возмущалась, и у меня вырывались горькие слова, осуждающие их убийц. Я говорила, что они сами не понимали, кого убили, — честного и благородного человека — моего отца и талантливого и проникновенного поэта — моего брата, который ушел от добровольцев, и что вообще они ничего не понимают хорошего, а делают только зло...

Поразительным человеком оказался наш врач. Он приходил к тяжело больным не только по несколько раз в день, но и по ночам. За мной он трогательно следил и приносил мне разную еду, уговаривая поесть. По моим капризным желаниям он приносил мне сметану, груши, но я абсолютно

ничего не могла проглотить. Когда он приходил ко мне по ночам, я понимала, что я очень серьезно больна. Во время падения температуры он просил больных нашей палаты следить, чтобы сестра впрыскивала мне камфару каждые четверть часа. Сестра была очень недовольна этим распоряжением, но больные настойчиво требовали его исполнения. Однажды сестра, только что вытащившая шприц из руки умершей женщины, воткнула его в меня, несмотря на мой протест. Когда я была в сознании, то просила Марусю Бразоль, чтобы она, когда я умру, завернула бы мне голову полотенцем, так как умерших бросали без гроба в яму и засыпали. Во время одного тяжелого приступа я видела во сне Божию Матерь, которая пришла ко мне и исцелила меня от болезни. На утро градусник показал 40°, и я заплакала о том, что я не исцелилась. Увидав меня заплаканной, врач просил меня успокоиться, я же сказала ему: «Не мешайте мне плакать, мне от слез делается легче». Действительно, после этих слез я почувствовала облегчение. Фамилия этого врача была Забошнин Илларион Петрович. В начале жизни он был монахом, а потом сделался врачом. Мне очень хотелось впоследствии с ним встретиться, чтобы поблагодарить его за заботу и лечение, но мне это не удалось. Я потеряла его из виду. После последнего приступа нас с Марусей Бразоль перевезли в другой госпиталь, где нам сменили белье, заменив его мужской рубашкой и кальсонами, но полными насекомых. Главным врачом этого госпиталя был доктор Николаев, женатый на княжне Церетелли, а рядовым врачом был доктор Смирнов, который спросил меня, не Квашнина ли я Самарина. В списках больных я значилась под фамилией Самарина. Когда я ему ответила утвердительно, он мне сказал, что был врачом в Тверской губернии у Квашниных-Самариных и что хозяева-старики подавали ему только два пальца, здороваясь с ним. Я сказала, что принадлежу к другой ветви рода — к Псковской. Меня положили в палату около окна на деревянном топчане с соломенным тюфяком. Здесь у меня был третий приступ возвратного тифа, более слабый. Во сне я увидела брата Дошу, который мне сказал: «Бедная моя Марусенька, ты умрешь в день и час бабушкиной смерти». В этот день, 26 марта, в час ночи, кончился мой последний приступ, и я осталась жива. Вспоминая мой сон и слова брата, я подумала, что, оставаясь жить, я умерла для жизни духовной — будущей.

Осложнением тифа у меня оказался паралич обеих ног. Я совершенно не могла ими двигать и принуждена была

неподвижно лежать. Кроме этого, врач Смирнов находил у меня порок сердца и давал мне камфару в жидком виде, очень неприятную на вкус. Согласно нашей просьбе, нам с Марусей разрешили позвать священника со Святыми Дарами, который нас причастил. Самое яркое впечатление от этого госпиталя была борьба со вшами. Каждый день на байковом одеяле я их убивала по сто штук, нарочно считала. Нас сторожил военный караул. Однажды какая-то старушка спросила караульного, у кого из арестованных здесь нет родных. Окно около моей кровати было открыто, и я слышала этот разговор. Караульный указал ей на меня. С тех пор она почти каждый день приносила мне очень вкусную и разнообразную еду. Эта старушка была еврейка. На Пасху жена главного врача (Церетелли) принесла нам чудные куличи и творожную пасху. Маруся Бразоль была украинкой, и у нас с ней бывали споры о том, чья пасхальная еда вкуснее — украинская или наша, русская. В мае месяце дошел до нас слух об амнистии политическим заключенным. Я стала размышлять и думать, как я смогу добраться до дома с моими парализованными ногами. Но тут произошел странный случай, который излечил мой паралич. В моем соломенном матраце я часто слышала возню и писк мышей. И вот однажды выскочившая из матраца мышь пробежала по мне от ног до головы. Я страшно закричала от испуга и вскочила на ноги. Больные решили, что я из-за каких-то целей симулировала паралич ног, и стали надо мной насмехаться. Но врач убедил их, рассказав, что от испуга со мной произошел нервный шок, который вернул мне способность двигаться. Помню, как я понемногу стала переходить от кровати к кровати, держась за стену, чтобы дойти до двери госпиталя подышать свежим воздухом. Какой-то больной солдатик спросил меня: «Братишка, какого ты будешь полка?» Чтобы не разочаровывать его, я ответила: «Я из отряда особого назначения». Он удовлетворился этим ответом и очень со мной дружил.

Мы с Марусей ждали амнистии с лихорадочным нетерпением. К сожалению, мы узнали, что нас не могут амнистировать потому, что дела о нашем аресте не имеется и мы, может быть, являемся уголовными преступницами. С завистью смотрели мы на покидавших госпиталь амнистированных политических, но ничего не могли придумать, как доказать нашу непричастность к уголовному элементу. Но, может быть, хлопоты моей матери через военный трибунал, о которых я позже узнала, а, может, уверения лечащего

врача, который питал большое уважение к моей фамилии, заставили образовать комиссию для разбора нашего дела и удостоверения наших личностей. В составе этой комиссии случайно оказался один из лакеев (бывших) Маруси Бразоль, который удостоверил, что ни она, ни я не являемся уголовным элементом.

Настал, наконец, день нашего освобождения. Нам дали удостоверения, по которым мы могли даром ехать по железной дороге домой. От Феодосии нам пришлось нанять лошадь с телегой, чтобы добраться до Судака. В Феодосии мы встретили брата расстрелянного с нами *) инженера Н.А. Скопника, тоже инженера Петра Александровича Скопника, который нам рассказал о судьбе наших родных. До этого у нас теплилась надежда встретить наших, тоже освобожденных по амнистии. Мы с Марусей Бразоль пошли в собор, где горячо молились за панихидой о наших дорогих убиенных. Это был день 12 июня, день рождения и именин моего деда Петра Петровича Квашнина-Самарина.

На оплату нашего транспорта до Судака Маруся Бразоль продала на базаре какие-то вещи своего мужа, которые в надежде встречи с ним все время носила с собой.

Второй раз подъезжала я к Судаку, но как этот мой приезд был не похож на первый, когда мы вместе с братом Петей были радостно возбуждены предстоящей встречей с нашими родными! Теперь же какой-то холод и страх наполнили мою душу. Я боялась встречи с моей матерью. И когда я подъезжала к нашему дому и увидела ее, поникшую от перенесенного ужасного горя, я не могла сдержаться, и целый поток отчаянных слов и слез вырвался из моего сердца. Мама старалась меня успокоить, но ей это плохо удавалось. Весть о нашем возвращении моментально облетела Судак, и все наши друзья спешили меня увидеть. Первой прибежала Варвара Леонидовна Спендиарова, которая рассказала, что была по делам в райкоме и слышала, как одна из жителей Судака, некто Римская-Корсакова, жаловалась на свое трудное положение и просила помощи, и что на ее жалобы секретарь райкома ей сказал: «Что Вы плачете о себе? Вот я сейчас проходил мимо дачи, где вернулась после ареста дочь и узнала о смерти отца и брата.

*) Очевидно, М.Н. хотела сказать, что Н.А. Скопник был вместе с ней в пешем этапе на Рязань, который, по слухам, полностью погиб (расстрелян); или был вместе с ней в концлагере и расстрелян там.

Я слышал настоящее горе!» Эти слова и побудили Варвару Леонидовну прибежать к нам, чтобы поскорей увидеть меня и как-нибудь постараться успокоить и выразить свое сочувствие.

Мама рассказала мне, что расстрел наших происходил на горе Алчак, и что убитые падали в расселину горы по направлению к морю, и что в последнее время жители Судака заметили, что это ущелье по ночам светилось особенным светом. Это побудило жителей оказать последний долг убиенным и похоронить их. Они считали их невинными мучениками. Выбрали комиссию по организации похорон, заказали гробы, а мама дала двадцать простынь (собрав все наши простыни), чтобы завернуть тела. Узнав об этих приготовлениях, власти арестовали комиссию и взялись сами по ночам перетаскивать убитых в общую могилу, наняв для этого рабочих. В их числе был молодой Нестроев (родственник Капнистов. Мама дала ему носилки для переноса убитых. Очень странно, что на этих носилках остались следы крови, хотя со времени расстрела прошло пять месяцев. Это явление было непонятно и докторам. В момент, когда удалился караул, к маме прибежал лакей Бразоль, который был тоже в числе переносчиков, и сообщил, что если она сейчас же поспешит, то может увидеть своих. Мама побежала и увидела папу без верхней части головы, а Дошу совсем седым с небольшой раной у уха. От горя мама хотела броситься в могилу, но ее удержали силой и увели домой. Трупы засыпали известкой и закопали. Место это было в саду Жевержеевой на берегу моря. Я сейчас же захотела вместе с мамой пойти к этой могиле и невольно подумала, что иду на могилу отца и брата и не могу принести им даже цветочка. В это время у нас в саду не было совсем цветов. Спустившись с мамой на дорогу, я увидела лежащие на ней две чудные срезанные розы, красную и белую. Я их подняла и понесла на могилу. Могилка представляла собой большой квадрат, на котором густо росли красные маки, причем вокруг нигде не было видно никаких цветов. Мама мне рассказала, что сразу после расстрела пришел к ней солдат и передал Дошин образец, который Доша просил его передать маме. По словам солдата, Доша перед расстрелом дал ему образец и сказал: «Передайте этот образец моей матери, а я там за Вас помолюсь».

Мама рассказала, что нашу дачу и соседнюю Гиль-Тэпэ взяли под санатории, причем начальство выделило маме в нижнем этаже комнату для жилья и поручило ей исполнять

обязанности дворника. С мамой оставалась наша Евочка, которая вместе с ней все переживала и очень грустила обо мне. Несмотря на страх перед Чека, она пошла туда просить обо мне, при этом говорила там, что не может понять, за что могли меня арестовать. Ей ответили, что я в письмах очень ругала большевиков. Это была ложь, потому что я в письмах ничего подобного никогда не писала. Но Евочка, не зная этого, ничего не могла им возразить.

На другой день моего приезда меня позвал военком санатория и сказал, чтобы мы с мамой искали себе другое помещение, так как в санатории могут жить только служащие. Я возразила, что моя мать служит у них дворником. Он ответил, что ее возраст их не устраивает. Маме тогда было 69 лет. На это я ответила: «Возьмите меня к себе на службу». — «У нас нет для Вас подходящей работы». Я возразила, что каждый труд считаю благородным. Он предложил мне работать судомойкой, на что я согласилась, так как не представляла себе, куда мы с мамой сможем переехать, не имея никаких средств. На другой же день я начала работать. Мне надо было таскать воду в кухню и из другого помещения носить в санаторий кипяток. Помимо этого, надо было обносить больных большими деревянными подносами с едой. Подносы эти были очень тяжелыми. По окончании обеда должна была мыть посуду. Я чувствовала на себе любопытные взгляды больных, которым, по всей вероятности, стало известно, что я дочь бывшего собственника дачи.

Все пережитое и тяжелый труд в конце концов отразились на моем здоровье. Как-то раз, неся в обеих руках тяжелые ведра с кипятком, я упала во дворе в обморок. Чудо, что кипяток выплеснулся в сторону и меня не обжег. Прибежали врачи и отнесли меня в бессознательном состоянии к маме, оказав мне врачебную помощь. Когда я поправилась, старший врач предложил мне место сестры-хозяйки. Я должна была выдавать продукты на кухню и следить за правильным кормлением больных. Мне приходилось делить хлеб и сахар на определенное количество порций. И тут меня поразил интересный результат: когда я точно развесила сахар, то мне его не хватило на одну порцию, и я поняла, что в торговле продавцы от маленького недовеса получают большую прибыль. У меня установились очень хорошие отношения с врачебным персоналом и даже с военкомом. Когда я упала в обморок, один из врачей узнал меня, так как раньше он был врачом в лазарете концлагеря в Фео-

досии и меня там видел. Он мне сказал: «Как я рад, что вижу Вас, я думал, что оттуда не возвращаются». С питанием было плохо. Я ничем не пользовалась от стола больных, рацион которых был тоже очень ограничен. Вокруг был страшный голод. Татары стали есть собак, кошек и даже трупы людей. Мы питались лебедой и диким луком нашего сада. Иногда мне удавалось «своровать» у себя в саду абрикосы и виноград. Воровство из нашего сада я не считала преступлением.

Как-то раз ко мне подошла маленькая девочка — дочка санитарки — и сказала с восторгом: «Сестрица, какую вкусную человечину я ела!» Я не стала ее расспрашивать, боясь услышать что-нибудь еще более страшное... Это событие привело меня в ужас. Однажды ко мне прибежала наша татарка Айша и спросила, не хочу ли я посмотреть на женщину, которую расстреливали за людоедство, но она спаслась тем, что упала, притворившись мертвой: она была ранена только в руку. Вид этой татарки производил ужасное впечатление: это был скелет с зверским выражением, с горящими злобой глазами...

В помещении нашего татарина (бывшего дворника нашей дачи) я увидела его маленького сынишку, которого помнила очаровательным пухлым татарчонком. Теперь его головка беспомощно качалась на тоненькой шейке. Он уже не мог двигаться от истощения... Вообще люди, истощенные голодом, часто умирают на улице. Наш знакомый — Василий Ипполитович Капнист — присел от слабости на улице и тут же умер. Мама держалась храбро, хотя была очень худа. Евочка тоже крепилась. Однажды, идя с мамой по каким-то делам, я почувствовала страшную слабость и хотела опуститься на дорогу, чтоб немного передохнуть, но мама, страшно испугавшись, умоляла меня собрать все свои силы и двигаться к дому, только не садиться. Маме удалось дотащить меня до дому, где она накормила меня лебедой. Спас жителей Судака от голодной смерти один рыбак. Он убил дельфина и стал продавать его мясо и жир. Приблизительно в это же время пришла американская помощь «АРА», которая стала выменивать муку на золото. У нас оказалась бабушкина золотая цепочка, которую я выменяла на небольшое количество муки.

В нашем доме до прихода большевиков мы приютили одного очень милого старичка — Ивана Владимировича Иванского, который, боясь ареста, дал нам на хранение

свои большие золотые часы и другие золотые вещи. Он просил, в случае его смерти, взять эти вещи себе. Мы с Евочкой зарыли их ночью в саду; казалось, никто не мог это видеть. Но после расстрела Иванского (он прежде был судебным следователем) мы решили выкопать эти вещи и променять их на продукты питания. Но, к нашему огорчению, в месте, где мы их зарыли, ничего не оказалось. Взять их мог, как мы подозревали, только наш татарин.

Смешной случай был с моим нарядным летним пальто. В нашей даче помещались служащие санатория. Пальто мое висело в передней. Когда мне понадобилось его одеть, я не нашла его на вешалке. Я громко спросила: «Где же может быть мое пальто?» — «Ваше? — насмешливо спросила меня одна из служащих санатория. — Вы разве не знаете, что теперь все общее? Оно у меня под подушкой». Тогда я ей сказала: «Дайте мне, пожалуйста, это общее пальто». И, получив пальто, я спрятала его у себя в комнате...

Моя приятельница Марианна Летуновская уговорила меня сменить тяжелую службу в санатории на сидячую работу по счетоводству в местном сельпо, где она тоже работала счетоводом. Из-за хорошего ко мне отношения из санатория меня отпустили, и я перешла на новую работу. Помимо конторской работы, счетоводам вменялось в обязанность, при получении большого количества товаров, помогать в их продаже. Помню, как-то раз привезли несколько бочек селедки, и мне пришлось помогать в их продаже. Я вспомнила мою бабушку-аристократку, как бы она удивилась, увидав меня за такой грязной работой! Селедки приходилось доставать из бочки руками, и не было бумаги, чтоб их завернуть. Зато моя служба в кооперативе очень облегчила вопрос с нашим питанием. И все-таки мы все время чувствовали голод, главным образом, из-за отсутствия хлеба.

Помещение, отведенное администрацией санатория нам с мамой и Евочкой, была одна комната в нижнем этаже со стеклянной дверью. Однажды не успела я уйти утром на службу, как к нам в дверь постучался рослый татарин с растерянным видом и бегающими глазами, прося спрятать его от погони. Я тщетно пыталась ему объяснить, чтобы он скорее спрятался бы в нашем сарае, так как наша комната имеет только один выход и его сейчас же найдут. Но он меня не понимал. В это время подоспела погоня, двое конвойных его схватили, повалили на землю, стали топтать

ногами и ругать его, а потом его убили у наших дверей. Нам же приказали не выходить из комнаты, считая нас его сообщниками. Я показала им свое служебное удостоверение, и они отпустили меня. Жутко было мне проходить мимо убитого татарина, я просила конвойных унести тело, а не хоронить его в нашем саду. Но когда я вернулась со службы, увидела свежезасыпанную могилу около наших окон. Ночью я не могла заснуть. К счастью, на следующую ночь татары его унесли.

Наступила весна 22-го года, и за нами неожиданно приехал посланный Зиной из Ленинграда матрос. Он был родственником нашей горничной Маши. Неожиданное появление матроса нас страшно испугало. Войдя, он громко спросил: «Здесь живут Квашнины-Самарины?» Мы подумали, что нас опять хотят арестовать, но он достал два больших мешка черных сухарей и сказал, что его послали за нами, чтоб привезти нас в Петроград. Его приезд вызвал большое оживление наших друзей, с которыми мы поделились привезенными сухарями. Настенька Капнист затащила его к себе и угощала вином, а он ее хлебом. У моряка был литер, по которому он имел право провезти нас в качестве своей семьи. Очень большое участие в нашем отъезде принял врачебный состав санатория вместе с военкомом. Они все трогательно провожали нас на пароход, до которого надо было добираться фелюгой. Тяжело было оставлять могилу наших дорогих. Маруся Бразоль врыла в могилу большой железный крест, чтобы мы всегда могли найти это место. Но судьба нам этого не дала: мы не смогли больше приехать в Крым.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Решив опубликовать вышеприведенный отрывок, редакция наткнулась на сомнения, сводившиеся к тому, что записки М.Н. Квашниной-Самариной не открывают нового: подобные факты встречались в напечатанных мемуарах, а в обобщенном виде — уже в *КРАСНОМ ТЕРРОРЕ* С.П. Мельгунова (1924).

Но история — не только в крупных событиях и особенных людях. Она — и в том, как под любую властью продолжает течь по своим законам обыкновенная, повседневная человеческая жизнь, она — в конкретных сцеплениях миллионов судеб и в бесхитростном рассказе о пережитом. Если

жизнь каждого — величайшая и неповторимая ценность, то предоставим слово, по возможности, каждому, а дальше — «нам не дано предугадать...»

Возьмите качества, которые в сумме, может быть, следовало бы назвать праведным строем души: неиссякаемый нравственный заряд, религиозное отношение к жизни; индивидуально-человеческий (а не политически-обезличенный) и неизменно доброжелательный подход к людям, честность, порядочность, благородство, впитавшиеся в кровь, привычка к труду, духовность, поднимающаяся над обстоятельствами, — как все это живет, передается, вытравляется, возрождается: разве это не есть вопрос исторический?

Воспоминания М. Н. Квашниной-Самариной, как нам кажется, интересны именно в этом отношении.

Опираясь на текст, оставшийся за рамками публикации, добавим немного о людях и обстоятельствах.

Мария Николаевна — дочь генерала Николая Петровича Квашнина-Самарина (1841-1920). Из пяти ее братьев четверо — офицеры: Николай, Петр, Евдоким (Доша) и Владимир; в гражданскую войну все они оказались в Крыму. Николай, награжденный до Февраля золотым оружием за храбрость, стал полковником и умер от сыпного тифа в конце 1919. Евдоким, поссорившись с добровольцами и оставив службу в Добрармии, до прихода красных писал историю Морского флота. Владимир одно время был адъютантом командующего Черноморским флотом.

М.Н. до лета 1917 была в Петрограде сестрой милосердия Георгиевской общины. Кончилось это так:

«Атмосфера продолжала сгущаться. Во время моего обхода раненых солдат в лазарете один из них, которого я попросила оправить свою постель, со словами «Долой старшую сестру!» бросил в меня деревянную ногу. К счастью, она пролетела мимо меня. Но этот его поступок ранил мою душу. Я все отдавала раненым, моя жизнь была полна желанием им служить, я старалась как можно заботливее ухаживать за ними, вся моя зарплата тратилась на раненых. Это оскорбление меня до того потрясло, что я тут же подала заявление об увольнении от должности сестры. Таким образом я бросила ту профессию, которая очень отвечала моим стремлениям — помогать людям. Впоследствии я всегда об этом жалела».

Вскоре после октябрьского переворота «в газете появилась статья, в которой говорилось, что в лазаретах города

нет места для раненых солдат, места эти занимают офицеры, у которых имеются собственные дома: в подтверждение приводилась фамилия моего брата Пети. Не долечившись, он выписался из лазарета, хотя еще очень нуждался во врачебной помощи». Тут же был отнят и дом.

«Горничная Маша поступила на работу в военный контроль и много помогала мне материально. Из-за хорошей зарплаты она хотела и меня туда устроить, но это ей не удалось. На моем заявлении была надписана следующая резолюция: «Рассмотрев Ваше заявление и документы, находим, что Вы не можете нести службу в военном контроле». Эта резолюция очень меня оскорбила. Горничная Маша тоже за меня обиделась».

Однажды раненый брат был арестован. «Мы остались в волнении ожидать результатов. Горничная Маша в ужасе говорила, что на Гороховой всех офицеров расстреливают, и очень плакала. Мы сидели всю ночь, ожидая Петю, а его все не было. И вдруг в 6 часов утра раздался звонок в передней и вошел Петя. Он рассказал, что с ним были очень любезны, угощали его чаем и бутербродами с икрой, но взяли подписку о невыезде и обещание явиться по первому вызову. Горничная Маша уверяла, что Пете надо от них спастись и что нельзя им верить. Тогда общим советом мы надумали ехать в Крым к родителям». «Петя достал справку, что для поправления его здоровья ему необходим юг. Я имела удостоверение сестры милосердия для сопровождения раненого. Перед отъездом мы зашли в собор Александро-Невской Лавры. Подходя к кресту, который держал митрополит Веньямин, меня поразили его слова, обращенные к нам: «Да благословит Господь путь Ваш». И я поверила, что мы доедем до Крыма».

Расстались с братом Иваном и сестрами Ольгой и Зинаидой. Отправились в путь примерно в конце января 1918. В свой чемодан М.Н. положила погоны для преображенцев, которые надо было передать в полк.

«Меня поразила тогда грубость русского народа — солдат, возвращавшихся с фронта. Они не давали войти в теплушку бедному старому еврею; дочь его, находившаяся в вагоне, умоляла их впустить ее отца, но они со смехом отталкивали старика и он падал на землю. Петя вмешался и помог еврею взобраться в теплушку».

Чудом добрались до Крыма, поспешили в Судак, где М.Н. и жила с марта 1918 до описанных выше событий...

А после них?

М.Н. служила в канцелярии, сестра Зина стала геологом-угольщиком. «Но жить спокойно все же нам не пришлось. Был убит Киров, и начались поголовные аресты. Такая же участь постигла и нас. В течение десяти дней нам пришлось распродать оставшееся у нас имущество и уехать в Уфу. Я горько плакала, когда из нашей квартиры уносили мой любимый рояль. Прощаясь с Ленинградом, я ходила по улицам, и невольно слезы катились из глаз. Я чувствовала, что никогда не смогу жить в своем родном любимом городе. Мои грустные мысли оправдались». «В Уфе нам тоже пришлось пережить много незаслуженных оскорблений и трудностей».

Приведем конец ее воспоминаний:

«Кончая свои записки и как бы подводя итог своей жизни, считаю, что в ней было больше грустного, чем счастливого. Но, несмотря на это, я все же хочу жить».

Основным стремлением в моей жизни было желание быть полезной людям, стараться никого не обижать и идти навстречу каждому человеку. Это, к сожалению, мне не удалось».

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ Л.-ГВ. МОСКОВСКОГО ПОЛКА

В основе настоящей публикации — записи Н.В. Медведской, вдовы полкового священника Л.-Гв. Московского полка о. Василия. При подготовке их к печати проведена стилистическая правка и некоторые детали (имена, даты) уточнены.

В 1914 году Лейб-Гвардии Московский полк *) понес тяжелые потери в кровопролитных боях в районе Мазурских болот. Погибшие офицеры-московцы были захоронены в Петрограде в здании церкви Л.-Гв. Московского полка, находившейся близ полковых казарм на Большом Самсоновском проспекте (ныне пр. К. Маркса). В конце 20-х годов здание церкви было уничтожено ¹⁾.

Наступил февраль 1917. Даже в гвардейских полках началось брожение, дисциплина падала. Обычным явлением стали выборы командиров нижними чинами ²⁾.

Первым выборным командиром Московского полка стал полковник Петр Михайлович Яковлев (р. 1877). Образован-

*) Сформирован 7 ноября 1811 под названием Л.-Гв. Литовского (переименован в 1817). Первый полк. командир И.Ф. Удович 26 дек. 1811 получил первое знамя. Первое дело — Бородино. В апр. 1813 — марте 1814 полк участвовал в боях при Люцене, Бауцене, под Дрезденом, Кульмом, Лейпцигом и Парижем. В 1825 два его батальона участвовали в восстании декабристов, после чего в составе Л.-Гв. Сводного полка они были направлены на Кавказ. Действовал в Турецких войнах (1828, 1877-78), Польше (1830), Литве (1863). (Подробно см. соотв. ст. в «Военной энциклопедии» и книгу: Н.С. Пестриков. *ИСТОРИЯ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ МОСКОВСКОГО ПОЛКА*. Т. 1-2 Спб., 1903-04).

ный офицер, обучавшийся в Академии Генерального штаба, он начал войну 1914 года в чине капитана Л.-Гв. Московского полка, был дважды ранен, болел тифом и считался пропавшим без вести. Вернулся с фронта в Петроград в 1915 году полковником и был назначен командиром запасного батальона Московского полка, стоявшего в лагерях под Красным Селом. Одновременно П.М. Яковлев замещал находившегося в действующей армии полкового командира генерала А.А. Михельсона.

Незадолго до октября 1917 Яковлев вышел в отставку. После Октябрьского переворота многие кадровые офицеры, не втянутые в гражданскую войну, были обречены на голодное существование и случайные заработки. Среди них оказались некоторые офицеры-московцы, в том числе П.М. Яковлев.

В 20-е годы он служил в Балтфлоте и Военно-Медицинской академии кассиром, шил и чинил обувь для театров (по воспоминаниям его старшей дочери Т.П. Восковой, на изготовление театральных туфельек шли лакированные верхи гвардейских киверов).

В 1924 году ему пришлось пережить тяжелое событие, отразившееся впоследствии на его судьбе. Советской властью было принято решение отдать помещение бывшей полковой церкви под клуб одного из ближайших предприятий. В связи с этим Яковлеву как бывшему последнему командиру полка было предложено найти оставшихся в живых родственников тех офицеров, что были похоронены в церкви. Их останки предполагалось перенести в другое место.

Сохранились воспоминания о жуткой картине переноса. Свинцовые гробы, в которых с фронта десять лет назад были доставлены тела погибших, перевозились на простых телегах. Процессия двигалась через весь город (к сожалению, место вторичного захоронения установить не удалось).

После этой печальной процедуры для родных и сослуживцев перезахороненных офицеров на квартире П.М. Яковлева, находившейся на Екатерининском канале (ныне — кан. Грибоедова), д. 96, был устроен вечер поминовения. Удалось теперь вспомнить имена только двоих из перезахороненных офицеров-московцев: это капитаны Борис Константинович Нищенко и Владимир Александрович Боярский, родственники которых в числе других собрались в тот вечер у Яковлева³⁾. Офицеры были в форменных кителях без погон, дамы — в траурных вуалях. Собрание не носило сколько-нибудь политического характера.

В середине 1930 г. Петр Михайлович был вызван в военкомат, где ему неожиданно предложили создать военный кабинет в Финансово-экономическом институте и стать его заведующим. Возможность приложить свои военные познания и опыт доставила ему радость. Яковлев с энтузиазмом взялся за преподавание военного дела и организацию кабинета. Создавалось впечатление, что жизнь начинает налаживаться.

В ночь на 7 января 1931 года, в сочельник, П.М. Яковлев был арестован. Сначала его поместили в тюрьму на Нижегородской (теперь ул. Лебедева). В камере оказались взятые одновременно с ним бывшие его сослуживцы по полку: полковой священник о. Василий Медведский и поручик Андрей Кованько (сын Александра Матвеевича Кованько — первого русского генерала авиации, начальника Воздухоплавательной школы⁴). Первое время арестованным были разрешены передачи и свидания с близкими.

Яковлеву предъявили обвинение в утайке серебряной утвари из полковой церкви, ктитором (церковным старостой) которой он был как командир полка. Полковое серебро из церкви было сдано по описи, которая хранилась в одном из советских учреждений. На это Яковлев указывал на допросах. Однако запрашивать описи никто не собирался, а сам подследственный этого, естественно, сделать не мог. Вторым было обвинение в организации собрания бывших офицеров с контрреволюционной целью. Поводом здесь послужил упомянутый выше вечер поминовения.

При немногочисленных свиданиях с родными Яковлев сообщил, что у него отобрали очки и давали подписывать какие-то бумаги, которые он без очков прочесть не мог. Кроме того, перед допросами его по многу часов держали на холодной лестнице.

В конце апреля 1931 г. Яковлев, Медведский и Кованько были переведены в Дом предварительного заключения на Шпалерную (ныне ул. Воинова). Свиданий после этого уже не давали.

2 мая 1931 г. жена о. Василия, Наталья Васильевна Медведская, приехала в Управление ОГПУ просить разрешения на свидание с мужем. Там один из сотрудников сообщил ей: «Ваш муж осужден, и приговор приведен в исполнение». То же пришлось услышать родным Яковлева и Кованько. Никому никаких объяснений не давалось, и ни о каком судебном разбирательстве и заседании речь не шла.

Родным не было выдано никаких документов, ничего не известно о месте захоронения казненных.

Несколько дней спустя в церкви Богоявления на Гутуевском острове, где казненный о. Василий Медведский был настоятелем в 20-е годы, его брат о. Александр (настоятель Никольского морского собора после войны 1941-1945 гг.) отпевал «невинно убиенных» рабов Божиих Петра, Василия и иже с ними. На панихиде присутствовали некоторые родственники погибших.

Число кадровых офицеров, которых постигла тогда в Ленинграде та же участь, по сведениям родственников, доходило до трехсот²⁾. Многим, подобно полковнику Яковлеву, незадолго до ареста была предложена работа, связанная с их военной профессией.

ПРИМЕЧАНИЯ

Составил Д. Редькин

¹⁾ Здание было построено в 1905-07 по проекту архитектора А.Г. Успенского. Церковь была освящена в честь Михаила Архангела, покровителя полка. В 1916 в полуподвальном этаже был устроен склеп для захоронения погибших на войне офицеров.

²⁾ Для Московского полка, по воспоминаниям современников, была характерна (еще в предвоенные годы) широкая распространенность либеральных, а то и социал-демократических настроений среди как солдат, так и офицеров. «Гуляли» в полку и нелегальные издания. Отчасти это могло объясняться тем, что нижние чины рекрутировались в полк из числа квалифицированных петербургских рабочих, что было вызвано необходимостью обслуживания состоявших в ведении этой части Главных оружейных мастерских. В 1917 в Московском полку не было отмечено ни одного случая ареста, а тем более убийства офицеров, столь обычных для других частей Петроградского гарнизона.

³⁾ Из перезахороненных тогда же назовем еще полковника Владислава Адольфовича Шалевича. Его сын Сергей, художник, в сер. 1920-х был выслан из Ленинграда в Барнаул, вероятно, за происхождение. Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

⁴⁾ Из других офицеров-москвичей, арестованных тогда же, известны имена: полковника Георгия Васильевича Пемеллера (позднее он умер в лагере от заворота кишок) и уроженца Вольни, штабс-капитана Сергея Александровича Угричича-Требинского, дальнейшая судьба которого нам неизвестна. Среди москвичей были и другие варианты жизненных путей. Полковник (капитан?) Мальм ушел в нач. 1918 в Финляндию, в Гражданскую войну воевал на стороне белофиннов. (Оставшаяся в России его жена, урожд. баронесса Эрдберг-Землегурскую, в 1931 арестовали и выслали в Сибирь). Другой офицер того же полка, Челюскин, вскоре после 1917 принял монашеский постриг под именем о. Михаила. Он был арестован в 1932 по какому-то религиозному делу.

⁵⁾ По другим сведениям, 3 (а не 2) мая 1931 в Ленинграде было расстреляно более двух тысяч человек по делу о «заговоре гвардейских офицеров». Называются имена: поручика *Измайловского* полка *Алексея Алексеевича* Кованько (ср. с текстом, возможна абберрация памяти одного или обоих мемуаристов), о котором сообщается, что он писал стихи и переводил Григория Богослова, а также штабс-капитана Семеновского полка *Дмитрия Виссарионовича* Комарова, обвинявшегося в хранении полкового знамени в подвале бывшей Введенской церкви. Одновременно бывших офицеров арестовывали в Москве, а возможно, и в др. городах: в лагерях оказались бывшие генералы и профессора Академии Генштаба Гинс, А.Г. Лигнау, С.Г. Лукирский, Н.П. Сапожников, полковник Уланского полка *Фриш*, ротмистр того же полка *Жуковский*, поручик Павел Иванович Бидо.

ANNEX

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Абаза А.А. 158
Абаза Ю.Ф. 118, 119, 158
Августовский М.И. 72
Агеев К.М. 295
Азеф Е.Ф. 77, 78, 183
Акулов А.В. 250
Акулов И.А. 266
Алевский В.Н. 29, 77
* Алдан-Семенов (Семенов)
А.И. 141, 180, 181
Александр II, имп. 38, 86, 95
Александр III, имп. 110
Александра Иосифовна, вел.
кн. 81
Александра Федоровна, имп.
39, 74, 82
Александров А.Н. 190
Алексеев М.В. 167, 172
Алексей Михайлович, царь
76
Альтфатер В.М. 130, 166, 169
Амвросий, резчик XV в. 288
* Ан-ский — см. Рапшопорт
С.А.
Андерс В. 188
Андреева М.Ф. 325, 327
Андреев Н.А. 72
Андроник (Трубачев), иеро-
монах 275, 277, 292
Аникеева, казачка 218
Анисимов В. А. 246
Аничкова Н.М. 190
Антонов Н.А. 72
Антонов-Овсенко А.В. 258,
268
Анцепович, сов. чиновник
239, 240
Апушкин, подполк. 180
Апушкин В.А. 64, 97, 98
Апушкин Я.В. 98
Арбузов Н.И. 85
* Аргунов (Воронович) А.А.
77, 306, 311
Арцимович В.А. 48-49, 51, 92
Ауэр З.Л. — см. Унковская
Ауэр Л.С. 89, 90
Ауэр М. — см. Унковский
М.С.
Афонасьев (В.Д.?) 15, 16, 68
Бабиевский А.К. 85
Багалей Д.И. 291
Баженов И.И. 212, 213
Бакшеев Е., казак 217, 218
Балакшин П., писатель 252,
253
Балиев Н., участник набега
на Трехречье 217
Балябин Ф.Е. 203
Барановская О.А. 101, 152
Барк П.Л. 44, 75, 86
Барсков Я.Л. 71
Батурина, кузина Лопухина
В.Б. 38
Батюшков Ф.Д. 323, 327,
328, 332, 333
Баумгартен, лицеист 136
Баумгартен Д.Л. фон 175
Бах И.-С. 104
* Бах Р. 327-333
Бегичев Н.А. 162-163
Безобразов, концессионер
91
Бекетова А.А. 121, 159

* Жирным шрифтом набраны номера страниц, где соответствующее лицо выступает как автор или публикатор. Звездочкой отмечены псевдонимы и криптонимы.

- Бекетова М.А. 159
 Бекман-Щербина Е.А. 153
 Белозерский В.М. 290
 Белоусов Е.Я. 106, 155.
 * Белый А. (Бугаев Б.Н.) 294,
 295
 Беляев А.К. 71
 Беляев В.И. 72
 Беляев И.Г. 72
 Беневиц В.Н. 290
 Беневский И.А. 295
 Берг Э.Ф. 85
 Бердяев Н.А. 320
 Бергсон А. 276
 Берия Л.П. 312
 Берлацкий Б.М. 247
 Бернацкий М.В. 82
 Бертельс В.Н. 156
 Бесси-Левина Р.Я. 153
 Бибииков М.М. 158
 Бибикова М.К. 92
 Бидо П.И. 362
 Бинасик В.М. 247
 Бисмарк О. 93
 Блейхредер Г. 49, 93
 Блейхредер С. 93
 Блинов А.В. 72
 Блок А.А. 121, 159
 Блок А.Л. 121, 159
 Блюхер В.К. 250
 Богданов Н.А. 229-230
 Боголепов М.А. 91
 * Боголепов С. 99-190
 Бозин Д.Я. 258
 Болотников Н.Я. 163
 Бонди В.А. 28, 29, 30, 31, 32,
 64, 75, 76
 Бонч-Бруевич В.Д. 301
 Борисов А.А. 47, 90
 Борисов И.Н. 47, 48, 90-92
 Боровичка, чешский офи-
 цер 180
 Боровский А.К. 155
 Бородин А.П. 158
 Боярский В.А. 359
 Бразоль М., знакомая М.Н.
 Квашниной-Самариной
 341-350, 354
 Брейтфус Л.Л. 164
 Брихничев, о. Иона 295
 Бруевич Н.Г. 289
 Бруснев М.И. 162
 Брыкин Н.А. 334, 335
 Брюсов В.Я. 332
 Будберг А.П. 176
 Бүзин (*Бич) Д.С. 245
 Булгаков С.Н. 276
 Булич С.К. 324, 330-331
 Бунге Н.Х. 58, 96, 156
 Бурсак И.Н. 182
 Бурцев В.Л. 77
 * Бурцев Л. 9-98
 Бүтенева М.К. 88
 Бухарин Н.И. 288, 326, 332
 Буш В.В. 324, 331
 Буш Н.А. 324, 331
 Быков Н.И. 292
 Бялыницкий-Бируля (Биру-
 ля) А.А. 161, 163, 164
 Варгин Н.Ф. 74
 Васильев А.К. 17, 70
 Ватаци Э.А. 49, 92
 Введенский А.И. 157
 Вебер С.Ф. 41, 42, 43, 75, 84
 Вейнер А.П. 33, 42, 78
 Вейнер П.П. 78
 Венгеров С.А. 303, 323, 328
 Вениамин, митр. 356
 Вентцель А.Н. 85
 Вергилий 292
 Вердеревский Д.Н. 168, 170
 Вержбицкий, ген. 248
 Вернадский В.И. 275-291
 Вернер Н., з/к 189
 Верховский А.И. 168, 171
 Веселовский Н.И. 163
 Витгинс И. 165
 Вилькицкий А.И. 163
 Вилькицкий Б.А. 164, 165
 Винавер М.Л. 144, 149, 150,
 185, 188
 Виноградов В.В. 189
 Вирен Р.Н. 170
 Висконти Е.А. 25, 36, 37, 48,
 72, 75
 Витте С.Ю., гр. 9, 54, 76, 78,
 79, 83, 90, 91, 94, 156

- Вишняк М.В. 294
 Владимир Александрович,
 вел. кн. 44, 51, 86
 Воблый В.К. 268
 Воеводский С.А. 166
 Воейков А.А. 57, 58, 95
 Воейков С.А. 57, 58, 95
 Войцеховский С.Н. 182, 206,
 247, 248
 Волгин В.П. 276
 Волгин И.Г. 218
 Волжина М.А. 190
 Волкова А.В. (см. Михалко-
 ва А.В.)
 Воллосович К.А. 161, 162
 Вологодский П.В. 175
 * Володарский В. (Гольдш-
 тейн М.М.) 54, 94
 Воросов К.Е. 205, 209, 210,
 245, 246
 Воросова, казачка 209, 210
 Ворошилов К.Е. 189
 Воскова Т.П. 359
 Воскресенский А.Н. 72
 Востротин С.В. 165
 Вышнеградская В.Ф. 156
 Вышнеградский А.И. 156
 Вышнеградский И. А. 110,
 155, 156, 159

 Габриэль С.В. 85
 Гавен Ю.П. 171
 Гагарина М.Н., кн. 88
 Ганневиг Э. 90-92
 Гантимуров, казак 234
 Гантимуров Я., казак, с.-р.
 210
 Гарин Э.П. 157
 Гаськов И.М. 218
 Гедике А.Ф. 153
 Геккер Н.Л. 299, 301
 Георг I, король Греции 81
 Герарди, лицеист 136
 Герасимов А.М. 170
 Герцен А.И. 332
 Гиндин А.М. 80
 Гинцбург (Гинцбург) Г.О.
 48, 92
 Гинс, военный 362

 Гинцбург А.Г., бар. 85
 Гирс М.М. 85
 Гитлер А. 320
 Глазунов А.К. 152
 Глебов, казак 250
 Глебов П.В. 45-47, 87
 Глебов В.П. 87
 Глебова А.И. 47, 89
 Глебова М.А. 45, 46, 87, 89
 Глебова С.Н. 45, 88
 Гленон, амер. адмирал 174
 Гнедич Н.И. 80
 Гнедич П.П. 35, 80, 81
 Гнесина Е.Ф. 190
 Гнесины 153
 Гозулов А.И. 261, 270
 Голинков Д.Л. 77, 84
 Голицын, кн. 338
 Гольденвейзер А.Б. 153
 Горбачев Г.Е. 334, 335
 Горбачевич К.Е. 35, 36, 48,
 80
 Горемыкин И.Л. 33, 34, 75,
 76, 79
 * Горький М. (Пешков А.М.)
 98, 151, 183, 303, 325, 328,
 332
 Грабарь И.Э. 292, 293
 Грей, лорд 133
 Григ Э. 117
 Григорий Богослов 362
 Григорий Нисский 281, 286
 Григорович Д.В. 156
 Григорьев А.В. 72
 Гримм Д.Д. 324, 330, 331
 Гринберг З.К. 323, 324, 325,
 328, 329
 Гришкевич-Трохимовский
 П.М. 71
 * Громов К. 99-190
 Грушевский М.С. 291
 Губарь А.А. 72
 Гукасов А.О. 93
 Гукасов П.О. 93
 Гулак Н.И. 284, 285, 290, 291
 Гулак-Артемовский П.П. 290
 Гулак-Артемовский С.С. 290
 Гумилевский Л.И. 289
 Гүно Ш. 158

- Гуревич З., историк 291
Гуревич Л.Я. 303
Гурулев Г., казак 231
Гучков А.И. 166
Гучков Н.И. 85
- Давидов (Давыдов) К.Ю. 117, 158
Данилевский М.Г. 337
* Деборин (Иоффе) А.М. 276
Демьянов А.А. 67
Деникин А.И. 67, 80, 175, 179
Денисов С.П. 72
Дербер П.Я. 174
Держинский Ф.Э. 144, 149, 150, 184, 185, 190. 324-326. 331
Диаманди К. 70
Дитерихс М.К. 178, 181, 243
Дмитриев В.В. 158
Дмитриева Р.М. 268
Дмитров И.П. 75
* Довнер М. 268
Доливо-Добровольский А. И. 22, 23, 63, 70, 71, 72
Доливо-Добровольский Б. И. 71
Достоевский Ф.М. 158, 296
Дриженко Ф.К. 165
Дурбин Д. 90
- Евгенов Н.И. 166
Евграфов В., солдат 304, 305
Евреинов С.Д. 46, 90
Евреинова Е.И. 46, 90
Еврипид 291
Егунова В.А. 269
Ежов Н.И. 185
Екатерина I, имп. 127
Екатерина II, имп. 27
Елена Павловна, вел. кн. 158
Елизавета Маврикиевна, вел. кн. 81
* Елизаровы М. и С. 275-277, 286-293
Елкин А.С. 169, 180
Ельчанинов А.В. 295
Енукидзе А.С. 266
- Епифанов Г.Г. 71
Ербанов М.Н. 182
Есютин Т.В. 169
Ефремов С.А. 291
- Жаба Н.И. 85
Жаннен (Жанен) М. 177, 179, 180
Жданов М.Е. 91
Жевержева, судакская домовладелица 336, 339, 350
Жерве Б.П. 42, 43, 48, 85
Жигалин А., казак 217
Жигалин П., казак 217
Житков Б.С. 157
Жуковский, ротмистр 362
Журавлев П.Н. 205, 208, 244, 245, 246, 251
Жуч, участник набега на Трехречье 218, 253
- Заболоцкий, предприниматель 50
Забошнин И.П. 347
Закс М.А. 48
Залкинд Г.А. 70
Залкинд И.А. 11, 17, 18, 65, 68, 70, 74
Замятина Е.Д. 95
Занкевич, генерал 179
Засулич В.И. 53, 94, 305
Захаренко М.И. 72
Званцева Е.Н. 153
Звездинский, о. Иоанн 115
Здзеницкий А.В. 72
Зеберг Ф.Г. 161
Зейденберг С.М. 100, 153
* Зеленцов В. 185-188
Зеров Н.К. 292
Зимин С.И. 158
* Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. 269
Зозуля Е.Д. 320
Зорин М.Д. 41, 44, 82, 83
Зощенко М.М. 265, 271
Зубов Н.Н. 166
- Ибсен Г. 296
Иванов А.И. 72

- Иванов М.В. 168
 Иванов Н.И. 72
 Ивановская П.С. 299, 300, 301, 302
 Иванский И.В. 352, 353
 Извольский А.П. 9, 66, 80
 * Изгоев (Ланде А.С.) 324, 327, 331
 Ильинский Л.К. 311
 * Ипполитов-Иванов (Иванов) М.М. 113, 114, 118, 152, 158
 Ирошников М.П. 67
 Ихара, японский генерал 175
 Ишаев В.И. 182
- Кабат (урожд. Сафонова) А.И. 102, 117, 118, 152
 Кабат А.И. 152
 * Каверин (Зильбер) В.А. 69
 Калашников Н.В. 249
 * Каменев Ю. (Розенфельд Л.Б.) 293, 326, 327, 332, 333
 Кандауров Д.П. 93
 Канегиссер Л.С. 94, 301
 Каплан Ф.Х. (* Ф.Е.) 94
 Капнист А., жена Капниста Р.Р. 338
 Капнист А.П., гр. 50, 93, 94
 Капнист В.И. 352
 Капнист М.Р. 189
 Капнист Н., жительница Судака 354
 Капнист П.А., гр. 93, 94
 Капнист Р.Р., гр. 337, 339, 340
 Капнист Э.А., гр. 53, 57, 93, 94
 Капнист-Паскевич, судакская домовладелица 336
 Капель В.О. 142, 178, 181, 182, 206, 247
 Каптерев П.Н. 292
 Каратаев Я.Н., см. Коротаев
 Каратыгин Е.С. 85
 Карева М.П. 67
 Карпинский А.П. 330
- Карташев А.В. 294
 Кауфман А.Е. 323, 324, 328
 Кафталь П.П. 72
 Каянус Р. 119, 120, 159
 Квашнин-Самарин В.Н. 355
 Квашнин-Самарин Е.Н. 336-340, 346, 350, 355
 Квашнин-Самарин И.Н. 356
 Квашнин-Самарин Н.Н. 344, 355
 Квашнин-Самарин Н.П. 337-340, 346, 350, 355
 Квашнин-Самарин П.Н. 349, 355, 356
 Квашнин-Самарин П.П. 349
 Квашнина-Самарина З.Н. 354, 356, 357
 Квашнина-Самарина М.Н. 99, 336-357
 Квашнина-Самарина О.Н. 356
 Квашнины-Самарины 347, 354
 * Квиткин (Петров) О.А. 257, 268
 Керенский А.Ф. 13, 15, 70, 73, 97, 131, 171, 330
 * Киров (Костриков) С.М. 252, 357
 Киселев Т.Ф. 72
 Кистер В.К. 85
 Кладт А.П. 180
 Клафтон А.К. 140, 178
 Клеванский А.Х. 173
 Кленгель Ю. 154
 Климов И., извозчик 108
 Клиберн В. (Клайберн Х.Л.) 153
 Ключев Н.А. 296
 Ключников Ю.В. 72
 Клячко Л.М. (* Львов Л.) 66, 324, 325, 329
 Книпер А.В. 99-190
 Книпер В.К. 101, 147, 188, 189
 Кованько А.А. 360, 362
 Кованько А.М. 360
 Козаков Г.А. 33, 78, 79
 Козловский И.С. 190

- Коковцов В.Н. 9, 28, 76, 77, 84, 175
 Колчак А.В. 72, 80, 99, 100, 123-142, 160-172, 174-182, 242
 Колчак А.Р. 167
 Колчак В.И. 160
 Колчак Р.А. 125, 129, 167
 Колчак С.Ф. 125, 128, 129, 138, 139, 167
 Колчановский Н.П. 62, 72, 96, 97
 * Кольцов (Фридлянд) М.Е. 320
 Комаров Д.В. 362
 Комарова В.Д. 325, 332
 Кондратьев В.А. 180
 Кони А.Ф. 52, 53, 54, 94
 Конингем Г. 174
 Конквест Р. 268
 Константин Константинович, вел. кн. 38, 81
 Константин Николаевич, вел. кн. 38, 54, 81
 Корали, граф 48
 Коркоран, предст. благотв. орг. 253
 Корнилов Л.Г. 132, 172, 184
 Короленко В.Г. 98, 299-301, 302-303, 332, 333
 Короленко Е.С. 300-302
 Коротаев (Каратаев) Я.Н. 208-210, 215, 238, 251, 252
 Корчак-Чепурковский Ю.А. 268
 Коряков М., историк 271
 Костомаров Н.И. 290
 Косыгин А.Н. 270
 Котельников Д.Ф. 165
 Котляревский Н.А. 303
 Краваль И.А. 257, 258, 261, 266
 * Крамер Н. 323-335
 Краснов П.Н. 65, 70
 * Краснощеков (Тобинсон) А. М. 207, 249, 250, 251
 * Крафт Л. 336-357
 Крашенинников П.И. 167
 Крашенинников С.П. 167
 Крашенинникова Е.И. 127, 128, 132, 167
 Крашенинникова М.П. 167
 Крейн Ч.-Р. 157
 * Крепс Р. 294-298
 Кривошеин А.В. 85
 Кристи В.Г. 45, 89
 Кристи Г.И. 89
 Кристи М.А. — см. Глебова М.А.
 Кристи М.Н. 45, 46, 88
 Круг К.А. 287
 Крыжановская, з/к 344
 Крыленко Н.В. 184
 Крылов А.Н. 166, 169
 Ксения Александровна, вел. кн. 75
 Ксенократ 281, 286
 Ксенофонов И.К. 325, 331, 332
 Күблицкая-Пиоттүх С.А. 159
 Күблицкий-Пиоттүх А.А. 159
 Кудашев И.А., кн. 158
 Кудашев Н.А., кн. 174
 Күйбышев В.В. 251
 Күкүшкин, есаул 238, 239
 Күлаков А., казак 217
 Күломзин А.Н. 58, 75, 95, 96
 Күльженко, владелец типографии 316
 Куницын С.П. 212
 Күприн А.И. 333
 Күрганов И.А. 271
 Күрлов П.Г. 9
 Күрман М.В. 257
 Күсковы 340
 Лазарев К.П. 85
 Лазо С.Г. 203, 244
 Ламанский В.И. 163
 Ларионов А.М. 178, 179
 Лацис А., режиссер 189
 Лашкевич Г.Н. 62, 72, 96
 Лашкевич Н.А. 96
 Лебедева-Кияшко Н.П. 203, 244, 245
 Левин И.А. 153
 Лейзерова Э., з/к 189
 Лейкина-Свирская В.Р. 328

- Лемке, предприниматель 51, 52, 55, 59, 60
- * Ленин (Ульянов) В.И. 66, 70, 73, 80, 82, 83, 84, 86, 91, 92, 94, 182, 184, 251, 269, 318, 324, 325, 327, 332, 333, 341
- Лермонтов М.Ю. 131, 329
- Лермонтова В.Н. 88
- Лесли И. — см. Лэсли И.
- Лесман (Лессман) И.А. 155
- * Лесовик С., журналист 246
- Летуновская З.С. 338, 341
- Летуновская М., знакомая Квашниной-Самариной М.Н. 353
- Летуновский Б. з/к 338
- Лешетицкий Т.О. 152
- Лианозов С.Г. 49, 92, 93
- Ливен А.А., светл. кн. 166
- Лившиц Б.К. 320
- Лигнау А.Г. 362
- Лист Ф. 158
- Лифшиц Ф.Д. 257
- Лобачевский Н.И. 288
- Лондон Дж. 160
- Лопатин А.А. 217
- Лопатин Г.А. 303
- Лопухин А.А. 30, 52, 53, 77, 78, 94
- Лопухин Б.А. 10
- Лопухин Б.В. 72
- Лопухин В.Б. 9-98
- Лопухин Е.Б. 75
- Лопухин Н.С. 45, 47, 50, 87
- Лопухин С.А. 87
- Лопухина А.П. 87
- Лопухина В.И. 75
- Лопухина М.В. 72
- Лопухина Н.М. 68
- Лопухина С.А. — см. Трубецкая
- Лоример Ф. 268
- Лосский Н.О. 276
- Лукач Д. 141, 180
- Лукирский С.Г. 362
- Лукомский А.С. 67
- Луначарский А.В. 301, 324, 325, 329, 333
- Лундберг Е.Г. 295
- Лысенко И.К. 71, 72
- Лыткин А.Е. 216, 217
- Лыткин Е.Р. 237
- Лэсли И. 337, 338
- Любимов Д.Н. 49, 93
- Любимов Л.Д. 11, 68, 93
- Любимов Н.А. 93
- Ляхович К.И. 300-302
- Магнушевский Л.К. 239
- Майзель М.Г. 334-335
- Майков А.Н. 156
- * Майский В. (Ляховецкий И.М.) 304, 307-311, 312
- Маккавейский, знакомый Н.Я. Мандельштам 320
- Максимов А.С. 170
- * Максудов 255-271
- Маленков Г.М. 189
- Мальм, офицер 361
- Мальм (урожд. Эрдберг-Землегурская) 361
- Малянтович П.Н. 185
- Мандельштам Н.Я. 315-322
- Мандельштам О.Э. 318, 319, 320
- Маннергейм К.Г.Э. 175
- Манухин И.И. 73
- Манухин С.С. 41, 83
- Мао Дзэдун 220, 224-226
- Марисов А.Н. 72
- Мария Павловна, вел. кн. 86
- Маркин Н.Г. 25, 27, 69, 73, 74
- * Марков О. 185
- Маркс К. 14
- Марш Ф. 93
- Масарик Т.Г. 172
- Маслов Н.Н. 25, 48, 72, 75
- Матисен Ф.А. 164
- Махарина М.И. 104, 155
- Махотин П.Г. 72
- Мгебриев, функционер германского режима 301
- Медведева А.П. 268
- Медведская Н.В. 358-362
- Медведский, о. Александр 361
- Медведский, о. Василий 358, 360

- Мезенцева, волынская помещица 38
 Мейерхольд В.Э. 131, 154, 157
 Меллер-Закомельский А.Н., бар. 199
 Мельгунов С.П. 100, 354
 Менгден, бар. 50, 51, 52
 Менделеев Д.И. 155, 288
 Менжинская Л.Р. 324, 325, 329
 Менжинский В.Р. 34, 71, 80, 329
 Менухин И. 155
 Меркуловы, Н.Д. и С.Д. 178
 Метелица З.С. 245
 Метнер Н.К. 153
 Мижуев П.Г. 326, 333
 Миллер Е.К. 97, 165, 175
 Милюков П.Н. 68, 84
 * Минин Д. 185
 Митькевич Л.И. 292-293
 Митюрев В.И. 72
 Михаил Александрович, вел. кн. 132
 Михайлов, начальник работ 235
 Михайлова, надзирательница 234, 235
 Михайловский Н.К. 303
 Михалков А.В. 89
 Михалков С.В. 45, 89
 Михалкова А.В. 46, 90
 Михалкова А.И. 45
 Михалкова В.И. 89
 Михалкова-Кристи — см. Глебова М.А.
 Михельсон А.А. 359
 Молчанов Н.Е. 85
 Молчанов В.М. 248
 Морозов А.П. 90
 Мотовилов Г.Н. 159
 Мотовилов Н.Г. 159
 Мотылев В.И. 266
 Мунгалов, казак 217
 Мунгалов В.В. 217
 Мунгалов И.А. 213
 Мунгалов И.Л. 217
 Мунгалов И.П. 217
 Мунгалов М.К. 217
 Муравьев Н.В. 83
 Муравьев Н.К. 149, 185, 190
 Муромцев М.И. 72
 Мусоргский М.П. 158
 Мякотин В.А. 311
 Набоков В.Д. 84
 Накашима, японский генерал 175
 Нансен Ф. 161, 165
 Небольсин А.К. 170
 Неклюдов А.В. 9
 Неклюдов М.С. 39, 40, 82
 Некрасов В.И. 71
 Некрасов Н.А. 332
 Некрич А.М. 312
 Немесий Эмесский 281, 286
 Немчинов Н.П. 72
 Непенин А.И. 130, 131, 169, 170
 Нератов А.А. 14, 18, 24, 26, 64, 66, 67, 71
 Нестеров А.Г. 179, 182
 Нестроев, житель Судака 350
 Неупокоев К.К. 165
 Нечаев, ген. 250
 Низами Гянджеви 291
 Никифоров П.М. 206, 248, 249, 251
 Николаев, врач 347
 Николаев А.К. 72
 Николаев Л.В., пианист 153
 Николай I, имп. 81, 109
 Николай II, имп. 53, 112, 167, 304
 Нищенко Б.К. 359
 Нобель Г.Л. 85, 93
 Новгородцев П.И. 276
 Новосельский С.А. 262, 270
 Нога, функционер гетманского режима 301, 302
 Нольде Б.Э., бар. 41, 82, 84
 Ньюман А.Э. 71
 Оболенская Т.В., кж. 88
 Обухова Н.А. 190
 Ойстрах Д.Ф. 190

- Оленин П.В. 162
Олсуфьев Ю.А. 288
Ольга Константиновна, вел.
кн. 38, 39, 81
Ольденбург С.С. 330
Ольденбург С.Ф. 324, 325,
326, 329, 330, 333
Орджоникидзе Г.К. 185
Ориген 286
Орлов А.Н. 71
Осоргина Е.Н. 88
Охитович, оппонент Поли-
ванова Е.Д. 69
- Павлов Г.А. 268
Павловский И.Ф. 291
Павлуновский И.П. 143, 184
Паевский В.В. 262, 270
Пальчинский П.И. 91
Памерский Е.К. 72
Панфилов Е.А. 334
Пастухов П., з/к 189
Патти А. 107, 155
Пашенко Г.Е. 37, 70, 71
Пеликан Н.Е. 89
Пельтье К. 9
Пемеллер Г.В. 361
Пепеляев А.Н. 140, 177, 178,
179, 182
Пепеляев В.Н. 140, 177, 178
179, 181
Пергамент М.Я. 324, 331
Перебоев В.А. 212, 213
Пестковский С.С. 65
Пестриков Н.С. 358
Петерс Я.Х. 184
Петлюра С.В. 321
Петр I, имп. 127, 336
Петров, курьер 23, 24
Петров В., журналист 250
Петров И.П. 72
Петров Н.В. 325, 332
Петров Ф.Н. 63, 72, 97
Петров-Водкин К.С. 153, 154,
157
Петряев А.М. 11, 15, 16, 24,
26, 67, 68, 71
Петухов, казак 198, 199
Пешехонов А.В. 311, 312
- Пешков И.А. 219, 227
Пешков М.А. 151, 189
Пешкова, казачка 227
Пешкова Д.М. 149, 189
Пешкова Е.П. 99, 142-151,
183-185, 188-190
Пешкова М.М. 189
Пилкин В.К. 170
Пинегин Н.В. 164
Пинигин А.Л. 204
Пинигин И.К. 252
Пинигин И.П. 213
Пинигин П.Ф. 217
Пинигин С.Г. 213
Пинигин Т.Г. 210, 211
Плеве В.К. 49, 77, 93
Плеске М.И. 116, 152, 155
Плеске Э.Д. 107, 155
Плеханов Г.В. 171
Погребинский А.П. 10, 12
Подгурский Н.К. 124
Подгурский Н.Л. 165
Подгурский С.К. 85
Покровская Е.П. 75
Покровский Н.Н. 14, 32, 41,
42, 44, 48, 49, 51, 52, 66, 67,
75, 85
Поливанов А.А. 9, 16, 65, 69,
75
Поливанов Е.Д. 16-18, 26, 27
68, 69, 70, 72
Половцев А.А. 84
Полонский Я.П. 156
Поляков Ю.А. 271
Попко И.Д. 153
Попов А.С. 257
Пороховщиков А.А. 158
Потресов А.Н. 303, 327, 333
Прилежаев В.В. 85
Прошер С.М. 76
Птуха М.В. 268
Пу И, имп. 238
Пустоход П.И. 268
Пушкин А.С. 107, 110, 111,
329
- Равич С.Н. (* Ольга) 70
* Радко-Дмитриев Р.Д. (Дми-
триев Р.) 166

- Радлов Э.Л. 276, 288
 Развозов А.В. 129, 168
 Развозова (урожд. фон дер
 Остен-Дризен) М.А. 168
 Раевский А.Н. 71
 Раковский Х.Г. 299, 301, 302
 Раппопорт С.А. 304, 311
 * Раскольников (Ильин) Ф.Ф.
 184
 * Распутин (Новых) Г.Е. 11,
 69, 77, 79, 87, 130, 321
 Ренненкамф П.К. 200, 201
 Репин И.Е. 158
 Римская-Корсакова, жи-
 тельница Судака 349
 Рихтер А.А. 83
 Родзянко М.В. 170
 Родионов Т.Ф. 300, 302
 Розен, бар. 129
 Романов В.В. 129, 160, 168
 Ротшильды 93
 Рошаль С.Г. 184
 Рошко М.А. 92
 Роцаковский М.С. 38, 39, 81
 Рубинштейн А.Г. 158
 Руденко Р.А. 189
 Руставели Ш. 291
 Рыбалтовский Б.Н. 133, 174
 Рыкачев М.А. 163
 Рябушинский П.П. 93

 Сабанин А.В. 42, 62, 63, 72,
 84, 85, 91
 Сабанин Б.В. 85
 Савонаролла 294
 Савинков Б.В. (* Ропшин В.)
 77
 Сазонов С.Д. 9, 34, 37, 39,
 44, 66, 80
 Сазонова А.Б. 37, 75
 Самарина А.Н. 88
 Сапожников В.В. 165
 Сапожников Н.П. 362
 Сафонов, владелец игру-
 шечной лавки 115
 Сафонов В.И. 99, 106-108,
 111, 113-123, 152, 153, 154,
 155, 157, 158, 159, 175

 Сафонов Иван В. 104, 111,
 112, 114, 117, 154, 155
 Сафонов Илья В. 104, 111,
 113, 114, 117, 154, 156, 188
 Сафонов И.И. 111, 153, 154
 Сафонов С.В. 111, 112, 114,
 117, 157
 Сафонова Ал.В. 111, 112, 117,
 121, 122, 123, 157
 Сафонова Ан.В. 109, 111, 112,
 113, 114, 115, 156, 157
 Сафонова А.И. 103, 107-109,
 112, 153
 Сафонова В.В. 102, 105, 108,
 111, 114, 115, 117, 153, 154
 Сафонова В.И. 104, 108, 111,
 120, 153, 158, 159
 Сафонова Е.В. 101, 110, 111,
 153, 157, 188, 189
 Сафонова М.В. 111, 114, 115,
 154, 157
 Сафонова О.В. 104, 111, 131,
 153, 154
 Сахаров И.Н. 183
 Сахаров К.В. 177, 178
 Свентицкий В.П. 294-296,
297-298
 Свердлов Я.М. 171
 Светличный Г.А. 78
 Свечин А.А. 168
 Свешников А.В. 190
 Седов Г.Я. 164, 165
 Семейский В.И. 291
 Семенов Г.М. 175, 178, 179,
 203-205, 242-245, 247, 249,
 250
 Семенов Тян-Шанский В.П.
 90
 Семенов Тян-Шанский П.П.
 163
 Семенченко Ф.А. 71
 Сергеев, чл. ПСР 94
 Сергеев В.С. 159
 Сергеев И.С. 164
 Сергей Александрович, вел.
 кн. 77, 87
 Сергий, митр. 296, 297
 Серебрянский З.Л. 67
 * Сибиряков Н.С. **193-254**

- Симонова Л.Н. 111, 158
Склянский Э.М. 182
Скобелев М.Д. 238
Скопник Н.А. 349
Скопник П.А. 338, 349
Скрябин А.Н. 153, 157
Смирнов, врач 347, 348
Смирнов В.М. 83
Смирнов И.Н. 182, 184
Смородский К.А. 154
Собинов Л.В. 63, 97
Солженицын А.И. 88, 190
Соловьев В.С. 54, 81, 88, 94, 296
Соловьев Ю.Я. 9, 11, 66, 80
* Солодов В. 255-271
Сорокин П.А. 306, 311
Спендиарова В.Л. 336, 349, 350
Сперанский М.М. 193
Спирин Л.М. 172, 271
* Сталин (Джугашвили) И.В. 206, 237, 258, 263, 270
Старченко Н.М. 72
Стасов В.В. 332
Стасов Д.В. 332
Стасова Е.Д. 325, 326, 332
Столыпин П.А. 71, 76, 77, 79, 80
Столыпина О.Б. 75
Стороженко Н., историк 291
Страхов Н.Н. 156
Страшкевич Н.Л. 90
Струве А.О. 72
Струве П.Б. 77, 84
Стэвен Ф. 337, 340
Суворин А.С. 40, 47
Судакевич Ю., з/к 342, 345
Сукин, ген. 247
Султанов Н.В. 331
Султанов Ю.Н. 331
Султанова-Леткова Е.П. 324, 327, 331
Сухомлинов В.А. 9, 97
Сухэ-Батор Д. 227
Сыровы (Сыровой) Я. 177
Сытин И.Д. 115
Таганцев В.Н. 83
Таганцева Л.С. 154
Танака Г. 175
Танеев С.И. 152
Татищев Б.А. 11, 24, 26, 71, 72-74
Таубе В.В. 25, 26, 72, 73
Таубе В.П. 73
Таубе В.Ю. бар. 73
Таубе К.Ф. 74
Таубе, баронесса 26
* Тверяк (Соловьев) А.А. 334, 335
Тейяр де Шарден П. 276
Телесин В.В. 72
Терещенко, бр. 76
Терещенко М.И. 66, 67, 71, 80, 84
Тестов, владелец ресторана 317
Тимирев В.С. 101, 160
Тимирев К.Н. 159
Тимирев С.Н. 101, 123, 124, 128, 130, 132, 133-135, 159, 160, 168, 174
Тимирязев В.И. 41, 83, 84, 85, 269
Типольт А.Н. 270
Тихомиров М.И. 141, 180
Тихонов А.Н. 303
Толль Э.В., бар. 160-162
Толстой А.К. 151
Толстой Л.Н. 88, 145, 296, 329
Тонков В.Н. 325, 332
Топорков К.М. 217, 229, 230
Топоркова, казачка 217
Трепов Д.Ф. 53
Трепов Ф.Ф. 53
Трепова С.Д. 87
Трещенков, жандармский ротмистр 83
* Трофимов Б. 242-254
Трофимов Н.Г. 301
* Троицкий (Бронштейн) Л.Д. 11, 13, 14, 15, 16-21, 23, 24, 26, 63, 64, 65, 69, 70, 71, 73, 173, 182, 251
Трубецкая Л.В., кн. 88

- Трубецкая О.Н., кж. 88
Трубецкая П.В. 88
Трубецкая С.А., кн. 45, 88
Трубецкой Г.Н., кн. 45, 88
Трубецкой Е.Н., кн. 45, 88
Трубецкой К.Г., кн. 88
Трубецкой М.Г., кн. 88
Трубецкой Н.Г., кн. 88
Трубецкой Н.П., кн. 45, 87
Трубецкой П.Н., кн. 45, 88
Трубецкой С.Н., кн. 45, 88, 276, 294
Трупп Е.Л. 247
Трухачев П.Л. 130, 169
Трухачева Е.А. 169
Тряпицын Я.И. 203, 244, 245
Тумашева Е., свинарка 230
Тургенев И.С. 158, 329
Тхоржевский И.И. 85
Тютчев Ф.И. 141, 158
- Угричич-Требинский С.А. 361
Удинцов Ю.Г. 72
Удович И.Ф. 358
Уитмен У. 251
Унгерн фон Штернберг Р.Ф. 185, 228, 253
Ундревич В., историк 67
Унковская А.Н. 46
Унковская А.И. — см. Глебова А.И.
Унковская (урожд. Ауэр) З.Л. 46, 89, 90
Унковская (урожд. Ауэр) М.Л. 46
Унковский И.С. 45, 89
Унковский М.С. 89, 90
Унковский С.И. 46, 89, 90
Урванцев Н.Н. 165
Урицкий М.С. 13, 54, 64, 70, 94, 299, 301
Урланис Б.Ц. 261, 270
Урусов Л.В. 72
Урусов П.Д. 46, 89
Урусов С.Д. 77
Успенский А.Г. 361
Устиненков Я.И. 72
Устрялов Н.В. 178
- Ухтомский Г.П. 71
Уэллс Г.Д. 126, 167
- Фан-дер-Флит В.Я. 39, 81, 82
Федоров А.Я. 208, 210, 211, 212, 215, 252
Федоров К.М. 72
Федосеев Г.Н. 229, 230
Федосеева З.Н. 229, 230
Федотов Б.Ф. 180
Федюкин С.А. 301
Фейт А.А. 186
Фейт А.Ю. 185, 186
Фетерлейн К.К. 72
Фигнер В.Н. 183, 185, 303
Филипченко Ю.А. 290
Филипьев Н.И. 159
Филиппова С.И. 156, 159
Флоренская А.М. 285, 292
Флоренский В.П. 284, 289
Флоренский К.П. 289
Флоренский П.А. 275-277, 278-285, 286-293, 294, 295
Флоринский Д.Т. 62, 63, 72, 97
Флоринский Т.Д. 97
Фриш, полк. 362
- Хазин А.Я. 320, 321
Хазин Е.Я. 320, 321
Хазин Я.А. 315-322
Хайдеггер М. 289
Ханжин М.В. 179
Харитон Б.О. 323, 328-329
Харитон Ю.Б. 329
Харитоненко П.И. 112, 158
Хенсон, генер. консул 253
Холщевников И.В. 200, 201
Хорват Д.Л. 133, 134, 174, 175, 243
Храбровицкий А.В. 98, 299-302
Хрущев Н.С. 189, 224, 321
- Церетели, кж. 347, 348
Цецилия, христ. святая 115, 158
Циглер К.В. 72
Цингер Н.Я. 163
Цомакион В.С. 36-38, 81

- Чаев С.Н. 49, 93
 Чайковский Н.В. 303
 Чайковский П.И. 117, 152, 153, 158
 Чапаев В.И. 238
 Чекваидзе Ю. (Джили Д.) 157
 Чельцов Ю.М. 72
 Челюскин, офицер 361
 Чемерзин А.Я. 65
 Чемерзин Б.А. 13, 14, 65
 Червен-Водали А.А. 178, 179
 Черепанов, казак 238
 Чернов В.М. 77
 Чернышевский Н.Г. 332
 Чернышев Ф.Н. 163
 Черткова А.Н. 88
 Чехов А.П. 153
 Чжан Сюэлян 220, 238
 Чжан Цзолин 220
 Чичерин Г.В. 65
 Чойбалсан Х. 227
 Чудновский С.Г. 167, 182
 * Чуковский К.И. (Корнейчуков Н.В.) 157
 Чупров А.И. 153
- Шавельский В.И.** 71
 Шалевич В.А. 361
 Шалевич С.В. 361
 Шателен С.А. 44, 51, 61, 85, 86
 Шацкая В.Н. 190
 Шацкий Б.Е. 85
 Швабах Г. 93
 Шебалин М.П. 302
 Шебалина М.О. 302
 Шевченко Т.Г. 291
 Шейнман А.Л. 83
 Шекспир У. 322
 Шеломенцев, казак 214
 Шемелин И., казак 199
 Шиллинг М.Ф. 44, 75, 87
 Шилов Д.С. 252
 Шилов С.С. 208, 252
 Шинкарев Л.И. 179, 182
- Шипов И.П. 34, 79, 80
 Ширямов А.А. 182
 Шитов М.В. 217
 Шишко К., участник сов.-финл. переговоров 83
 Шмидт, домовладелец 112
 * Шмидт К. 303-312
 Шмидт П.П. 170
 Шокальский Ю.М. 163
 Шорин В.И. 84
 Шостакович Д.Д. 190
 Шотман А.В. 83
 Шрейбер К.С. 209, 247
 Штюрмер Б.В. 44, 66, 71, 78, 87
 Шубина Н.С. 268
 Шульгин В.В. 84
 Шумиловский Л.И. 178
- Щастный А.М.** 168
 Щелкунов Н.Н. 72
 Щербатова В.А., кж. 88
 Щербатской Ф.И. 163, 276
- Эбергард А.А. 167
 Эверарди К. 117, 154, 158
 Эйхе Г.Х. 249, 251
 Элиава Ш.З. 83
 Энкель К. 82
 Эпов И.А. 213
 Эрдели К.А. 190
 Эрдман Б.Р. 157
 Эренбург И.Г. 320
 Эрн В.Ф. 294, 295
 Эссен Н.О., фон 123, 160, 166, 169
- Юденич Н.Н.** 175
 Юдин Н.П. 71
 Юсупов И. 98
- Яблочков П.Н.** 288
 Ягода Г.Г. 145, 188
 Яковлев П.М. 358-362
 Ярошенко Н.А. 103, 154
 Ярошинский К.К. 28-31, 44, 75-76
 Ясинский И.И. 75

АННОТАЦИИ

В о с п о м и н а н и я

В.Б. Лопухин. ПОСЛЕ 25 ОКТЯБРЯ. Публикация Л. Бурцева.

Автор, один из ведущих сановников старого МИД, повествует о днях захвата внешнеполитического ведомства большевиками и о своих последующих попытках найти себе применение в сфере частного предпринимательства (1918). В Примечаниях, содержащих, по возможности, подробные биографические справки об упоминаемых лицах, собран предварительный материал для социологического изучения судеб русской бюрократии и дворянства начала XX века. 4 + 52 + 34 с.

А.В. Книпер. ФРАГМЕНТЫ ВОСПОМИНАНИЙ. Публикация К. Громова и С. Боголепова.

Автор, дочь пианиста и дирижера В.И. Сафонова, возлюбленная адмирала Колчака, описывает свое детство и семью, отношения с А.В. Колчаком (в 1915-20) и Е.П. Пешковой (в 1921-65). В Примечаниях — сведения о московских дворянах и деятелях русского искусства конца XIX — начала XX вв., малоизвестные материалы к биографии Колчака (полярные экспедиции, работа на флоте), попытки нетрадиционного освещения некоторых событий Гражданской войны, новые данные о деятельности Политического Красного Креста. 3 + 51 + 39 с.

С т а т ь и и и с с л е д о в а н и я

Н.С. Сибиряков. КОНЕЦ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА. Примечания Б. Трофимова.

В основе статьи лежат воспоминания и устные свидетельства, собранные автором, 26 лет проведенным в заключении

и ссылке. Прослежена судьба забайкальских казаков как на советской территории, так и в пределах Маньчжурии (Трехречье), вплоть до конца 1960-х. Затронуты события Гражданской войны, раскулачивание, жизнь казаков на поселении, советские карательные экспедиции в Трехречье. В центре внимания — моральные аспекты происходивших событий. 1 + 49 + 13 с.

Максудов, Солодов. НАЧАЛО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОГО: ПЕРЕПИСЬ.

Авторы рассматривают результаты переписи 1937-го года, методы ее проведения и влияние государственной политики на судьбу советской статистики. 13 + 5 с.

М а т е р и а л ы к и с т о р и и к у л ь т у р ы

ПИСЬМА П.А. ФЛОРЕНСКОГО В.И. ВЕРНАДСКОМУ. По материалам Д.Д. Предисловие и примечания М. и С. Елизаровых.

Дают представление о диалоге между двумя крупнейшими русскими мыслителями XX в., затрагивающем фундаментальные вопросы мирозерцания. 3 + 8 + 8 с.

В.П. Свентицкий. ПРЕДСМЕРТНЫЕ ПИСЬМА. Публикация Р. Крепса.

Написанные в 1931 известным в начале XX в. православным экстремистом, содержат смиренную мольбу о возвращении в лоно Церкви. 3 + 2 с.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА В.Г. КОРОЛЕНКО. Публикация А.В. Храбровицкого.

Знаменитый русский писатель делится с литератором Н.Л. Геккером (1918) и своей женой Е.С. Короленко (1919) мыслями о нравственном значении событий Гражданской войны. 3 + 2 с.

ЮБИЛЕЙ «РУССКОГО БОГАТСТВА» В 1918 ГОДУ. Публикация К. Шмидта.

Письма в редакцию журнала дают представление об идеях конфликтах революционного времени. 2 + 7 + 2 с.

Собрание разнородных материалов по истории страны в 1910-1940-е годы. Затронуты темы преследований, жертвами которых стали писатели и ученые (Петроград, 1919), дворянство (Крым, 1920-21), бывшие офицеры (Ленинград, 1931); истории нравов (этика литературной среды от 1918 до 1937), и т.д. Раздел открывается воспоминаниями Н.Я. Мандельштам о своем отце-адвокате. 48 с.

ANNOTATIONS

M e m o i r s

V.B. Lopukhin. AFTER 25th OCTOBER. Publication by L. Burtsev.

The author is one of the highest officials of the former Ministry of Foreign Affairs. In his memoirs he recounts the days when the department of Foreign Affairs was taken over by Bolsheviks. He tells about his attempts to apply his skills in the field of private enterprise (1918). The footnotes contain detailed biographical material about people mentioned in the memoirs. These footnotes can also be used as basic material for sociological research into the fortunes of the Russian bureaucracy and nobility at the beginning of the 20th century. 4 + 52 + 34 pp.

A.V. Kniper. EXTRACTS FROM MEMOIRS. Publication by K. Gromov and S. Bogolepov.

The author is the daughter of the pianist and conductor V.I. Safonov, and the beloved of Admiral Kolchak. She describes her childhood, her family and her relations with A.V. Kolchak (during 1915-20) and with E.P. Peshkova (during the years 1921-65). The footnotes contain information about the Moscow nobility and Russian intellectuals at the end the 19th to the beginning of the 20th century, and less known facts of Kolchak's life (Polar expeditions, service in the Fleet), new facts about the activities of the Political Red Cross. There are also attempts to describe several events of the Civil War in a non-traditional way. 3 + 51 + 39 pp.

N.S. Sibriakov. THE END OF ZABAIKAL COSSACKS HOST.
Footnotes by B. Trofimov.

The author of this article, who spent 26 years in prison and exile in Siberia, collected reminiscences and verbal evidence on the life of Zabaikal Cossacks — not only on Soviet territories but in Manchuria as well, till the end of 1960. He deals with the question of the dispossession of the Kulaks, the Civil War, the life of Cossacks in exile, and Soviet punitive expeditions in Manchuria. At the centre of his attention are the moral aspects of all these events. 1 + 49 + 13 pp.

Maksudov, Solodov. THE BEGINNING OF 1937 : THE POPULATION CENSUS.

The authors describe the results of the population census in 1937 and observe the methods of Soviet official statistics influenced by the governmental policy. 13 + 5 pp.

From the history of culture

LETTERS OF P.A. FLORENSKY TO V.I. VERNADSKY.
According to the materials supplied by D.D. Preface and footnotes by M. and S. Elizarov.

The authors comment upon a dialogue between two outstanding Russian philosophers which deals with the fundamental questions of world-outlook. 3 + 8 + 8 pp.

V.P. Sventitsky. LETTERS BEFORE THE DEATH. Publication by R. Kreps.

The letters were written in 1931 by the orthodox extremist, who was famous at the beginning of the 20th century, and they contain an entreaty about the absolution and the possibility to return to the « bosom of the church ». 3 + 2 pp.

THE UNKNOWN LETTERS OF V.G. KOROLENKO. Publication by A.V. Khrabrovitsky.

The correspondence of the famous Russian writer V.G. Korolenko with his wife E.S. Korolenko (1919) and one of his

friends, a man of letters N.L. Gekker (1918) about the moral aspects and meaning of the Civil War. 3 + 2 pp.

THE JUBILEE OF « RUSSKOYE BOGATSTVO » IN 1918.
Publication by K. Shmidt.

The letters to the editorial board of « Russkoye bogatstvo » give an idea of the intellectual confrontation in the beginning of revolutionnary years. 2 + 7 + 2 pp.

V a r i a

A collection of various materials about the history of the country during 1910-1940s. It deals with the subjects of the repressions of the writers and scientists in Petrograd in 1919 ; of the nobility in Crimea in 1920-21 ; of the officers of the old regime in Leningrad in 1931. There are also materials about the ethical attitude of the literary world between 1918-1937, etc. Varia begins with reminiscences by N.Ya. Mandelstam about her lawyer-father. 48 pp.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Воспоминания	
В.Б. Лопухин. ПОСЛЕ 25 ОКТЯБРЯ. Публикация Л. Бурцева	9
А.В. Книпер. ФРАГМЕНТЫ ВОСПОМИНАНИЙ. Публикация К. Громова и С. Боголепова	99
Исследования и статьи	
Н.С. Сибиряков. КОНЕЦ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА. Примечания Б. Трофимова	193
Максудов, Солодов. НАЧАЛО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОГО: ПЕРЕПИСЬ	255
Материалы к истории культуры	
ПИСЬМА П.А. ФЛОРЕНСКОГО В.И. ВЕРНАДСКОМУ. По материалам Д.Д. Предисловие и примечания М. и С. Елизаровых	275
В.П. Свентицкий. ПРЕДСМЕРТНЫЕ ПИСЬМА. Публикация Р. Крепса	294
НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА В.Г. КОРОЛЕНКО. Публикация А.В. Храбровицкого	299
ЮБИЛЕЙ «РУССКОГО БОГАТСТВА» В 1918 ГОДУ. Публикация К. Шмидта	303
Varia	
Н.Я. Мандельштам. ОТЕЦ	315
ДВА ЭПИЗОДА ИЗ ЖИЗНИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ. Публикация Н. Крамера и Р. Баха	323

М.Н. Квашнина-Самарина. В КРАСНОМ КРЫМУ. Публикация Л. Крафта	336
ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ Л.-ГВ. МОСКОВСКОГО ПОЛКА	358

Аппех

Указатель имен	363
Аннотации	376

МИНУВШЕЕ

Исторический альманах. I.

Фотоофсет. Редактор Т. В. Х о р д и н а. Художественный редактор В. К. К у з -
н е ц о в. Технический редактор Д. Я. Б е л и л о в с к а я.

ИБ № 19120. Подписано в печать 08.08.90. Формат 60x90 1/16. Бумага офсет-
ная № 1. Печать офсетная. Печ. л. 24,0. Кр.-отт. 24,0. Уч.-изд. л. 23,75. Тираж
50000 экз. Заказ № 651 Цена 7 р. Изд. № 47987.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Прогресс" Государственно-
го комитета СССР по печати. 119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.
Совместное предприятие "Феникс" 103009, Москва, Тверская ул. 6 строение 7.
Московская Ордена Трудового Красного Знамени Московская типография № 7
"Искра революции" В/О "Совэкспорткнига" Государственного комитета СССР
по печати. 121019, Москва, Аксаков пер., 13.